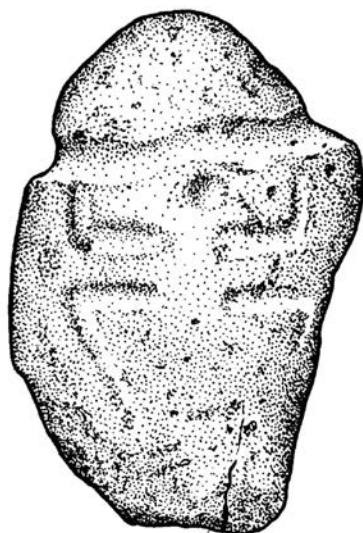

Луганский государственный университет имени Владимира Даля

Санжаров С.Н., Черных Е.А.

**КУРГАННЫЕ ДРЕВНОСТИ ЭПОХИ БРОНЗЫ
ПРИВОЛЬНЯНСКОЙ ИЗЛУЧИНЫ
СЕВЕРСКОГО ДОНЦА**

Монография

Луганск
Издательство ЛГУ им. В. Даля
Издатель Евгений Черных
2021

УДК 903.5 «637» (477.61)
ББК 63.442.6 (4Укр 55)
С182

Рекомендовано Ученым советом Луганского государственного университета
имени Владимира Даля (протокол № 1 от 02.10.2020 г.)

Ответственный редактор:

Кияшко В.Я., кандидат исторических наук, профессор, научный консультант РРОО «Донское археологическое общество».

Рецензенты:

Кияшко А.В., доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и истории древнего мира Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Южный федеральный университет».

Шишлина Н.И., доктор исторических наук, заведующая отделом археологических памятников Федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный исторический музей».

С182 **Курганные древности эпохи бронзы Привольнянской излучины Северского Донца:** монография/ Санжаров С.Н., Черных Е.А. - Луганск: Изд-во ЛГУ им. В. Даля, 2021. - 276 с.; ил. 64; фото 46; библиогр. назв. 325.

ISBN 978-5-600-02873-9

В монографии приводится всесторонний анализ комплексов курганов и погребений, исследованных Далевским университетом на территории Привольнянской излучины русла Северского Донца. Представленные памятники рассматриваются на широком фоне синхронных погребальных древностей Подонцовья и сопредельных регионов. Авторы анализируют различные аспекты происхождения и развития ведущих культурно-исторических образований эпохи бронзы Донбасса и выделяют Луганский (бассейн Лугани) и Привольнянско-Лисичанский (район Привольнянской излучины) центры раннекатакомбного культурогенеза в общих границах донецкого очага эпохи раннего бронзового века.

Книга рассчитана на археологов, культурологов, преподавателей и студентов высших учебных заведений, музейных сотрудников, всех тех, кто интересуется археологией и историей Донбасса.

**УДК 903.5 «637» (477.61)
ББК 63.442.6 (4Укр 55)**

ISBN 978-5-600-02873-9

© Санжаров С.Н., Черных Е.А., 2021
© ЛГУ им. В. Даля, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Глава 1. Курганы Привольнянской излучины	10
1.1. Могильник у Лисичанского желатинового завода (ЛЖЗ)	10
1.2. Курган в Лисичанске близ пос. Берёзово	69
1.3. Могильник в Лисичанске близ пос. Шкляр	84
1.4. Курган у Лисичанского пивоваренного завода (ЛИСПИ)	103
1.5. Курган из могильника у с. Шипиловка	122
Глава 2. Лисичанский идол	141
Глава 3. Сопоставление и интерпретация курганных древностей	152
3.1. Погребальные памятники раннекатакомбного периода	152
3.1.1. Курганная архитектура и планировка погребений	155
3.1.2. Погребальные конструкции	162
3.1.3. Закупорка погребальных камер	178
3.1.4. Погребальный обряд	183
3.1.5. Керамические сосуды	193
3.1.6. Металлические изделия	195
3.1.7. Предметы из камня, кремня, рога и кости	210
3.1.8. Специфика Привольнянско-Лисичанского центра донецкого очага раннекатакомбного культурогенеза	216

3.2. Позднекатакомбные древности _____	220
3.3. Захоронения финальнокатакомбного времени _____	229
3.4. Посткатакомбные и финальноабашевские погребения _____	235
3.5. Срубные развитые и поздние древности _____	242
Заключение _____	247
Conclusion _____	250
Список использованных источников _____	253
Перечень условных сокращений _____	275

ВВЕДЕНИЕ

Одним из основных мест обитания на Среднерусской возвышенности, источником воды, пропитания и жизненно важных ресурсов для древних коллективов, базирующихся на производящих видах хозяйственной деятельности, был бассейн Северского Донца. Молчаливыми свидетелями тех далёких эпох являются седые курганы, разбросанные по просторам донецких степей на высоких гребнях водоразделов, составляющие неотъемлемый историко-культурный атрибут местного ландшафта. Они были не только традиционными местами захоронений – могильниками, но и святилищами с установленными на вершинах каменными стелами и изваяниями. По древним поверьям курганы представляли своеобразную модель Вселенной, соединяя в себе три мира – нижний (подземный), средний с его земными обитателями и верхний, небесный, полусферический, на котором жрецы совершали свои обряды и поклонялись верховным божествам Солнца, Земного и Загробного миров. В народных преданиях Донбасса курганы всегда окружал ореол таинственности – распространялись легенды о ценных дарах, драгоценном оружии и золотых кладах, скрытых в курганах-могилах, о мифических богатырях и героях, нашедших свой вечный покой под высокими рукотворными насыпями **[Усачук, Полидович, Колесник, 2004, с. 45, 48]**.

Северский Донец считается самым крупным правым притоком Дона и протекает по юго-западному склону Среднерусской возвышенности, достигая в длину 1053 км. Рельеф возвышенности представляет волнистую равнину с многочисленными долинами рек и оврагов. Правый берег реки высокий, разрезанный на отдельные участки глубокими балками. Его меловые откосы почти лишены растительного покрова, что дало повод для местного названия – Белогорье. В средние века бытовало другое наименование – Аланские горы. Левый берег пологий с обширной увлажнённой поймой, богатой растительностью, усеян старичными озерами и болотцами, берега которых окаймлены водно-болотными растениями, луговыми травами с представителями лесной флоры. Среди них сохранились массивы рощ из дуба, ивы, вяза, ольхи, берёзы и сосны. Значительная часть всего Донецкого левобережья ранее была облеснена **[Кириков, 1979, с. 99-102]**.

Высокий берег правобережья сложен из плотных пород карбона и соответствует северным отрогам Донецкого кряжа или Донецкой возвышенности, ориентированных субшироотно. Абсолютные отметки здесь порой превышают 300 м. В геологическом отношении Донецкий кряж находится в зоне различных тектонических структур – породы смяты в складки и разбиты разрывными разрушениями. Локальный подъём отдельных участков имеет купольный характер и особо выражен на примере поднятия Привольнянского и Лисичанского куполов. Выходящие на поверхность породы выделяются объемной

трещиноватостью, пористостью и высокой степенью выветривания. Отложения палеогена представлены глинами, мергелями, песчаниками и песками. Вся их толща оказалась в зоне выветривания и отличается существенной деформацией и слабой прочностью механических свойств, т.е. рыхлостью [Фисуненко, Жадан, 1994, с. 35, 64, 72-73].

В своём устремлении к Дону Северский Донец в среднем течении неоднократно встречает плотные меловые складки возвышенных северных отрогов Донецкого кряжа и пытается их обходить, петлять, русло становится узким с частыми изломами, изгибами и излучинами. В районе Кривой Луки и Дроновки река начинает формировать Привольнянскую излучину – один из основных своих северных выступов. Близ Серебрянки Северский Донец, подстраиваясь под геологическую структуру массивного отрога кряжа, вынужден сделать резкий поворот на север от своего основного направления на юго-восток. Здесь река, подмывая плотный коренной берег, огибают крупный участок правобережья с западной, северной и восточной сторон, резко направляется на юго-юго-восток вплоть до Белой Горы и Устиновки, откуда снова устремляется на юго-восток.

Сформированная руслом Северского Донца Привольнянская излучина представляет особый возвышенный природный микрорайон правого берега, глубоко выступающий на север в увлажнённую левобережную пойменную зону, своеобразный степной полуостров, омываемый с трёх сторон рекой.

В широтном направлении южное основание рассматриваемого региона примерно ограничивается расстоянием между Серебрянкой-Северском на западе и Лисичанском-Белой Горой на востоке, составляющим 25 км. В глубину на север выступ излучины простирается на 20 км до Приволья. Общая площадь территории излучины составляет 500 кв. км. Одной из её особенностей является богатый степной покров разнотравья на увлажнённых черноземных почвах, средний прирост которых в эпоху ранней бронзы, установленный на основе анализов подкурганых погребенных почв Подонцовья, составлял 6,18 мм в столетие [Мерперт, Смирнов, 1960, с. 13].

Обильная увлажнённость территории излучины обязана тому обстоятельству, что в зонах активного выветривания, распространяющегося в глубину от 10 до 70 м, к которым и относится район поднятия Привольнянского и Лисичанского куполов, все породы приобрели высокую степень динамометафорфизма с активным водообменом между различными горизонтами. В результате в составляющих породах сформировался единый водоносный горизонт, дренированный многочисленными балками с часто встречаемыми источниками [Фисуненко, Жадан, 1994, с. 93].

На поверхности Привольнянской излучины протекают три степные речки с притоками – Беленькая, Каменка и Крутенькая, находятся балки и овраги с ручьями – Ольховая, Большой Суходол, Кампанеевская, Плотка, Рубежная, Сёмкина, Воронов овраг и свыше 20 родников. Проводивший в 70-е годы прошлого столетия археологические раскопки могильников на высоких водораздельных плато у Лисичанска, Тополёвки и Приволья известный ученый С.Н. Братченко вынужден был отметить необычную для

Донецкого правобережья особенность региона – высокий уровень грунтовых вод, местами выходящих на поверхность, и даже заросли камыша на уровне горизонталей 170-175 м [Братченко, 2001, с. 20; Братченко, Санжаров, 2001, с. 4].

Эти природные условия излучины оказались весьма благоприятными для жизнедеятельности скотоводческих племен с сезонным характером организации выпаса стад, когда летние пастбища расположены на степных водораздельных плато с выходами источников вблизи родовых курганных могильников, а зимние вместе с зимовниками находятся в низменной припойменной донецкой зоне.

Рельеф Привольнянской излучины заметно выделяется повышенной концентрацией курганных могильников – свидетельства интенсивного хозяйствования древних скотоводов бронзового века данной территории. На военных картах 1943 г. в пределах излучины зафиксировано свыше 100 курганов высотой 0,7 м и более. Насыпи меньших размеров не определялись и не учитывались. Не менее 200 курганов на территории излучины насчитывается на трехверстных картах Генерального штаба второй половины 19 века. При точности измерений около 50-200 м невысокие насыпи просто не фиксировались. Отдельные крупные и высокие курганы имели собственные названия – Могила Долгая, Могила Острая, Могила Толстая. К сожалению, множество курганов данного региона было уничтожено в период бурного промышленного развития Донбасса.

Некоторые крупные курганы излучины имеют значительные размеры и высоту около 5 м, что довольно редко для Среднего Подонцовья. До настоящего времени в Лисичанске вблизи городской автостанции сохранился семиметровый курган-исполин, со всех сторон обрезанный гражданской застройкой. Ещё недавно пятиметровые курганы были зафиксированы в зоне строительства Лисичанского нефтеперегонного завода [Клименко, 1997, с. 6] и около хлебозавода [Шаталин, 1973]. Курганы высотой 4 м расположены на возвышенном плато вблизи Лисичанского желатинового завода [Санжаров, Черных, Леоненко, 2007, с. 18] и у Приволья [Братченко, 2001, с. 11]. При этом, высокие курганы в бассейне Лугани не сконцентрированы на локальной территории, а рассеяны на большой площади. Известны шестиметровый курган в низовьях Лугани около Николаевки [Братченко, 2009, с. 139] и два четырёхметровых в верхнем и среднем её течении у Александровска [Братченко, 2001, с. 9] и Чернухино [Гершкович, 1996, с. 135].

С Привольнянской излучиной Северского Донца связаны и значительные вехи средневековой истории. По проторенным на протяжении тысячелетий основным направлениям передвижения и миграции племен бронзового века с юга на север через излучину проходила Кальмиусская сакма (дорога), начинающаяся от приазовских степей. По водоразделам Кальмиуса она направлялась в центральную часть территории излучины и здесь в верховьях балок Рубежная и Малый Суходол разветвлялась на два направления. Одно из них, самое позднее, описано в «Книге Большому Чертежу» и указывает на поворот к востоку через балку Рубежную и далее вверх по реке Боровой на север к Москве [Каленюк, Ломако, 2009, с. 3-7]. Второе направление, более древнее, свидетельствует

о повороте на запад по балкам Малый и Большой Суходол к реке Красной и на север в Великую Русь. На северном склоне Большого Суходола располагалось половецкое святилище из каменно-земляных насыпей и каменных изваяний. Южнее Шипиловки была устроена полевая ставка верховного правителя Золотой Орды хана Абдаллаха, датированная концом 60-х – серединой 70-х годов XIV века [**Санжаров, 2018, с. 130-131**].

Длительное время регион являлся белым пятном на археологической карте Подонцовья, пока в начале XX века перед московским профессором В.А. Городцовым не была поставлена задача установления взаимосвязи между каменными изваяниями на донецких курганах и содержащихся в них погребальных древностей. В 1901 и 1903 годах перед проведением XII и XIII Археологических съездов России В.А. Городцов осуществил широкомасштабные для того периода раскопки курганов по Северскому Донцу и на основании полученных результатов выделил на юге Восточной Европы палеометаллическую эпоху, разграничил этапы ранней и развитой бронзы, вычленил из общей массы захоронений погребения ямной, катакомбной и срубной археологических культур [**Городцов, 1905, с. 174-225; 1907, с. 211-365; 1910, с. 16**]. Исследованные им курганы у Родионовки и Каменки находились вблизи юго-западной оконечности излучины.

С середины 70-х годов прошлого столетия в связи с развитием законодательства по охране памятников истории и культуры непосредственно на территории излучины начинают полномасштабные раскопки курганов в зонах промышленного и мелиоративного строительства. В 1973 г. Северскодонецкая экспедиция Института археологии АН УССР исследовала два кургана на площади Лисичанского нефтеперегонного завода [**Гладких, Писларий, Кротова, 1973**], а Ю.А. Шаталин раскопал два кургана в урочище Высокий лес у Лисичанского хлебозавода [**Шаталин, 1973**]. В 1975 г. В.Ф. Клименко завершил раскопки еще двух курганов у нефтеперегонного завода [**Клименко, 1997, с. 6-30**]. Весной 1975 г. Северскодонецкая экспедиция занималась раскопками 11 курганов на площадках мелиоративного строительства близ Приволья [**Писларий, Братченко, Зельдина, Смирнов, 1975**]. В 1979 г. между Серебрянкой и Северском экспедиция Донецкого университета исследовала разрушенный курган [**Санжаров, 1983, с. 202-207**]. В 1980 г. у Тополёвки был раскопан ещё один курган [**Писларий, Дубовская, Смирнов, 1980**]. Разрушающийся курган около Приволья изучен В.К. Кульбакой в 1991 г. [**Кульбака, Качур, 2002, с. 175**].

Всего к началу нашего столетия на территории Привольнянской излучины было исследовано 18 курганов, содержащих преимущественно захоронения бронзового века. Наиболее древние из них относятся к раннему этапу эпохи бронзы и атрибутируются позднеямными и раннекатакомбными древностями. Лишь два погребения определены в качестве позднекочевнических. К сожалению, основная часть этих материалов на данный момент является неопубликованной и полностью в научный оборот не введена.

В 2006 г. к изучению разрушающихся курганов данного региона подключился коллектив Археологического научно-исследовательского центра «Наследие» Далековского университета. Исследования курганных могильников осуществлялись на основе договора о сотрудниче-

стве с Лисичанской мэрией при активной поддержке и разносторонней помощи куратора проекта со стороны мэрии, главного архитектора Лисичанска Н.Н. Ломако. В 2006-2007 годах южнее Лисичанского желатинового завода удалось осуществить раскопки 7 курганов [Санжаров, Черных, Леоненко, 2007, с. 18-21]. Одиночный курган в Лисичанске близ пос. Берёзово был исследован в 2008 г. [Черных, Санжаров, 2008, с. 13-16]. В 2010 г. раскопано три кургана – два в Лисичанске у пос. Шкляр и один около Лисичанского пивоваренного завода [Черных, Санжаров, Стадник, Прынь, Бритюк, 2010, с. 15-21]. Курган близ Шипиловки исследован в 2013 г. [Санжаров, Дубровский, Рындыч, Стадник А., Стадник О., Черных, 2013].

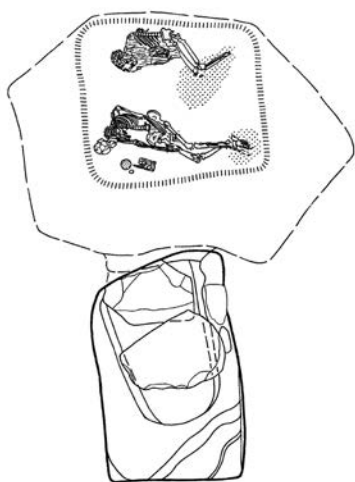
Несмотря на публикацию отдельных материалов из исследованных Далевским университетом 12 курганов [Санжаров, 2009, с. 32-43; Черных, Санжаров, 2009, с. 123-141; Черных, Санжаров, Рындыч, Дубровский, 2013, с. 153-177; Литвиненко, Санжаров, Усачук, 2013, с. 180-198], задача полновесной публикации общих результатов полевых исследований, определенная в числе первостепенных С.Н. Братченко еще в конце прошлого столетия [Братченко, 1985, с. 75], а также их интерпретация на фоне современного комплекса погребальных источников бронзового века представляется достаточно актуальной и содействует созданию обобщающих работ широкого регионального масштаба. Ввод в научный оборот качественно новых погребальных древностей с территории Привольнянской излучины Северского Донца как отдельно взятого природно-географического и исторического региона Донбасса позволит произвести широкий сопоставительный анализ древних захоронений, уточнить схему культурно-хронологического развития племён эпохи бронзы обширной зоны южной степной полосы Восточной Европы. На этой территории на протяжении тысячелетий укреплялись традиции межкультурных связей с кавказским (переднеазиатским) и волго-уральским очагами цивилизаций эпохи энеолита-бронзы, происходило становление и развитие собственного донецко-днепровского очага культуругенеза [Отрощенко, 2005, с. 36-37], включающего и первичный очаг раннекатакомбного культуругенеза, создавшего условия для возникновения крупного донецко-донского катакомбного образования [Братченко, 2001, с. 77]. Культурные изменения, происходившие здесь уже на рубеже средней-поздней бронзы, имели не региональный, а евразийский масштаб [Отрощенко, 1999, с. 77-78].

Авторы признательны археологам-профессионалам А.Д. Пряхину, В.В. Отрощенко, Я.П. Гершковичу и Р.А. Литвиненко, которые в течение ряда лет посещали наши исследования курганов в окрестностях Лисичанска, за дельные рекомендации и пожелания.

Неоценимую помощь в организации и проведении исследований курганов и погребений Привольнянской излучины оказали активные помощники и сотрудники научно-исследовательского центра «Наследие» – Н.Н. Ломако, В.Р. Иваницкий, А.А. Бритюк, А.И. Стадник, О.В. Стадник, С.А. Черных, В.А. Черных, Ю.А. Кушелев, А.В. Прынь, А.С. Рындыч, П.С. Дубровский, Р.В. Пономарёв, А.О. Бойчук, М.О. Прынь, М.Н. Бойчук, Ю.А. Леоненко-Рубан, В.А. Долженко, А.С. Беспалов, В.В. Зенчугов, В.С. Мальцев, Н.А. Корсун, И.С. Луговой, Д.Н. Ищенко, В.И. Денисов, М.В. Ишичкин, за что мы им искренне благодарны.

ГЛАВА 1.

КУРГАНЫ ПРИВОЛЬНЯНСКОЙ ИЗЛУЧИНЫ

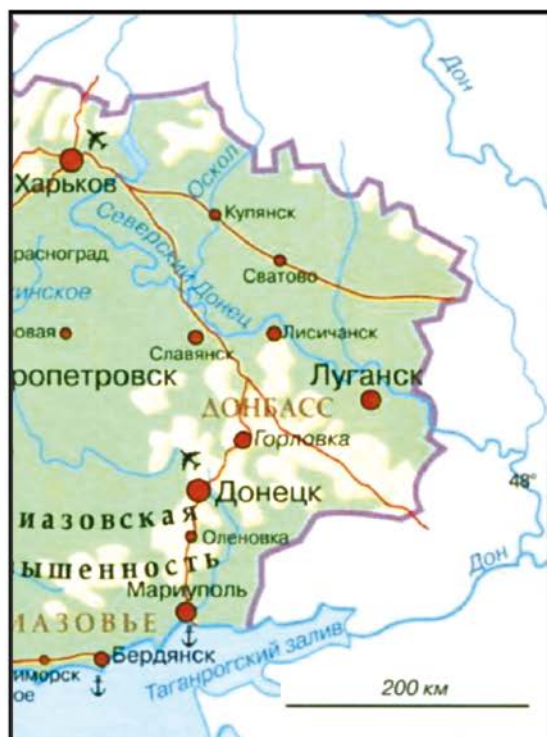

На рассматриваемой территории курганные могильники демонстрируют сгруппированность в пределах гребней водоразделов и природных возвышениях на плато. Одиночностоящих курганов весьма мало. Экспедиция Далевского университета исследовала лишь те насыпи, которые находились на разной стадии разрушения или же земельные участки вместе с курганами были переданы в зону промышленной и жилой застройки. Всего в период с 2006 по 2013 гг. исследовано 12 курганов в составе различных могильников. Раскопанные курганы у Шипиловки, ЛИСПИ, Берёзово и Шкляр маркируют площади северной части Привольнянской излучины, курганный могильник у ЛЖЗ расположен ближе к её широтному основанию (рис.1, 1). Вся местность отличается высокой степенью расчленённости рельефа, чередованием возвышенных участков и пологих низин.

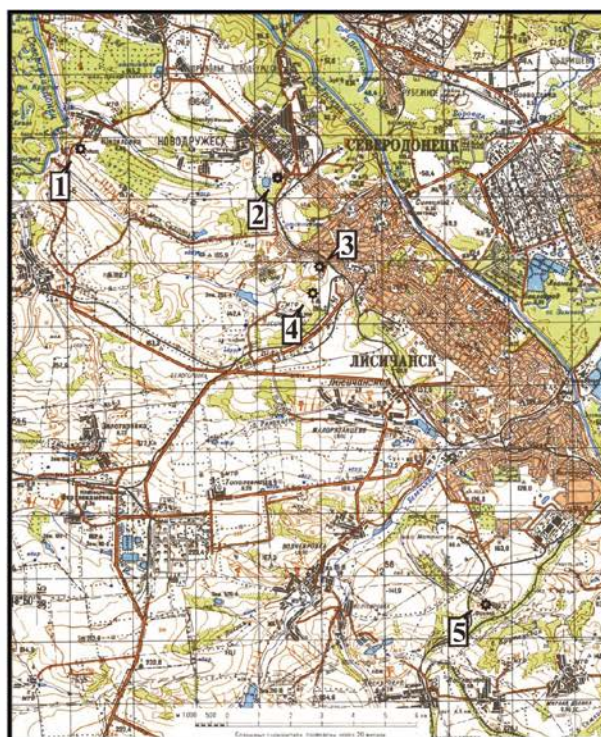
1.1. Могильник у Лисичанского желатинового завода (ЛЖЗ)

Группа из 9 насыпей размещалась на южной окраине г. Лисичанска на землях городского совета в 0,2-0,3 км на юго-восток от желатинового завода на поверхности длинного гребня, вытянутого по линии восток-запад (рис. 1, 1, 2).

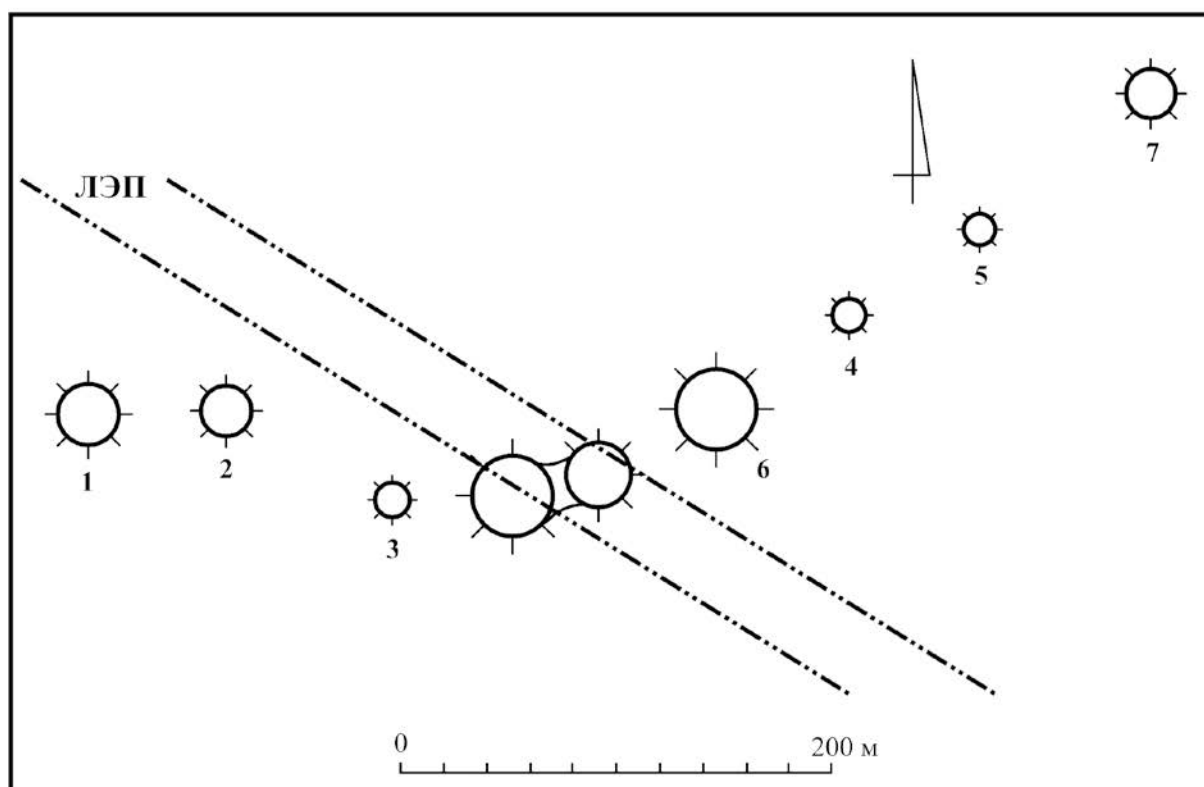
Курганы размещены в ряд дугообразной цепочкой, обращенной выпуклой стороной к югу. Центральное место в группе занимали два больших кургана высотой 3-4 м и диаметром до 50 м, сросшиеся полами. Над ними проходит высоковольтная линия электропередач (эти курганы не раскапывались). К западу от них по линии восток-запад размещены три насыпи диаметром 20-30 м и высотой 1-1,5 м. Восточнее находились 4 насыпи высотой 1-3 м и диаметром 30-40 м, выстроенные в ряд по линии юго-запад-северо-восток (рис. 1, 3).

1

2

3

Рис. 1. 1 - карта Донбасса; 2 - расположение исследованных курганов у г. Лисичанска (1 – курган у Шипиловки, 2 – курган у ЛИСПИ, 3 – курган у Березово, 4 – курганы у пос. Шкляр, 5 – курганная группа у ЛЖЗ); 3 - схема курганной группы в Лисичанске в районе желатинового завода

Поверхности всех курганов задернованы, но на небольших насыпях заметны следы былой распашки. На самом высоком был установлен триангуляционный знак, от которого осталась прямоугольная выемка. На отдельных насыпях имелись заплывшие окопы и огневые гнезда времен ВОВ.

КУРГАН 1

Являлся крайним западным в группе (рис.1, 3). Его высота от современной поверхности около 1,6 м, диаметр 28 м. Насыпь в плане круглой формы, не распаивалась. На поверхности встречены куски песчаника размером 0,3х0,2х0,07 м. Восточная часть разрушена блиндажом ВОВ.

Основным и центральным являлось раннекатакомбное погребение 4, совершенное с уровня древнего горизонта. Входная шахта окружена кольцевидным материковым выкидом, включающим и большое количество залегающих в его центральной части кусков песчаника размером 0,3х0,25х0,2 м. Общий диаметр выкида составляет 7,5 м, ширина кольца – около 2,5 м, мощность – 0,7 м. Над погребением из кусков дерна возведена первичная насыпь темно-серого цвета. Ее высота от древнего горизонта составляет 1,2 м, диаметр – около 15,5 м.

Спустя короткое время (поверхность первичной насыпи еще не успела укрепиться дерновым слоем) в северо-восточную полу впущены три раннекатакомбных погребения 1, 2 и 3.

Материковый выкид из погребения 3, размещенный в юго-восточной части кургана, имел дуговидную форму и примыкал к востоку и юго-востоку от входной шахты, залегая как на склоне полы первичной насыпи, так и на поверхности погребенной почвы за ее пределами.

Аналогичная ситуация с размещением материковых выкидов отличает характер впуска погребений 1 и 2 в северо-восточном секторе. При этом дуговидный выкид из входной шахты детского погребения 1 полностью залегал на поверхности погребенной почвы вблизи полы насыпи, а само захоронение совершено у самого края кургана.

Комплекс из трех впускных захоронений (погр. 1, 2, 3) перекрыт курганной досыпкой из серого гумуса, образующей вторичную, современную насыпь. Ее мощность в центральной части составляет около 0,4 м, диаметр изменен в результате расползания грунта и определяется современным размером – около 28 м (рис. 2, 1).

В стратиграфическом разрезе, составленном по восточному профилю центральной бровки, прослеживались: материк, постепенно понижающийся к северу, с глубины 2 м; слой погребенной почвы мощностью 0,25-0,3 м с видимой линией древнего горизонта на длину 15 м. В центре профиля фиксируется разрез входной шахты основного погребения 4, к северу и югу от которого на древнем горизонте имеются линзы кольцевого материкового

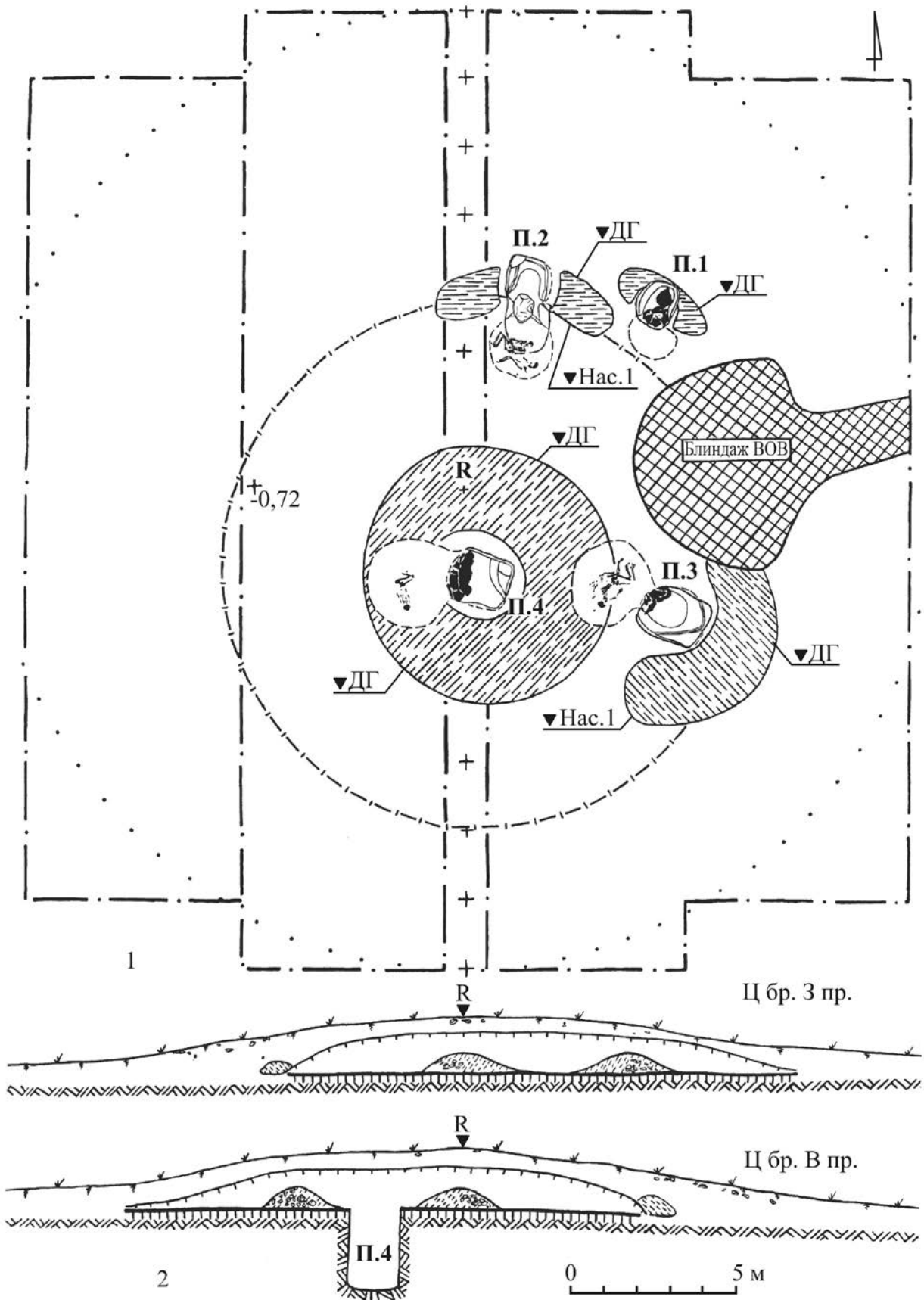

Рис.2. Лисичанск, ЛЖЗ. 1 - общий план кургана 1;

2 - профили центральной бровки кургана 1

Фото 1. Лисичанск, ЛЖЗ, кург 1. Центральная бровка, западный профиль

выкида с камнями песчаника внутри него. Мощность линз выкидов по профилю составляет 0,7 м, ширина – 2,5 м. Первичная насыпь сложена из кусков дерна темно-серого цвета. Ее высота по профилю достигает 1,2 м. Мощность вторичной насыпи из серого гумуса по профилю составляет около 0,5 м. На северном склоне первичной насыпи и примыкающему к нему участку погребенной почвы прослежен разрез выкида из впускного погребения 2. Мощность дернового слоя составляет около 0,2 м. В нем и под ним местами прослежены отдельно залегающие камни песчаника размером 0,3х0,2х0,15 м (рис. 2, 2). Аналогичную стратиграфию кургана демонстрирует и западный профиль бровки (фото 1).

Погребение 1 (раннекатакомбное) выявлено под углом 40° на расстоянии 10 м от Ц (Ц – центр основного и центрального катакомбного погребения 4) с глубины 1,1 м (0,7 м от П – поверхности).

Входная шахта подпрямоугольной формы с округленными углами размером 1,4х1,25 м ориентирована по линии юго-запад–северо-восток. Заполнение состояло из смешанного черноземного грунта. Дно устроено на глубине 1,87 м. Под западной и восточной стенками оставлены узкие уступы шириной 0,22-0,15 м и высотой около 0,25 м. Небольшой уступчик-ступенька шириной 0,1 м наблюдался и под северной стенкой. Арочный вход в погребальную камеру находился под южной стенкой шахты. Его высота 0,65 м, ширина 1 м. Устье закрыто вертикальными плитами песчаника размером 0,9х0,6х0,2 м. Отдельные плиты и обломки камней располагались и на дне шахты, придавливая, блокируя заслон устья с северо-восточной стороны.

В погребальную камеру вел уступчик глубиной 0,3 м. В плане она подовальной формы размером 1,45х1,1 м и ориентирована по линии юго-восток–северо-запад. Дно устроено на глубине 3,2 м. Заполнение состояло из плотного смешанного грунта и кусков свода. Высота камеры около 0,6 м.

В центральной части дна сохранилось овальное пятно коричневого тлена с порошком красной охры. Местами прослежен невыразительный костный тлен от костяка младенца. Здесь же обнаружен кварцитовый скребок (рис. 3, 1).

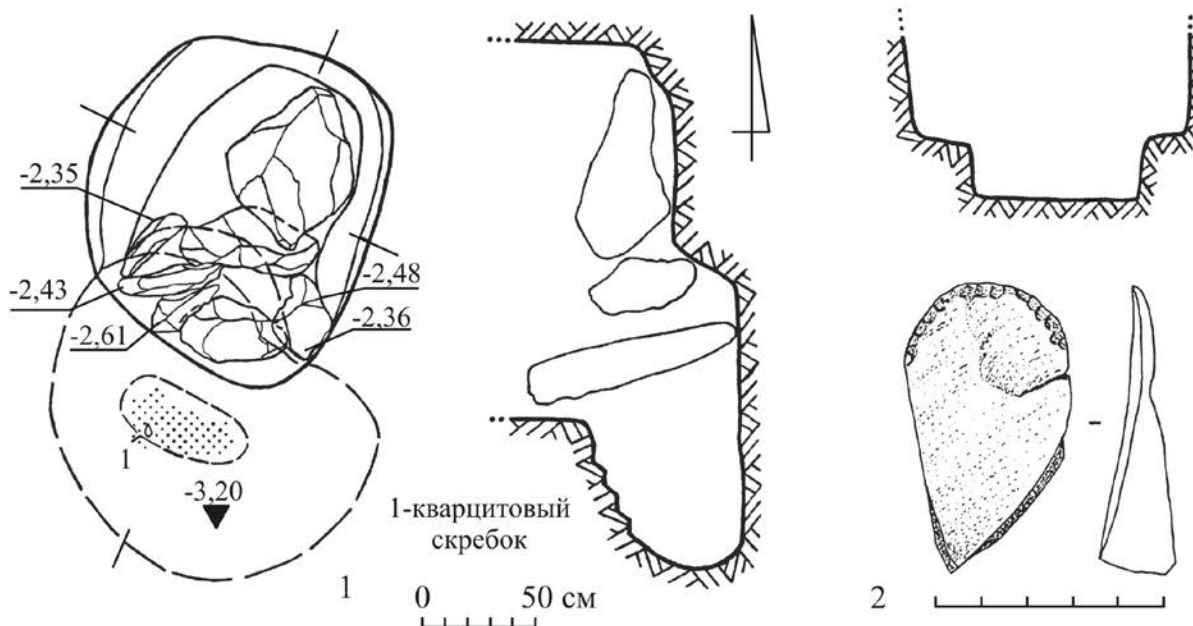

Рис.3. Лисичанск, ЛЖЗ. 1-2 - кург. 1, погр. 1

1. Кварцитовый скребок на обломке со следами желвачной корки с овальной рабочей частью, обработанной мелкой уплощающей ретушью. Размеры – 6,2х3,5х0,5 см (рис. 3, 2).

Погребение 2 (раннекатакомбное) выявлено под углом 20° на расстоянии 8,5 м от Ц с глубины 1,35 м (0,65 м от П). Расчищалось с глубины 2 м.

Входная шахта прямоугольной формы (1,4х1,28 м) ориентирована по линии север-юг. Рыхлое заполнение состояло из смешанного черноземного грунта. На стенках прослежены желобчатые вертикальные следы орудий труда землекопов на длину 20-30 см шириной 1,5-2 см. В северо-западном углу оставлена ступенька на глубине 2,46 м размером 0,6х0,3 м. Ниже, на глубине 2,8-2,9 м, под западной, северной и восточной стенками имелись уступы по длине боковых стенок. Их ширина около 0,35-0,3 м. Дно шахты с глубины 3,4 м в виде углубленного лоткообразного спуска полого понижалось к югу в сторону входа в камеру и посредством уступа глубиной 0,15 м переходило в ее дно. Нижняя часть шахты заполнена камнями песчаника размером 0,3х0,25х0,2 м. Устье камеры обрушилось в древности. Его ширина составляет 0,75 м. Входное отверстие закрыто вертикальной каменной плитой (песчаник) размером 0,9х0,63х0,1 м. Западнее плиты, под западным уступом шахты, прослежено небольшое скопление древесных угольков.

Погребальная камера (2,1х1,7 м) в плане овальной формы ориентирована по линии юго-восток-восток-северо-запад-запад. Дно устроено на глубине 3,94 м (3,3 м от уровня впуска). В камере выявлены два костяка. В центральной части дна размещен костяк взрослого человека в слабоскорченном положении на правом боку корпусом на спине. Угол скорченности тупой, в коленях острый, близок к прямому. Правая рука вытянута вдоль туловища. Левая согнута в локте и кистью размещена на правом тазобедренном суставе. Умерший ориентирован на восток. Под костяком прослежена посыпка красной охры.

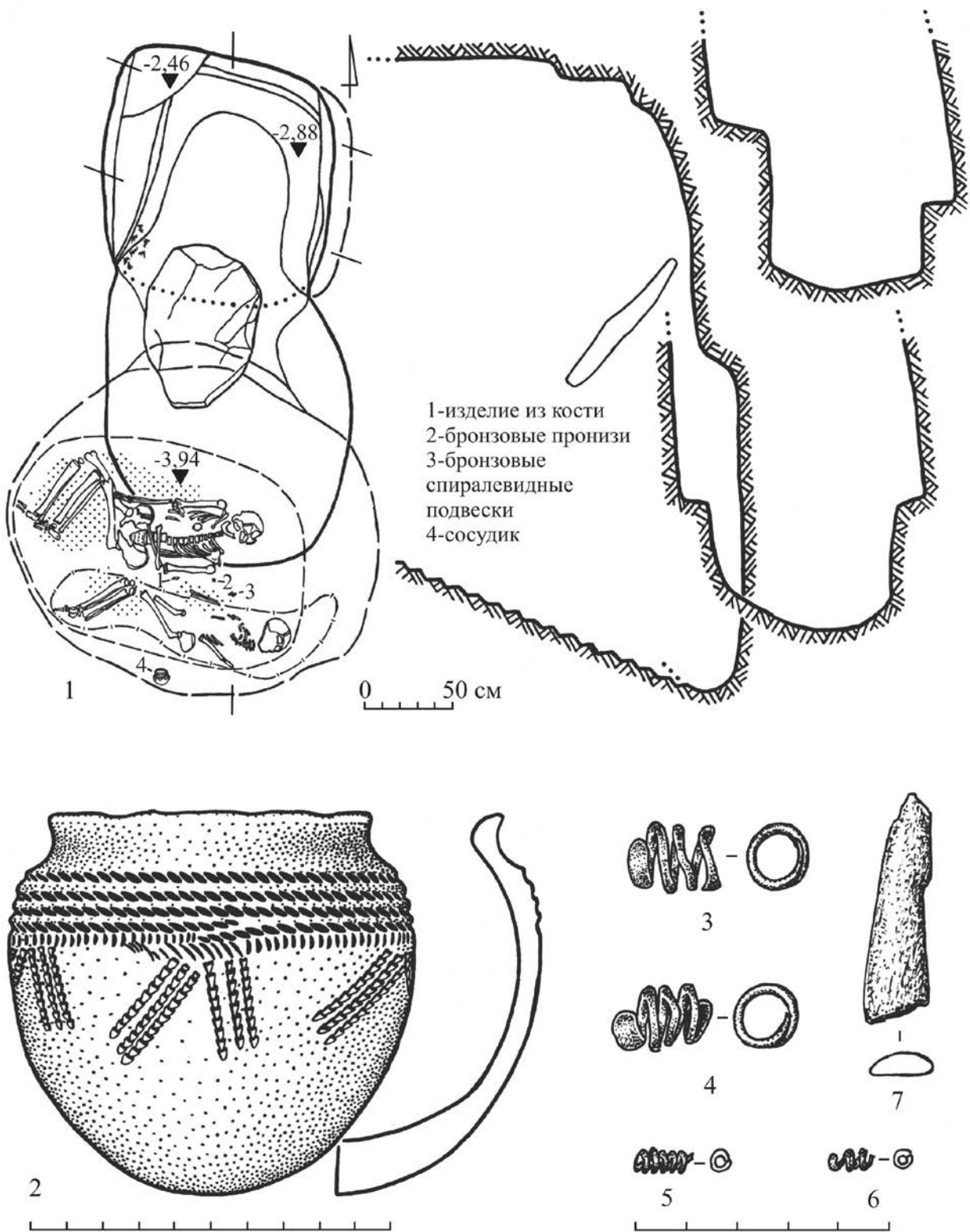

Рис.4. Лисичанск, ЛЖЗ. 1-7- кург. 1, погр. 2

Фото 2. Лисичанск, ЛЖЗ, кург. 1, погр. 2

За костяком взрослого, под южным сводом камеры, размещен костяк подростка в слабоскорченном положении на правом боку. Углы скорченности и в коленях тупые. Правая рука вытянута вдоль туловища. Кости левой разрушены. Ориентирован подросток на восток. Под костяком прослежена подстилка из черного тлена. Между костяками, у левого плеча взрослого умершего, в смещенном состоянии найдены пара бронзовых височных спиральных подвесок в 3,5 оборота, пара бронзовых спиральных многовитковых подвесок в виде тонкой проволоки, намотанной на деревянную основу, и обломок изделия из кости. За тазом костяка подростка обнаружен округлодонный сосуд (рис. 4, 1; фото 2).

1. Округлодонный сосудик со слабовыраженными плечиками и короткой слабо-раструбной шейкой. На плечиках размещен круговой поясок из четырех рядов оттисков однорядной веревочки и ряда прямых и косых вдавлений ногтя. Под плечиками имеется

Фото 3. Лисичанск, ЛЖЗ, кург. 1, погр. 2

зигзаг из трехрядных полос оттисков «отступающей лопаточки». Внешняя поверхность серого цвета с черными и светлокоричневыми пятнами. Н = 10,5 см, Нш = 1 см, Нб = 7,5 см, Дш = 8,5 см, Дб = 11,3 см (рис. 4, 2; фото 3).

2. Пара бронзовых подвесок в 3,5 оборота с расплюснутыми в лопасти окончаниями. Толщина проволоки 0,2 см, длина подвесок около 2 см, диаметр 1,1-1,2 см (рис. 4, 3,4).

3. Пара бронзовых подвесок в виде тонкой многовитковой спиральной намотки на деревянную основу. Диаметр проволоки 0,1 см, длина подвесок 0,8 см, диаметр около 0,5-0,6 см (рис. 4, 5,6).

4. Обломок трубчатой кости птицы с залощенной поверхностью. Сохранившаяся длина 4,5 см. Ширина около 1 см (рис. 4, 7).

Погребение 3 (раннекатакомбное) выявлено под углом 90° на расстоянии 6 м от Ц с глубины 1,3 м (0,6 м от П). Расчищалось с глубины 2 м.

Входная шахта в плане прямоугольной формы (1,9х1,56 м) ориентирована по линии юго-восток-восток–северо-запад-запад. Заполнение состояло из мягкого чернозёма и смешанного грунта. Под юго-восточным углом на глубине 2,85 м имелась ступенька размером 1,1х0,4 м. На стенках прослежены вертикальные желобчатые следы орудий землекопов шириной 3 см на длину 0,2-0,3 м. У дна на глубине 3,2 м под северной, восточной и южной стенками оставлены боковые уступы шириной 0,2-0,5 м, глубиной 0,25-0,3 м. В камеру, размещенную под западной стенкой шахты, вел лоткообразный спуск размером 1,35х1,1 м.

Нижняя часть шахты у дна забутована камнями песчаника. Их средние размеры 0,6х0,5х0,2 м. Вход в камеру закрыт вертикальными плитами песчаника размером 0,7х0,4х0,1 м. Он имел арочную форму и обрушился в древности. Его ширина около 0,78 м.

Погребальная камера в плане подовальной формы (2,7х2,3 м) ориентирована по линии юго-запад–северо-восток. Заполнена кусками осевшего свода. Дно устроено на глубине 4,17 м (3,81 м от уровня впуска (фиксации)).

В центральной части дна размещен костяк взрослого человека в слабоскорченном положении на правом боку с разворотом на спину. Правая рука вытянута вдоль туловища, левая согнута в локте и кистью уложена на правом тазобедренном суставе. Угол скорченности тупой, в коленях близок к прямому. Ориентирован умерший на юго-запад. У локтя левой руки и около колен прослежена посыпка порошком красной охры.

Перед кистью правой руки в деревянном футляре размером 20х10х2 см находились бронзовый листовидный нож с кожаной рукоятью и бронзовое шило с деревянной рукоятью. У края футляра лежала лепешка из смолы.

За спиной костяка взрослого находился костяк юношеского возраста плохой сохранности, уложенный в слабоскорченном положении на правом боку, ориентирован на юго-юго-запад. Угол скорченности тупой, в коленях прямой. Кости рук сильно повреждены землеройками. У левого плеча найдено фрагментированное изделие из охры. Под костяками прослежена подстилка из коричневого тлена (рис. 5,1).

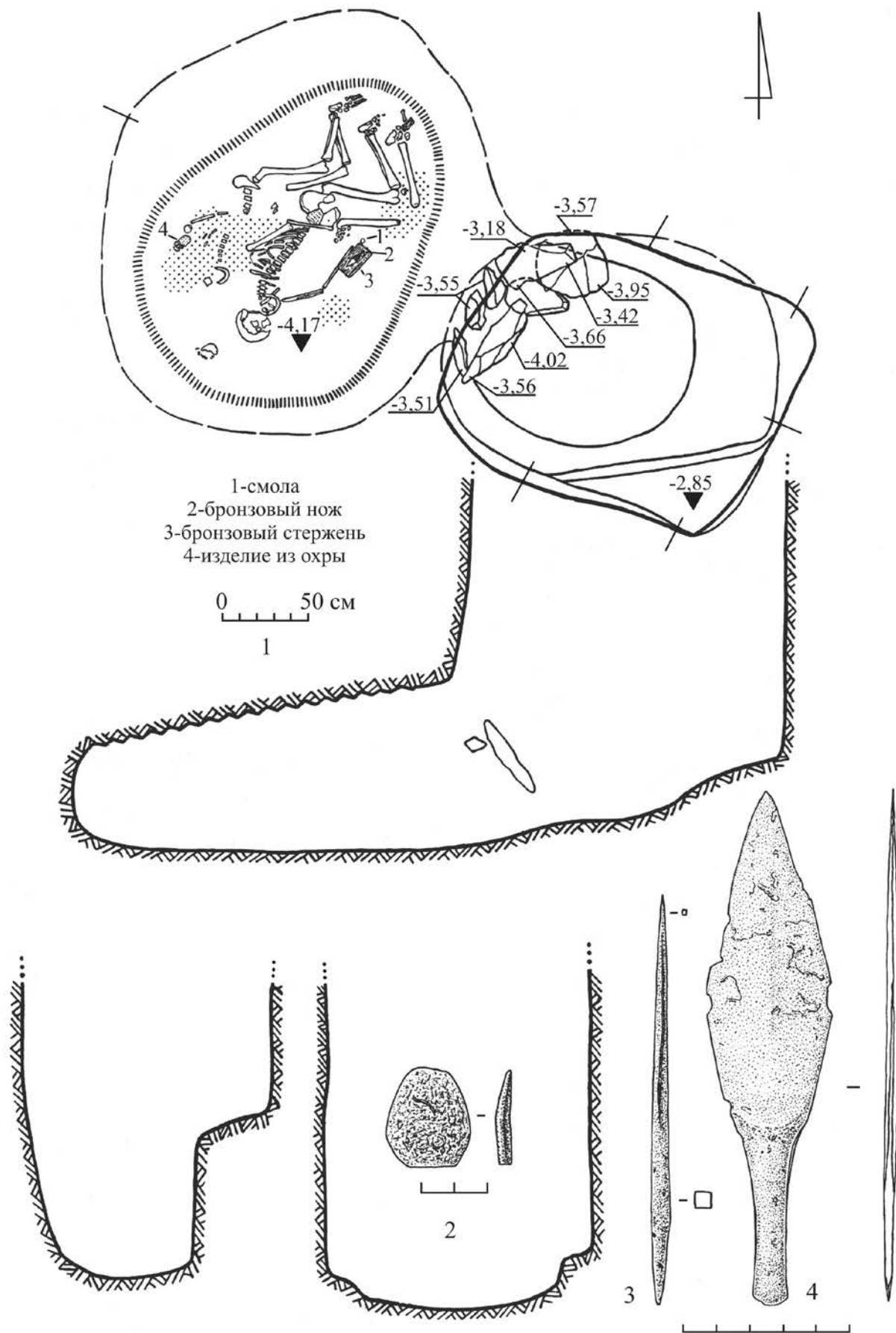

Рис.5. Лисичанск, ЛЖЗ. 1-4 - кург. 1, погр. 3

1. Бронзовый нож с невыраженными плечиками и максимальным расширением клинка в центральной части. Приостренное лезвие имеет треугольную форму. Окончание черешка расковано. Длина ножа 14,8 см, длина черешка 4 см, максимальная ширина лезвия 3,5 см (рис. 5, 4).

2. Бронзовое четырехгранное шило с коротким насадом. Окончание скруглено. Длина шила 12,1 см, длина насада 2,2 см. Толщина у насада 0,5 см (рис. 5, 3).

3. Овальная лепешка из смолы размером 3х2,2 см, толщиной 0,4 см (рис. 5, 2).

4. Фрагментированное изделие из охры овальной формы размером 9х6х5,5 см (не сохранилось).

Погребение 4 (основное, центральное, раннекатакомбное) выявлено в центре кургана с уровня древнего горизонта.

Входная шахта в плане прямоугольной формы (1,77х1,48 м) ориентирована по линии юго-восток-восток–северо-запад-запад. Заполнение состояло из кусков песчаника размером 0,3х0,25х0,2 м и рыхлого чернозема. На стенках сооружения фиксировались вертикальные желобчатые следы орудий землекопов на длину 0,3-0,2 м шириной около 3 см. В северо-восточном углу на глубинах 2,78 м и 3,43 м устроены уступы-ступеньки глубиной 1 м и 0,4 м. Дно шахты размещено на глубине 3,88 м постепенно понижалось к западу в сторону входа в погребальную камеру.

Фото 4. Лисичанск, ЛЖЗ, кург. 1, погр. 4

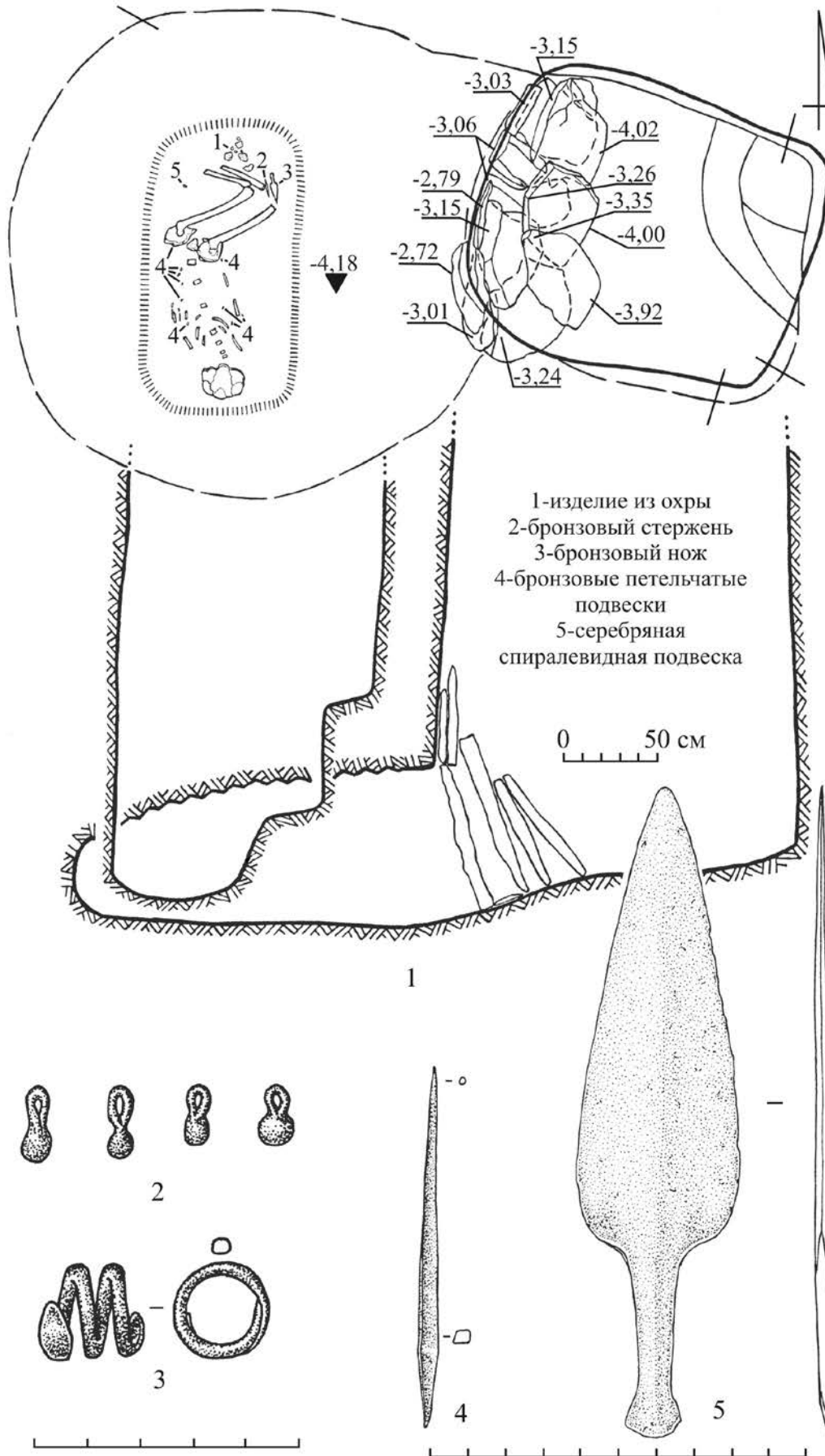

Рис.6. Лисичанск, ЛЖЗ. 1-5 - кург. 1, погр. 4

Устье камеры не сохранилось и обрушилось в древности. Его современная ширина сопоставима с шириной западной стенки – около 1,4 м. Со стороны шахты устье закрыто вертикальными плитами песчаника размером 1,3х0,4х0,1 м (фото 4).

Погребальная камера в плане овально-округлой формы (2,55х2,5 м) и ориентирована по линии север-юг. Заполнение состояло из кусков осевшего свода.

Дно устроено на глубине 4,18 м (2,5 м от уровня древнего горизонта). В его центральной части на прямоугольной подстилке из коричневого тлена находился костяк взрослого человека очень плохой сохранности. Умерший размещен в скорченном положении корпусом на спине. Правая рука вытянута вдоль туловища, левая не сохранилась. Угол скорченности тупой, в коленях близок к прямому. Ориентирован погребенный на юг. Перед коленями обнаружены бронзовые нож и шило. У берцовых костей встречено раздавленное осевшим сводом изделие из красной охры. За коленными суставами найдена смещенная грызунами височная серебряная спиральная подвеска в 2,5 оборота. Слева и справа от корпуса прослежены не менее дюжины петлевидных подвесок из разложившейся низкокачественной бронзы (рис. 6,1).

1. Бронзовый черешковый нож с клиновидным лезвием и плавно скругленными выраженными плечиками. Края лезвия заострены. Окончание черешка расковано. Длина ножа 16,8 см, длина черешка 5 см, ширина клинка у основания 3,8 см (рис. 6, 5).

2. Бронзовое четырехгранное шило с коротким утолщением для насада. Длина шила 9,3 см, длина насада 2,2 см, максимальная толщина 0,45 см (рис. 6, 4).

3. Серебряная височная спиральная подвеска в 2,5 оборота из проволоки толщиной 0,25 см. Окончания раскованы в лопасти. Длина подвески 1,8 см, диаметр 1,6 см (рис. 6, 3).

4. Бронзовые подвески в виде шарика с петелькой. Удалось закрепить парафином 4 экз. Средняя длина подвесок около 1,3 см, диаметр шарика около 0,6 см (рис. 6, 2).

КУРГАН 2

Располагался на расстоянии 40 м к востоку от кургана 1. Насыпь в плане округлой формы, задернована. Высота от современной поверхности 1,2 м (1,35 м от древнего горизонта), диаметр 24 м (рис. 1, 3).

Основным и центральным являлось раннекатакомбное погребение 2, совершенное с поверхности погребенной почвы. Материковый выкид из катакомбы выложен вокруг входной шахты в виде кольца диаметром около 9,5 м. Внутренней диаметр кольца 2,5 м, ширина сечения 3,5 м. Выкид имеет валообразный вид и достигает в центре мощности 0,7-1 м. Черноземная часть выкида из верхнего уровня шахты уложена под восточным контуром материкового кольца. Над захоронением из кусков дерна темно-коричневого цвета возведена насыпь. Ее первичный диаметр установлен по сохранившейся площади древнего горизонта – около 16 м. Высота кургана определяется современными параметрами – не менее 1,35 м.

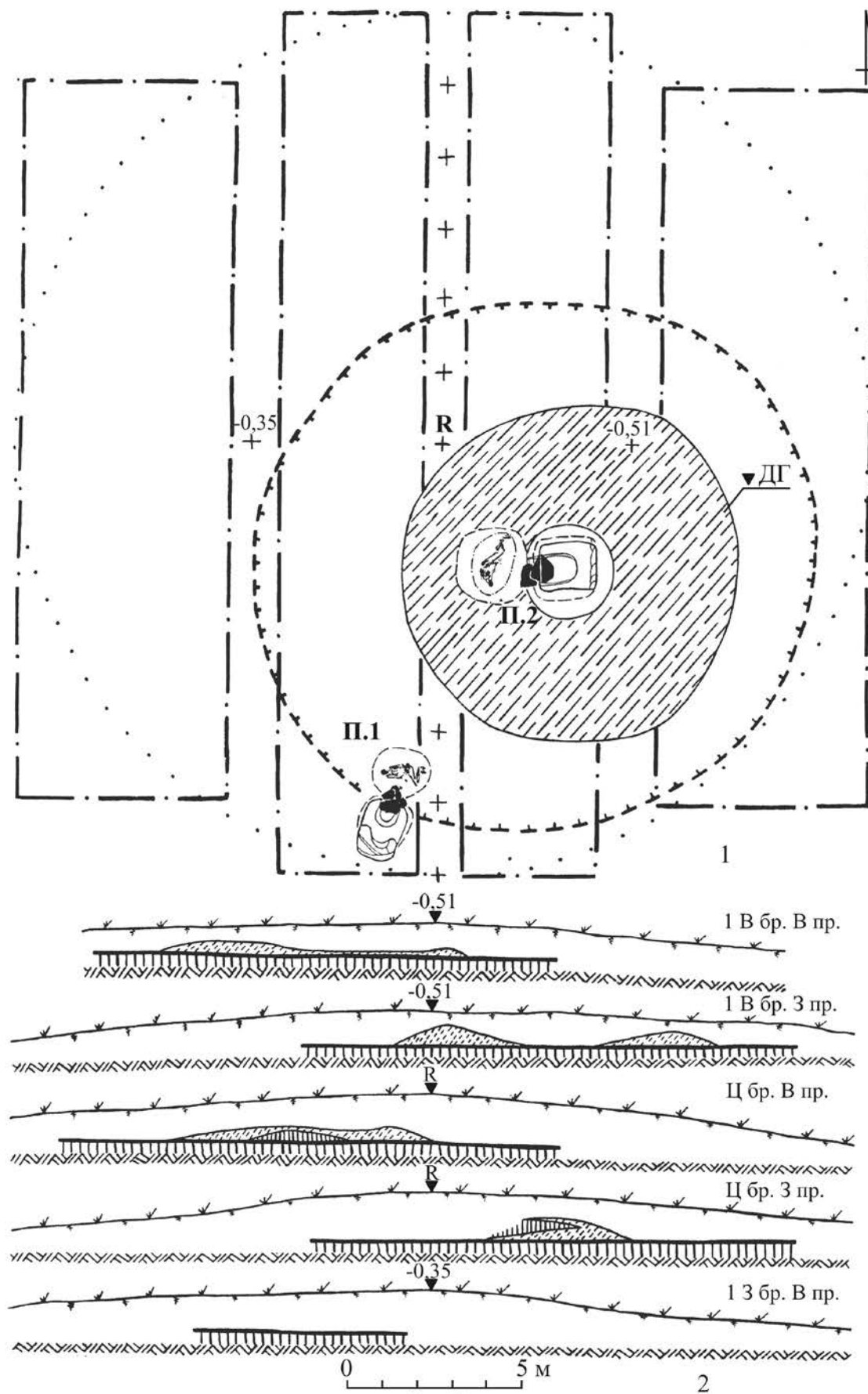

Рис.7. Лисичанск, ЛЖЗ. 1 - общий план кургана 2; 2 - профили бровок кургана 2

Фото 5. Лисичанск, ЛЖЗ, кург. 2. Восточная бровка, западный профиль

Впоследствии в юго-западную полу впущено раннекатакомбное погребение 1, материковым выкидом из которого плотно забутована вся внутренняя полость входной шахты. Сопровождающей подсыпки не зафиксировано. С течением времени насыпь кургана расплылась и сползла к северу по склону возвышенности (рис. 7, 1).

В стратиграфическом разрезе, составленном по восточному профилю центральной бровки, прослеживались: материковый слой с уровня 1,7 м, постепенно понижающийся к северу, слой погребенной почвы мощностью 0,4 м с видимой линией древнего горизонта на длину 14,3 м. На центральной части поверхности погребенной почвы размещен выкид из основного погребения 2. Он имеет валообразную форму и достигает максимальной толщины 0,45 м. Нижнюю линзу выкида (длина 2,5 м, мощность 0,3 м) образует выброшенный черноземный грунт из верхней части входной шахты. Поверхностный уровень выкида (длина 14,5 м, толщина 0,2-0,45 м) сложен из перемещенного материкового грунта – глины. Насыпь кургана состояла из кусков дерна темно-коричневого цвета. Ее мощность в центре по профилю достигала 1,35 м. Толщина дернового слоя – около 0,2 м (рис. 7, 2). Такой же стратиграфический разрез иллюстрирует западный профиль восточной бровки (фото 5).

Погребение 1 (раннекатакомбное) выявлено под углом 215° на расстоянии 8 м от Ц (Ц – центральная часть основного катакомбного погребения 2). Зафиксировано с глубины 0,85 м (0,2 м от П) по характеру заполнения шахты. Материковый выкид отсутствовал.

Входная шахта в плане подпрямоугольной формы со скругленными углами (1,73x1,2 м). Ориентирована по линии юго-юго-запад–северо-северо-восток. Ко дну, устроенному на глубине 3,53 м, слегка расширяется. Верхняя часть шахты заполнена смешанным грунтом, нижняя – глиной. Заполнение плотное, утрамбованное. На стенках

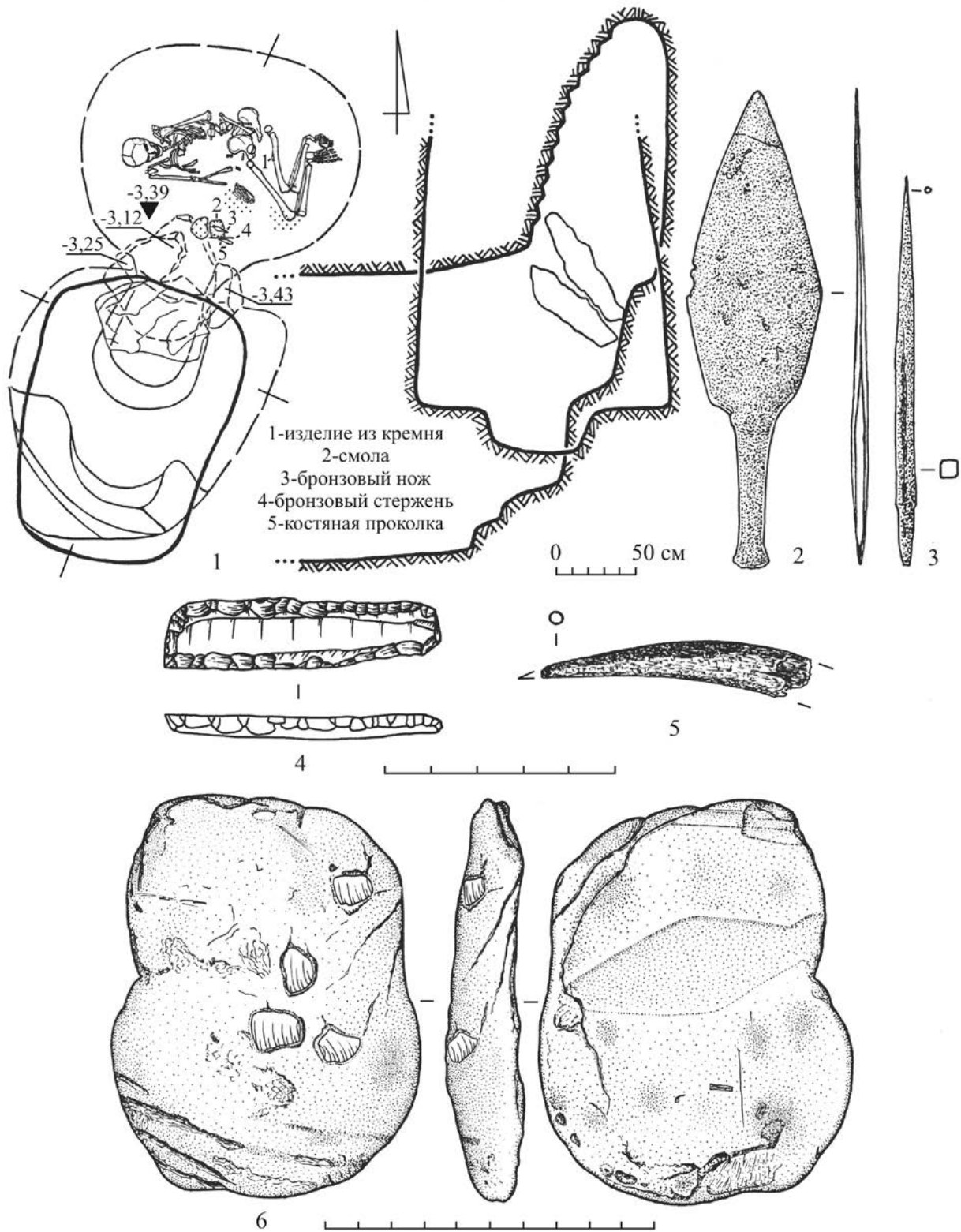

Рис.8. Лисичанск, ЛЖЗ. 1-6 - кург. 2, погр. 1

фиксируются вертикальные желобчатые следы орудий землекопов на длину 0,2-0,4 м. Их ширина 1,2-3 см. Под южной стенкой имеется уступчатый спуск из двух ступеней, устроенных на глубинах 2,9 м и 3,1 м. Дно слегка понижается к северу в сторону входа в камеру. В северной части дна сооружен лоткообразный углубленный спуск. Его глубина на 0,25-0,3 м, длина 0,8 м, ширина 0,63 м.

Входное отверстие камеры закрыто заслоном из вертикальных плит песчаника. Средние размеры камней 1х0,6х0,2 м. Ширина входа 0,5 м, сохранившаяся высота около 0,65 м. Свод обрушился в древности.

Погребальная камера в плане овальной формы (1,7х1,4 м) ориентирована по линии юго-восток-восток–северо-запад-запад. Ее дно расположено на глубине 3,93 м. В камеру со стороны шахты ведет уступчик глубиной 0,15 м. Заполнение состоит из кусков свода.

В центральной части дна находился костяк взрослого человека в скорченном положении на правом боку. Умерший ориентирован на запад. Угол скорченности тупой, в коленях – острый. Правая рука вытянута вдоль туловища, левая слегка согнута в локте и кистью уложена на правом тазобедренном суставе. У кисти правой руки и колен прослежена посыпка порошком красной охры. Около левого бедра найдена ретушированная кремневая пластина. Перед животом компактно размещались разрушенное изделие из красной охры, крупная лепешка из смолистого вещества, а под ней – костяная проколка, бронзовые нож и шило (рис. 8, 1).

1. Кремневая пластина с боковой крутой ретушью. Размеры: 6х1,5х0,5 см (рис. 8, 4).

2. Бронзовый черешковый нож с максимальным расширением клинка в центральной части лезвия. Окончание черешка расковано. Верхняя часть лезвия клиновидной (треугольной) формы, заточена. Длина ножа 10 см, длина черешка 3 см, максимальная ширина лезвия 2,8 см, толщина 0,3 см (рис. 8, 2).

3. Бронзовое четырехгранное шило с выраженным насадом в деревянную рукоять. Острие скруглено. Длина шила 8,4 см, длина насада 1,5 см (рис. 8, 3).

4. Проколка из грифельной кости барана. Сохранилось заполированное острие длиной до 6 см (рис. 8, 5).

5. Лепешкообразное изделие красновато-коричневого цвета из смолистого вещества с вкраплениями древесных угольков. Наружная поверхность инкрустирована небольшими кремневыми отщепами. На нижней сохранился негатив бронзового ножа. Общие размеры лепешкообразного изделия 12х9,5х2 см (рис. 8, 6).

Погребение 2 (основное, центральное, раннекатакомбное) выявлено в центре подкурганного пространства с уровня древнего горизонта.

Входная шахта прямоугольной формы (1,67х1,26 м) ориентирована по линии восток - запад. Ко дну, устроенному на глубине 4,6 м (3,25 м от уровня древнего горизонта), расширялась до размеров 1,7х1,78 м, приобретая квадратную форму. Заполнение состояло из мягкого гумуса. На стенках прослежены вертикальные желобчатые следы орудий землекопов шириной 2-3 см на длину до 0,4 м. Под восточной тыльной стенкой

Фото 6. Лисичанск, ЛЖЗ, кург. 2, погр. 2

шахты от ее южной части к северной сооружен лестничный спуск из четырех ступеней размером около 0,2х0,25 м каждая и средней глубиной около 0,2-0,3 м.

От центральной части дна к ее западной стенке, под которой располагался вход в погребальную камеру, вел лоткообразный пологий спуск глубиной 0,45 м от дна шахты. Его длина 1,43 м, ширина 0,84 м.

Входное отверстие имело арочную форму шириной 0,75 м. Свод камеры обрушился в древности. Вход закрыт двумя вертикальными плитами песчаника размером 1х0,7х0,25 м. Длина лаза в простенке между шахтой и камерой составляла 0,2-0,3 м.

Погребальная камера в плане овально-округлой формы размером 2,05х2 м. Ориентирована по линии север-юг. Дно устроено на глубине 5,45 м (4,1 м от уровня древнего горизонта). Со стороны шахты в камеру вел уступчик глубиной 0,38 м. Заполнение состояло из кусков осевшего свода.

На дне прослежены локальные пятна темно-коричневого тлена. В северо-западном секторе встречены древесные угольки. На поверхности северо-восточной части зафиксировано изображение левой стопы человека из порошка красной охры. Под южной стенкой найдены бронзовые нож и шило (фото 6). Все дно камеры покрывал слой мягкого смешанного грунта толщиной 0,3 м. На нем прослежена круглая подстилка из коричневого тлена диаметром около 1,9-2 м. В центральной части поверхности данного слоя имелось овальное корытообразное углубление размером 1,73х1,18 м, ориентированное по линии север-юг. Его глубина в центре от поверхности слоя составляла 0,2-0,25 м.

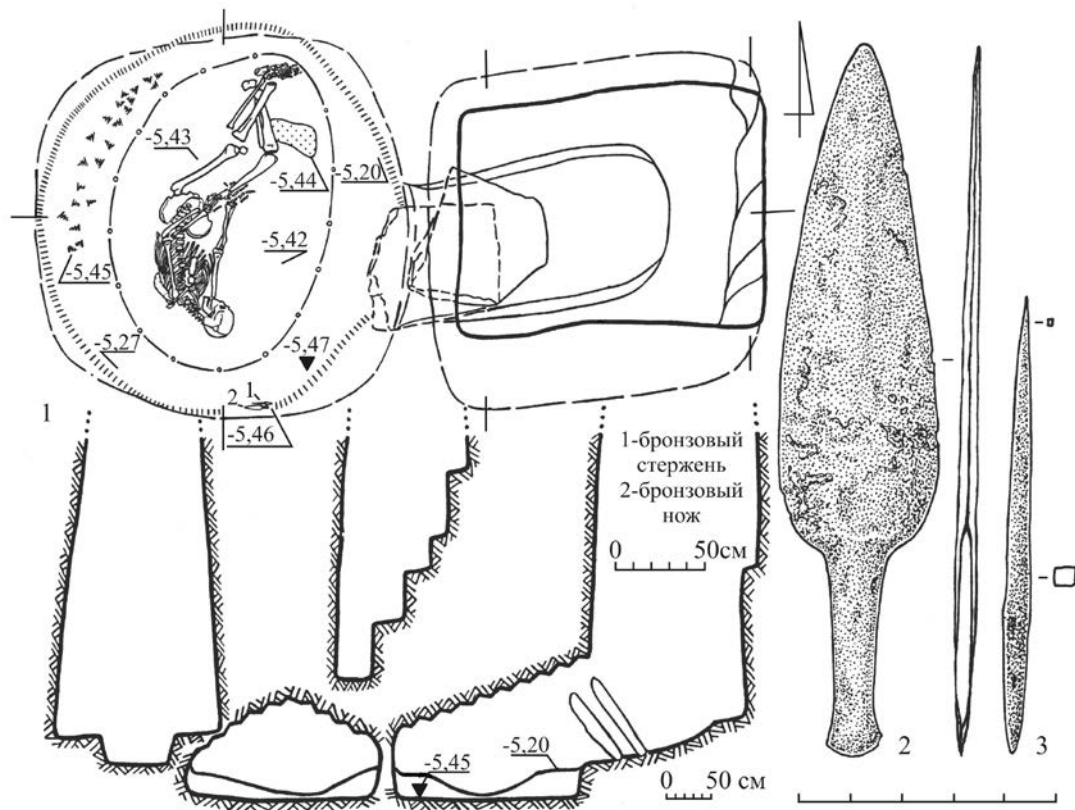

Рис.9. Лисичанск, ЛЖЗ. 1-3 - кург. 2, погр. 2

Внутри овального углубления находился костяк взрослого человека в слабоскорченном положении на правом боку. Углы скорченности и в коленях тупые. В районе пяток ноги скрещены. Правая рука вытянута вдоль туловища, левая согнута в локте и кистью уложена на правом тазобедренном суставе. Ориентирован погребенный на юг, головой на юго-восток (рис. 9,1).

1. Бронзовый черешковый нож с острым клиновидным лезвием. Плечики закруглены. Окончание черешка расковано. Максимальная ширина лезвия приходится на его основание. Длина ножа 13,4 см, длина черешка 3,9 см, максимальная ширина лезвия 2,8 см, толщина 0,25 см (рис. 9, 2). На черешке и в основании лезвия прослежены остатки рукояти из кожи.
2. Бронзовое четырехгранное шило с остатками деревянной рукояти и небольшим утолщением для насада. Окончание скруглено. Длина шила 8,8 см, длина насада 2,5 см, максимальная толщина 0,3 см (рис. 9, 3).

КУРГАН 3

Размещен на расстоянии 80 м на ЮВ от кургана 2. Насыпь округлой формы, не распахивалась, задернована. В восточной поле заметны следы крупной грабительской (?) траншеи (6х2 м), ориентированной по линии север-юг (рис. 1, 3).

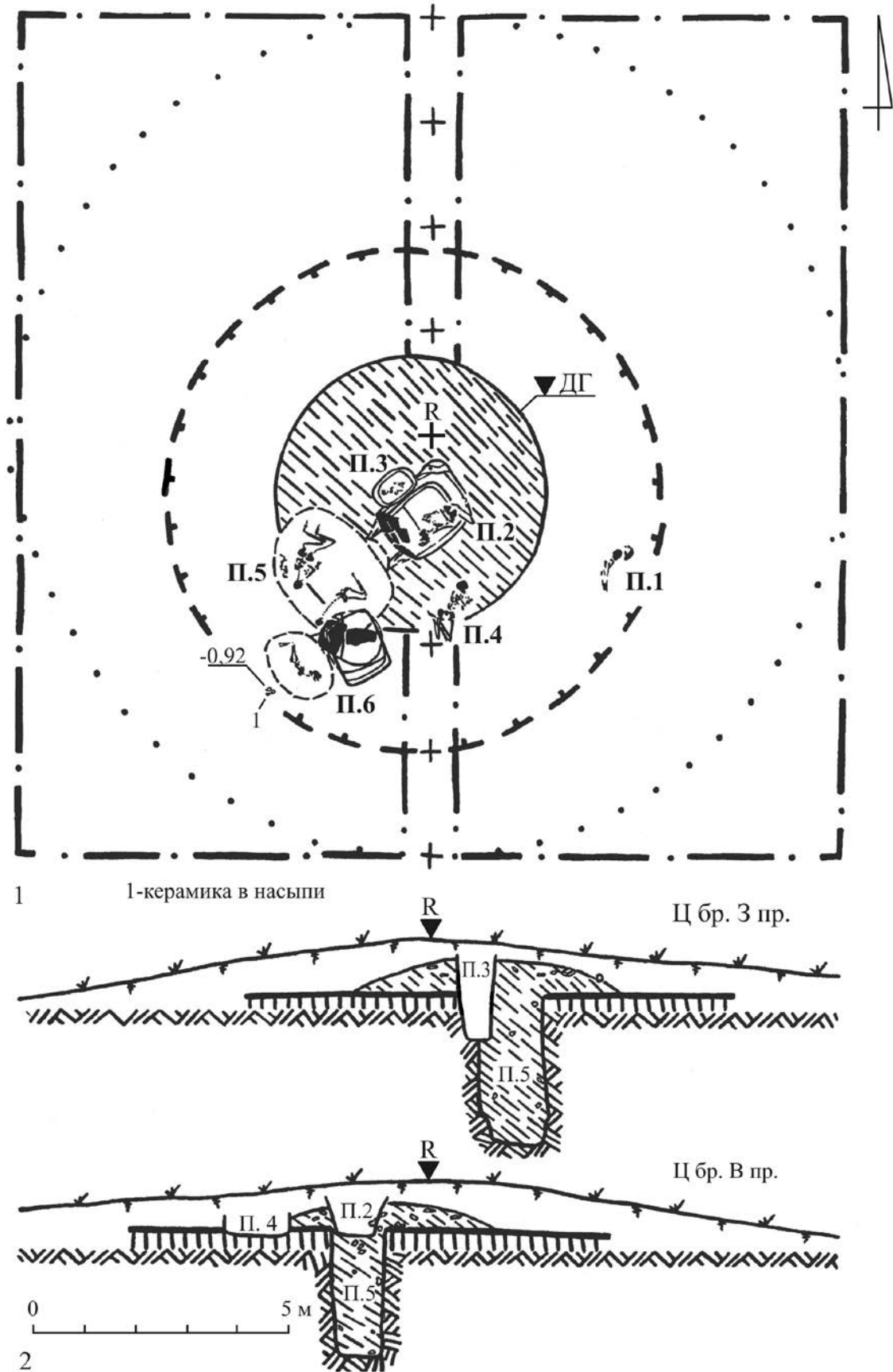

Рис.10. Лисичанск, ЛЖЗ. 1 - общий план кургана 3;
2 - профили центральной бровки кургана 3

Высота кургана от современной поверхности 0,9 м (1 м от древнего горизонта), диаметр около 16 м.

Основным и центральным являлось раннекатакомбное погребение 5, совершенное с поверхности погребенной почвы. Вокруг могилы первоначально была сооружена конструктивная курганообразная насыпь из рыхлого мергеля, выброшенного при сооружении катакомбы. Ее высота 0,55-0,6 м, диаметр 5,25 м. Над ней достроена первичная насыпь из серого гумуса. Ее диаметр определяется сохранившейся площадью древнего горизонта – около 10 м. Высота кургана с внутренней материковой насыпью из мергеля составила не менее 1 м.

Впоследствии в юго-западную полу впущено раннекатакомбное погребение 6. Материковый выкид из могилы после производства захоронения сброшен внутрь конструкции и не фиксировался в слое курганной насыпи. Следы подсыпки отсутствуют.

Затем в центр кургана впущено позднекатакомбное погребение 2. Последними в центр и юго-восточный сектор насыпи произведены срубные погребения 1, 3 и финальноабашевское захоронение 4 (рис. 10, 1).

В стратиграфическом разрезе, составленном по западному профилю центральной бровки, прослеживались: материк с глубины 1,35 м, слой погребенной почвы мощностью 0,35 м с видимой линией древнего горизонта на длину 10 м. В центре профиля фиксируется конструктивная насыпь кургана из материкового грунта и кусков мергеля. Ее длина по профилю 5,25 м, толщина в центре 0,55-0,6 м. Под данной насыпью прослежен разрез входной шахты основного погребения 5. В центральной части профиля фиксируется сечение ямы впускного погребения срубной культуры 3. Насыпь кургана над материковым мергелевым грунтом сложена из гумуса серого цвета. Ее толщина в центре над конструктивной насыпью достигает 0,3-0,4 м. Дерновый слой кургана мощностью 0,2-0,25 м (рис. 10, 2).

Керамика в насыпи

В юго-западной поле на расстоянии 7,75 м на юго-запад от репера на глубине 0,92 м (0,5 м от поверхности) найдены два фрагментированных сосуда срубной культуры:

1. Сосуд 1 баночной формы со скошенным внутрь краем. Внешняя поверхность серо-коричневого цвета. Н = 9,5 см, Дв = 12 см, Дд = 9,3 см (рис. 11, 1).

2. Сосуд 2 баночной формы со скошенным внутрь краем. Сохранился фрагмент верхней части боковины. Диаметр венчика около 12 см, высота сохранившихся стенок 7,8 см. Внешняя поверхность серо-коричневого цвета (рис. 11, 2).

Погребение 1 (срубное) выявлено под углом 100° на расстоянии 4,3 м от Ц (Ц – центральная часть у устья основного катакомбного погребения 5) на глубине 0,99 м (0,53 м от П).

Костяк подростка плохой сохранности. Судя по расположению фрагментов черепа и трубчатых костей, первоначально умерший был уложен в скорченном положении

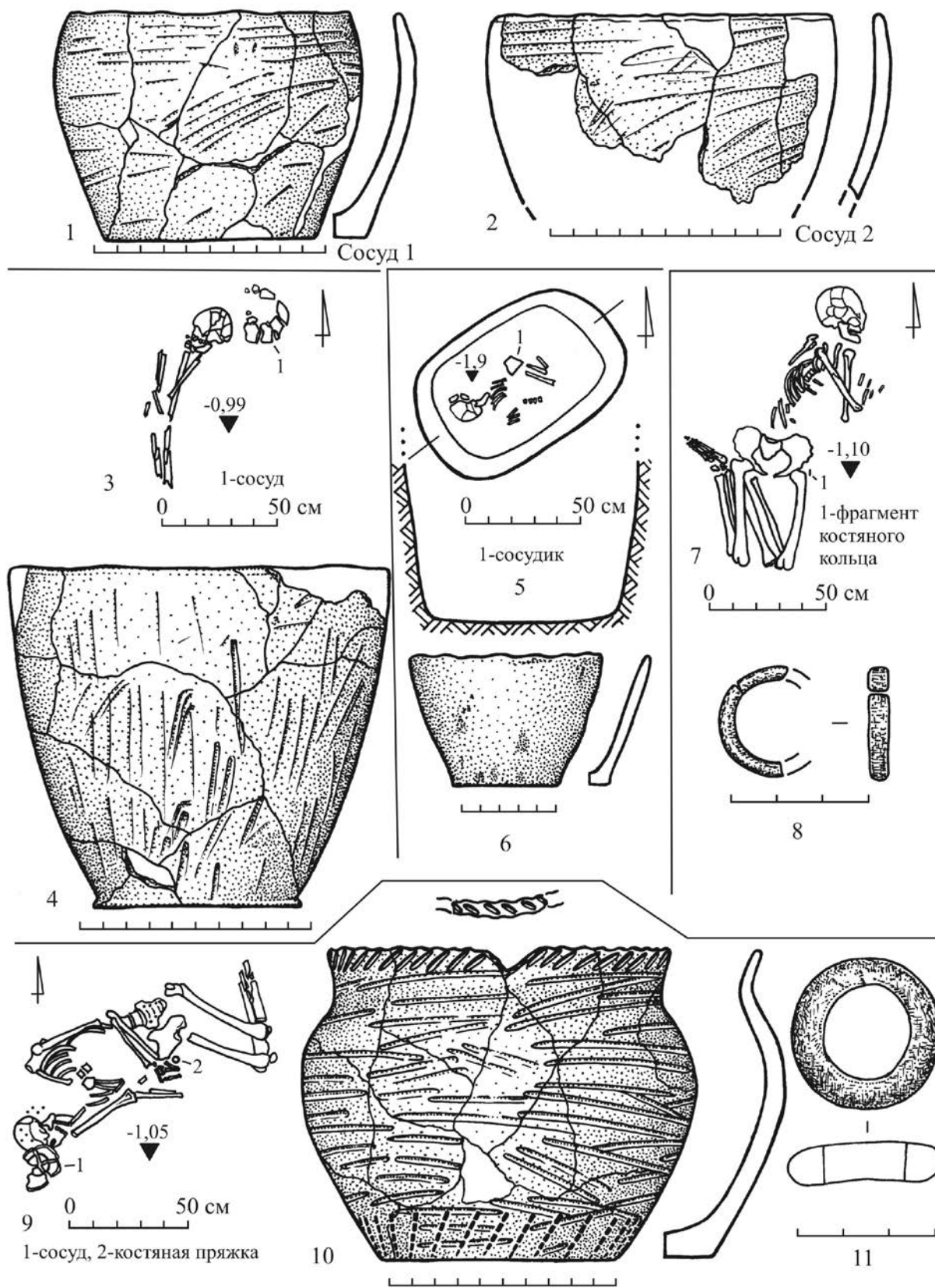

Рис.11. Лисичанск, ЛЖЗ. 1,2 - сосуды из насыпи кургана; 3,4 - кург. 3, погр. 1; 5,6 - кург. 3, погр. 3; 7,8 - кург. 3, погр. 4; 9-11 - кург. 3, погр. 2

на правом боку и ориентирован на северо-восток. Руки согнуты в локтях. За черепом найден фрагментированный сосуд (рис. 11, 3).

1. Лепной сосуд баночной формы с расширяющимися кверху стенками и слегка стянутым краем. У дна слабо выражена закраина. Внешняя поверхность серо-коричневого цвета со следами вертикальных расчесов крупным шпателем. Н = 14,5 см, Дв = 16 см, Дд = 8,5 см (рис. 11, 4).

Погребение 2 (позднекатакомбное) выявлено в центральной части кургана на глубине 1,05 м (1,1 м от П). Дно захоронения слегка углублено в погребенную почву. Характер сооружения не определен.

Костяк взрослого человека находился в скорченном положении на правом боку и был ориентирован на юго-запад. Угол скорченности тупой, в коленях – острый. Правая рука вытянута вдоль туловища, левая согнута в локтевом сгибе и кистью уложена на правом тазобедренном суставе. На черепе прослежена посыпка порошком красной охры. Перед головой найден фрагментированный сосуд. У правого крыла таза обнаружена костяная пряжка (рис. 11, 9).

1. Лепной приземистый сосуд со слабораструбной короткой шейкой. Венчик и верхний край шейки украшены одиночными косыми поясками из прочерков палочки. Придонная часть орнаментирована пояском из косых оттисков крупнозубчатой гребенки. Внешняя поверхность со следами крупных горизонтальных расчесов серо-коричневого цвета с черными пятнами. Н = 13 см, Нб = 7 см, Нш = 2 см, Дв = 14,5 см, Дб = 17,8 см, Дд = 10,3 см (рис. 11, 10).
2. Костяная кольцевидная пряжка. Д внешний = 3,2 см, Д внутренний = 2,1 см. Ширина обода 0,8 см (рис. 11, 11).

Погребение 3 (срубное) выявлено в центре кургана на глубине 1,9 м.

Могильная яма в плане овальной формы (0,92x0,6 м) сужалась ко дну до размеров 0,71x0,47 м. Заполнение состояло из мягкого гумуса. Дно устроено на глубине 1,9 м.

На дне находился костяк ребенка (возраст 2-3 года) в скорченном положении на левом боку. Кости рук не сохранились. Ориентирован умерший на юго-запад. У колен найдена миниатюрная банковидная чашечка (рис. 11, 5).

1. Банковидная чашечка на слабовыраженном поддоне. Внешняя поверхность серо-оранжевого цвета. Н = 5,4 см, Дв = 8 см, Дд = 4 см (рис. 11, 6).

Погребение 4 (финальноабашевское) выявлено под углом 140° на расстоянии 1,5 м от Ц на глубине 1,1 м.

Костяк взрослого человека находился в скорченном положении на левом боку и ориентирован на северо-северо-восток. Угол скорченности тупой, в коленях острый. Пятки ног поджаты к тазу. Руки согнуты в локтях и кистями уложены перед лицом. У левого тазобедренного сустава найдено фрагментированное костяное колечко (рис. 11, 7).

1. Фрагментированное костяное кольцо диаметром 2,3 см. Ширина кольца 0,4 см (рис. 11, 8).

Погребение 5 (раннекатакомбное, центральное, основное) выявлено в центре кургана с уровня древнего горизонта. Материковый мергелевый выкид из погребения выложен вокруг входной шахты на поверхности погребенной почвы в виде круга диаметром 5,25 м. Им же сформирована первичная конструктивная курганообразная насыпь над захоронением высотой 0,6-0,55 м.

Входная шахта в плане прямоугольной формы (1,74x1,3 м) с закругленными углами ориентирована по линии юго-запад-северо-восток. Ко дну, устроенному на глубине 3,38 м, слегка сужалась. В северном углу шахты на глубине 2,88 м сооружена ступенька-уступ размером 0,45x0,15 м. Под ней на глубине 2,06 м найдена каменная наковальня-терочник. Заполнение состояло из мягкого материкового грунта и мергелевой крошки. На стенках фиксировались вертикальные желобчатые следы орудий землекопов на длину до 20-30 см, шириной 2-3 см.

На дне шахты вдоль ее длинной оси устроен лоткообразный спуск в погребальную камеру размером 1,55x0,78 м, глубиной 0,4-0,6 м, понижающийся к юго-западу в сторону устья. Его ширина около 0,67 м. Свод обрушился в древности и на момент раскопок достигал высоты 0,9 м. Входное отверстие перекрывали плиты песчаника средних размеров 1,3x0,6x0,12 м (фото 7). Длина лаза в простенке около 0,35 м.

Погребальная камера в плане прямоугольно-овальной формы (2,55x1,85 м) ориентирована по линии юго-восток-северо-запад. Глубина лоткообразного спуска в центральной части составляла 4,35 м (3,55 м от уровня древнего горизонта). Заполнение состояло из кусков осевшего свода.

На дне на слое коричневого тлена находились три костяка – два взрослых и один ребенок.

Фото 7. Лисичанск, ЛЖЗ, кург. 3, погр. 5

В юго-восточной части размещен костяк взрослого человека (**костяк 1**) в скорченном положении на правом боку плохой сохранности. Ориентирован умерший на юго-запад и ногами направлен в сторону устья камеры. Угол скорченности тупой, в коленях острый. Кисть левой руки размещена на левом тазобедренном суставе. Перед черепом и бедрами имелась посыпка порошком красной охры. Под черепом найдены серебряная спиралевидная подвеска в 1,5 оборота и 4 бронзовые стержневидные подвески.

В северо-западной части дна размещался костяк взрослого человека (**костяк 2**) в скорченном положении на правом боку. Ориентирован умерший на юго-юго-запад. Угол скорченности тупой, в коленях острый. Правая рука вытянута вдоль туловища, левая согнута в локте и уложена поперек живота. Перед грудью и у колен имелась посыпка порошком красной охры.

За спиной умершего под северо-западной стенкой свода находился костяк ребенка (возраст около 1 года) в скорченном положении на правом боку (**костяк 3**). Ориентирован на юг. Угол скорченности тупой, в коленях – близок к прямому. Кости рук плохой сохранности. Перед грудью найдены бронзовые спиралевидные подвески (одна в 2,5 оборота, вторая в 1,5 оборота). За тазом выявлены четыре бронзовые бусинки-пронизи. За черепом имелась посыпка порошком красной охры (рис. 12, 1).

1. Кварцитовая наковальня-терочник дисковидной формы. Верхняя поверхность слегка выпуклая со следами забитости. В центре имеет вмятину диаметром около 1,2 м, глубиной 0,6 см. Нижняя поверхность слегка вогнута, также с небольшой вмятиной в центре. Размеры изделия – 8,2х3,8 см (рис. 13, 1).

2. Серебряная спиралевидная подвеска в 1,5 оборота с раскованными и приотстренными лопастями. Диаметр проволоки 0,1-0,2 см. Ширина лопастей около 0,3 см. Диаметр витка 1,1 см (рис. 13, 2).

3. Бронзовая спиралевидная подвеска в 1,5 с раскованным в лопасть одним окончанием. Диаметр проволоки 0,15 см, ширина лопасти 0,3 см. Диаметр витка 1 см (рис. 13, 3).

4. Бронзовая спиралевидная подвеска в 2,5 оборота с раскованными в лопасти окончаниями. Диаметр проволоки 0,15 см, ширина лопасти 0,3 см. Диаметр витка 1 см (рис. 13, 4).

5. Четыре бронзовые бусинки-пронизи. Одна боченковидной формы, три цилиндрической с рельефными ободками по центру и краям (рис. 13, 9-12).

6. Четыре бронзовые подвески. Две в виде скрученной проволоки с петелькой и шариком на окончании. Две другие пластинчатые с двумя шариками. Их стержни оформлены в виде прямых продольных полосок и вертикальным рядом шнуrowого орнамента. Средние размеры подвесок 2х0,7 см (рис. 13, 5-8).

Погребение 6 (раннекатакомбное) выявлено под углом 210° на расстоянии 1,7 м от Ц с глубины 0,5 м (0,2 м от П).

Входная шахта в плане прямоугольной формы (1,21х1,05 м) ориентирована по линии юго-восток–северо-запад. Заполнение состояло из мягкого смешанного грунта.

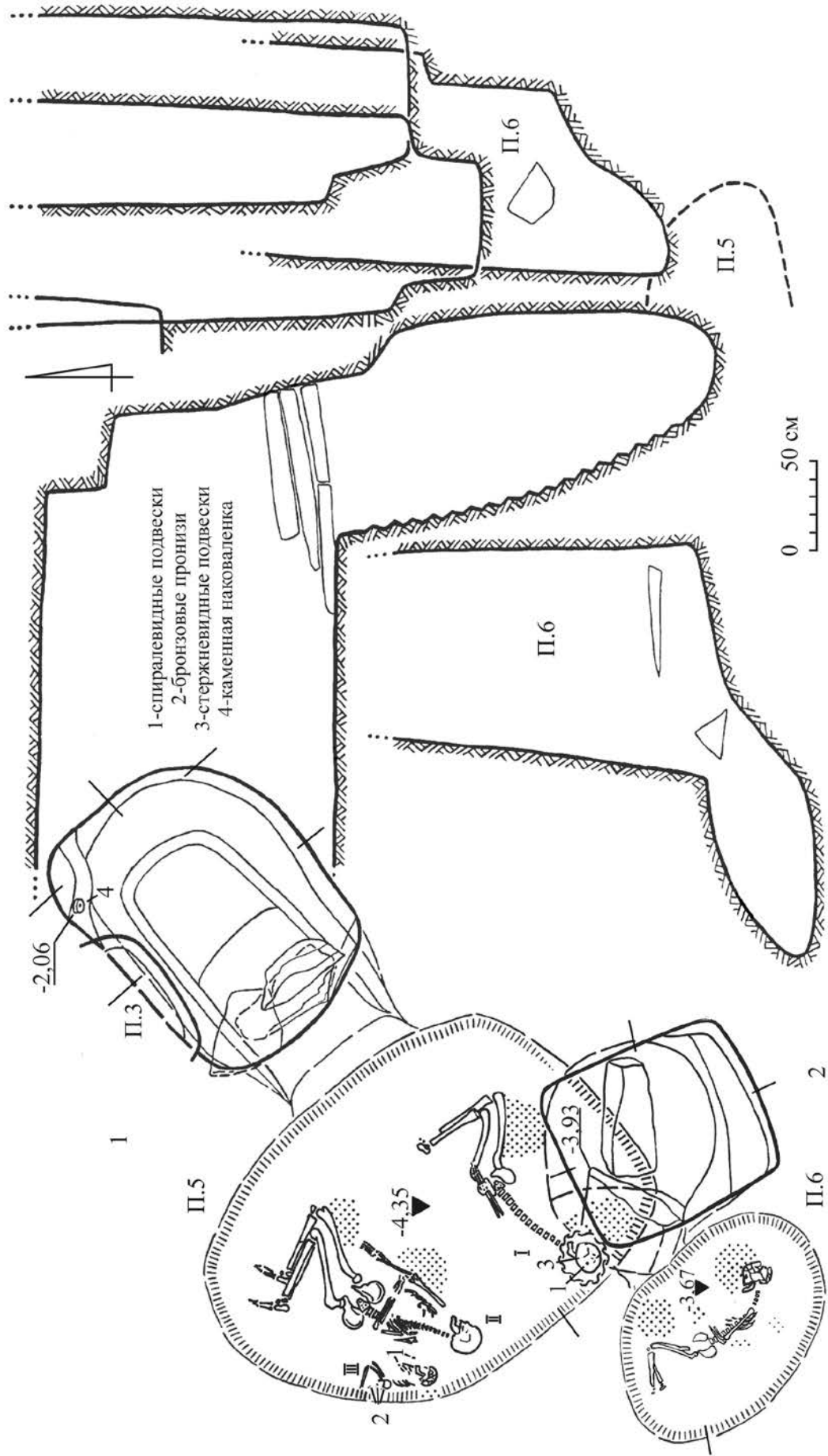

Рис.12. Лисичанск, ЛЖЗ. 1 - кург. 3, погр. 5; 2 - кург. 3, погр. 6

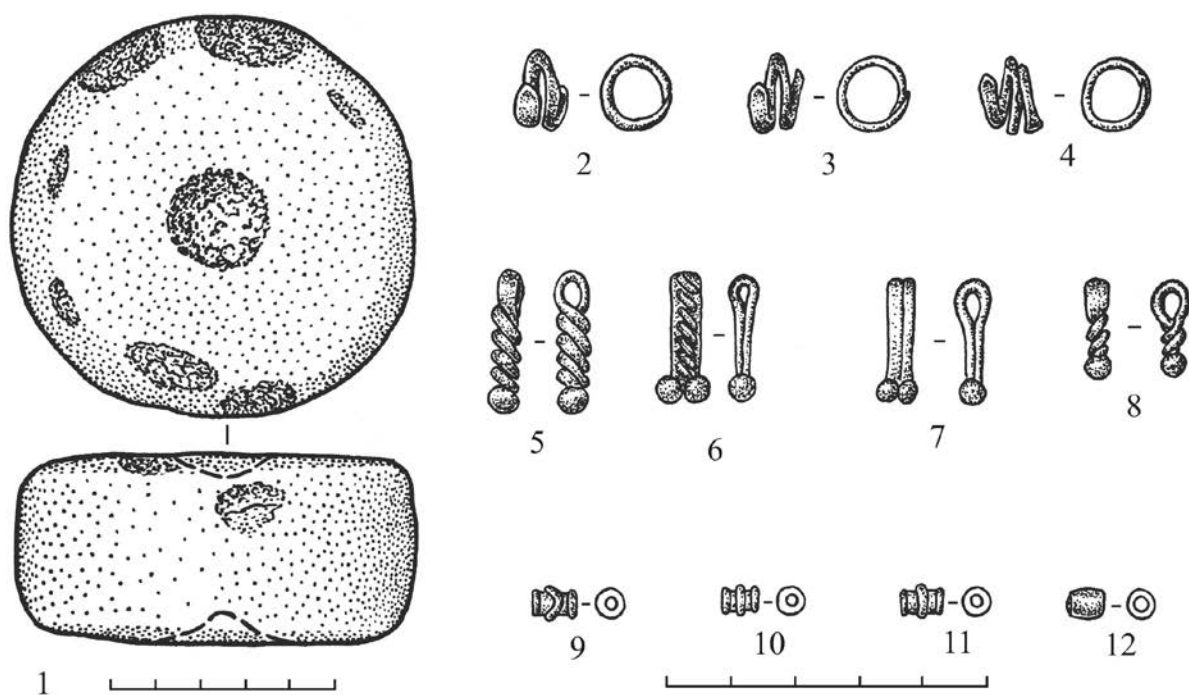

Рис.13. Лисичанск, ЛЖЗ. 1-12 - кург. 3, погр. 5

Дно устроено на глубине 3,03 м. Под юго-восточной стенкой на глубине 2,15 м оставлена ступенька-уступ шириной 0,2 м. На стенках прослежены желобчатые вертикальные следы орудий землекопов на длину 0,2-0,3 м, шириной около 2-3 см. Дно шахты понижалось к северо-западной стенке, где строители предполагали устроить устье камеры. Однако здесь они вышли на провал погребальной камеры основного катакомбного погребения 5 и сместили устье новой камеры на северо-западный угол входной шахты.

Входное отверстие имело арочную форму шириной 0,4 м и высотой 0,42 м. Его перекрывали две плиты песчаника средних размеров – 0,6х0,5х0,3 м.

Погребальная камера в плане овальной формы (1,45х1 м) ориентирована по линии юго-восток–северо-запад. Высота свода в центре 0,55 м. Дно устроено на глубине 3,67 м. Заполнена мягким затекшим грунтом.

В центральной части дна на подстилке из коричневого тлена находился костяк ребенка 8-10 лет в скорченном положении на правом боку. Ориентирован умерший на юго-восток-восток. Угол скорченности тупой, в коленях близок к прямому. Кости правой руки не сохранились. Левая рука согнута в локте и уложена поперек живота. Перед черепом, у колен, за костяком прослежены локальные пятна порошка красной охры (рис. 12, 2).

КУРГАН 4

Расположен в восточной части могильника на расстоянии 0,2 км на северо-восток от кургана 3 и 0,14 км на северо-восток от наивысшего кургана с триангуляци-

онным знаком (рис. 1, 3). Насыпь округлой полусферической формы, не распахи-лась. На поверхности встречались отдельные камни (мергель), средние размеры ко-торых 0,3х0,3х0,2 м. Высота кургана от современной поверхности 0,8 м (1,2 м от ДГ), диаметр 16 м.

Основным и центральным являлось погребение 5 срубной культуры, окружен-ное на поверхности погребенной почвы материковым выкидом. Над захоронением возведена насыпь из серого гумуса. Ее диаметр устанавлен по площади древнего горизонта – около 13 м. Поверхность первичной насыпи местами обложена камня-ми мергеля (размером 0,2х0,2х0,1 м), сохранившимися на ее полах под небольшим слоем оплывшего грунта. Высота насыпи определяется ее современными размерами – не менее 1,2 м. Впуск остальных срубных захоронений 1- 4 был произведен к востоку и западу в курганные полы (рис. 14, 1).

В стратиграфическом разрезе, составленном по западному профилю централь-ной бровки, прослеживались: материк с глубины 1,6 м, слой погребенной почвы мощ-ностью 0,3 м с видимой линией древнего горизонта на длину 13 м. В центре профиля фиксируется разрез могильной ямы основного погребения 5, к северу и югу от ко-торого на древнем горизонте залегают линзы материкового выкида мощностью до 0,3 м. Насыпь кургана сложена из серого гумуса и в центре профиля достигает в вы-соту 1,2 м. На ее полах имеются прослойки из камней мергеля. Толщина дернового слоя 0,2-0,25 м (рис. 14, 2).

Погребение 1 (срубное) выявлено под углом 105° на расстоянии 6,5 м от Ц (Ц – центральная часть основного срубного погребения 5) на глубине 1,65 м (1,2 м от П).

Могильная яма прямоугольной формы (0,93х0,72 м) ориентирована по линии вос-ток-запад. Заполнение состояло из рыхлого гумуса. Дно устроено на глубине 1,75 м. Под северной и южной стенками сохранились небольшие камни (песчаник), средние размеры которых 15х5х5 см.

В центральной части дна располагались остатки костяка ребенка (возраст 1-2 года) плохой сохранности. Умерший находился в скорченном положении на левом боку и был ориентирован на северо-восток. Кости рук согнуты в локтях и кистями направле-ны к лицу. Углы скорченности и в коленях острые. В юго-восточном углу ямы обнаружен фрагмент сосуда (рис. 15, 1).

1. Фрагмент придонной части сосуда темно-коричневого цвета с серыми пятнами. Диаметр дна около 11 см. Высота сохранившихся стенок 10,8 см (рис. 15, 2).

Погребение 2 (срубное) выявлено под углом 240° на расстоянии 5 м от Ц с глуби-ны 0,7 м (0,5 м от П).

Погребальная конструкция представлена каменным ящиком прямоугольной формы, сложенным из поставленных на ребро плит песчаника. Средние размеры сооружения 1,27х0,87 м. Ориентировано по линии восток-запад. Устроено в черноземной насыпи кургана. Средние размеры плит 0,4х0,30х0,05 м. Дно находилось на глубине 1,02 м.

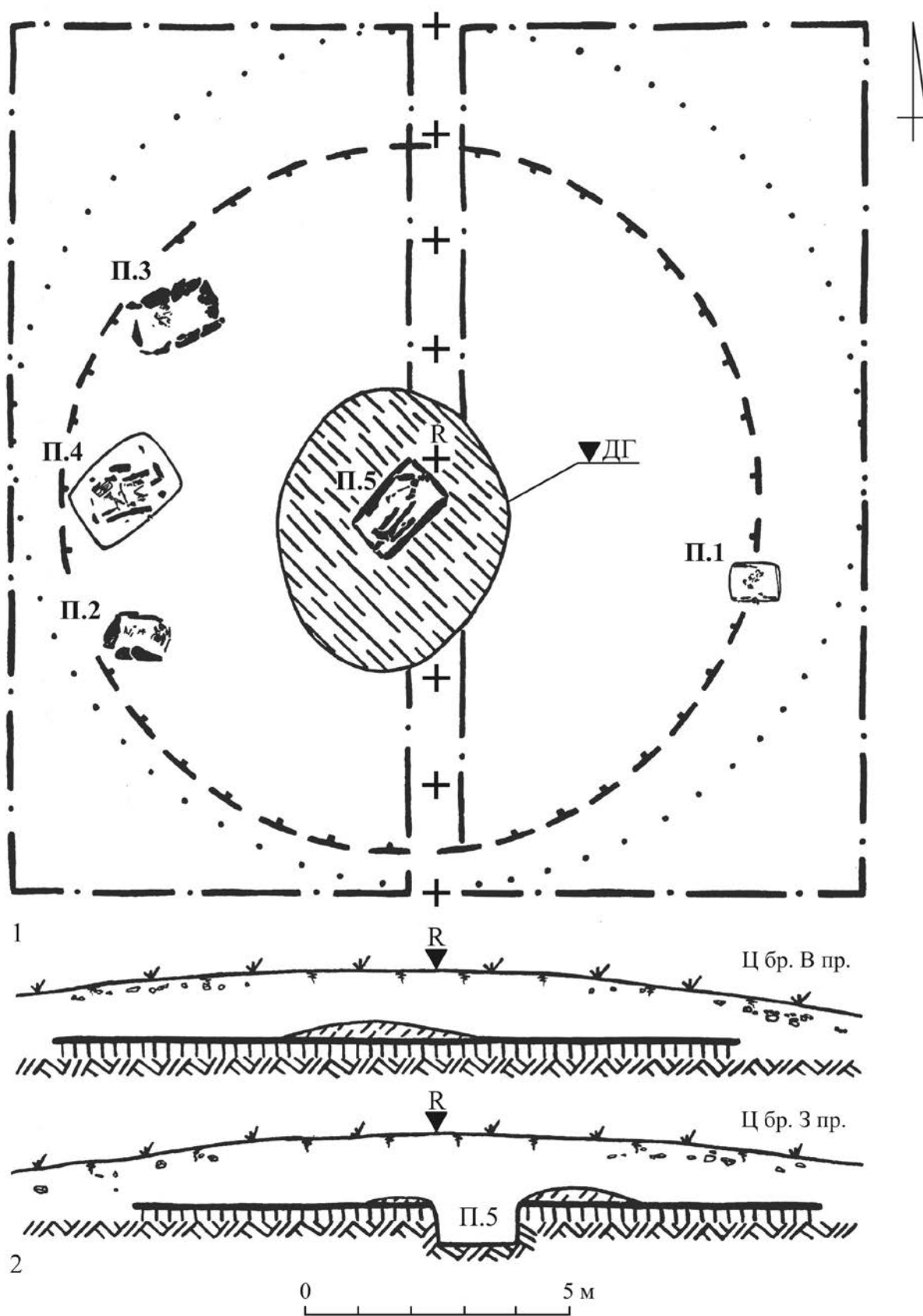

Рис.14. Лисичанск, ЛЖЗ. 1 - общий план кургана 4;
2 - профили центральной бровки кургана 4

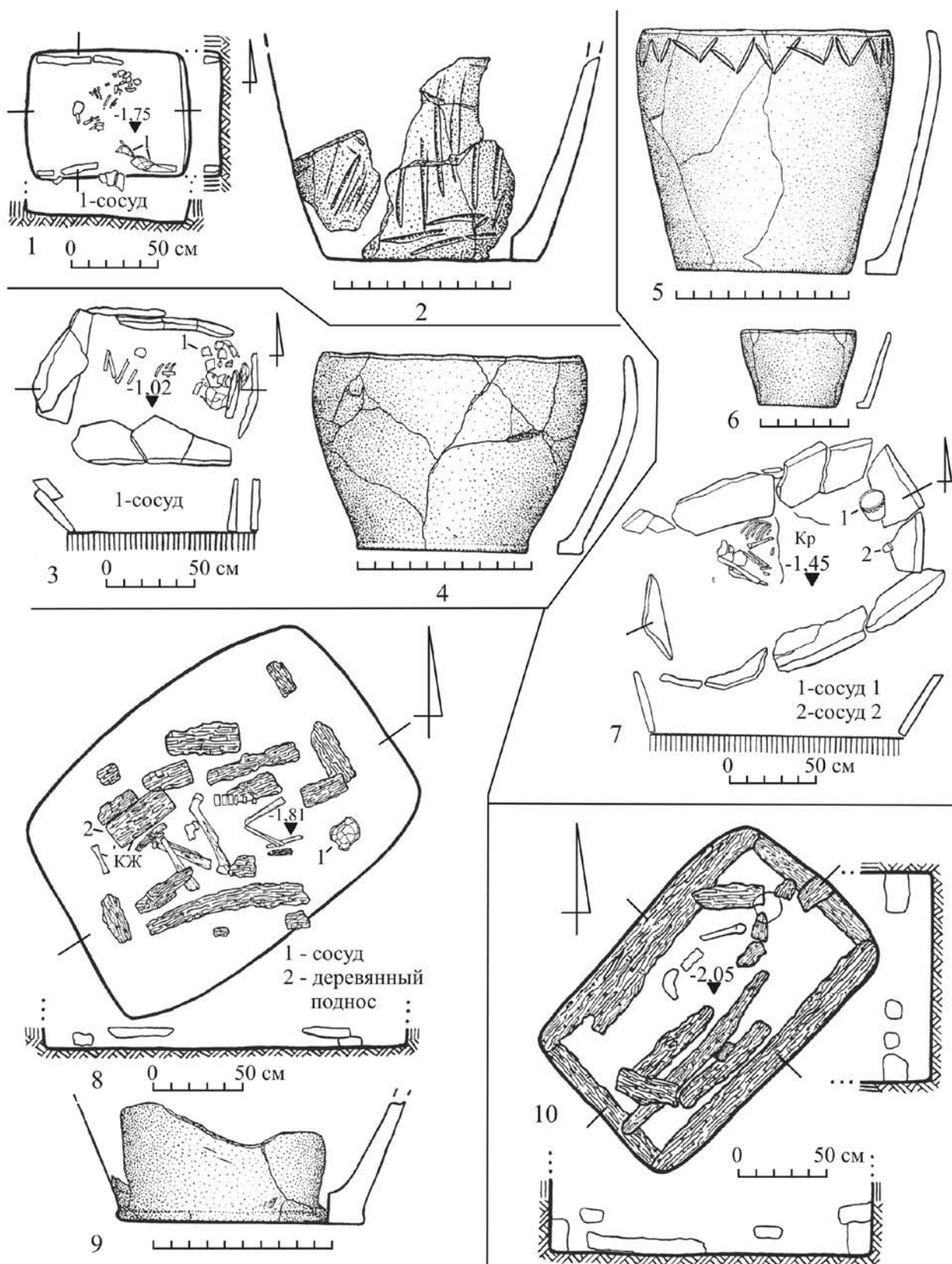

Рис.15. Лисичанск, ЛЖЗ. 1,2 - кург. 4, погр. 1; 3,4 - кург. 4, погр. 2;
5-7 - кург. 4, погр. 3; 8,9 - кург. 4, погр. 4; 10 - кург. 4, погр. 5

Костяк подростка располагался в скорченном положении на левом боку ориентирован на восток. Угол скорченности тупой, в коленях – острый. Кости рук не сохранились. За изголовьем выявлен развал сосуда (рис. 15, 3).

1. Лепной сосуд баночной формы со стянутым внутрь краем и невыразительной закраиной у дна. Внешняя поверхность серо-оранжевого цвета. Н = 10,8 см, Дв = 14 см, Дд = 8,6 см (рис. 15, 4).

Погребение 3 (срубное) выявлено под углом 310° на расстоянии 10 м от Ц с глубины 1,1 м в черноземной насыпи кургана.

Погребальная конструкция представлена ящиком из плит песчаника прямоугольной формы. Размеры сооружения 1,75x1,14 м. Ориентировано по линии юго-запад-запад-северо-восток-восток. Средние размеры плит 0,5x0,4x0,08 м. Дно устроено на глубине 1,46 м.

На дне выявлены останки костей подростка плохой сохранности. Судя по их расположению, первоначально умерший находился в скорченном положении на левом боку и был ориентирован на восток. Углы скорченности и в коленях острые. Руки согнуты в локтях и кистями уложены перед животом. Под восточной стенкой ящика оставлены два сосуда (рис. 15, 7).

Сосуд 1 баночной формы со слегка стянутым краем. Под венчиком нанесен зигзаг из коротких врезных линий. Внешняя поверхность серо-коричневого цвета с черными пятнами. Н = 13,3 см, Дв = 15,3 см, Дд = 9,8 см (рис. 15, 5).

Сосуд 2 миниатюрной баночной формы. Внешняя поверхность серо-оранжевого цвета с красноватыми пятнами. Н = 4,5 см, Дв = 6,5 см, Дд = 4,5 см (рис. 15, 6).

Погребение 4 (срубное) выявлено под углом 270° на расстоянии 4 м от Ц с глубины 1,7 м (1,5 м от П).

Могильная яма в плане прямоугольной формы (2x1,48 м) ориентирована по линии юго-запад-северо-восток. Заполнение состояло из рыхлого гумуса. Дно устроено на глубине 1,81 м. У дна прослежены остатки внутримогильного деревянного сооружения из плашек в виде горизонтального продольного перекрытия, опирающегося на две поперечные плашки у северо-восточной и юго-западной стенок могилы. Толщина поперечных плашек 6-8 см, ширина – 10-15 см, длина – до 90 см. Толщина продольных плашек перекрытия 5 см, ширина – около 10-15 см, сохранившаяся длина – до 100 см.

Под деревянным перекрытием на дне могилы находился костяк взрослого человека плохой сохранности. Судя по расположению сохранившихся костей, умерший был уложен в скорченном положении на левом боку и ориентирован на восток. Углы скорченности и в коленях острые. Руки согнуты в локтях и кистями направлены к лицу. За тазом обнаружены остатки деревянного подноса и кость животного. Перед изголовьем найдена нижняя часть разрушенного сосуда (рис. 15, 8).

1. Днище лепного сосуда с небольшой закраиной у дна. Внешняя поверхность серо-коричневого цвета. Диаметр дна 13 см, сохранившаяся высота стенок 6,5 см (рис. 15, 9).

2. Деревянный тлен желтого цвета от прямоугольного подноса размером 38x16 см. Углы закруглены. Толщина 0,5 см. Изделие не сохранилось.

Погребение 5 (срубное, центральное, основное) выявлено в центре подкурганного пространства с уровня поверхности погребенной почвы. Окружено овальным в плане (5,2x3,3 м) материковым выкидом толщиной до 0,3 м. Направлен выкид по линии север-юг.

Могильная яма в плане прямоугольной формы (1,8x1,13 м) ориентирована по линии юго-запад-северо-восток. Дно устроено на глубине 2,05 м (0,75 м от древнего горизонта).

Под северо-восточной и юго-западной стенками уложены поперечные плахи длиной около 1 м, шириной 0,12-0,15 м, толщиной 0,18 м. Они составляли опору для плах продольного перекрытия. Центральная часть перекрытия разрушена землеройными животными. Хорошо сохранились продольные плахи под стенками могилы. Их средняя длина – до 1,7 м, ширина – 0,15 м, толщина – 0,1-0,15 м.

Под плахами перекрытия на дне ямы находился костный тлен от взрослого умершего. Судя по сохранившимся участкам, первоначально умерший был уложен в скорченном положении на левом боку и ориентирован на северо-восток. В заполнении юго-западного угла могилы встречен фрагмент лепного сосуда (рис. 15, 10).

1. Фрагмент венчика от сосуда острореберного типа. Внешняя поверхность серо-оранжевого цвета. Размеры фрагмента – 7x6 см.

КУРГАН 5

Размещен в восточной части могильника на естественном всхолмлении на расстоянии 30 м на северо-восток от кургана 4. Насыпь в плане округлой формы с уплощенной вершиной. Задернована. Поверхность сильно повреждена окопами и огневыми гнездами времен ВОВ. Высота насыпи от современной поверхности и от древнего горизонта 1 м, диаметр около – 16 м (рис. 1, 3).

Основным и центральным в кургане являлось финальноабашевское погребение 2, совершенное в неглубокой яме в слое погребенной почвы. Над ним из серого гумуса возведена насыпь диаметром около 7,6 м и высотой не менее 1 м.

В последующем в юго-западную полу совершен впуск срубного погребения 1. По всей видимости, насыпь была досыпана тем же грунтом до современных размеров (рис. 16, 1).

В стратиграфическом разрезе, составленном по северному профилю центральной бровки, прослеживались: материк с глубины 1,55 м, слой погребенной почвы мощностью 0,5 м с видимой линией древнего горизонта на длину 7 м, постепенно понижающийся к западу. В центре профиля на уровне древнего горизонта прослежены фрагменты

плах от перекрытия основного погребения 2. Западная часть профиля разрушена окомпом времен ВОВ. Высота насыпи из серого гумуса – около 1 м. Мощность дернового слоя 0,2-0,25 м (рис. 16, 2).

Погребение 1 (срубное) выявлено под углом 205° на расстоянии 3,5 м от основного и центрального погребения 2 с глубины 1,66 м (1,4 м от поверхности).

Могильная яма в плане подквадратной формы (1,2x1,07 м) ориентирована по линии восток-запад. Заполнение состояло из рыхлого чернозема. Дно устроено на глубине 1,86 м. В заполнении на глубине 1,7 м зафиксированы остатки горизонтального заслона из поперечных и продольных плах, лежащих без видимой системы. Их ширина – около 0,15-0,2 м, толщина – 0,06 м, длина – до 0,5 м.

На дне находился костяк подростка плохой сохранности. Судя по расположению костей, умерший первоначально уложен в скорченном положении на левом боку и ориентирован на восток. Углы скорченности и в коленях острые. Руки согнуты в локтях и уложены кистями к лицу. Перед черепом находился разрушенный сосуд (рис. 16, 5).

1. Лепной сосуд острореберной формы со слабо отогнутым венчиком. По ребру нанесен поясok коротких прямых насечек. Плечики украшены двумя поясками оттисков веревочки, между которыми нанесен двойной шнуровой зигзаг, окантованный рядами коротких вдавлений перевитого шнура. Внешняя поверхность серо-коричневого цвета с черными пятнами. Н = 14 см, Нб = 8,5 см, Дв = 14 см, Дд = 9,5 см (рис. 16, 6).

Погребение 2 (финальноабашевское, центральное, основное) выявлено в центре подкурганного пространства с уровня поверхности погребенной почвы. Совершено в неглубокой могильной яме в толще погребенной почвы на глубине 0,3 м от древнего горизонта. Контур ямы не прослеживались.

Вокруг могилы на древнем горизонте зафиксированы фрагменты плах от деревянного перекрытия.

Костяк взрослого человека находился в скорченном положении на левом боку и был ориентирован на северо-восток. Угол скорченности прямой, в коленях – острый. Руки согнуты в локтях и кистями направлены к лицу. На костяке сохранились фрагменты плашек от перекрытия. Их ширина – около 6 см, толщина – 1 см, сохранившаяся длина – до 30 см. У живота найден сосуд (рис. 16, 3).

1. Лепной стройный сосуд с зауженными плечиками и слабовыраженным ребром. Край слегка отогнут. На придонной части – невыразительный поддон. Внешняя поверхность серо-оранжевого цвета с коричневыми пятнами и выразительными вертикальными следами мелких расчесов и подтеков со стороны дна. Н = 19 см, Нб = 12,5 см, Дв = 17,8 см, Дд = 9,8 см (рис. 16, 4).

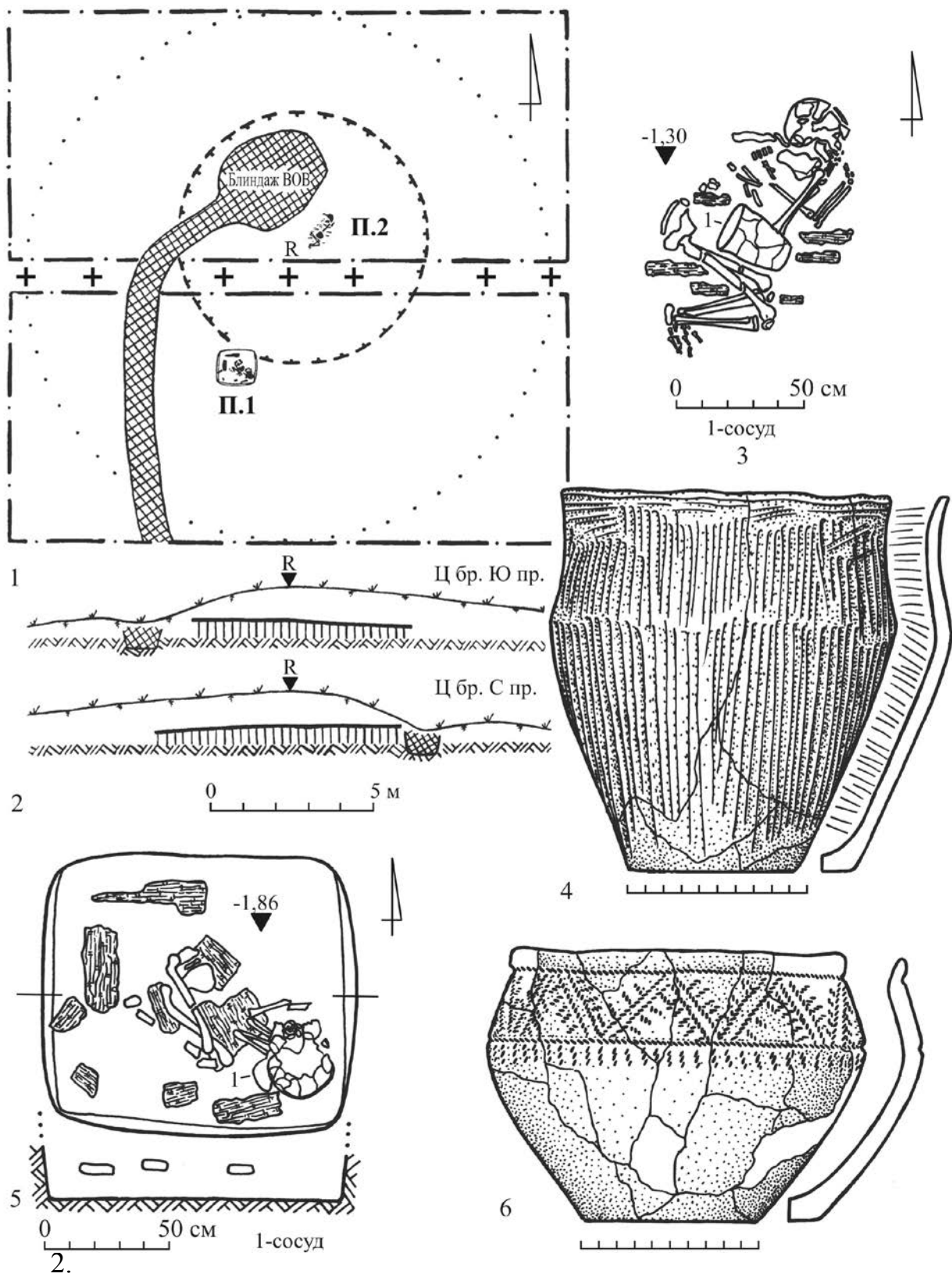

Рис.16. Лисичанск, ЛЖЗ. 1,2 - общий план и профили центральной бровки кургана 5; 3,4 - кург. 5, погр. 2; 5,6 - кург. 5, погр. 1

Фото 8. Лисичанск, ЛЖЗ, кург. 6

КУРГАН 6

Сооружен в центральной части могильника на юго-западной окраине Лисичанска и являлся пятым по счету с запада на восток, находился на расстоянии 60 м на северо-восток-восток от наивысшего центрального кургана с триангуляционным знаком (рис. 1,3).

Насыпь в плане округлой полусферической формы. Задернована. В северной части прослежен окоп периода ВОВ, ведущий к центру, где расположена западина от пулеметного гнезда. Высота кургана от современной поверхности 3 м (2,4 м от древнего горизонта), диаметр – около 32 м (фото 8).

Основным и центральным являлось раннекатакомбное захоронение 9, совершенное с поверхности погребенной почвы. Поскольку камера погребения грунтом не заполнялась, а входная шахта была забутована камнями песчаника, то материковый выкид из погребальной конструкции уложен в виде кольцевого вала вокруг катакомбы на поверхности погребенной почвы. В плане он имел вид кольца диаметром 8 м с центром над устьем камеры. Максимальная мощность вала 0,6-0,7 м. Над захоронением и валообразным выкидом из кусков дерна возведена первичная насыпь диаметром около 19 м с центром над погребальной камерой основного захоронения. В центральной части высота от уровня древнего горизонта составляла 1,5-1,4 м (рис. 17).

В последующем в юго-западную полу первичной насыпи произведен выпуск раннекатакомбного захоронения 10, прослеженный по характеру грунта заполнения входной шахты. Материковым выкидом из катакомбы была забутована (утрамбована) входная шахта. На поверхности же первичной насыпи его следы отсутствовали. Впуск погребения 10 не сопровождался доращиванием насыпи или же локальной досыпкой.

По всей видимости, на вершине первичного кургана была установлена антропоморфная стела-идол, сброшенная на северо-западную полу перед сооружением вторичной насыпи.

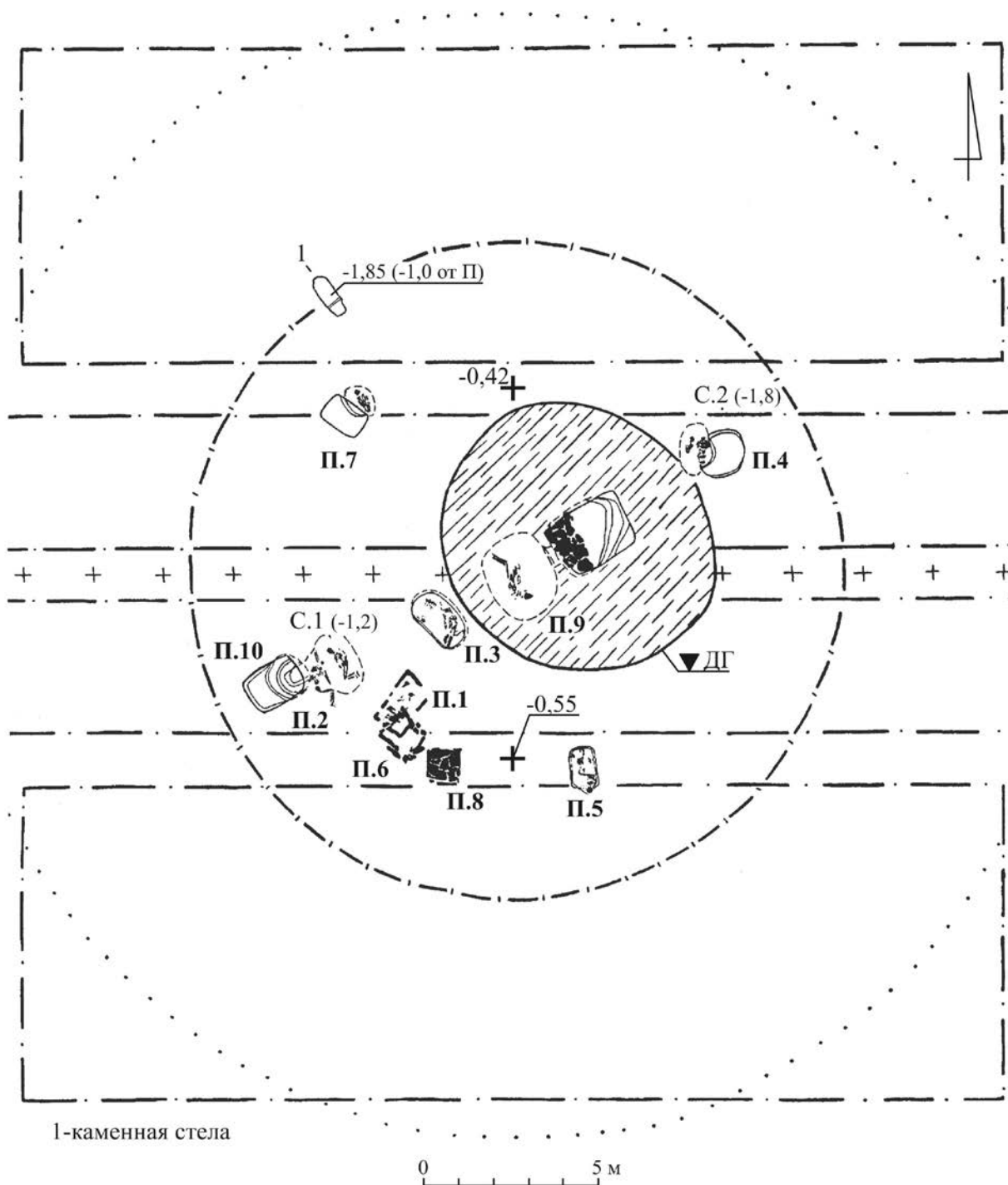

Рис.17. Лисичанск, ЛЖЗ. Общий план кургана 6

В дальнейшем в первичную насыпь с севера-востока, юго-запада и северо-запада впущены еще три катакомбных погребения 3, 4, 7, также без видимых следов выкидов на поверхности и досыпок. Впуск финальнообашевских погребений 2, 5, 8 не сопровождался доразшиванием насыпи.

Досыпка кургана, т.е. сооружение вторичной насыпи, произведены после впуска в ее юго-западную полу срубного погребения 1 в деревянной рамочной (срубной) конструкции. Общая мощность вторичной насыпи в центральной части составляла около 0,7-0,8 м.

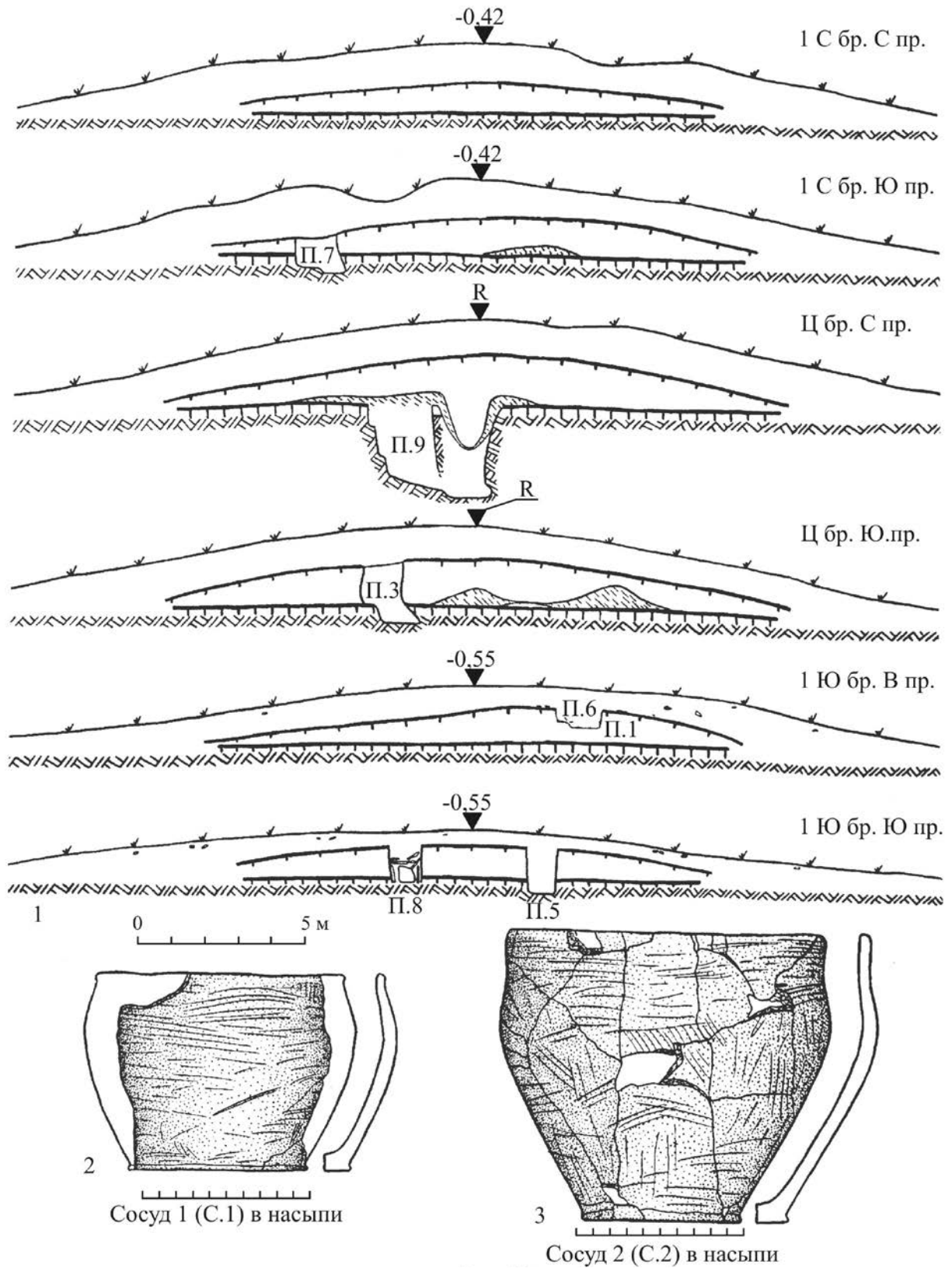

Рис.18. Лисичанск, ЛЖЗ. 1 - профили бровок кургана 6;
2,3 - сосуды из насыпи кургана

В пределах южной половины – 0,3 м. Ее диаметр определяется современными параметрами кургана – около 30-32 м. Сложена вторичная насыпь из однородного серого гумуса. Она перекрыла все катакомбные и финальноабашевские захоронения, а также каменную антропоморфную стелу-идол на северо-западном склоне древнего кургана (рис. 17).

В стратиграфическом разрезе, составленном по северному профилю центральной бровки, прослеживались: материк, слегка понижающийся к западу и востоку, с глубины 2,8 м; слой погребенной почвы мощностью 0,25-0,3 м с глубины 2,4 м с видимой линией древнего горизонта в центральной части профиля на длину 18 м. В центре профиля прослежен разрез входной шахты основного катакомбного погребения 9 и провал над погребальной камерой этого захоронения. К западу и востоку от разреза на поверхности древнего горизонта и непосредственно над входной шахтой наблюдается слой материкового грунта на длину до 8 м средней мощностью до 0,3-0,4 м. Материковый выкид, залегающий над камерой, просел внутрь ее полости в результате осадки. Первичная насыпь сложена из кусков дерна. Ее мощность (высота) в центре профиля достигает 1,4 м. Над ней залегают вторичная насыпь, сложенная из серого гумуса средней толщины 1,1-1,2 м. Мощность дернового слоя – около 0,2 м (рис. 18, 1).

Сосуд № 1 в насыпи выявлен под углом 245° на расстоянии 5 м от центра на глубине 1,2 м (0,8 м от поверхности).

Лепной приземистый сосуд с высокопоставленными боками, покатыми небольшими плечиками и короткой слабовыраженной шейкой. Внешняя поверхность темно-оранжевого цвета с черными пятнами от нагара. Поддон слабо выражен. На поверхности фиксируются горизонтальные расчесы. Н = 13,5 см, Нб = 11 см, Нв = 0,6 см, Дв = 15,5 см, Дб = 17 см, Дд = 9 см (рис. 18, 2).

Сосуд № 2 в насыпи выявлен под углом 60° на расстоянии 8 м от центра на глубине 1,8 м (0,85 м от поверхности).

Лепной горшковидный сосуд со слабовыпуклыми боками, прямой шейкой и закраиной у дна. Внешняя поверхность серого цвета со следами нерегулярных расчесов. Н = 17 см, Нб = 11 см, Дв = 19 см, Дб = 19,5 см, Дд = 9,5 см (рис. 18, 3).

Антропоморфная стела-идол из песчаника. Изготовлена из плиты размером 1,28x0,53x0,23 м. Сверху выделен выступ высотой 10 см. Ширина его основания около 33 см. Поверхность стелы местами затерта, выветрена, покрыта выбоинами и выщербинами (рис. 19; фото 9-10).

На стеле спереди (лицевая часть) гравировкой нанесены контуры лица и рук человека. Голова выделена боковыми бороздами по основанию. На лице показаны глаза и рот. Ниже подбородка имеется изображение дисковидного медальона с ушком. Вокруг него нанесены девять небольших круглых углублений. По бокам стелы плоским рельефом изображены согнутые на уровне живота руки без контуров кистей. Между руками на груди и в области живота канавками показан солярный символ в виде круга с крестом. В нижней трети глубокими горизонтальными парными желобками

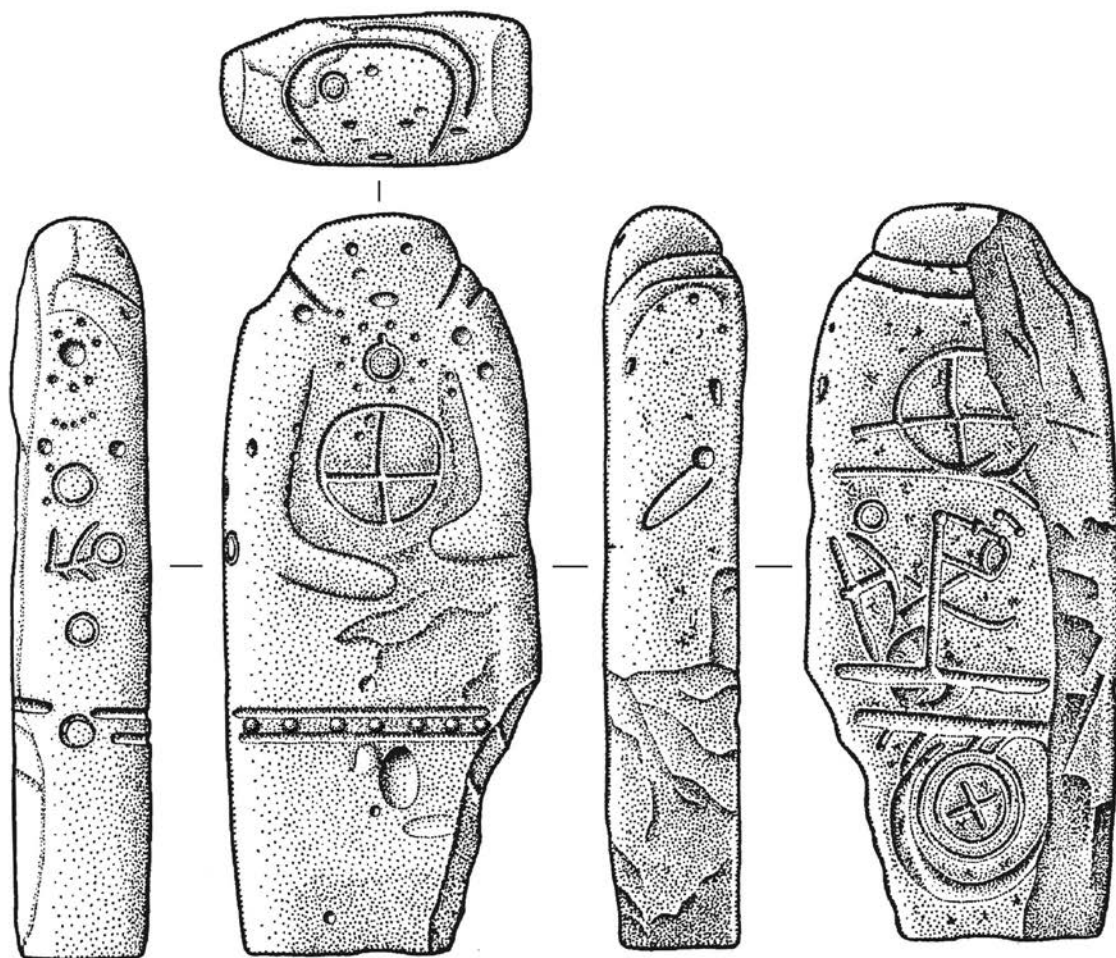

Рис.19. Лисичанск, ЛЖЗ. Каменная стела из насыпи кургана 6

изображен пояс с круглыми бляхами, идущий по периметру всей стелы. Ниже пояса фиксируется фалообразный выступ, направленный вверх.

Обратная сторона изваяния покрыта известковой коркой. Здесь изображения нанесены как в технике гравировки, так и пикетажа. Выступ (голова) подчеркнуты парными канавками в основании, которые могли олицетворять шейное украшение. На спине нанесено изображение круга с крестом, под которым расположен горизонтально-наклонный желобок. Выше пояса выбиты контуры бронзового топора с вертикальной рукоятью. Под ней просматривается косой крест. Слева от него канавками нанесены глубокие контуры лука со стрелой и кольца над ними. Под поясом канавками, гравировкой и пикетажем изображены две concentрические окружности с косым крестом в центре и спираль вокруг них. Правый бок частично поврежден.

На правом профиле (боковой грани), выше пояса, по вертикали нанесены круглая вмятина с шестью углублениями, дугообразно вогнутая линия из пяти вмятин, кольцо, составное изображение из кольца и горизонтальной елочки и два кольца ниже.

На левом профиле (боковой грани) на уровне живота изображено овальное изделие типа листовидного ножа. Нижняя часть левого основания отбита.

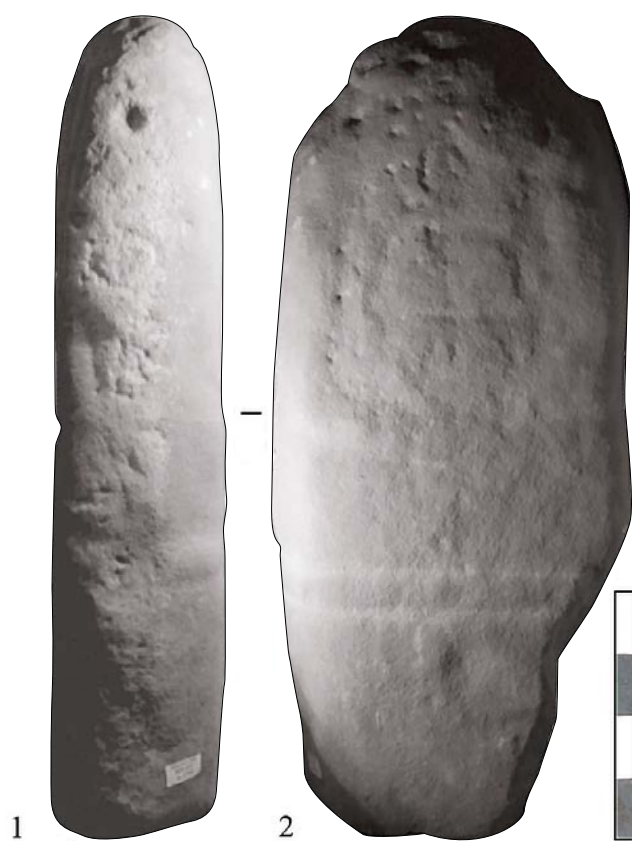

Фото 9. Лисичанск, ЛЖЗ, кург. 6. Стела-идол. 1- правая боковая грань, 2-лицевая сторона

Фото 10. Лисичанск, ЛЖЗ, кург. 6. Стела-идол. 1-левая боковая грань, 2-тыльная сторона

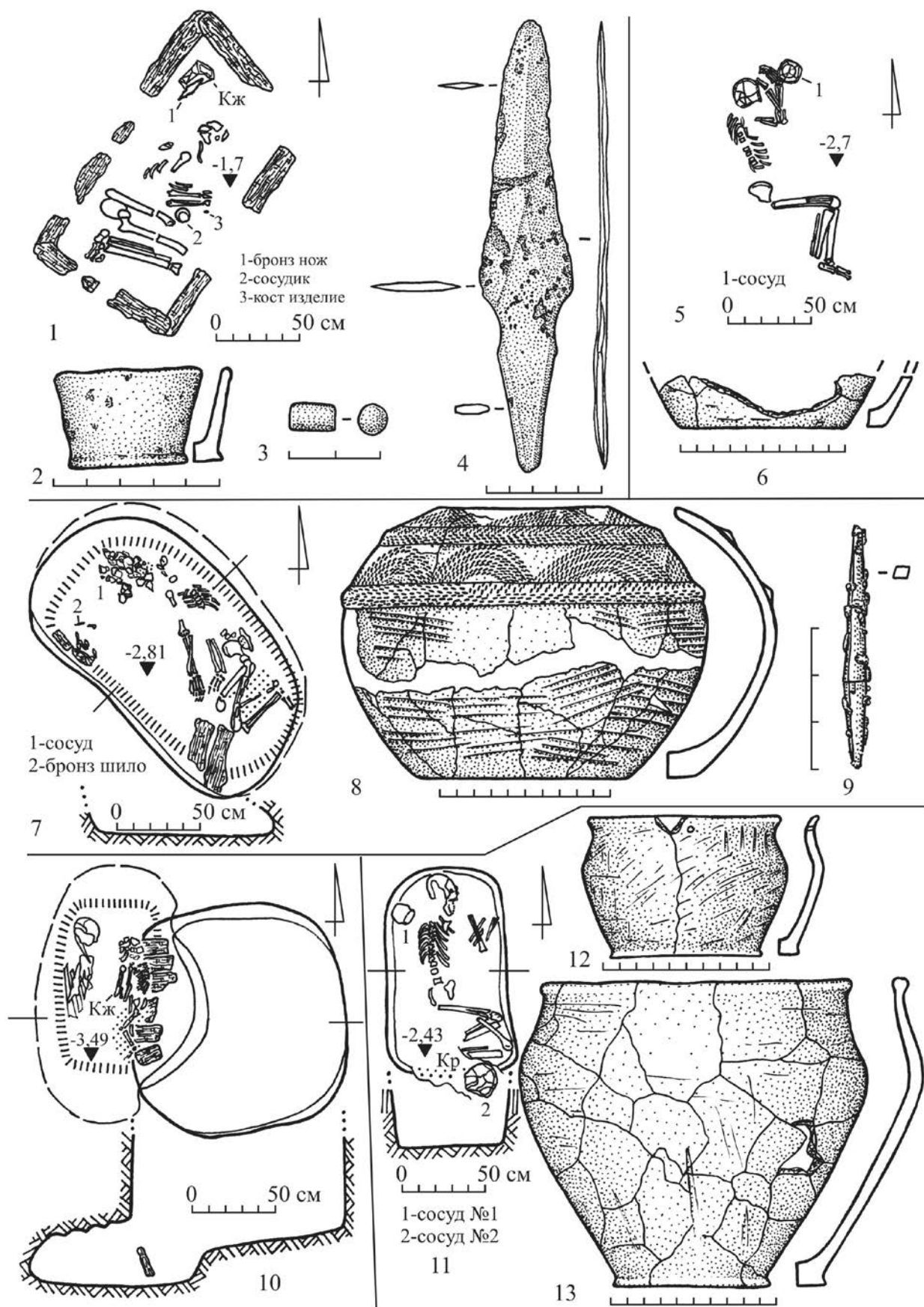

Рис.20. Лисичанск, ЛЖЗ. 1-4 - кург. 6, погр. 1; 5,6 - кург. 6, погр. 2;
7-9 - кург. 6, погр. 3; 10 - кург. 6, погр. 4; 11-13 - кург. 6, погр. 5

Погребение 1 (срубное) выявлено под углом 230° на расстоянии 3,5 м от центра (за центр Ц - принята центральная часть основного раннекатакомбного погребения 9) на глубине 1,7 м (1,1 м от П (поверхности)).

Погребальная конструкция представлена прямоугольным одновенцовым срубом (рамой), от которой сохранился древесный тлен толщиной около 1 см. Ориентировано сооружение по линии юго-запад–северо-восток. Общие размеры 1,7 х1 м. Сохранившаяся ширина бревен (плах?) около 12 см. Поперечные плахи наложены сверху на продольные. От перекрытия сохранились локальные пятна древесного тлена.

В центральной части деревянной конструкции находился костяк взрослого человека в скорченном положении на левом боку. Углы скорченности и в коленях острые. Пятки ног поджаты к тазу. Ориентирован умерший на северо-восток. Руки согнуты в локтях и уложены кистями перед грудью. У кисти правой руки обнаружен костяной цилиндрок. В северном углу сруба находилась лопатка животного и бронзовый нож на ней. У колен найден миниатюрный баночный сосудик (рис. 20, 1).

1. Миниатюрный баночный сосудик со слегка расширяющимися прямыми стенками и закраиной у дна в виде поддона. Н = 5,5 см, Н закраины = 0,8 см, Дв = 8 см, Дд = 7 см (рис. 20, 2).

2. Бронзовый черешковый нож с выраженным перекрестием у основания черешка. Лезвие сильно сработано и имеет вид удлинённого треугольника со скругленным острием клинка. Общая длина ножа 19,3 см. Длина лезвия 11,8 см. Его ширина у основания 4 см. Длина черешка до перекрестия 5,2 см (рис. 20, 4).

3. Костяной цилиндрок с заполированной поверхностью. По центру прослежена частичная круговая царапина. Размеры изделия – 1х0,6 см (рис. 20, 3).

Погребение 2 (финальноабашевское) выявлено под углом 220° на расстоянии 4 м от центра на глубине 2,7 м (2,15 м от поверхности) в насыпи кургана. Погребальное сооружение не прослежено.

Костяк взрослого человека плохой сохранности размещался в слабоскорченном положении на левом боку. Угол согнутости ног прямой. Руки согнуты и кистями поджаты к левой части черепа. Ориентирован умерший на северо-северо-запад. Перед кистями найдена придонная часть лепного сосуда (рис. 20, 5).

1. Придонная часть лепного сосуда без выраженной закраины у дна. Стенки сохранились на высоту до 4 см. Диаметр дна 10,5 см (рис. 20, 6).

Погребение 3 (позднекатакомбное) выявлено в центральной части кургана с глубины 1,1 м (1 м от П) по смешанному заполнению входной шахты, устроенной в курганной насыпи. Ее дно достигло поверхности древнего горизонта. Судя по южному профилю центральной бровки, глубина ступеньки, ведущей в погребальную камеру, составляла 0,5 м. Нижняя часть камеры сооружена в материковом грунте.

Погребальная камера в плане овальной формы (1,9х1,1 м) ориентирована по линии юго-восток–северо-запад. Ее дно находилось на глубине 2,81 м (1,7 м от П).

Под юго-западной стенкой сохранились фрагменты плах от заслона устья на длину до 0,35 м. Ширина плах – около 0,1 м, толщина – 5-6 см (рис. 20, 7).

На дне на слое коричневого тлена находился костяк взрослого человека плохой сохранности в скорченном положении на правом боку. Угол скорченности прямой, в коленях – острый. Кости рук вытянуты к коленям. У ног фиксируется посыпка порошком красной охры. Перед черепом выявлен развал лепного сосуда. В западном углу шахты среди костей человека, смещенных землеройными животными, найдено бронзовое шильце. Ориентирован умерший на северо-запад.

1. Бронзовое четырехгранное шильце с коротким черешком для насада. Длина изделия 5 см, толщина – 0,4 см, длина насада – 1,5 см (рис. 20, 9).

2. Лепной бесшейный сосуд реповидной формы. Близ горла и на боковинах размещены два налепных круговых валика, украшенных короткими оттисками веревочки в «елочку». От верхнего пояса валика до горловины изображены шнуровые заштрихованные треугольники вершинами вверх, между валиками – шнуровые заштрихованные фестоны вершинами вверх. Придонная часть украшена горизонтальными выраженными расчесами. Внешняя поверхность серо-оранжевого цвета. Н = 16 см, Нб = 10 см, Дв = 10,2 см, Дб = 21,6 см, Дд = 12,3 см (рис. 20, 8).

Погребение 4 (раннекатакомбное) выявлено под углом 60° на расстоянии 6 м от центра с глубины 1,95 м (1,2 м от поверхности) по смешанному заполнению входной шахты.

В плане входная шахта подквадратной формы (1,3х1,3 м) со скругленными углами. Ее стенки направлены по сторонам света. Заполнение состоит из смешанного очень утрамбованного грунта. Расчищалась конструкция с глубины 2,5 м. Дно устроено на глубине 3,1 м и постепенно понижалось к западу в сторону входа в камеру, в которую вел дугообразный уступчик глубиной 0,25 м (рис. 20, 10).

Входное отверстие арочной формы шириной 1 м. Свод обрушился в древности. Его примерная высота 0,4 м. Устье первоначально было закрыто вертикально стоящими плахами. Сохранился ряд из семи наклонностоящих (в сторону камеры) плах. Их средняя длина 0,4-0,5 м, ширина – около 0,1 м, толщина – 0,05 м.

Погребальная камера в плане овальной формы (1,5х0,8 м) ориентирована по линии юго-юго-запад–северо-северо-восток. Дно устроено на глубине 3,49 м. В центральной части на прямоугольном тлене коричневого цвета (1х0,6 м), ближе к тыльной стенке, размещались в виде пакета длинные кости взрослого человека, кости плеча и черепа. Аккуратное скопление костей вытянуто по линии север-юг. С севера к ним примыкал череп. Некоторые кости плохой сохранности и растрошены.

Перед ними, у входа в камеру, расположен костяк ребенка (возраст около 5 лет) спиной к выходу в слабоскорченном положении на правом боку. Угол скорченности тупой, в коленях – прямой. Руки вытянуты вдоль туловища к коленям. Ориентирован умерший на север. Перед грудной клеткой находились кости конечности овцы (козы). Около таза и ног прослежена посыпка порошком красной охры (фото 11).

Фото 11. Лисичанск, ЛЖЗ, кург. 6, погр. 4

Погребение 5 (финальноабашевское) выявлено под углом 160° на расстоянии 5,2 м от центра с глубины 0,75 м (0,4 м от поверхности) по смешанному заполнению могилы.

Яма в плане прямоугольной формы (1,23x0,7 м) с округленными углами, слегка сужается к низу. Дно устроено на глубине 2,43 м (1,7 м от зафиксированного уровня впуска).

На дне находился костяк взрослого человека в скорченном положении на левом боку с северной ориентацией. Угол скорченности близок к прямому, в коленях – острый. Руки согнуты в локтях. Их кисти уложены перед подбородком. За черепом стоял лепной горшок (сосуд 1). В ногах, в пределах разрушенной кротовиной южной стенки ямы, найден фрагментированный горшок (сосуд 2) (рис. 20, 11).

1. Лепной горшковидный сосуд (сосуд 1) с короткой слегка отогнутой шейкой и выраженными высокорасположенными боковинами. Закраина у дна отсутствует. Под венчиком имеется пара симметрично расположенных сквозных сверленных отверстий диаметром 0,3 см. Внешняя поверхность серо-коричневого цвета с черными и оранжевыми пятнами. На боковинах имеются косые грубые расчесы. Н = 8,7 см, Нш = 1 см, Нб = 6 см, Дв = 10,7 см, Дб = 11,2 см, Дд = 8,8 см (рис. 20, 12).

2. Лепной стройный подострореберный горшок (сосуд 2) с утолщением под венчиком и закраиной у дна. Внешняя поверхность черно-коричневого цвета со следами тонких расчесов. Н = 18 см, Нб = 13 см, Дв = 18,5 см, Дб = 21 см, Дд = 9,5 см (рис. 20, 13).

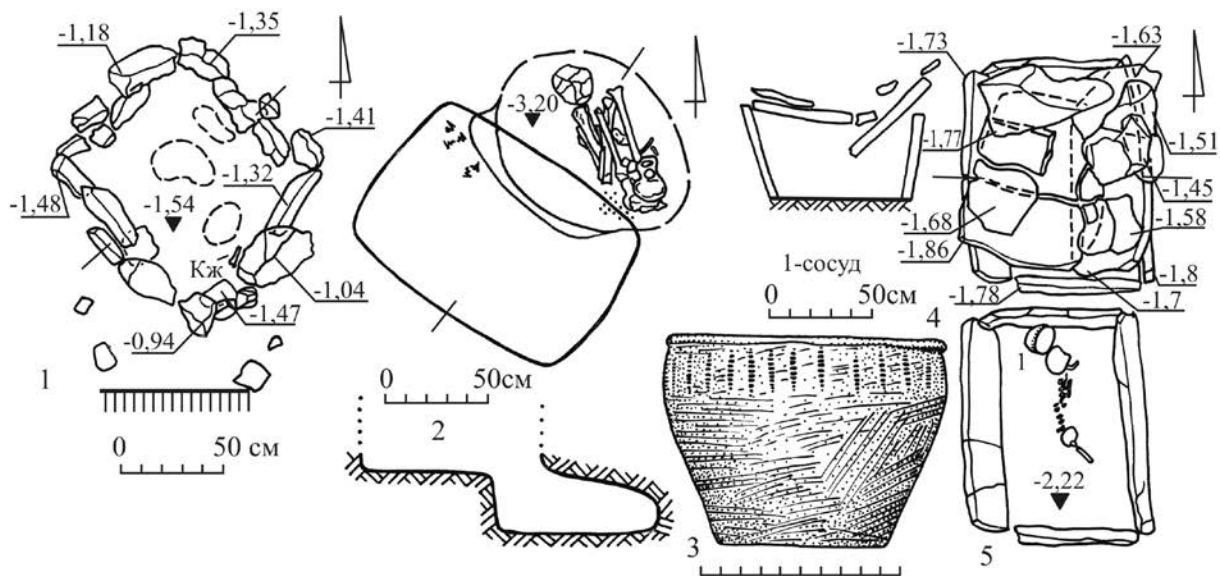

Рис.21. Лисичанск, ЛЖЗ. 1 - кург. 6, погр. 6; 2 - кург. 6, погр. 7; 3-5 - кург. 6, погр. 8

Погребение 6 (срубное) выявлено под углом 220° на расстоянии 5 м от центра в черноземной насыпи кургана с глубины 1,1 м (0,6 м от поверхности). Находилось над срубным погребением 1.

Представлено прямоугольной конструкцией (1,3x1,1 м) из камней песчаника. Их средние размеры 0,3x0,15x0,1 м. Камни расположены впритык друг к другу в виде оградки. Ориентирована могила по линии юго-восток–северо-запад. Ее внутреннее пространство уплотнено в виде дна и находилось на глубине 1,7 м (0,9 м от поверхности). На нем прослежены локальные пятна белого тлена. В южном углу встречена трубчатая кость сустава овцы (козы) (рис. 21, 1).

Погребение 7 (раннекатакомбное) выявлено под углом 320° на расстоянии 5,5 м от центра с глубины 2,1 м (1,4 м от поверхности) на уровне склона первичной насыпи по смешенному заполнению входной шахты.

Входная шахта в плане прямоугольной формы (1,28x0,9 м) ориентирована по линии юго-восток–северо-запад. Заполнение состояло из смешанного грунта. Дно устроено на глубине 2,92 м. Под северо-восточной стенкой размещен узкий щелевидный вход в камеру. Слева от входа прослежены древесные угольки. Ширина лаза 0,9 м. Посредством уступа глубиной 0,28 м дно шахты переходит в дно камеры. Высота входа у входного отверстия составляет 0,31 м. Здесь на разном уровне прослежены остатки заслона в виде древесного тлена.

Небольшая погребальная камера в плане овальной формы (1,05x0,77 м) ориентирована по линии юго-восток–северо-запад. Ее дно находилось на глубине 3,2 м (1,2 м от уровня впуска в поверхность первичной насыпи). Заполнение состояло из смешанного грунта.

В центральной части дна в виде пакета сложены кости взрослого человека. Снизу скопления размещены разрозненные кости позвоночного столба и грудной клетки. На них сверху уложены кости конечностей. С юго-востока примыкали кости таза, а с северо-запада – черепа. Около костей таза наблюдалась посыпка порошком красной охры (рис. 21, 2).

Погребение 8 (финальноабашевское) выявлено под углом 200° на расстоянии 5,5 м от центра с глубины 0,75 м (0,5 м от поверхности).

Погребальная камера представлена сооружением в виде каменного ящика. На глубине 1,45-1,86 м прослежено горизонтальное перекрытие конструкции, состоящее из плит песчаника. Общие размеры перекрытия 1x1 м. Средние размеры камней – 0,5x0,3x0,05 м. Камни просели в центральной части внутрь каменной конструкции (рис. 21, 4).

С глубины 1,73-1,8 м прослежены четыре плиты, установленные на ребро и составляющие стенки могильной конструкции. Ее общие размеры 1,15x0,9 м. Ориентирован ящик по линии север-юг. Размеры продольных плит – около 1,05x0,45x0,05 м, поперечных – 0,65x0,4x0,05 м. Утрамбованное дно устроено на уровне материка на глубине 2,22 м (1,55 м от зафиксированного уровня впуска).

В центральной части дна размещены остатки костяка ребенка (возраст около 4-5 лет) в слабоскорченном положении на левом боку. Угол скорченности тупой. Кости рук и берцовые кости не сохранились. За черепом находился лепной сосуд (рис. 21, 5).

1. Лепной сосуд баночной формы со слегка сужающимся краем. Под венчиком расположен круговой поясок из вертикальных оттисков крупнозубчатого штампа. Внешняя поверхность серого цвета с черными пятнами и со следами мелких косых расчесов. Н = 10,5 см, Дв = 13,7 см, Дд = 8,3 см (рис. 21, 3).

Погребение 9 (основное, центральное, раннекатакомбное) выявлено в центральной части подкурганного пространства с уровня древнего горизонта.

Входная шахта в плане прямоугольной формы (2,2x1,7 м) ориентирована по линии юго-запад–северо-восток. С поверхности древнего горизонта шахта окружена круглым в плане материковым выкидом диаметром 8 м. Средняя мощность выкида – до 0,6-0,7 м.

Вся внутренняя полость шахты забутована камнями (песчаник) и материковым грунтом. Средние размеры камней – 0,6x0,5x0,2 м. Общий объем камней в забутовке – не менее 6 куб. м.

Под восточным углом шахты на глубине 3,12 м оставлена ступенька размером 1x0,4 м. Еще одна ступенька-уступ размещена под всей восточной стенкой шахты на глубине 4,1 м. Ее средние размеры 1,6x0,25 м. От нижней ступеньки-уступа дно камеры резко понижается к юго-западу в сторону входа в погребальную камеру. Вся юго-западная стенка шахты у дна заложена многослойным заслоном из наклонностоящих плит песчаника. Средние размеры плит 1,3x0,5x0,15 м (рис. 22, 1; фото. 12).

Входное отверстие камеры (устье) имело вид небольшого лаза, свод которого просел. Его ширина – 0,5 м. Длина лаза в простенке – около 0,2 м. Посредством небольшого уступа глубиной 0,13 м дно лаза переходило в дно камеры.

Погребальная камера в плане подовальной формы (2,4x2 м) ориентирована по линии юго-восток–северо-запад. Заполнена осевшим материковым грунтом. Дно устроено на глубине 5,23 м (2,7 м от древнего горизонта – уровня впуска).

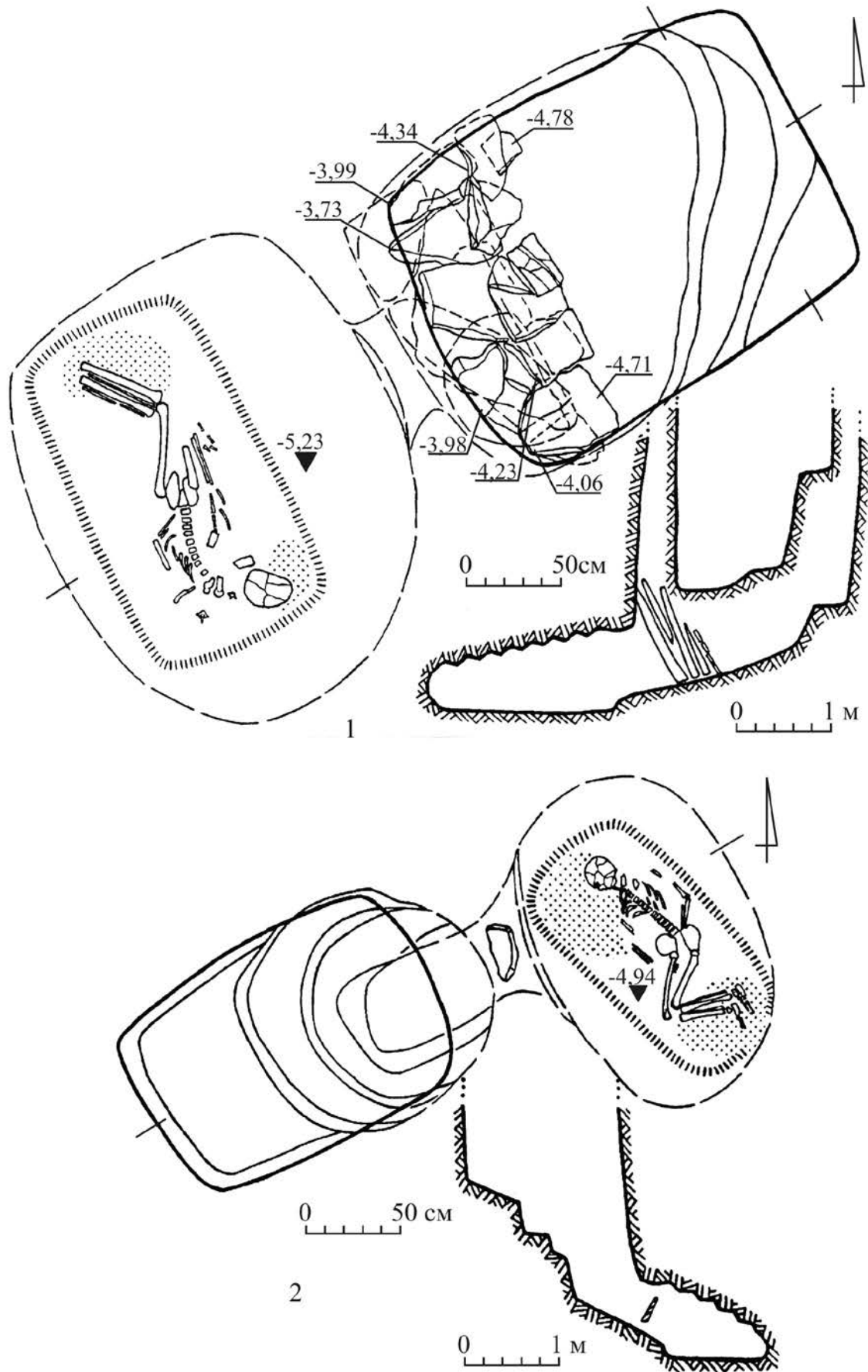

Рис.22. Лисичанск, ЛЖЗ. 1 - кург. 6, погр. 9; 2 - кург. 6, погр. 10

Фото 12. Лисичанск, ЛЖЗ, кург. 6, погр. 9

В центральной части дна камеры, ближе к задней стенке свода, на прямоугольной подстилке из коричневого тлена находился костяк взрослого человека очень плохой сохранности.

Умерший ориентирован на юго-восток и размещен в слабоскорченном положении на правом боку. Угол в коленях тупой. Правая рука вытянута вдоль туловища. Левая согнута в локте и уложена на животе. У стоп и у черепа прослежена густая посыпка порошка красной охры толщиной до 1 см (рис. 22,1).

Погребение 10 (раннекатакомбное) выявлено под углом 250° на расстоянии 8 м от центра на уровне юго-западного склона первичной насыпи с глубины 1,7 м (0,9 м от поверхности).

Фото 13. Лисичанск, ЛЖЗ, кург. 6, погр. 10

Входная шахта в плане прямоугольной формы (1,65x1,17 м) ориентирована по линии юго-запад–северо-восток. Заполнение состояло из плотно утрамбованного материкового грунта (выкида из могилы). От юго-западной стенки к северо-восточной устроены три уступчатые ступеньки, ведущие в сторону входа в камеру. Верхняя ступенька-уступ находится на глубине 3,23 м и достигла ширины 0,55 м, средняя ступенька (шириной 0,25 м) устроена на глубине 3,7 м, нижняя (шириной 0,15 м) – на глубине 3,85 м (рис. 22, 2).

Лоткообразный вход в погребальную камеру имеет вид узкого и глубокого лаза, который начинается под нижней ступенькой-уступом на глубине 4,35 м и полого спускает вниз к северо-востоку в погребальную камеру (фото 13). Его ширина составляет 0,45 м, глубина от уровня устройства от 0,42 м до 0,8 м. Сверху над спуском сохранились фрагменты древесного тлена от горизонтального заслона.

Устье камеры имеет ширину 0,4 м. Ее свод обрушился в древности. Длина лаза в простенке между шахтой и камерой – около 0,3 м. В нем непосредственно перед камерой встречен просевший кусок песчаника (0,3х0,05х0,25 м) от заслона входного отверстия.

Погребальная камера в плане овальной формы (1,7х1,12 м) ориентирована по линии юго-восток–северо-запад. Со стороны лаза в камеру ведет уступчик глубиной 0,1 м. Свод осел в древности. Дно устроено на глубине 4,94 м (3,24 м от уровня впуска).

В центральной части на прямоугольной подстилке из коричневого тлена находился костяк подростка в слабоскорченном положении на правом боку. Ориентирован умерший на северо-запад. Угол скорченности тупой, в коленях – близок к прямому. Правая рука вытянута вдоль туловища. Левая слегка согнута в локте и кистью уложена на левом крыле таза. У ног и перед грудной клеткой, черепом прослежена посыпка порошком красной охры. На левом виске умершего и левой части нижней челюсти имелось зеленое пятно от медной окиси (рис. 22, 2).

КУРГАН 7

Расположен на расстоянии 30 м на северо-восток от кургана 5 на юго-восточном покатом склоне высокого всхолмления (рис. 1, 3).

Насыпь в плане овальной формы, вытянута с юга на север по линии склона холма. Поверхность задернована, но северная пола повреждена окопами времен ВОВ. Западная часть заросла кустарником. Средняя высота от современной поверхности – около 1 м (1,1 м от ДГ). Размеры насыпи по линии север-юг – 18 м, линии восток-запад – 15 м.

В основе современной овальной насыпи лежали два самостоятельных небольших кургана, расположенных друг от друга по линии север-юг почти вплитык на расстоянии 2,3 м. Северный первичный курган сооружен над основным срубным погребением 9. Материковый выкид из данного захоронения залегал на древнем горизонте к юго-востоку и северо-западу от могильной ямы. Над захоронением из серого гумуса возведена округлая насыпь диаметром 8,5 м и высотой около 0,85 м.

Южный первичный курган возведен над основным срубным погребением 8, материковый дугообразный выкид из которого залегал к юго-западу, юго-востоку и северо-востоку на древнем горизонте. Из серого гумуса над данным захоронением сооружена округлая первичная насыпь диаметром 8 м и высотой около 0,65 м.

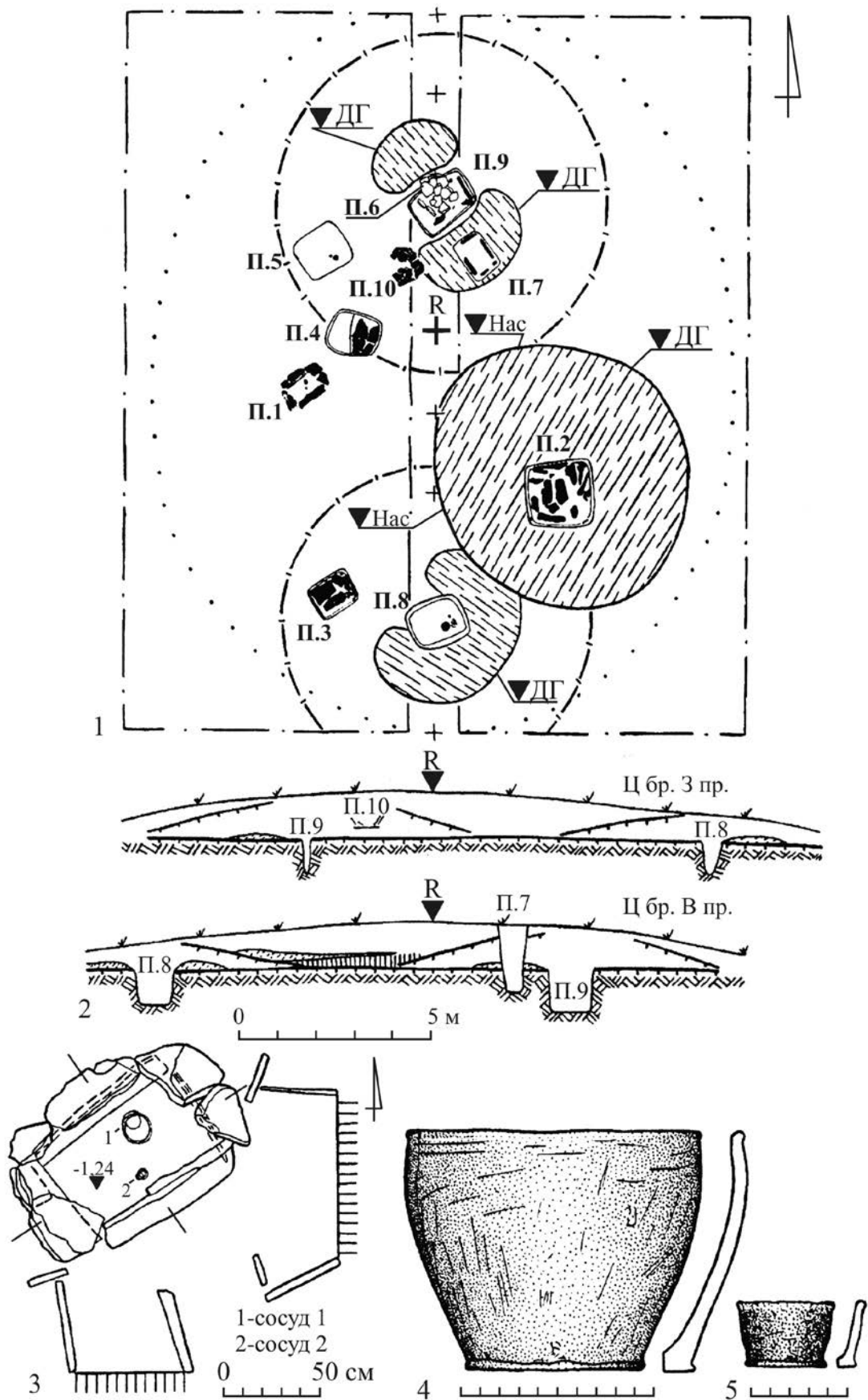

Рис.23. Лисичанск, ЛЖЗ.

1,2 - общий план и профили центральной бровки кургана 7; 3-5 - кург. 7, погр. 1

Впоследствии в межкурганное пространство между юго-восточной полкой северного кургана и северо-восточной периферией южного кургана произведено срубное погребение 2. Частично оно «село» на северо-восточную оконечность южной древней насыпи. При сооружении могильной конструкции захоронения выкид гумусированного грунта и материкового суглинка был уложен в виде круга вокруг ямы, частично перекрыв полы двух древних насыпей. Общий диаметр выкида – около 6,5 м, мощность – до 0,3 м. После производства погребения 2 оба кургана были перекрыты общей насыпью из серого комковатого гумуса, в результате чего новый курган приобрел овальную форму и современные очертания. С течением времени южная оконечность «сползла» и размывалась на крутом склоне естественного всхолмления. Впуск остальных срубных захоронений осуществлялся уже в современную поверхность кургана. При этом, не исключено, что погребения 3, 4 и 5 были произведены в западные и юго-западные полы первичных курганов до объединения их общей насыпью. Погребения 4 и 5 были зафиксированы только на уровне основания современного первичного кургана, а погребение 3 – на уровне основания насыпи южного кургана. Наиболее поздними в кургане являлись захоронения 1 и 10, совершенные в каменных ящиках (рис. 23, 1).

В стратиграфическом разрезе, составленном по восточному профилю центральной бровки, прослеживались: материковый слой, постепенно понижающийся к югу, с глубины 1,3 м; слой погребенной почвы, как под древними насыпями, так и в межкурганном пространстве, мощностью 0,15 м с видимой линией древнего горизонта на длину 16,4 м; в северной части профиля – разрез первичной курганной насыпи, могильной ямы погребения 9 и линзы выкида из него, залегающего на древнем горизонте, разрез впускного погребения 7, совершенного в современную насыпь кургана; в южной части профиля – разрез первичной курганной насыпи, могильной ямы погребения 8 и линзы материкового выкида из него, залегающих на древнем горизонте; в центральной части профиля в межкурганном пространстве – слой выброшенного гумусированного грунта и материкового выкида над ним из впускного погребения 2, расположенных как на древнем горизонте между северным и южным первичными курганами, так и на их склонах. Современная насыпь сложена из серого комковатого гумуса и размещена над первичными курганами и выкидом из впускного погребения 2. Мощность пахотного слоя – около 0,2 м (рис. 23, 2).

Погребение 1 (срубное) выявлено под углом 250° на расстоянии 3 м от Ц (Ц – центральная часть кургана, маркированная репером) с глубины 0,7 м (0,55 м от поверхности).

Погребальная конструкция представлена каменным ящиком, сложенным из 4 поставленных на ребро плит и заклада из камней над ними. Заклад сложен из камней песчаника, средние размеры которых 0,5х0,3х0,05 м, и залегал на глубине 0,7 м, в плане имел овальную форму (1,3х1 м), ориентированную по линии юго-запад–северо-восток. Продольные плиты ящика сложены из камней размером 0,8х0,4х0,05 м, поперечные – 0,55х0,45х0,05 м. Дно находилось на глубине 1,24 м (1,15 м от поверхности).

Его общие размеры внутри каменной конструкции – 0,8x0,55 м. Ориентировано каменное сооружение по линии юго-запад–северо-восток (рис. 23, 3).

В центральной части дна найдены два лепных сосуда.

1. Сосуд 1 на слабовыраженном поддоне и стянутым внутрь краем. Внешняя поверхность серого цвета с оранжевыми и черными пятнами. Н = 12 см, Н поддона = 0,7 см, Дв = 15 см, Дд = 8,8 см (рис. 23, 4).

2. Миниатюрная чашечка (сосуд 2) в виде открытой баночки на небольшом поддоне. Внешняя поверхность серо-оранжевого цвета. Н = 3,2 см, Н поддона = 0,5 см, Дв = 5,2 см, Дд = 4,1 см (рис. 23, 5).

Погребение 2 (срубное) выявлено под углом 140° на расстоянии 4 м от Ц с глубины 1 м (0,75 м от поверхности). Впущено впритык к восточным полам двух небольших насыпей, сооруженных над погребениями срубной культуры. Окружено материковым выкидом, западная половина которого залегает на склонах и межкурганном пространстве двух срубных курганчиков, а восточная – на поверхности древнего горизонта. Диаметр выкида около 7 м, средняя толщина – 0,2-0,3 м.

Могильная яма прямоугольной формы (1,75x1,65 м) ориентирована по линии восток-запад. На сколах материкового выкида, окружающего и частично спускающегося в яму, прослежена зола. Заполнение состояло из мягкого черного гумуса. В центральной части погребальной конструкции на глубине 1 м (0,75 м от поверхности), т. е. на уровне фиксации захоронения, встречен большой лепной сосуд, размещенный вверх дном (рис. 24, 1).

На глубине 1,88-2,25 м прослежены фрагменты обугленных плах осевшего перекрытия. Часть плах размещена вдоль стен могильной ямы, часть – поперек длинной оси. Средние размеры сохранившихся плах – 0,8x0,3x0,1 м. В юго-восточном и юго-западном углу ямы на глубине 2,2 м обнаружены кости конечностей барана. Под восточной стенкой на глубине 2,25 м залегал на правом боку череп лошади (фото 14).

Дно ямы находилось на глубине 2,4 м (2,15 м от поверхности). На дне выявлены остатки плах от перекрытия внутримогильной деревянной конструкции типа сруба. Под восточной стенкой сохранилась поперечная плаха (0,95x0,15x0,05 м). Перекрытие состояло из продольных (северная и южная часть дна) и поперечных (центральная и юго-восточные части дна). Средние размеры сохранившихся плах перекрытия – 0,7x0,1x0,05 м. Под ним в центральной части дна обнаружен плохо сохранившийся костяк взрослого человека в сильно скорченном положении на левом боку. Берцовые кости поджаты к бедренным. Кисти рук не сохранились. Ориентирован умерший на восток. У изголовья стоял горшковидный сосуд. Перед животом найдена фрагментированная миниатюрная баночка (рис. 24, 1).

1. Лепной высокий стройный сосуд (сосуд 1) с плавно выпуклыми боковинами, короткой отогнутой шейкой и выраженным поддоном. Крупные трещины корпуса были скреплены посредством сверления сквозных парных отверстий и их стыжки. На плечиках

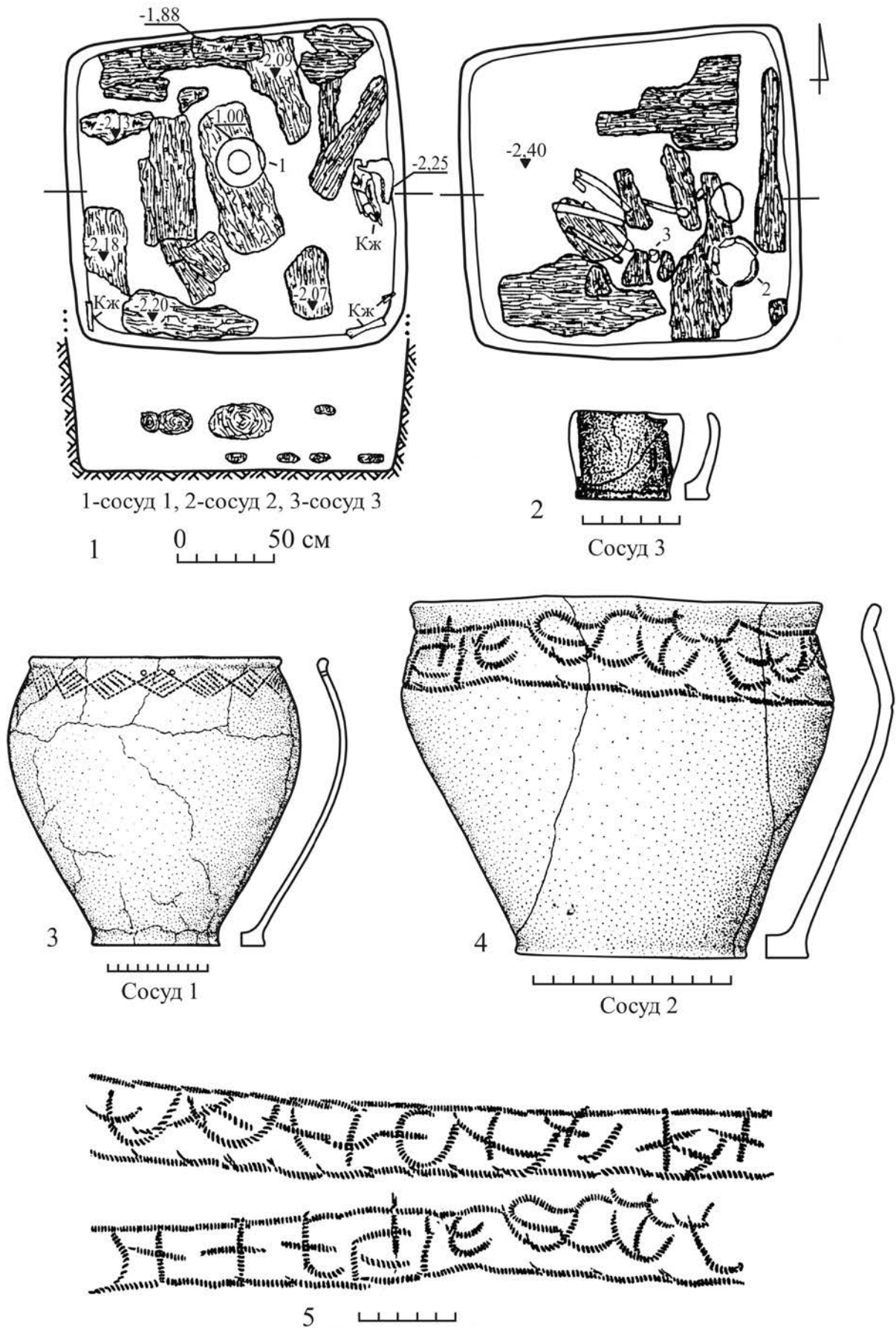

Рис.24. Лисичанск, ЛЖЗ. 1-5 - кург. 7, погр. 2

Фото 14. Лисичанск, ЛЖЗ, кург. 7, погр. 2

размещен поясok из заштрихованных ромбов, выполненных крупнозубчатым гребенчатым штампом. Внешняя поверхность серо-оранжевого цвета с черными пятнами от нагара. Н = 29 см, Нш = 1 см, Н поддона = 2 см, Дв = 25,8 см, Дб = 30 см, Дд = 13 см (рис. 24, 3).

2. Лепной приземистый горшковидный сосуд (сосуд 2) с плавно скругленными боковинами и короткой отогнутой шейкой. У дна прослежена небольшая закраина. На плечиках из оттисков перевитого шнура нанесен круговой поясok, заполненный несимметричными фигурами в виде крестов и дуг наподобие пиктограммы. Внешняя поверхность темно-коричневого цвета с оранжевыми пятнами. Н = 18 см, Нш = 1,5 см, Нб = 12,5 см, Дв = 20 см, Дб = 22 см, Дд = 11,5 см (рис. 24, 4, 5).

3. Фрагментированная миниатюрная баночка на небольшом поддоне со слабо стянутым краем. Внешняя поверхность серого цвета. Н = 4,5 см, Н поддона = 0,5 см, Дв = 6 см, Дд = 4,3 см (рис. 24, 2).

Погребение 3 (срубное) выявлено под углом 200° на расстоянии 12,5 м от Ц с глубины 0,8 м (0,5 м от поверхности).

Могильная яма в плане прямоугольной формы (1,23x0,9 м) ориентирована по линии юго-запад–северо-восток. Дно устроено на глубине 1,95 м (0,45 м от поверхности). Заполнение состояло из серого гумуса. Под поперечными стенками ямы установлены

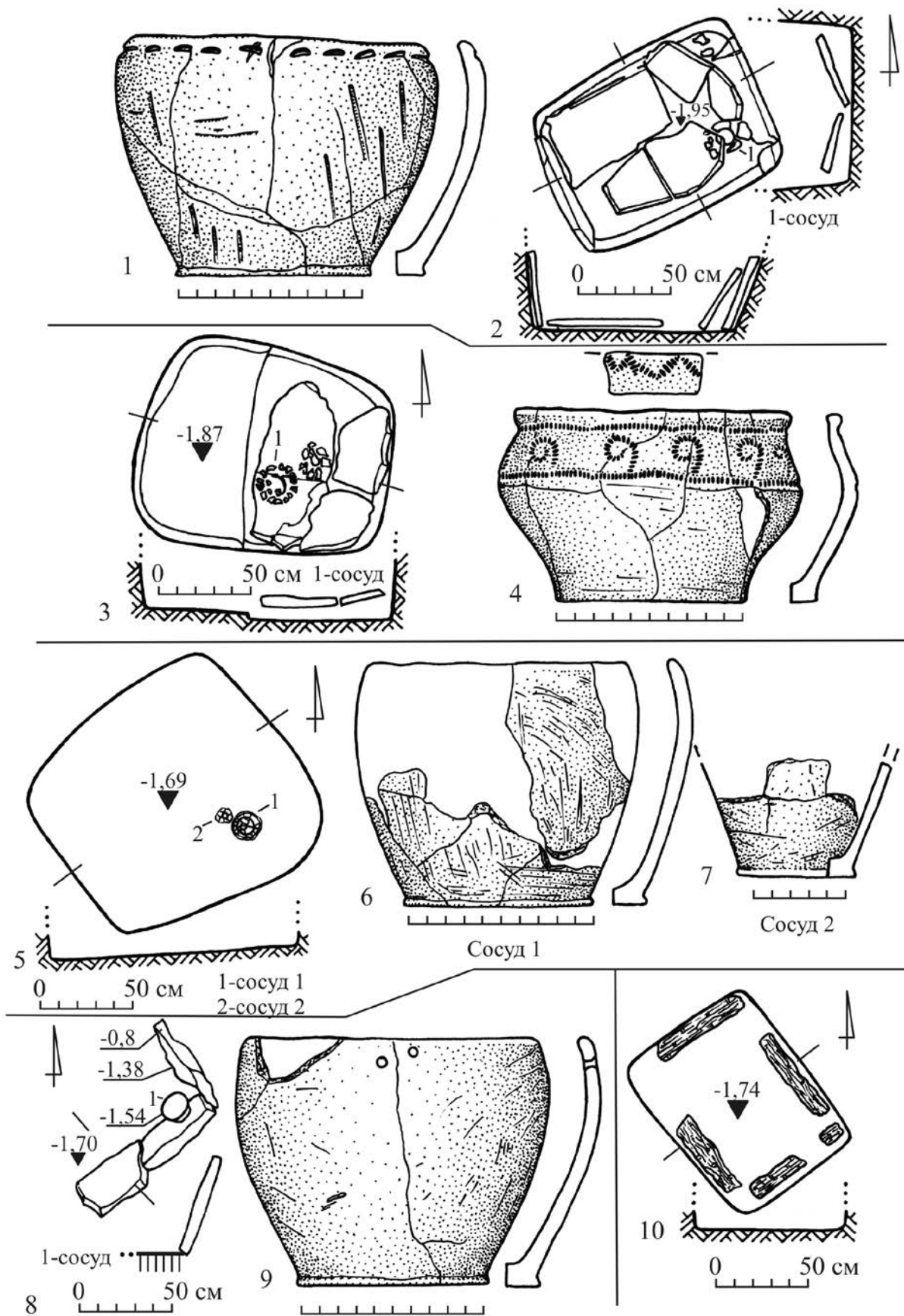

Рис.25. Лисичанск, ЛЖЗ. 1,2 - кург. 7, погр. 3; 3,4 - кург. 7, погр. 4;
5-7 - кург. 7, погр. 5; 8,9 - кург. 7, погр. 6; 10 - кург. 7, погр. 7

вертикальностоящие плиты. На глубине 1,75-1,8 м прослежены три лопнувшие плиты (песчаник) от просевшего горизонтального заслона. Средние размеры плит 0,6x0,35x0,05 м. У дна могилы, под северо-западной стенкой, зафиксированы остатки плашки, по всей видимости, от деревянной опоры горизонтального перекрытия. Плашка прослежена на глубину до 0,5 м. Ее средняя толщина около 0,7 см. На дне, в восточном углу могилы, над каменным заслоном найден лепной сосуд (рис. 25, 2).

1. Лепной сосуд в виде банки со стянутым внутрь краем и небольшим поддоном. Под венчиком нанесен круговой поясок из дугообразных оттисков ногтя. Внешняя поверхность серо-оранжевого цвета. Н = 12 см, Н поддона = 0,8 см, Дв = 15 см, Дд = 10 см (рис. 25, 1).

Погребение 4 (срубное) выявлено под углом 270° на расстоянии 1,5 м от центра с глубины 1,6 м (1,5 от поверхности).

Могильная яма в плане подпрямоугольной формы (1,35x1,1 м) с округлыми углами ориентирована по линии юго-восток-восток-северо-запад-запад. Заполнена серым гумусом. Дно устроено на глубине 1,87 м. Примерно по центру с юга на север яму его разделяет небольшой уступчик глубиной 0,05 м, образуя в восточной половине дна своеобразную камеру погребения. Сверху она перекрыта двумя лопнувшими поперечными плитами (песчаник), залегающими горизонтально. Средние размеры плит – 0,9x0,4x0,05 м. Под плитами, в центральной части восточного сектора, встречен фрагментированный череп взрослого человека, лежащий на левой стороне. Перед ним находился развал лепного сосуда (рис. 25, 3).

1. Лепной острореберный сосуд со слабо отогнутой короткой шейкой. На плечиках оттисками перевитого шнура нанесен круговой поясок, в который вписаны спиралевидные фигуры, также из вдавлений перевитого шнура. Внутри сосуда под венчиком расположен круговой зигзаг из вдавлений перевитого шнура. Внешняя поверхность оранжевого цвета с черными пятнами. Н = 10,5 см, Нш = 0,8 см, Нб = 6,5 см, Дв = 14,5 см, Дб = 17 см, Дд = 10,5 см (рис. 25, 4).

Погребение 5 (срубное) выявлено под углом 300° на расстоянии 3 м от центра с глубины 1,55 м (1,45 м от поверхности).

Могильная яма в плане подпрямоугольной формы (1,35x1,25 м) с округлыми углами ориентирована по линии юго-запад-северо-восток. Заполнена смешанным грунтом. Дно устроено на глубине 1,69 м. В восточной части дна найдены два фрагментированных сосуда (рис. 25, 5).

1. Сосуд 1 банкообразной формы со скошенным внутрь краем и слабовыраженным поддоном. Под венчиком нанесен круговой поясок из круглых вдавлений. Внешняя поверхность серо-оранжевого цвета с черными пятнами. Н = 17 см, Дв = 12 см, Н поддона = 0,8 см, Дд = 9,7 см (рис. 25, 6).

2. Нижняя часть баночного сосуда (сосуд 2) с расширяющимися стенками и небольшим поддоном. Внешняя поверхность серо-оранжевого цвета. Сохранился на высоту 5,5 см. Н поддона = 0,5 см, Дд = 6,5 см (рис. 25, 7).

Погребение 6 (срубное) выявлено под углом 5° на расстоянии 3,5 м от центра с глубины 0,5 м (0,4 м от поверхности).

Погребальная конструкция представлена остатками каменного ящика, просевшего (и разрушившегося) в мягкое заполнение основного погребения 9, расположенного под местом сооружения конструкции.

На глубине 0,5 м (0,4 м от поверхности) на различном уровне фиксировались камни (песчаник) стен и перекрытия ящика в бессистемном виде. Средние размеры камней – 0,4х0,3х0,15 м. На глубине 1,7 м прослежен восточный угол каменного ящика, также осевший вниз. Угол был образован из вертикально стоящих плит размером 0,5х0,4х0,06 м. Внутри места соединения просевших плит на глубине 1,54 м найден сосуд (рис. 25, 8).

1. Лепной баночный сосуд со стянутым внутрь краем и небольшой закраиной у дна. Трещина у венчика была стянута шнуром посредством сверления пары сквозных отверстий. Внешняя поверхность серого цвета с черными и оранжевыми пятнами. Н = 13 см, Н поддона = 0,7 см, Дв = 15,2 см, Дд = 9,8 см (рис. 25, 9).

Погребение 7 (срубное) выявлено под углом 30° на расстоянии 1,5 м от центра с глубины 0,2 м (0,1 м от поверхности).

Могильная яма в плане подпрямоугольной формы (1,03х0,8 м) с округлыми углами ориентирована по линии юго-восток–северо-запад. Дно устроено на глубине 1,74 м (1,55 м от зафиксированного уровня впуска). Под стенами ямы на дне прослежены фрагментированные плашки от рамочной внутримогильной конструкции. Плахи сохранились на длину до 0,5 м. Их ширина около 0,09 м, толщина – 0,05 м (рис. 25, 10). Кости умершего отсутствуют.

Погребение 8 (основное в южной части кургана, срубное). Выявлено в южной части кургана с уровня древнего горизонта. С юга, востока и северо-востока окружено дуговидным материковым выкидом, лежащим на поверхности погребенной почвы. Ширина выкида – около 1,3 м, мощность – до 0,3 м.

Могильная яма в плане прямоугольной формы с округлыми углами (1,55х1,25 м) ориентирована по линии юго-запад–северо-восток. Заполнение состояло из серого гумуса. В заполнении южной части на глубине 1,21 м найден лепной сосуд (сосуд 1), стоящий вверх дном (рис. 26, 3).

1. Лепной сосуд (сосуд 1) баночной формы со слегка стянутым краем. Днище расслоилось. Внешняя поверхность серо-оранжевого цвета. Сохранившаяся высота – около 22 см, Дв = 27 см, Дб = 28 см (рис. 26, 2).

2. Лепной сосуд (сосуд 2) баночной формы с прямыми стенками в верхней части корпуса. У дна заметна небольшая закраина. Внешняя поверхность серого цвета с коричневыми пятнами. Выражены вертикальные расчесы. Н = 14,5 см, Дв = 15,3 см, Дд = 8,5 см (рис. 26, 1).

Погребение 9 (основное в северной части кургана, срубное). Выявлено в северной части кургана с уровня древнего горизонта. С юго-востока и северо-запада

прослежены дугообразные линзы материкового выкида. Размеры юго-восточного выкида 3 x 1,5 м, мощность – 0,2 м. Размеры северо-западного выкида 2,6x1,5 м, мощность – до 0,2 м.

Могильная яма в плане прямоугольной формы с округленными углами (1,72x1,15 м) ориентирована по линии юго-запад–северо-восток. Заполнение состояло из мягкого серого гумуса. Ко дну, устроенному на глубине 2,25 м (1,1 м от древнего горизонта), сужалась до размеров 1,6x1 м.

На дне фрагментарно сохранились детали внутримогильной деревянной конструкции типа сруба. Под северо-восточной стенкой прослежена торцевая плаха на длину 0,75 м. Ее ширина – 0,1 м, толщина – 0,06 м.

Фрагменты более крупной плахи наблюдались под юго-восточной стенкой. Ее реконструируемая длина – около 1,2 м, ширина – 0,15-0,1 м, толщина – 0,06 м.

В центральной части дна зафиксированы плохо сохранившиеся отдельные кости взрослого человека – ребра и левая бедренная кость. Судя по ним, умерший первоначально размещался в скорченном положении на левом боку и был ориентирован на северо-восток. В северном углу ямы стоял лепной сосуд (рис. 26, 6).

1. Лепной сосуд баночной формы со стянутым внутрь краем и закраиной у дна. Внешняя поверхность серо-оранжевого цвета с коричневыми и черными пятнами. Н = 13,7 см, Нб = 11 см, Дв = 17,5 см, Дб = 18,5 см, Дд = 10 см (рис. 26, 7).

Погребение 10 (срубное) выявлено под углом 335° на расстоянии 1,5 м от центра с глубины 0,6 м (0,55 от поверхности).

Погребальная конструкция представлена плохо сохранившимся каменным ящиком, стенки которого сложены из нескольких вертикально стоящих плит. Общие размеры сооружения – 0,9x0,85 м. Длинной осью оно ориентировано по линии юго-запад–северо-восток. Средние размеры камней – 0,4x0,3x0,05 м. Утрамбованное дно сооружения находилось на глубине 0,95 м. На основании плит юго-восточной стенки находился развал лепного сосуда (рис. 26, 4).

1. Лепной сосуд в виде банки с прямыми раструбными стенками и небольшой закраиной у дна. Внешняя поверхность серого цвета с черными пятнами. Н = 12,5 см, Дв = 17 см, Дд = 9,5 см (рис. 26, 5).

1.2. Курган в Лисичанске близ пос. Берёзово

Расположен в северо-западной части Лисичанска (в юго-восточной части пос. Берёзово) (рис. 1, 2). Занимал центральную часть возвышенного плато. Поверхность деформирована. Северная пола уничтожена траншеей водовода. Большая часть насыпи задернована. Высота кургана от современной поверхности – около 1,2 м (1 м от древнего горизонта), диаметр – около 16 м (рис. 27).

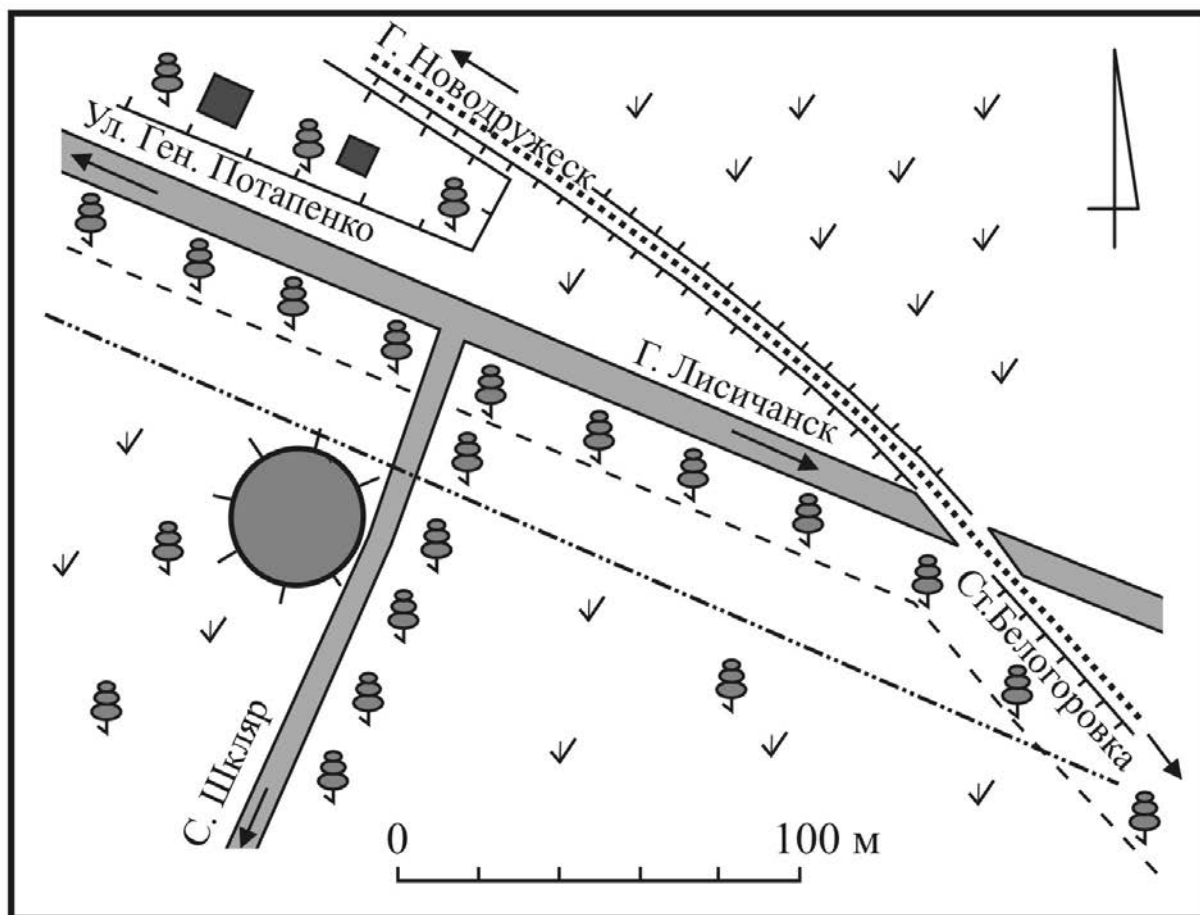

Рис.27. Лисичанск, Берёзово. Схема расположения кургана 1

Насыпь возведена над основным и центральным раннекатакомбным погребением 1, материковые выкиды из которого залежали на поверхности погребенной почвы вокруг входной шахты. Насыпь сложена из кусков дерна черного цвета. Первичный диаметр кургана определяется реконструируемой площадью древнего горизонта – около 15 м, сохранившаяся высота от поверхности погребенной почвы – 1-1,1 м (рис. 28, 1).

В стратиграфическом разрезе, составленном по восточному профилю центральной бровки, прослеживались: материк с глубины 1,6 м, слой погребенной почвы мощностью 0,5-0,55 м с сохранившейся линией древнего горизонта на длину 13,2 м. Северная часть линии древнего горизонта и курганной насыпи уничтожена прокладкой трубопровода. В центре профиля на поверхности погребенной почвы фиксируется разрез выкидов из могильного сооружения. Основу выкида формирует гумус, выброшенный из верхнего уровня шахты. Он имеет форму линзы длиной около 2,6-2,8 м и мощность до 0,3 м. Южнее и севернее к гумусированному выкиду примыкают линзы суглинка, частично перекрывающие его. Они прослежены по профилю на длину до 3 м и имеют толщину 0,35 м. На северной поверхности насыпи залегает слой смешанного грунта, образовавшийся при засыпке траншеи трубопровода. Общая толщина насыпи в центре профиля – 1-1,1 м (рис. 28, 2; фото 15).

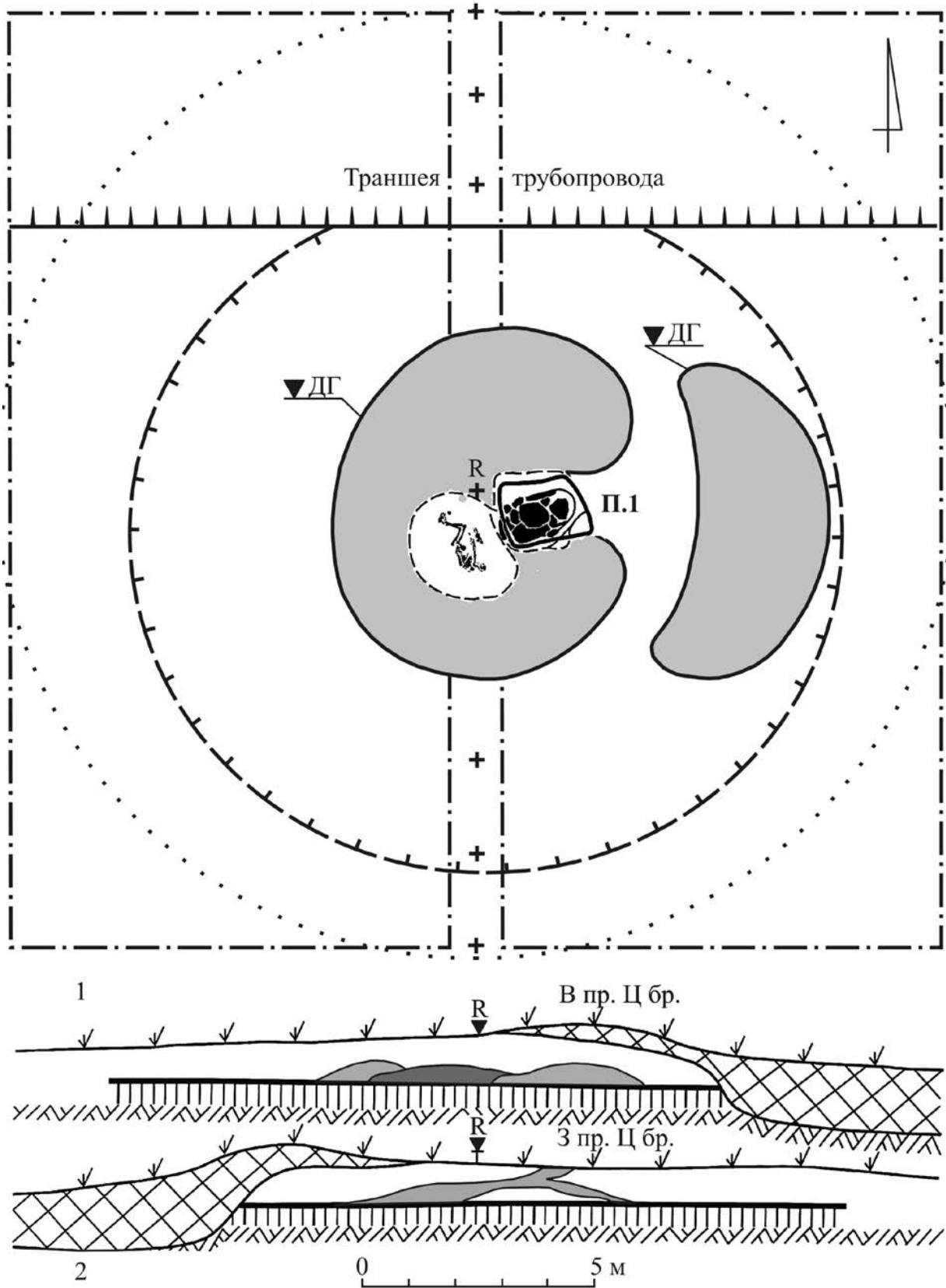

Рис.28. Лисичанск, Берёзово, кург. 1. 1 - общий план; 2 - профили центральной бровки.

Фото 15. Лисичанск, Березово, кург. 1. Центральная бровка, восточный профиль

Погребение 1 (центральное, основное, раннекатакомбное) выявлено в центральной части кургана с уровня древнего горизонта. Входная шахта в плане прямоугольной формы размером 1,73x1,33 м ориентирована по линии юго-запад-запад–северо-восток-восток (рис. 29, 1). С северо-запада и юга на поверхности погребенной почвы шахта окружена овальным выкидом материкового грунта. Основание центральной части выкида вблизи шахты сложено из чернозема, на котором залегает материковый грунт. Овальный выкид ориентирован по линии юго-запад–северо-восток. Его общие размеры – 8,0x6,7 м. Максимальная мощность линзы гумусированного выкида – 0,3 м, материкового выкида – 0,4 м. Восточнее входной шахты на древнем горизонте залегал слой выкида, имеющий в плане сегментовидную форму. Он ориентирован по линии север-юг. Имел общие размеры 6,7x2,8 м и мощность 0,2x0,3 м.

Шахта заполнена рыхлым однородным гумусом, ко дну постепенно расширялась к северу, западу и югу до размеров 1,8x1,65 м. В юго-восточном углу на глубине 2,66 м от репера оставлена ступенька (угловая) размером 0,6x0,33 м. К западу к ней примыкала еще одна ступенька-уступ, устроенная на глубине 3,49 м от репера. Ее размеры – 0,4x0,2 м. Дно находилось на глубине 3,93-4,0 м. В центральной части сооружен пологий спуск в сторону погребальной камеры, образующий с северо-востока и юга уступы. Длина спуска – 1,6x0,95 м. Средняя ширина северной части уступа – 0,5 м, южного – 0,25 м, восточного – 0,15 м. К западу у входа во входную шахту глубина дна пологого спуска составила 0,8 м от уровня дна шахты.

Спуск в камеру имел горизонтальный заклад из каменных плит и отдельных плах, осевший в полость спуска до его дна. Средние размеры плит 0,6x0,5x0,1 м. Плашки сохранились на длину 0,13 м и толщину 0,03 м. Фрагмент одиночной плашки зафиксирован в северо-западном углу шахты. Ее размеры – 0,05x0,3 м. На поверхности плиты центральной части заклада прослежено скопление древесных углей. У входа в каме-

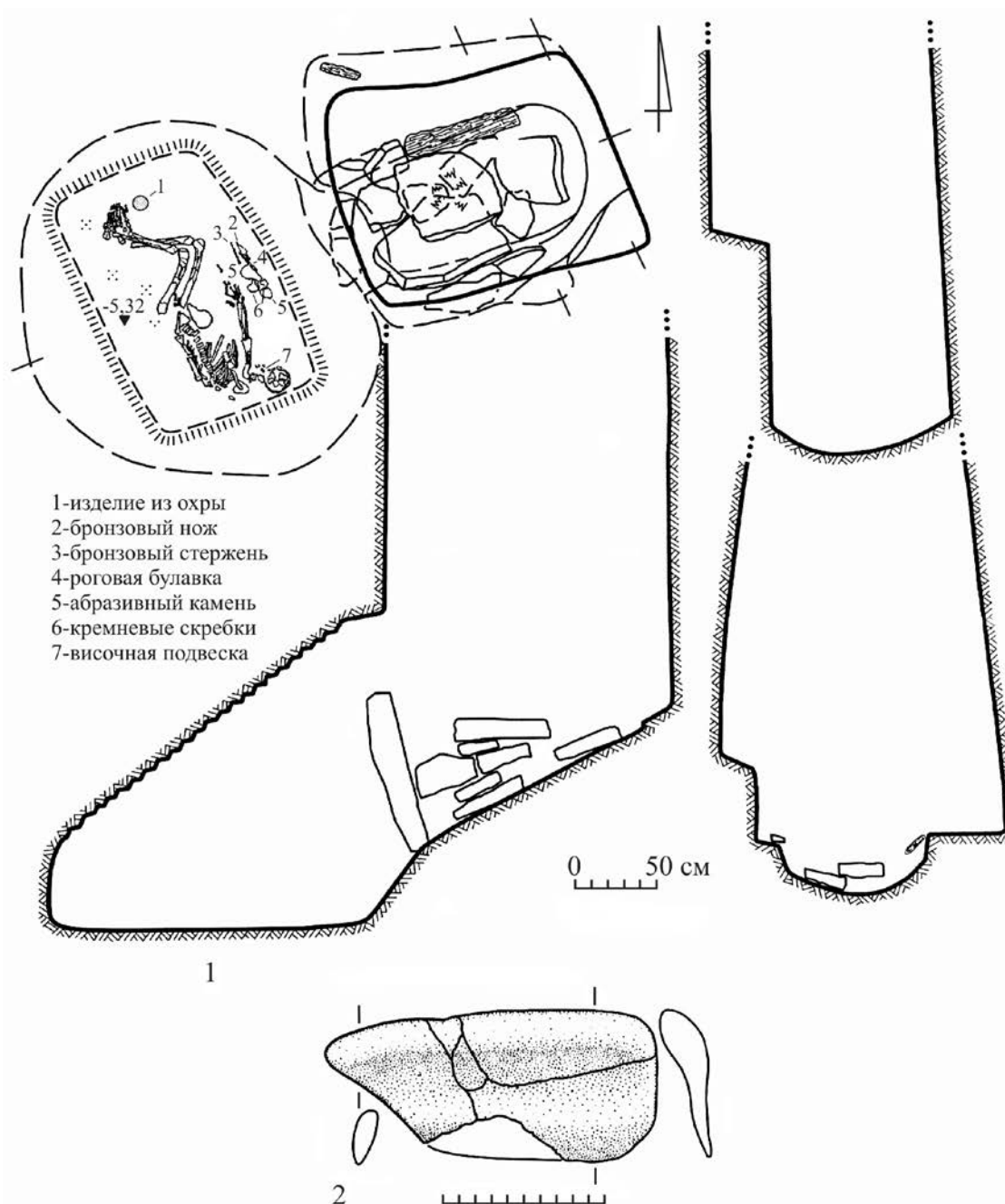

Рис.29. Лисичанск, Берёзово, кург. 1, погр. 1. 1 - план и разрезы; 2 - песчаниковая плитка

ру под западной стенкой шахты находилась вертикальностоящая плита, закрывающая вход. Ее длина – 1,05 м, ширина – 0,6 м, толщина – 0,2 м (фото 16).

На стенках входной шахты прослежены вертикальные и наклонные следы орудий землекопов на длину 0,6 м. Их средняя ширина 2 см. Участок стенок на высоту до 1,8 м от дна более тщательно обработан. Здесь следы инструментов землекопов более выражены и формируют орнаментальные зоны (фото 17).

Южная стенка шахты. В ее левой части устроены две ступеньки спуска. Пространство над ними оформлено в виде вертикальных желобчатых рядов. Они сохранились в длину от 0,4 до 1,0 м на расстоянии 3-7 см друг от друга. Зона под верхней ступенькой

Фото 16. Лисичанск, Березово, кург. 1, погр. 1. Вид с востока

Фото 17. Лисичанск, Березово, кург. 1, погр. 1. Вид с севера

украшена косыми короткими желобчатыми линиями. Желобки слева оставлены орудиями с выпуклой рабочей частью шириной 3-5 см. Правая половина стенки, вплоть до юго-западного угла шахты, орнаментирована растительным декором в виде вертикальной елочки. Ее образует широкая вертикальная линия длиной 1,5 м. Нанесена она орудием с выпуклой рабочей частью шириной 3 см. По обеим сторонам от этой линии размещены короткие узкие наклонные желобки. Их длина – от 0,3 до 0,5 м. Основание данной композиции украшено узкими желобками в паркетном мотиве. Нанесены узкие желобки инструментом с выпуклой рабочей частью шириной около 1 см. Паркетным мотивом из узких желобков орнаментирована и верхняя часть стенки над вертикальной елочкой (рис. 30.1; фото 18).

Фото 18. Лисичанск, Березово, кург. 1, погр. 1. Южная стенка шахты

Западная стенка шахты. Внизу оконтурена осевшая арочная конструкция устья камеры (фото 19). Ориентировочная высота устья – 0,7 м, ширина – 1,13 м. По всей высоте стенки северо-западный угол шахты очерчен вертикальной, слегка изогнутой, линией желобка шириной 3 см. Над устьем желобчатыми орудиями выделена орнаментальная зона в виде пояса шириной около 1,0 м. На нем нанесен растительный мотив в виде прочерченных елочек, сформированными пятью широкими вертикальными желобчатыми линиями длиной 0,9-1,1 м. Вертикальные желобки размещены на расстоянии 0,2-0,3 м друг от друга. Они прочерчены орудиями с дуговидной выпуклой рабочей частью шириной 4-5 см. Пространство между вертикальными желобками заполнено косыми

врезными короткими линиями на длину 0,25-0,35 м. Эти узкие следы оставлены инструментами с дуговидной выпуклой рабочей поверхностью шириной около 1 см. Пространство слева от арочного устья до юго-западного угла орнаментировано косыми узкими желобками. Участок справа от устья до северо-западного угла украшен косыми и горизонтальными узкими желобками, по которым сверху нанесена короткая желобчатая линия. Непосредственно над сохранившейся частью устья имеются следы коротких желобчатых узких линий в виде прямой и косой сеток (рис. 30, 3; фото 20; фото 21).

Фото 19. Лисичанск, Березово, кург. 1, погр. 1. Западная стенка шахты

Фото 20. Лисичанск, Березово, кург. 1, погр. 1. Фрагмент западной стенки шахты

Фото 21. Лисичанск, Березово, кург. 1, погр. 1. Фрагмент западной стенки шахты

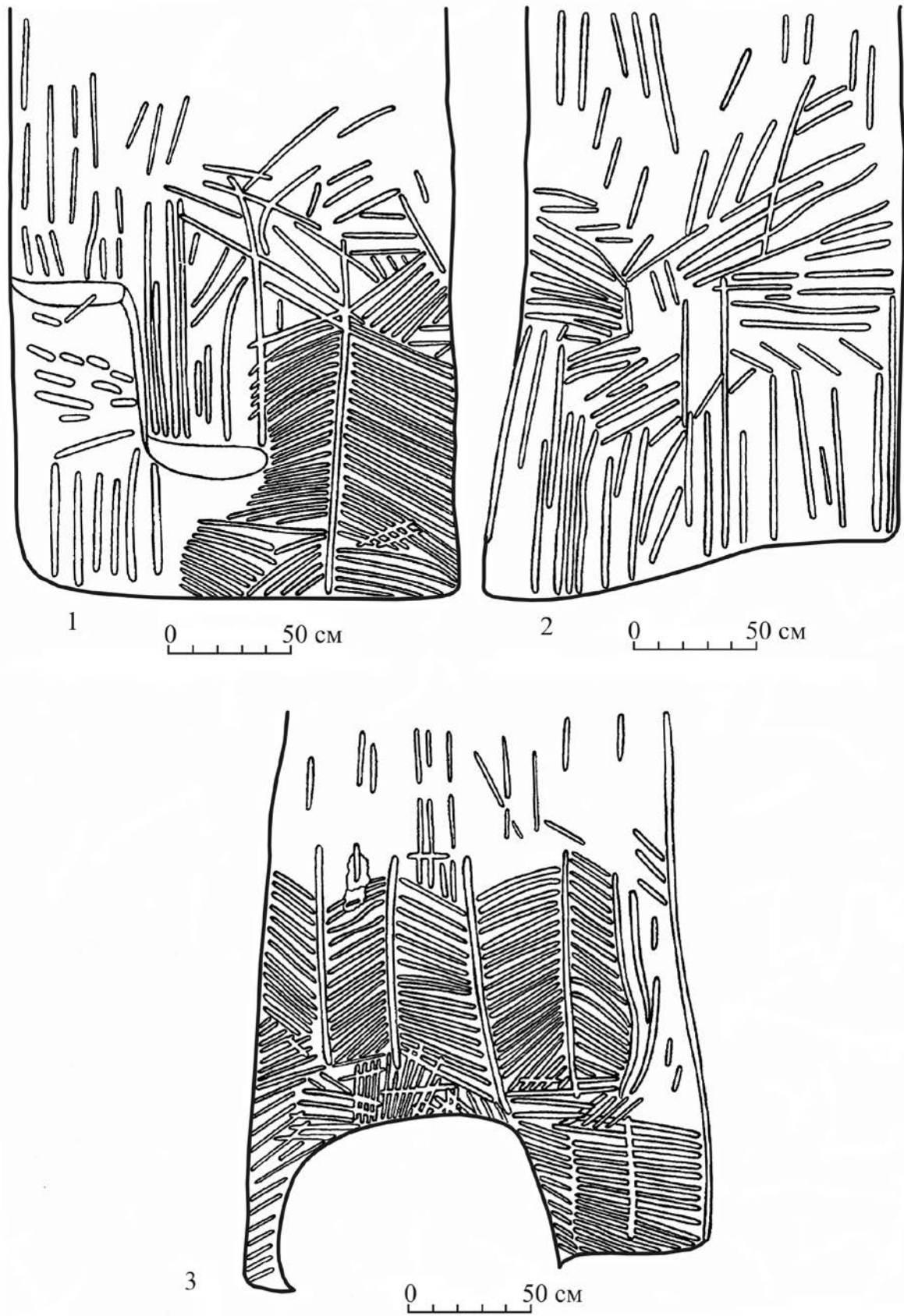

Рис. 30. Лисичанск, Берёзово, кург. 1, погр. 1. 1-3 - рисунки на стенках входной шахты

Фото 22. Лисичанск, Березово, кург. 1, погр. 1. Северная стенка шахты

Северная стенка шахты. Большая часть поверхности оформлена вертикальными желобчатыми линиями длиной от 0,5-1,0 м. Нижняя часть стенки сохранила следы вертикальных желобков на расстоянии 5-15 см друг от друга на длину около 0,7 м. Верхняя треть стенки украшена бессистемными косыми желобками на длину 0,2-0,6 м, центральная часть – желобками в виде косых и горизонтальных линий на длину 0,4-0,9 м. Они выполнены орудиями с выпуклой рабочей частью шириной 3-5 см (рис. 30, 2; фото 22).

Восточная стенка шахты. На ней прослежены редкие следы желобчатых орудий в бессистемном виде. Они сохранились на длину 0,5 м и оставлены орудием с выпуклой рабочей частью шириной 3-5 см (фото 23).

В момент проведения фиксационных работ поверхность стенок шахты частично осыпалась и замылась вследствие неблагоприятных дождливых погодных условий. Удалось получить лишь пластилиновые слепки следов орудий землекопов.

В погребальную камеру, устроенную под западной стенкой шахты, вела пологая ступенька высотой 0,45 м. В плане камера овальной формы, 2,4х2,0 м ориентирована длинной осью по линии юго-восток – северо-запад (рис. 29, 1). Свод не сохранился и осел в древности. По всей видимости, он имел высоту не менее 1 м. Дно устроено на глубине 5,32 м (4,27 м от древнего горизонта).

Фото 23. Лисичанск, Березово, кург. 1, погр. 1. Восточная стенка шахты

В центральной части дна на прямоугольной подстилке из белого и коричневого тлена размером 1,8х1,2 м находился костяк взрослого человека в слабоскорченном положении на правом боку (фото 24). Сохранность костей плохая. Угол скорченности тупой, в коленях – близок к прямому. Правая рука вытянута вдоль туловища, левая – слабосогнута в локтевом сгибе и кистью размещена на тазобедренных костях. Ориентирован умерший на юго-восток. Из-за обвала свода череп сдвинут вправо. По периметру подстилки и на отдельных участках за ногами фиксировались незначительные пятна алой и красной охры. У стоп находилось округлое изделие из красной охры.

Фото 24. Лисичанск, Березово, кург. 1, погр. 1

Фото 25. Лисичанск, Березово, кург. 1, погр. 1

На левой височной части черепа найдена массивная спиральная подвеска из серебра. Перед кистью правой руки в ряд располагались изделия, которыми наносились врезные орнаменты на стенках шахты, – 2 кремневых скребка, абразивная плитка из песчаника и молоточковидная роговая булавка со сточенным острием в виде лопаточки. Рядом лежали бронзовые нож и шило (фото 25).

1. Бронзовый черешковый обоюдоострый нож с треугольным клинком и раскованной окончатия черешка. Длина ножа – 12,8 см, длина клинка (лезвия) – 7,8 см, длина черешка – 5 см, ширина клинка в основании – 3,4 см, ширина черешка в центральной части – 0,8 см, толщина клинка – 0,2-0,3 см (рис. 31, 2).

2. Бронзовый четырехгранный стержень с коротким черешком для насада. Черешок слегка изогнут. Длина стержня – 10,2 см, длина рабочей части – 8,3 см, длина черешка – 1,9 см, толщина стержня у насада – 0,4 см (рис. 31, 3).

3. Височная массивная спиральная подвеска из серебра в 3 оборота из овальной в сечении проволоки с раскованными в лопасти окончатиями. Размеры подвески – 2,2x1,8 см. Толщина проволоки – 0,25 см (рис. 31, 4).

4. Роговая молоточковидная булавка со стержнем сигарообразной формы. Молоточки кулачкообразного типа. Один не сохранился. Переход между молоточками оформлен в виде выступа. Под ним расположено сквозное отверстие диаметром 0,25 см. Острие стержня подверглось вторичной обработке с двух сторон и оформлено в виде закругленной лопаточки и залощено в процессе интенсивного использования. Верхняя половина стержня орнаментирована тонкими врезными линиями в растительном мотиве. Изделие фрагментировано, плохой сохранности. Длина булавки – 17,5 см, расстояние между молоточками – 2,4-2,5 см, диаметр выступов – 1,2 см, длина стержня от молоточковидного навершия – 16,5 см, диаметр стержня в центральной части – 1,6 см (рис. 31, 1).

5. Два скребка на отщепках со следами желвачной корки аморфной формы. Уплощающей ретушью оформлены дугообразновыпуклые рабочие части. Размеры первого – 8x7x1,8 см, ширина рабочей части – 4,5 см. Размеры второго – 5,6x4,6x0,8 см, ширина рабочей части – 3,5 см (рис. 31, 5,6).

6. Фрагмент песчаниковой абразивной плитки – неправильной прямоугольной формы. Вдоль одной грани имеется широкий желобок, образовавшийся вследствие заточки изделий. Размеры плитки – 20x9,5x2 см. Ширина желобчатого углубления – 5-6 см, глубина – 0,5 см (рис. 29, 2).

7. «Хлебец» из красной охры с плоским основанием. Выпуклая поверхность украшена рядами параллельных желобков с ногтевой насечкой в стиле «отступающей лопаточки». Диаметр изделия – 9,5 см, высота – 7 см, диаметр уплощенного основания – 7 см (рис. 31, 7).

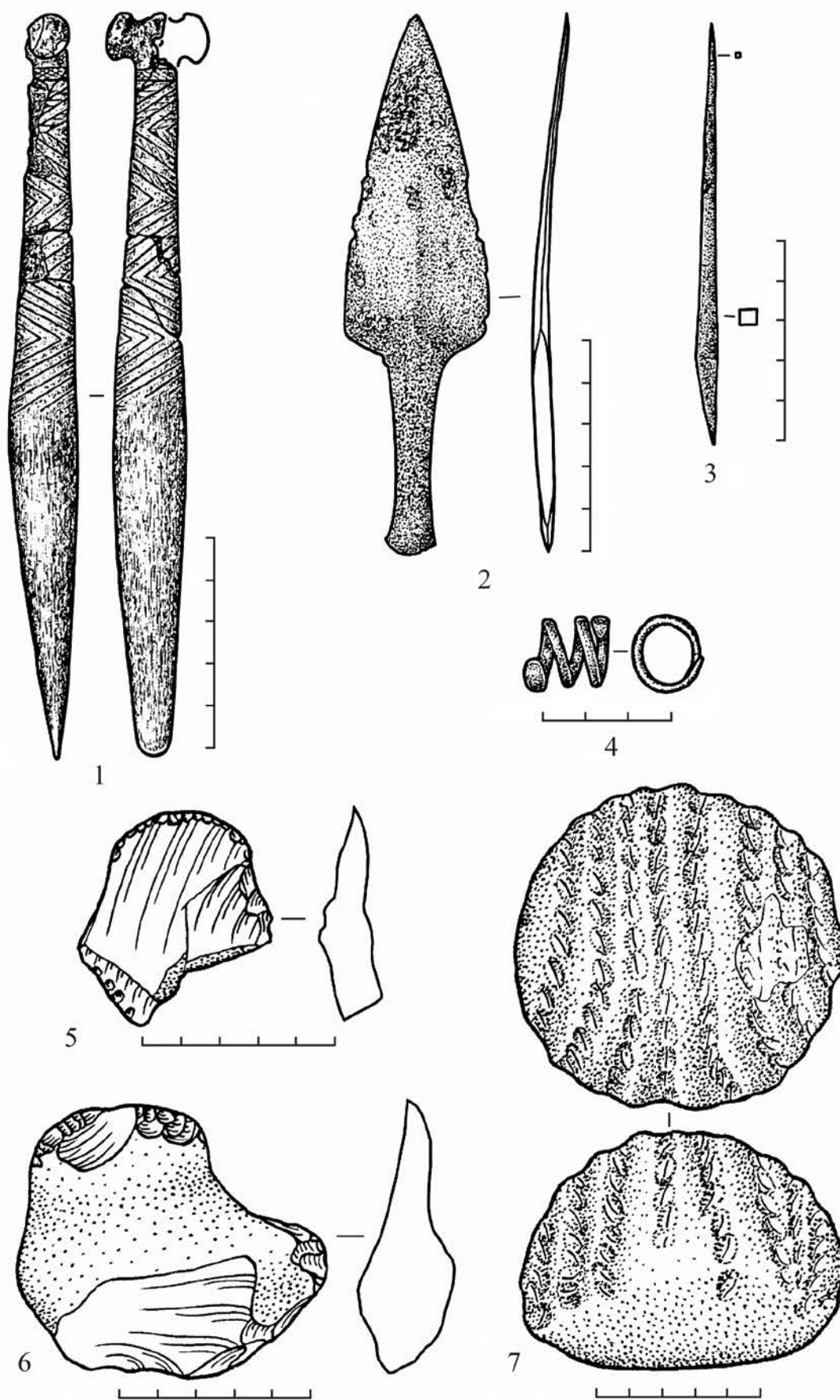

Рис.31. Лисичанск, Берёзово, кург. 1, погр. 1 - 7 - находки

Рис.32. Схема размещения курганов в Лисичанске близ пос. Шкляр

1.3. Могильник в Лисичанске близ пос. Шкляр

Два кургана размещались около северо-западной окраины г. Лисичанска в 2-х км на восток от пос. Шкляр Попаснянского района и в 0,8 км на запад от шахты им. Мельникова (рис. 1, 2). В 70-х годах прошлого столетия на территории г. Лисичанска была проведена инвентаризация памятников археологии и составлены охранные документы – паспорта. Согласно им, на то время группа состояла из одного кургана высотой 1,8 м диаметром около 40 м округлой формы с триангуляционным знаком на вершине и небольшого кургана высотой 0,7 м, диаметром около 25 м, расположенных впритык друг к другу по линии юго-восток–северо-запад.

В момент раскопок сохранилась насыпь лишь большого кургана. В его центре имелась бесформенная воронка диаметром около 6-7 м и глубиной до 1,5 м. Триангуляционный знак отсутствовал. Насыпь малого кургана полностью уничтожена прокладкой трубопровода водовода (рис. 32).

КУРГАН 1

Расположен на краю высокого мысообразного выступа в верховьях длинной и широкой балки, спускающейся к Северскому Донцу в районе с. Белогоровка. Насыпь сильно деформирована в результате устройства воронкообразной выемки в центре. Поверхность задернована. Современная высота кургана около 1,8 м, диаметр – около 28-30 м.

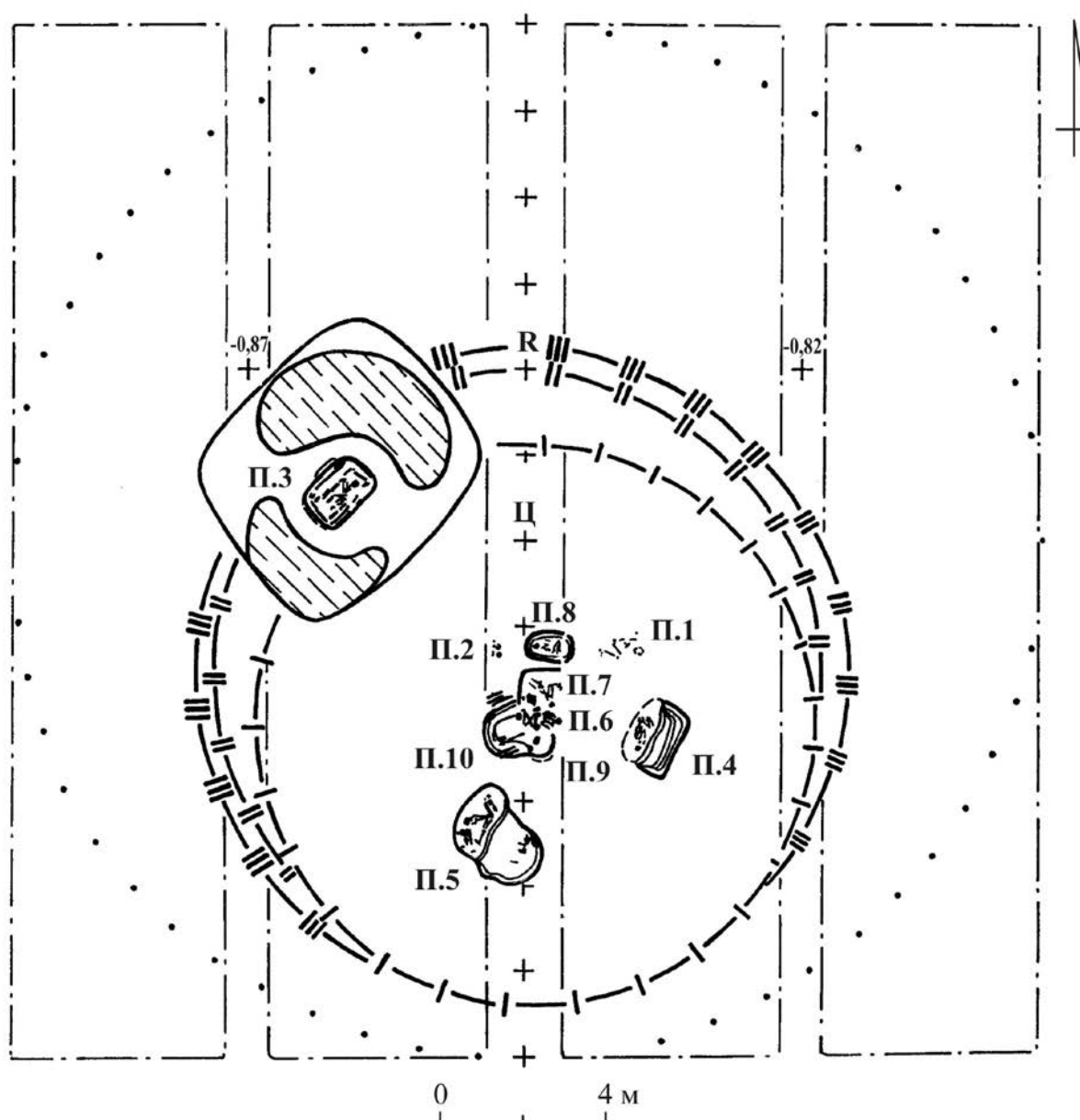

Рис.33. Лисичанск, Шкляр. Общий план кургана 1

Основным и центральным в кургане 1 являлось позднекатакомбное погребение 10, представляющее собой яму с двумя ярусами. Оно совершено с поверхности погребенной почвы и окружено по уровню ДГ заслоном из бревен. Четкий материковый выкид отсутствовал ввиду небольших размеров ямы нижнего яруса. Яма верхнего яруса сооружена в пределах погребенной почвы. Над захоронением возведена первичная насыпь из темного гумуса. Её диаметр составлял около 13 м. Высота не менее 1 м. Впоследствии были произведены две досыпки, удлинившие общий курган к северу. Вероятно, вторая досыпка связана с впуском в Ц кургана позднекатакомбного погребения 9. В результате сооружения второй насыпи из серого гумуса курган достиг диаметра 14 м, а общая мощность досыпки, судя по профилям бровок, составила около 0,7 м. Третья досыпка, по всей видимости, связана с впуском позднекатакомбного погребения 4 или 5.

Её мощность около 0,4 м. Диаметр общей насыпи достиг 15 м. Конструктивно третья насыпь состояла из серо-коричневого гумуса. Контуры современной поверхности кургана сформированы в результате последней, четвертой досыпки, связанной с впуском в северо-западный сектор древних насыпей срубного погребения 3. Эта досыпка состояла из смешанного грунта с включением тонких линз суглинка. Современная поверхность кургана была деформирована и разрушена в результате ограбления посредством крупной ямы, заходящей в материк, выброс из которой уложен на дерновый слой. Впуск прочих захоронений подсыпками не сопровождался (рис. 33).

В стратиграфическом разрезе, составленном по западному профилю центральной бровки, прослеживались: материк, представленный плотным суглинком, с глубины 2,1-2,2 м. В центре профиля уровень материка поднимался ввиду сооружения кургана на естественном мысообразном выступе. Слой погребенной почвы под первичной насыпью в толщину достигал 0,35-0,3 м с видимой линией ДГ на длину 21,2 м. В центральной части фиксировался разрез ямы верхнего яруса основного погребения 10 и куски деревянного перекрытия над ним. Первичная насыпь сложена из гумуса, достигала 13 м в диаметре и толщины до 1 м в центральной части профиля. В восточной половине профиля прослежены разрезы северной полы второй и третьей насыпей, сложенные из серого гумуса (вторая насыпь) и темно-коричневого гумуса (третья насыпь). Максимальная толщина вторичной подсыпки составляет 1,7 м, третьей подсыпки – 0,35 м. В южной части профиля фиксировался разрез впускного погребения 5, совершенного выше уровня первичной насыпи. Четвертая насыпь имела слоистый характер, состояла из смешанного грунта с прослойками разных оттенков, включая тонкие линзы суглинка. Центральный профиль фиксировал разрез грабительской ямы, уходящей в материк. Выброс из нее уложен на деформированной поверхности четвертой насыпи и достигал толщины 0,2-0,5 м. Образовавшийся дерновый слой составлял 0,2 м (рис. 34).

Погребение 1 (срубное). Выявлено на расстоянии 2,7 м под углом 50° от Ц (Ц – центр основного погребения 10). Зафиксировано в гумусном грунте на глубине 1,37 м (1,2 м от П (П – современная поверхность кургана)) под южным краем воронки. Кости взрослого человека сильно разрушены. Судя по их расположению, умерший первоначально находился в скорченном положении на левом боку и был ориентирован на северо-восток-восток. Пятки поджаты к тазу. Кисти направлены к лицу. Перед грудью находился лепной сосуд (рис. 35, 1).

1. Сосуд лепной баночной формы со стянутым внутрь краем, что придает ему некоторую ребристость. У дна небольшая закраина. Внешняя поверхность серо-коричневого цвета с черными и оранжевыми пятнами. Внутри наблюдаются следы черного нагара. Н = 17,6 см, высота слабовыраженного ребра 12 см, Дв = 18,2 см, Дб = 19,5 см, Дд = 11,6 см (рис. 35, 2).

Погребение 2 (срубное) выявлено под углом 350° на расстоянии 1,75 м от Ц с глубины 0,88 м (0,6 м от П). От костяка подростка сохранился фрагментированный череп,

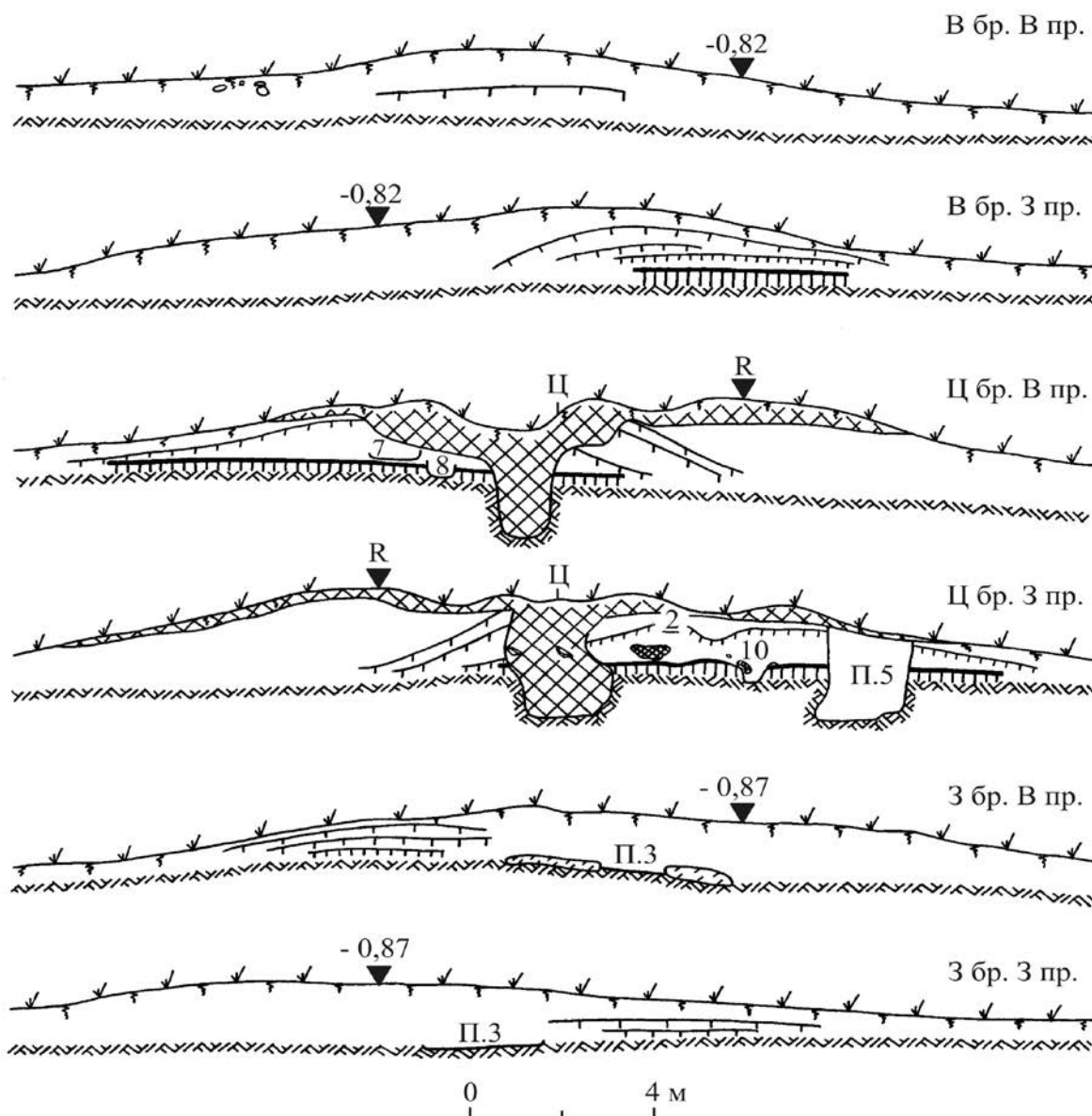

Рис.34. Лисичанск, Шкляр. Профили бровок кургана 1

уложенный на левом виске. Судя по его расположению, первоначально умерший был ориентирован на восток. Перед лицевой частью найдены несколько фаланг кистей рук. Перед изголовьем располагался фрагментированный сосуд (рис. 35, 3).

1. Лепной сосуд баночной формы с расширяющимися стенками, на которых заметны косые мелкие расчёсы. Внешняя поверхность серого цвета с коричневыми пятнами. $H = 8,7$ см, $D_v = 12,8$ см, $D_d = 8,8$ см (рис. 35, 4).

Погребение 3 (срубное) выявлено под углом 315° на расстоянии 6,5 м от Ц с глубины 2,07 м (1,2 м от П), впущено в северо-западный сектор кургана с уровня его третьей насыпи. Для совершения захоронения в этом секторе расчищена большая прямоугольная площадка размером 6,2x5,2 м до уровня материка (2,27 м), длинной осью ориентированная по линии юго-запад-северо-восток. В её центральной части сооружена могильная яма прямоугольной формы (1,55x1,12 м), ориентированная по линии юго-запад-

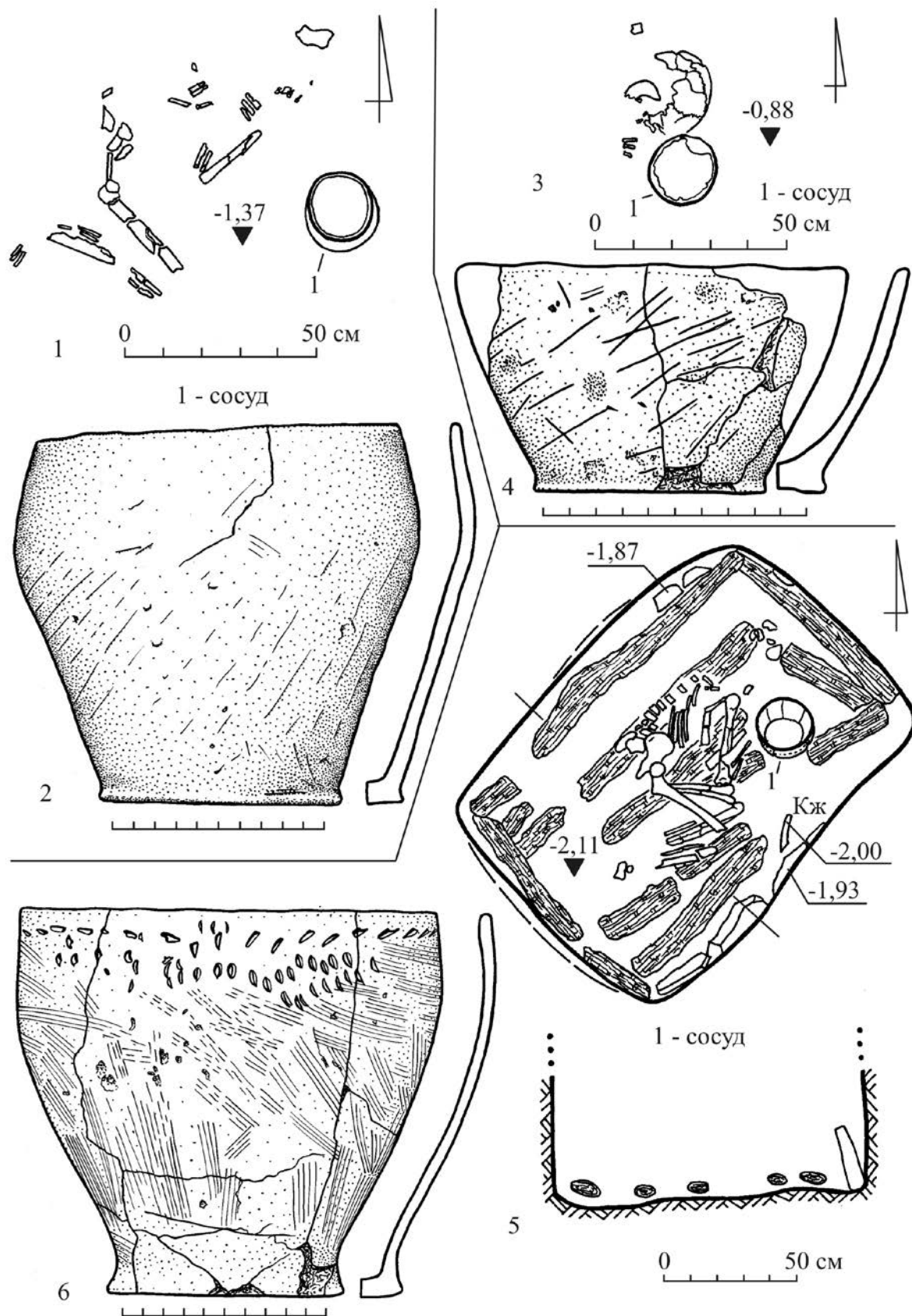

Рис.35. Лисичанск, Шкляр. 1,2 - кург. 1, погр. 1;

3,4 - кург. 1, погр.2; 5,6 - кург. 1, погр. 3

северо-восток. Два материковых выкида из захоронения размещены внутри контура общей выемки грунта. К северу от могилы был уложен материковый выкид дуговидной формы размером 4,6x1,8 м. Его толщина достигала 0,3 м. Размеры южного выкида – 3,3x2,5 м, толщина около – 0,15-0,2 м (рис. 33). Дно выемки устроено на глубине 2,83 м (0,56 м от уровня впуска в материковый слой). Заполнение состояло из смешанного чернозема и фрагментов древесины. На глубине 2,73 м зафиксирована деревянная рамочная конструкция прямоугольной формы из размещённых под стенками ямы четырех брёвен. Продольные брёвна достигали в длину 1,4 м и диаметра 0,1 м, поперечные – в длину 0,75-0,95 м, диаметра 0,1 м. Торцами брёвна состыкованы впритык. Поперечные брёвна укреплены обломками плит песчаника: четыре камня установлены между юго-восточной стенкой могилы и поперечным бревном рамочной конструкции, два камня установлены в северном углу ямы между её стенками и окончанием поперечного бревна. Средние размеры камней – 0,25x0,2x0,05 м. Под юго-восточной стенкой, в пространстве между камнями и поперечным бревном, найден фрагмент ребра КРС. Перекрытие конструкции состояло из 4-х бревен, размещенных продольно на расстоянии 0,1-0,2 м один от другого. Их сохранившаяся длина – 1,2 м, диаметр – 0,1 м. Под северо-восточной стенкой уложено короткое бревно в качестве поперечного перекрытия.

На дне могильной ямы, непосредственно под деревянным перекрытием, находился костяк взрослого человека на левом боку, ориентированный на северо-восток. Углы скорченности и в коленях острые. Руки согнуты в локтях и кистями направлены к лицу. Перед лицом стоял лепной сосуд (рис. 35, 5; фото 26).

Фото 26. Лисичанск, Шкляр, кург.1, погр. 3

1. Высокий банкообразный сосуд с сужающимися к венчику стенками. Поддон выражен и расширяется к основанию. Внешняя поверхность покрыта тонкими вертикальными полосками серого цвета с черными пятнами. Под венчиком размещён круговой ряд из горизонтальных ногтевых вдавлений. Этими же вдавлениями, ниже кругового пояса, изображена короткая волнистая линия. Н = 19 см, Н поддона = 1,5 см, Дв = 19,5 см, Ддна = 12 см (рис. 35,6).

Погребение 4 (позднекатакомбное) выявлено под углом 90° на расстоянии 3 м от Ц с глубины 2,0 м (1,55 м от П). Входная шахта прямоугольной формы (1,5х0,8 м) ориентирована по линии юго-юго-запад–северо-северо-восток. Заполнена смешанным грунтом. Ко дну, устроенному на глубине 2,35 м, сужалась до размеров 1,35х0,65 м. В восточной части дна сооружена длинная продольная ступенька-уступ глубиной около 0,2 м. Она вела к западной стенке шахты, под которой находился по всей длине широкий щелевидный вход в камеру. Посредством уступа глубиной 0,18 м дно шахты переходило в дно камеры. Ширина входа – 1,3 м, высота – 0,3 м. Свод камеры обрушился в древности. Её заполнение состояло из кусков рухнувшего грунта.

Погребальная камера подбойного типа имела форму узкого овала размером 1,38х0,6 м. Высота свода – около 0,4 м. Дно устроено на глубине 2,75 м. Костяк взрослого человека находился на правом боку. Угол скорченности острый. Пятки поджаты к тазу, колени – к грудной клетке. Руки согнуты в локтях и кистями направлены к лицу. Ориентирован умерший на юг (рис. 36,1).

Погребение 5 (позднекатакомбное) выявлено под углом 195° на расстоянии 2,5 м от Ц с глубины 1,1 м (0,2 м от П) по характерному смешанному заполнению. Входная шахта неправильной овальной формы размером 1,4х1,2 м ориентирована по линии юго-запад–северо-восток. Её дно находилось на глубине 2,9 м (1,9 м от П). Заполнена смешанным грунтом. В восточной части дна обнаружено скопление фрагментированных костей молодого человека (череп и нижняя челюсть), обломки лепного сосуда (сосуд 1). Кости располагались бессистемно и, возможно, были удалены из погребальной камеры во время подзахоронения. Широкий вход в камеру находился под западной стенкой. Его ширина 1,4 м. Высота не прослежена из-за обвала свода. Со стороны шахты в камеру вёл уступ глубиной 0,12 м.

Погребальная камера неправильной овальной формы (1,7х0,87 м) ориентирована по линии юго-запад–северо-восток. Дно устроено на глубине 3,18 м. Костяк взрослого человека размещался скорченно на правом боку и был ориентирован на юг. Угол скорченности прямой, в коленях – острый. Руки вытянуты к коленям. Около костей рук, коленей, между тазом и берцовыми костями зафиксированы древесные угли. Череп фрагментирован. Под левым плечом найдено кремневое острие. За спиной обнаружен развал сосуда (сосуд 2). На костяке взрослого человека в южной половине камеры залегал костяк подростка, размещенный в скорченном положении на правом боку с северной ориентировкой. Угол скорченности тупой, в коленях – острый. Руки вытянуты вдоль туловища к тазу (рис. 36,2).

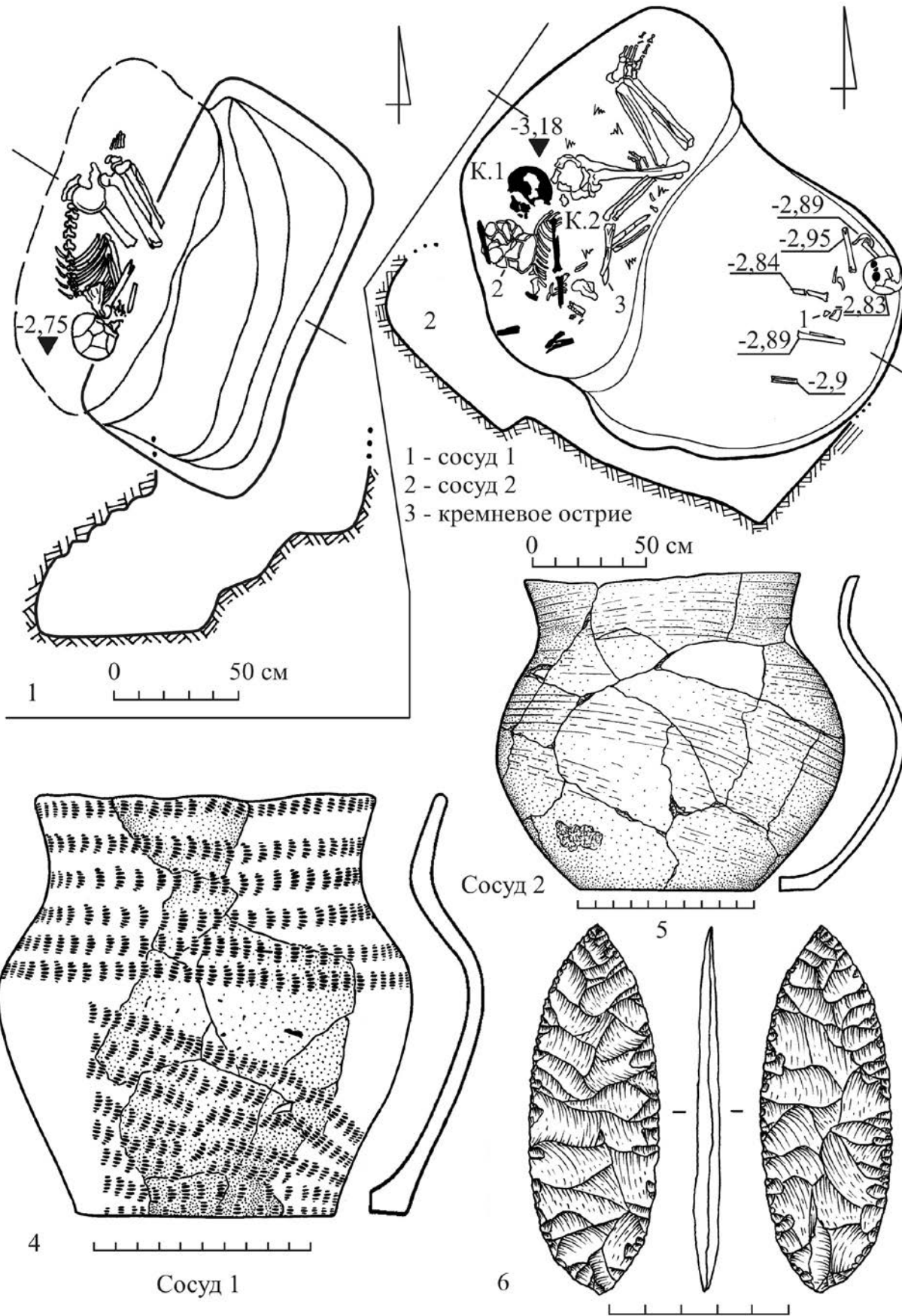

Рис.36. Лисичанск, Шкляр. 1 - кург. 1, погр. 4; 2-5 - кург. 1, погр. 5

1. Сосуд 1. Высокошейный орнаментированный сосуд с раструбной шейкой. В месте максимального расширения боковин и под венчиком нанесены круговые пояски из оттисков гусенички. Пространство между ними (поверхность основания шейки, горло и плечики) заполнено вертикальными оттисками гусеничного штампа. Такими же оттисками, ниже боковин, изображён волнистый зигзаг, заполненный до придонной части. Внешняя поверхность серого цвета с оранжевыми, коричневыми и чёрными пятнами. Н = 20 см, Нш = 3,5 см, Нбок = 12 см, Дв = 14 см, Дб = 20 см, Ддна = 12 см (рис. 36, 3).

2. Сосуд 2. Приземистый горшковидный сосуд с раструбной шейкой и плавно выпуклыми округлёнными боковинами. Внешняя поверхность подлощена, носит следы косых грубых расчёсов, серо-оранжевого цвета с коричневыми и черными пятнами. Н = 17,8 см, Нш = 3,3 см, Нб = 7,8 см, Дв = 14,7 см, Дб = 19 см, Ддна = 9 см (рис. 36, 4).

3. Кремневое бифасное острие. Симметричное, ланцетовидной формы, заостренное с обоих концов. Изготовлено из качественного кремня серого цвета. Края зубчатые, сформированы плоской и струйчатой ретушью. Поверхность имеет следы залощённости. Общие размеры – 10,2х3,6х0,6 см (рис. 36, 5).

Погребение 6 (срубное) выявлено в центральной части кургана на глубине 1,4 м (0,7 м от П). Костяк молодого человека располагался в скорченном положении на левом боку (фото 27). Ориентирован на восток, головой на юго-восток. Угол скорченности близок к прямому, в коленях – острый. Руки согнуты в локтях и кистями направлены к лицу.

Фото 27. Лисичанск, Шкляр, кург. 1, погр. 6

За спиной, тазом и у левой руки найдены 7 таранных костей МРС (альчики) и 1 фаланга за правым коленом. Над костями таза, на высоте 0,26 м выше уровня размещения умершего, находился высокий горшковидный сосуд (сосуд 4). Впритык к берцовым костям правой ноги стоял горшковидный сосуд меньших размеров (сосуд 1). Перед животом оставлен острореберный сосуд (сосуд 2), а на кисти правой – небольшой банкообразный сосудик (сосуд 3) (рис. 37, 1).

1. Сосуд 1. Горшковидной формы со слабовыраженными плечиками и прямой шейкой средней высоты. Слабовыражен поддон. Поверхность серого цвета с коричневыми и черными пятнами, покрыта косыми грубыми расчесами. Н = 17,3 см, Нш = 2 см, Нб = 12 см, Дв = 15,5 см, Дб = 17,5 см, Ддна = 12 см (рис. 37, 5).

2. Сосуд 2. Острореберной формы со слабоотогнутой короткой шейкой. По горлу и в месте максимального расширения боковин нанесены круговые пояски из вертикальных насечек. Между ними на плечиках размещён тройной зигзаг из глубоких врезных линий. Внешняя поверхность оранжевого цвета с темно-коричневыми пятнами и черным нагаром. Местами фиксируются бессистемные следы мелких расчесов. Н = 12,7 см, Нш = 1 см, Нб = 8,2 см, Дв = 19,5 см, Дб = 20,6 см, Ддна = 11 см (рис. 37, 4).

3. Сосуд 3. Миниатюрная баночка на невысоком поддоне с расширяющимися стенками. Внешняя поверхность серо-оранжевого цвета с темно-коричневыми и черными пятнами. Н = 8,3 см, Н поддона = 0,8 см, Дв = 11,4 см, Дд = 7 см (рис. 37, 2).

4. Сосуд 4. Стройный горшковидный сосуд со слабовыраженными плечиками, прямой короткой шейкой и невысоким поддоном с закраиной. Внешняя поверхность серо-оранжевого цвета, покрыта мелкими грубыми расчесами. Н = 26,8 см, Нш = 2 см, Нб = 21,5 см, Н поддона = 1 см, Дв = 24,5 см, Дб = 26,3 см, Дд = 11 см (рис. 37, 6).

5. Набор астрагалов (альчиков) состоял из 7 таранных костей и 1 крупной кости фаланги. Астрагалы были уложены вокруг тела умершего. Фаланга находилась несколько в стороне, за коленями. Средние размеры – 3х1,8х1,4 см. Размеры фаланги – 4х3х2,3 см (рис. 37, 3).

Погребение 7 (срубное) выявлено в центральной части кургана с глубины 1,46 м (1,2 м от П). Контуры ямы прослежены по белому тлену на её дне. Она имела прямоугольную форму и была ориентирована по линии восток-запад. Восточный край разрушен. По всей видимости, в длину яма достигала 1,5 м, её ширина – 1,15 м. Дно устроено на глубине 1,61 м (1,25 м от П). В северной половине дна находился костяк подростка в скорченном положении на левом боку, головой на восток. Угол скорченности прямой. В коленях – острый. Руки согнуты в локтях и, по всей видимости, кистями направлены к лицу. На стопах найдены череп и две конечности козы. Несколько севернее обнаружен астрагал (рис. 38, 2). Перед ногами выявлено два куска доломита. Большой камень имел размеры 0,3х0,3х0,2 м, малый – 0,15х0,15х0,06 м. На дне могилы, между западной стенкой и большим камнем, найден фрагмент деревянной плашки размером 0,1х0,06х0,03 м (рис. 38, 1).

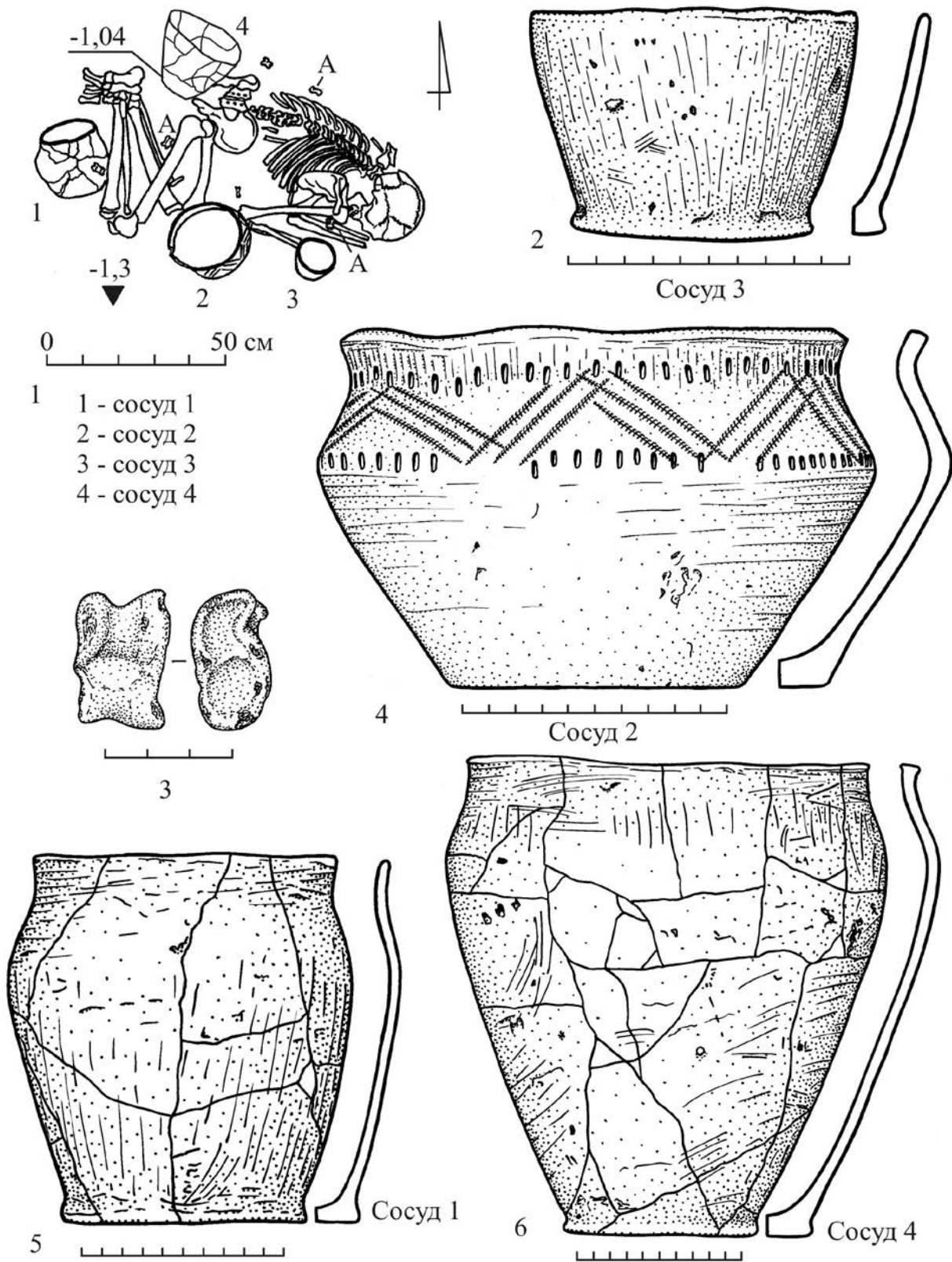

Рис.37. Лисичанск, Шкляр. 1-6 - кург. 1, погр. 6

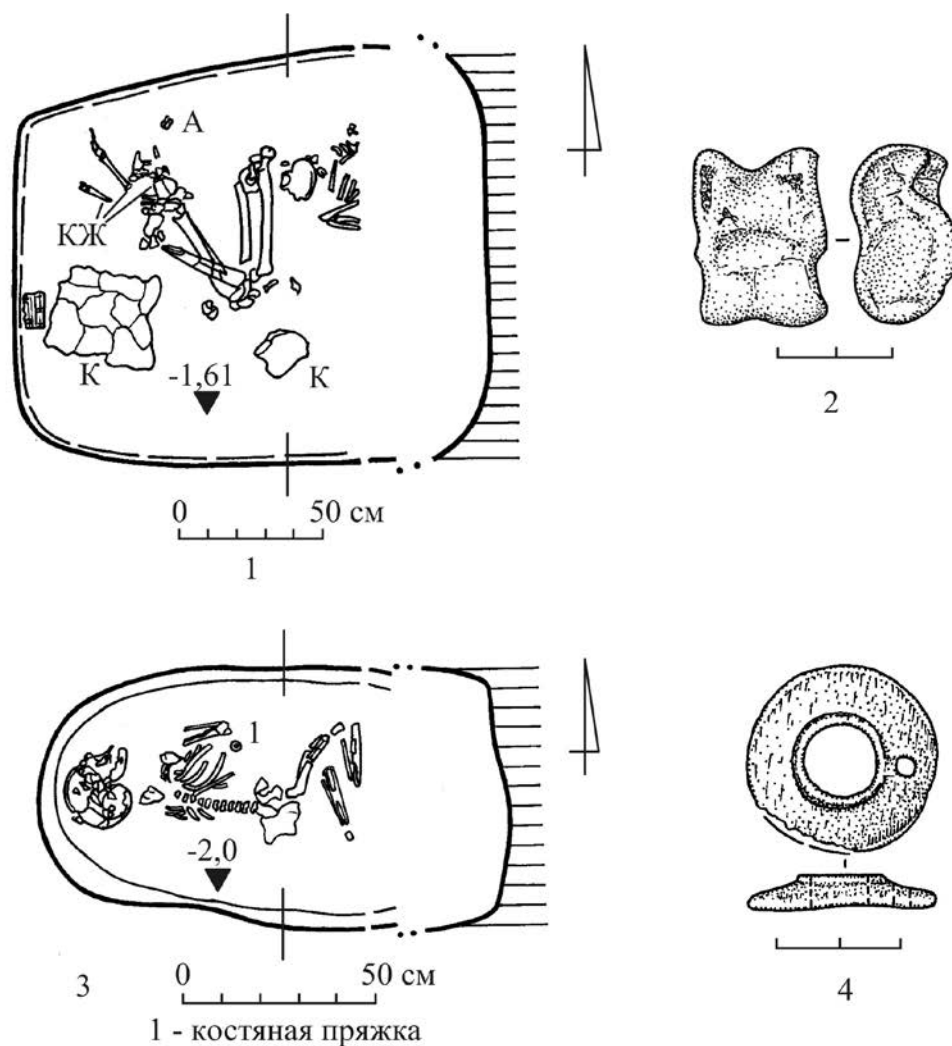

Рис.38. Лисичанск, Шкляр. 1,2 - кург. 1, погр. 7; 3,4 - кург. 1, погр. 8

Погребение 8 (посткатакомбное) обнаружено под углом 25° на расстоянии 1,8 м от Ц с глубины 1,6 м (1,5 м от П). Совершено в слое погребенной почвы, ориентировано по линии запад-восток. Восточная оконечность разрушена. Длина ямы около 1 м, ширина – 0,6 м. Заполнена черноземом. На дне размещался костяк ребёнка 5-6 лет в скорченном положении на левом боку, ориентированный на запад. Угол скорченности тупой, в коленях – острый. Левая рука согнута в локте и кистью направлена к лицу. Правая не сохранилась. У локтя левой руки найдена костяная пряжка (рис. 38, 3).

1. Миниатюрная круглая костяная пряжка с центральным большим отверстием, вокруг которого наблюдается небольшой выступающий бортик. На плоскости кольца имеется боковое отверстие диаметром 0,25 см. Обратная сторона пряжки плоская. Д пряжки = 2,8 см, Д центр.отв. = 1,2 см, Д бок.отв. = 0,25 см, Н втулки = 0,1 см, толщина 0,2 см (рис. 38, 4).

Погребение 9 (позднекатакомбное) выявлено в центральной части кургана с глубины 1,9 м (1,3 м от П). Входная шахта устроена в насыпи кургана и не прослеживалась.

Погребальная камера сооружена в пределах восточной части внутренней полости могильной ямы основного погребения 10. Здесь обнаружены остатки деревянного заслона входа в камеру в виде ряда наклонностоящих бревен, которые фиксировались с глубины 1,9-2,19 м. Бревна расположены по линии север-юг (7-8 фрагментов). Они сохранились на длину до 0,9 м. Средний диаметр 0,1 м. Верхний край упирался в крупное бревно, уложенное сверху погребальной камеры по линии север-юг, служившее опорой заслона. Оно сохранилось на длину 1,1 м и в диаметре достигало 0,15 м.

В момент захоронения стенки восточной части ямы погребения 10 были расширены и преобразованы в погребальную камеру овальной формы (1,53x0,9 м). Её дно находилось на глубине 2,8 м от Р. На этом уровне размещался костяк взрослого человека в сильно скорченном положении на правом боку головой на юг. Угол скорченности острый, пятки поджаты к тазу. Руки согнуты в локтях. Кисть левой руки – под подбородком. Кисть правой отведена в сторону и уложена перед лицом. Около локтей найдено изделие из красной охры. За изголовьем стоял лепной сосуд (рис. 39, 1; фото 28).

Фото 28. Лисичанск, Шкляр, кург. 1, погр. 9

1. Горшковидный сосуд приземистой формы с низкими плечиками, скруглёнными боками и прямой короткой шейкой. По горлу, у края древней трещины, высверлены два сквозных отверстия для стяжки. Внешняя поверхность серо-оранжевого цвета со следами косых расчесов. Н = 16,2 см, Нш = 2,5 см, Нб = 10 см, Дв = 15,2 см, Дб = 17 см, Дд = 11,6 см (рис. 39, 2).

2. Изделие из охры цилиндрической формы. Разрушилось в древности. Его длина 5 см, диаметр 4,3 см (рис. 39, 3).

Погребение 10 (центральное, основное, позднекатакомбное). Погребальное сооружение представлено ямой с заплечиками. Она произведена с уровня ДГ.

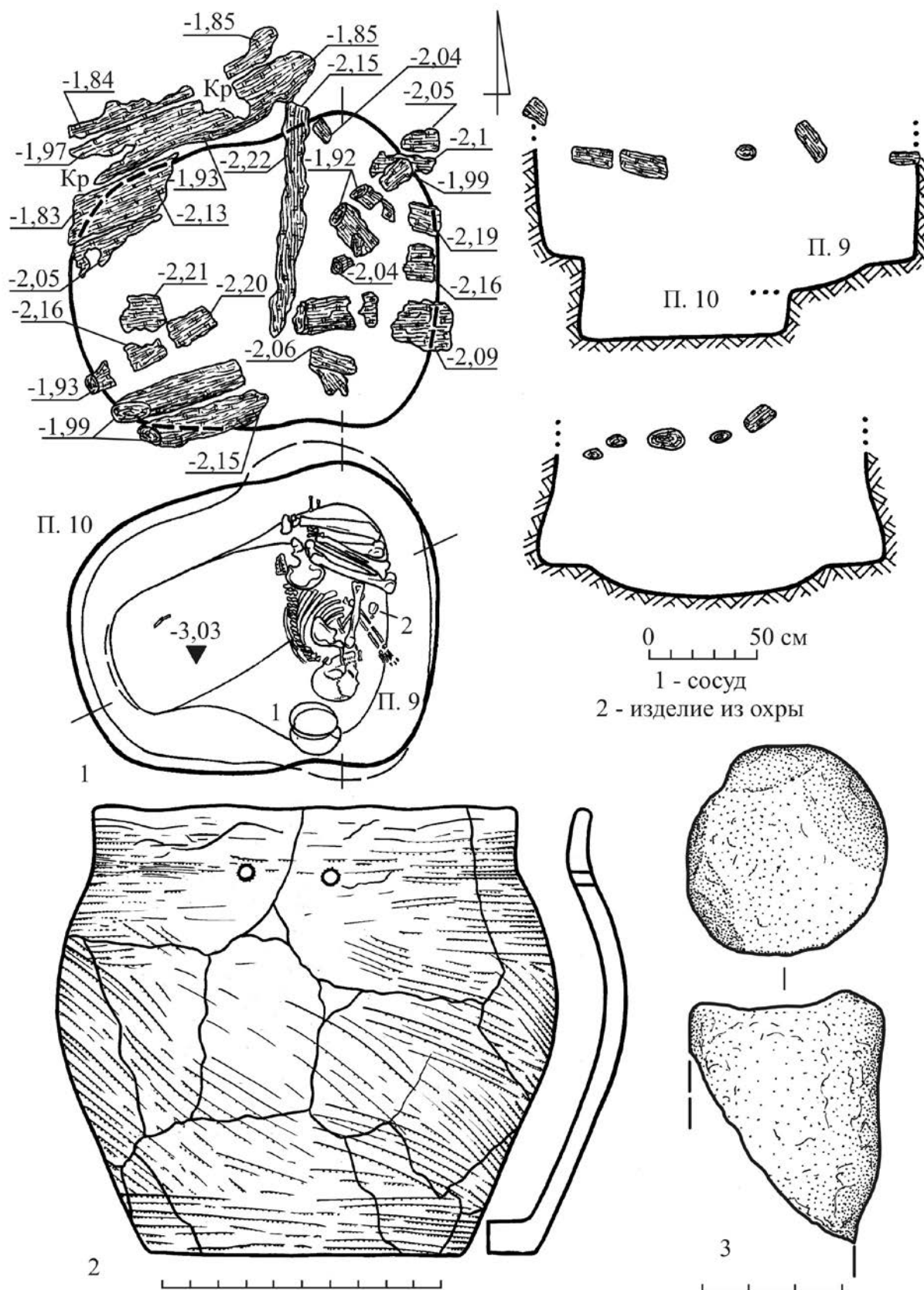

Рис.39. Лисичанск, Шкляр. 1 - кург. 1, погр. 9; 2,3 - кург. 1, погр. 9

Верхний ярус ямы имел овальную форму (1,7х1,3 м) и был ориентирован по линии юго-запад–северо-восток. На поверхности погребальной почвы вокруг могилы, а также в её заполнении, зафиксированы бревна заслона. Восточный край разрушен впуском катакомбного погребения 9. Общая площадь заслона составляет 2х1,8 м. Поверхность плах обожжена. Бревна уложены продольно по линии юго-запад–северо-восток. Они сохранились на длину до 1,2 м. Их диаметр составлял 0,16-0,2 м. Стенки верхнего яруса несколько сужались ко дну, устроенному на глубине 2,66 м. В центральной части дна сооружена яма нижнего яруса. Она имела прямоугольную форму с округлыми углами (1,0х0,52 м) и была ориентирована по линии юго-запад–северо-восток. Длинные стенки вертикальные, короткие несколько расширились ко дну, устроенному на глубине 3,3 м (1,65 от ДГ – абсолютная глубина). Заполнение состояло из мягкого чернозема с включением фрагментов осевших бревен перекрытия. В западной части дна зафиксированы единичные фрагменты трубчатых костей подростка (рис. 39, 1).

КУРГАН 2

Судя по паспорту, курган в 70-х годах прошлого столетия размещался впритык с северо-запада к кургану 1. На тот момент его высота составляла 0,7 м, диаметр – около 25 м. В настоящее время насыпь полностью уничтожена в результате планировки поверхности и прокладки через курган трубопровода водовода. На месте кургана сооружен бетонный колодец с защитной насыпью диаметром около 6 м. На месте бывшего кургана с юго-востока и северо-запада от насыпи колодца с помощью бульдозера С-100 заложены две параллельные траншеи со снятием грунта до уровня материка. Остатки курганных захоронений выявлены в пределах юго-восточной траншеи. За условный центр кургана принят геометрический центр древней курганной насыпи, зафиксированный на прилагаемом к паспорту генплане (рис. 40).

Ситуация 1. Под углом 138° на расстоянии фрагменты 6 м от условного центра (УЦ) прямо на современной поверхности найдены от двух сосудов.

Сосуд 1 горшковидной формы со слабовыраженными плечиками и короткой прямой шейкой. На плечиках отпечатками крупного гребенчатого штампа нанесены два круговых пояса, сверху и снизу к которым примыкают косые крупные ногтевые вдавления. Внешняя поверхность покрыта мелкими расчёсами серо-черного цвета. Н = 10,7 см, Нб = 8,5 см, Нш = 0,7 см, Дв = 13,2 см, Дб = 14,2 см, Д дна = 7,3 см (рис. 41, 4).

Сосуд 2. Сильно фрагментирован, форма не реконструируется. На обломке придонной части наблюдается выраженная закраина. Внешняя поверхность серо-оранжевого цвета (рис. 41, 5).

Погребение 1 (основное, финальнокатакомбное), зафиксировано под углом 200° на расстоянии 5,5 м от УЦ на уровне материка, на глубине 0,45 м от современной поверхности.

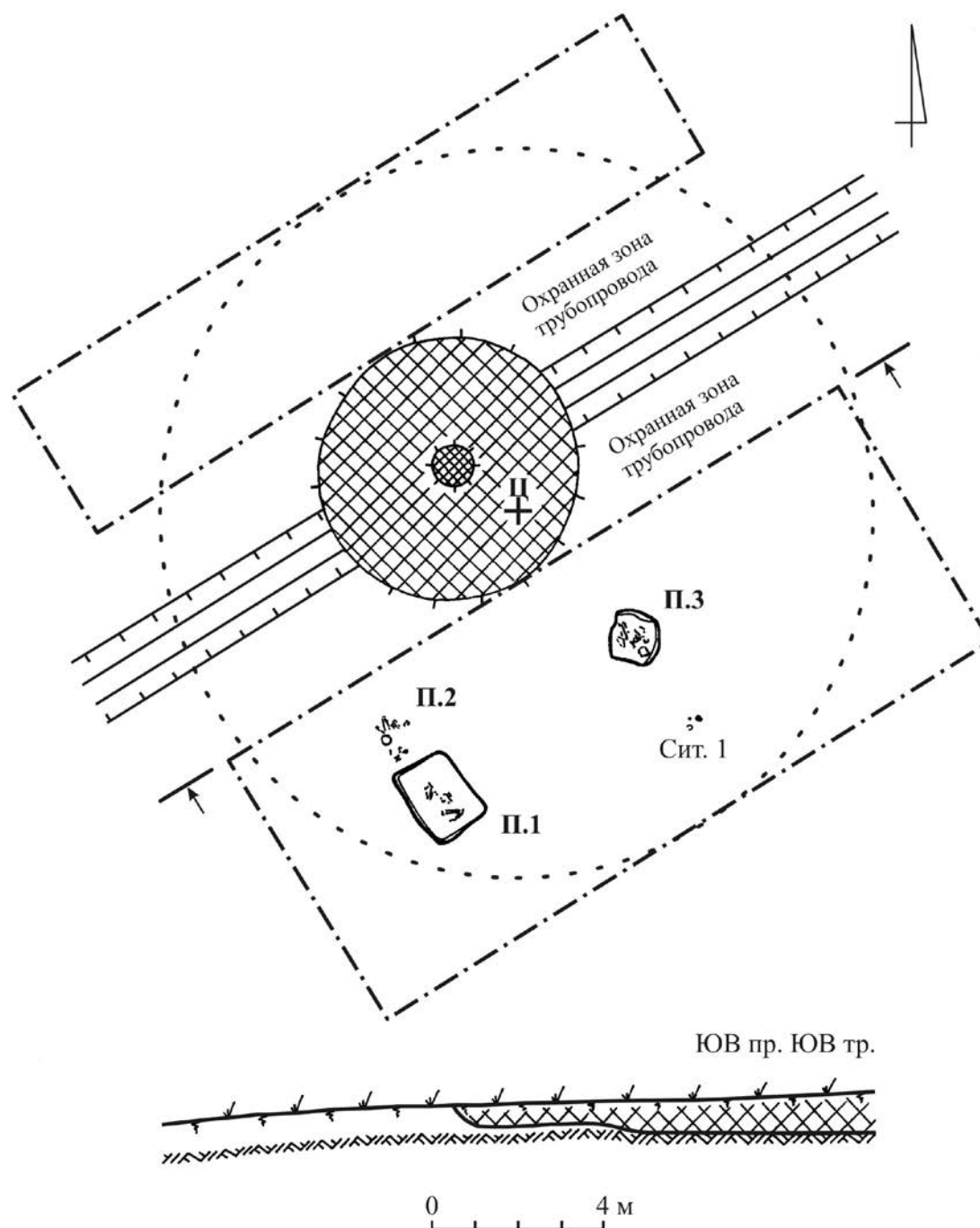

Рис.40. Лисичанск, Шкляр. Общий план и профиль кургана 2

Могильная яма прямоугольной формы (1,92x1,38 м) ориентирована по линии юго-восток–северо-запад. Ко дну, устроенному на глубине 0,6 м, слегка сужалась. Заполнение состояло из серого гумуса. В центральной части находились останки взрослого человека в скорченном положении на левом боку с северо-западной ориентацией. Сохранились фрагментированные кости таза и левой ноги, правой руки и ребра, правой части грудной клетки. Судя по расположению сохранившихся костей, умершему придана тупая степень скорченности с поджатыми к тазу стопами. Правая рука сильно согнута в локте и кистью направлена к лицу. Перед тазом – костяная пряжка и кремневый пластинчатый отщеп (рис. 41, 1).

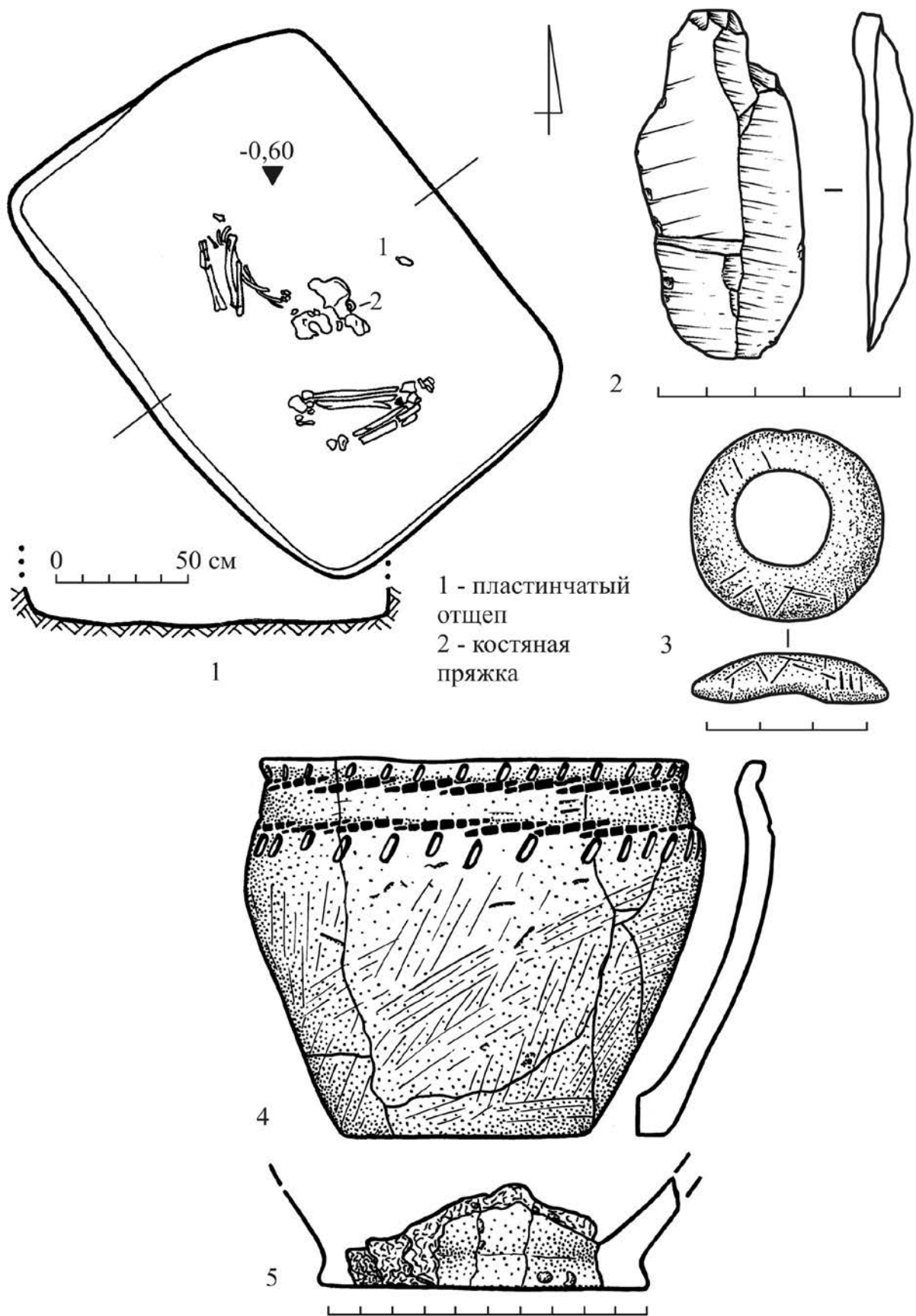

Рис.41. Лисичанск, Шкляр. 1-3 - кург. 2, погр. 1; 4,5 - керамика из насыпи кургана 2

1. Кольцевидная пряжка с уплощенным основанием и выпуклой верхней поверхностью. По краю местами имеются параллельные короткие нарезки. Поверхность отполирована. Д = 3,7 см, Д отверстия = 1,8 см, толщина 0,6 см (рис. 41, 3).

2. Пластинчатый отщеп вытянутой формы. Изготовлен из мелового кремня белого цвета. Края имеют следы нерегулярного использования – мелкую ретушь утилизации. Размеры – 7,3x3,3x1,0 см (рис. 41, 2).

Погребение 2 (срубное) выявлено под углом 210° на расстоянии 5,2 м от УЦ в пределах современного дернового слоя. Включает остатки двух детских костяков.

Костяк 1 (подросток, 15 лет) находился в сильно скорченном положении на левом боку с ориентацией на юго-восток-восток. Углы скорченности и в коленях – острые. Руки согнуты в локтях и кистями направлены к лицу. Под правой рукой найдены три овечьих астрагала (таранные кости МРС), у колен находился развал лепного сосуда (сосуд 1).

С юга к костяку 1 примыкал костяк 2 – ребенок (около 3 лет) в сильно скорченном положении на левом боку. Ориентирован умерший на северо-восток-восток. Углы скорченности и в коленях – острые. Правая рука согнута в локте и кистью направлена к лицу. Левая сохранилась частично. Перед костяком найден лепной сосуд (сосуд 2) (рис. 42, 1).

1. Три фрагмента альчика (таранной кости МРС) средних размеров – 2,8x1,6x1,2 см.

2. Сосуд 1 острореберной формы с выраженной приостренной боковиной и короткой слабораструбной шейкой. Внешняя поверхность оранжевого цвета с серыми и черными пятнами. Н = 12 см, Нб = 7 см, Нш = 1,2 см, Дв = 19,5 см, Дб = 21 см, Дд = 18,2 см (рис. 42, 3).

3. Сосуд 2 подгоршковидной формы со слабовыраженными боковинами, небольшим поддоном и прямой короткой шейкой. Шейка и плечики покрыты мелкими расчесами. На боковинах – следы мелких косых расчесов. Внешняя поверхность серо-оранжевого цвета, подлощена. Н = 13,2 см, Нб = 9,2 см, Нш = 1,3 см, Н поддона = 0,8 см, Дв = 16 см, Дб = 17,5 см, Дд = 8 см (рис. 42, 2).

Погребение 3 (срубное) выявлено под углом 135° на расстоянии 3,2 м от УЦ на уровне материка. Могильная яма неправильной прямоугольной формы (1,12x1,1 м) ориентирована по линии юго-восток–северо-запад. Заполнение состоит из серого гумуса. Яма слегка сужалась ко дну, устроенному на глубине 0,7 м. В её центральной части размещен костяк взрослого человека в скорченном положении на левом боку с юго-восточной ориентацией. Колени поджаты к грудной клетке, пятки – к тазу. Руки согнуты в локтях и кистями направлены к лицу. Перед черепом найден лепной сосуд 1 (рис. 42, 4).

1. Стройный подгоршковидный сосуд со слабовыраженными плечиками, короткой шейкой и невысоким поддоном. Под краем венчика – круговой поясок из вертикального оттиска ногтя. Внешняя поверхность серо-оранжевого цвета с черными пятнами. Местами на ней прослежены мелкие расчёсы. Н = 19 см, Нб = 12,5 см, Нш = 1,5 см, Дв = 19 см, Д дна = 12,5 см, Н поддона = 0,8 см (рис. 42, 5).

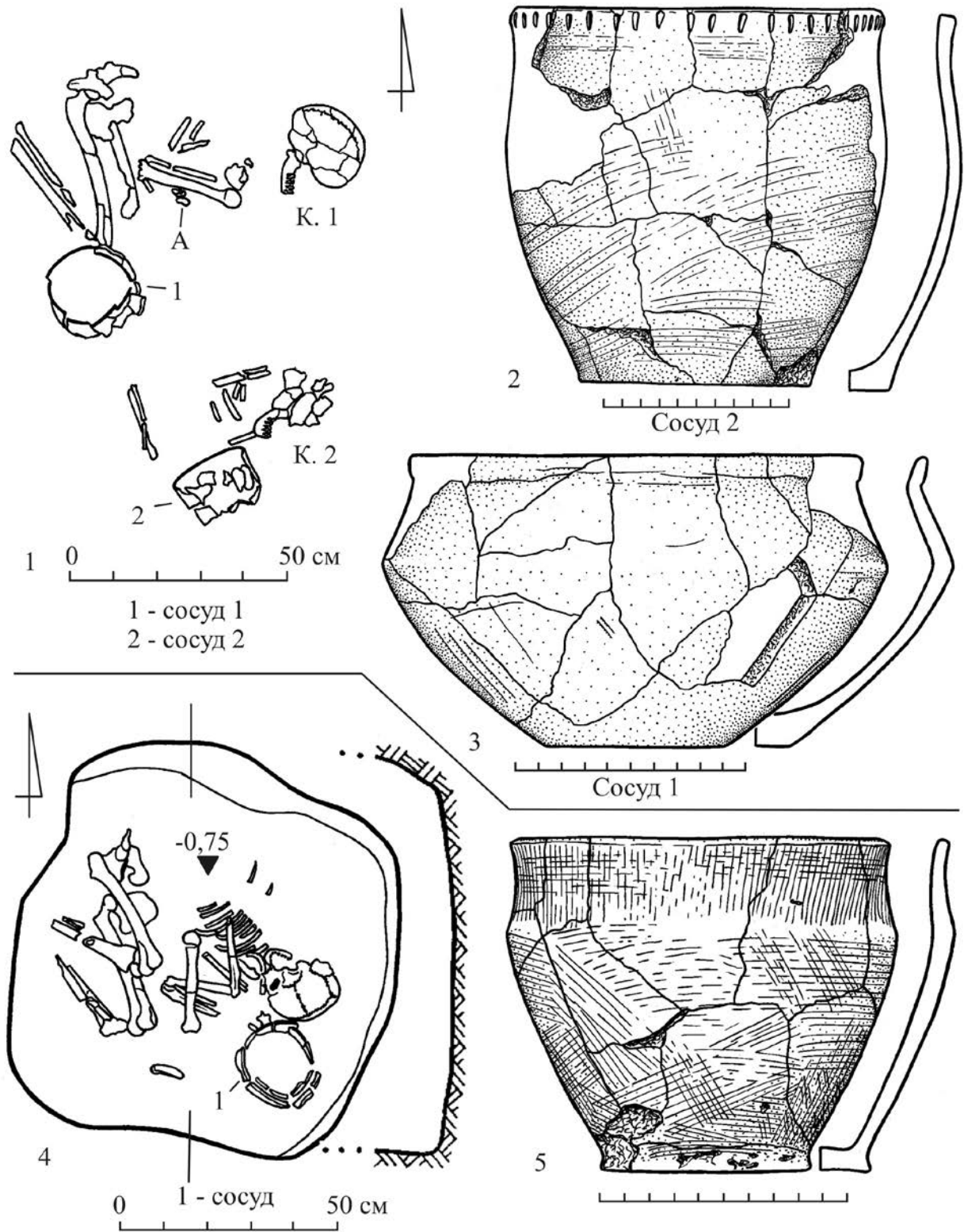

Рис.42. Лисичанск, Шкляр. 1-3 - кург. 2, погр. 2; 4,5 - кург. 2, погр. 3

Рис.43. Лисичанск, ЛИСПИ. Схема расположения курганов

1.4. Курган у Лисичанского пивоваренного завода (ЛИСПИ)

Курганная группа из трех насыпей расположена на северо-западной окраине города Лисичанска в пограничной зоне г. Новодружеск в 0,2 км на северо-запад от ЛИСПИ (Лисичанский пивоваренный завод) (рис. 1, 2). Занимает возвышенное плато на территории Привольнянской излучины. Насыпи сооружены в линию с юга на север на расстоянии 20-60 м друг от друга. Крайний северный примыкает к асфальтированной дороге на шахту «Новодружеская». На нем установлен триангуляционный знак. Поверхность не распаивается. Два южных кургана деформированы в результате интенсивной распашки. Высота насыпей – от 0,4 до 3,6 м, диаметры – от 20 до 60 метров. Охранным раскопками в 2010 году изучался разрушенный южный курган 1 (рис. 43).

КУРГАН 1

Являлся южным в группе. Поверхность деформирована распашкой. Восточная половина разрушена прокладкой трубопровода водовода. Высота от современной поверхности 1 м (от ДГ 1,3 м). Диаметр – около 24-25 м.

Основным и центральным в кургане было раннекатакомбное погребение 5, совершенное с древнего горизонта. Материковый выкид из него уложен на поверхности погребенной почвы в форме большой дуги к северо-востоку от входной шахты. Края дуги заходят к северо-западу и юго-востоку от шахты. Общие размеры выкида – 8x8,5 м. Ширина в центральной части 4,5 м. Максимальная толщина до 0,7 м. После совершения

основного захоронения над ним из кусков дерна возведена насыпь диаметром около 20 м и высотой свыше 1,5 м (точная высота не определяется из-за распашки поверхности).

При этом, центральная часть первичной насыпи, непосредственно над основным захоронением, сформирована исключительно из кусков дерна размером 0,35x0,3x0,25 м. Она образовала конструктивную центральную часть насыпи полусферической формы. Полы первичной насыпи сложены преимущественно из смешанного чернозёма темно-серого цвета. В последующем в северо-восточную периферию кургана был осуществлен выпуск раннекатакомбного детского погребения 3, материковый выкид из которого уложен в форме сегмента к северо-востоку, северо-западу и юго-востоку от захоронения. Длина выкида – около 6,5 м, ширина – 2,6 м, толщина – 0,3 м. Северо-восточная периферия выкида вышла за пределы кургана в напольную сторону, а его боковые выступы уложены на поверхность первичной насыпи. Впуск данного погребения сопровождался подсыпкой из серого гумуса, который уложен на поверхности всей северо-восточной половины первичной насыпи. Средняя мощность подсыпки составляла 0,1-0,15 м. По всей видимости, формирование третьей, последней насыпи, в результате которой курган приобрёл современный вид, связано с впуском в южную полу позднекатакомбного погребения 4, выкид из которого разрушен в результате распашки поверхности. Последняя досыпка (насыпь) большей частью перекрыла южную половину кургана. Её мощность составляла 0,3-0,4 м. В результате третьей подсыпки геометрический центр кургана сместился к югу. Затем, в южную часть кургана произведен выпуск неглубокого позднекатакомбного погребения 1, а в юго-западный сектор – срубного погребения 2. Зафиксированные в юго-восточном секторе ситуации 1 и 2 (парные находки сосудов эпохи поздней бронзы), по всей видимости, фиксируют месторасположения детских захоронений с несохранившимися костями умерших (рис. 44, 1).

В стратиграфическом разрезе, составленном по восточному профилю центральной бровки, прослеживались: материк, представленный глинистой супесью, с глубины 1,65 м, слой погребенной почвы мощностью 0,3 м с видимой линией древнего горизонта на длину 19 м, разрез северо-западного угла входной шахты основного катакомбного погребения 5 на длину 0,65 м. С правой стороны от разреза шахты на поверхности погребенной почвы наблюдается линза материкового выкида из основного погребения на длину 2,7 м мощностью до 0,55 м. Центральная часть первичной насыпи сложена из кусков дерна, полы – из рыхлого темно-серого чернозема. На северной и южной оконечностях профиля фиксируются разрезы пол первичной насыпи кургана, а в северной части – и вторичной насыпи кургана из серого гумуса. Пахотный слой составляет 0,3 м (рис. 44, 2; фото 29).

Ситуация 1. В юго-восточной поле кургана под углом 150° на расстоянии 8,2 м от Ц на глубине 0,95 м (0,45 м от П) выявлено 2 лепных сосуда (рис. 44).

1. Сосуд 1. Фрагментированный баночный сосуд с сужающимся верхом и слабо выраженным поддоном. На стенках заметны следы косых расчесов. Внешняя поверхность серого цвета с черными и оранжевыми пятнами. Н=13 см, Н поддона = 0,6 см, Д = 15 см, Дб = 16 см, Дд = 9 см (рис. 45, 2).

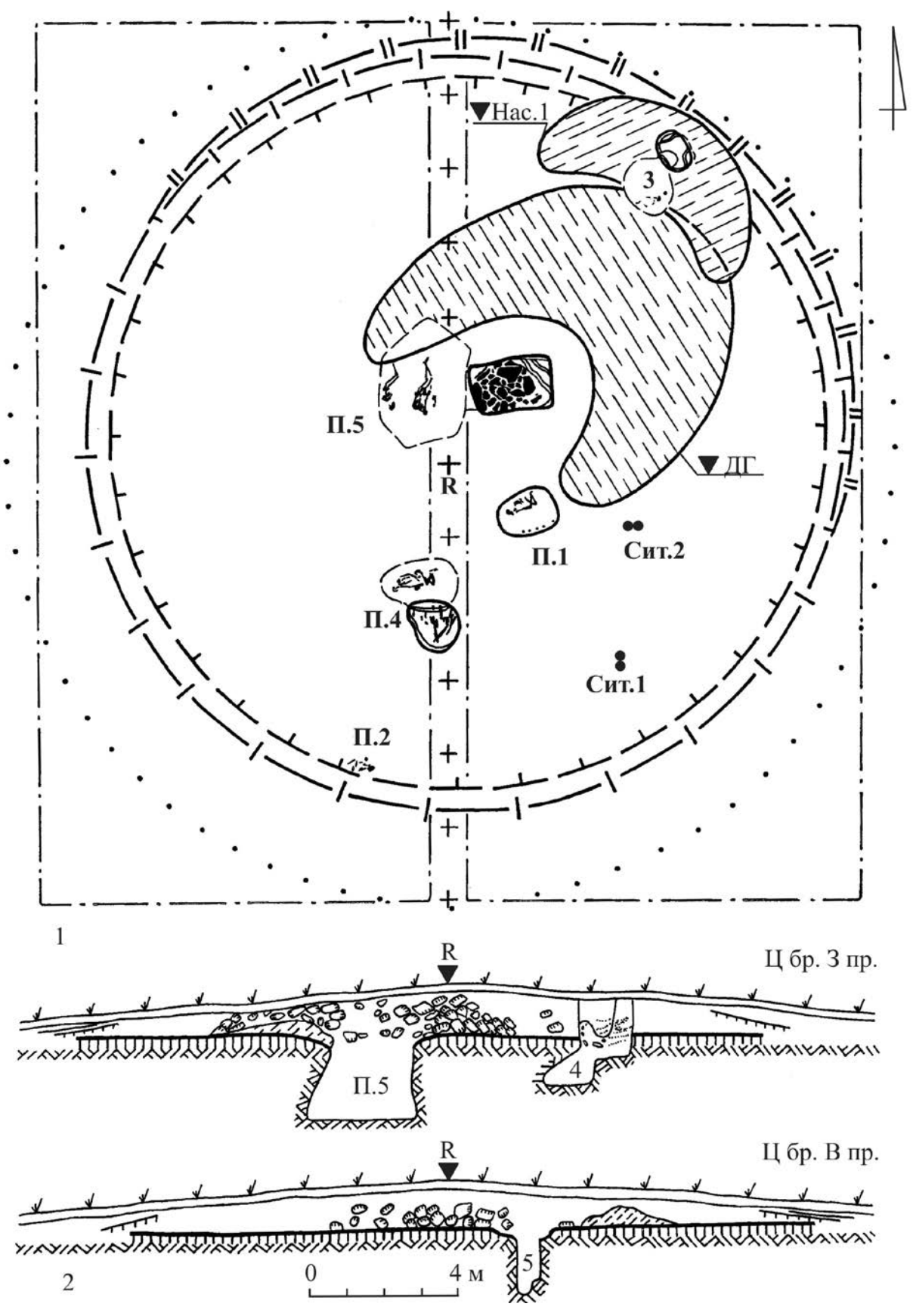

Рис.44. Лисичанск, ЛИСПИ. Общий план и профили центральной бровки кургана 1

Фото 29. Лисичанск, ЛИСПИ, кург. 1. Центральная бровка, восточный профиль

2. Сосуд 2. Миниатюрная баночка на небольшом поддоне. Внешняя поверхность серого цвета со следами мелких косых расчесов. $H = 5,7$ см, H поддона = $0,7$ см, $Dв = 7,5$ см, $Dд = 5,5$ см (рис. 45, 1).

Ситуация 2. В юго-восточной части кургана под углом 130° на расстоянии $5,6$ м от Ц на глубине $0,68$ м ($0,5$ м от П) встречены 2 фрагментированных сосуда (рис. 44).

1. Сосуд 1. Стройный горшковидный с узкими плечиками и прямой, слабораструбной шейкой. На стенках косые следы, а на шейке – горизонтальные следы расчёсов. Внешняя поверхность серого цвета с коричневыми и черными пятнами. $H=17$ см, $Hш=2,8$ см, $Hб=13$ см, $Dв=15$ см, $Dб=15,8$ см, $Dд=8,6$ см (рис. 45, 3).

2. Сосуд 2. Миниатюрная чашечка с расширяющимися стенками. На них следы косых расчёсов и бессистемные отпечатки пальцев. Внешняя поверхность серо-коричневого цвета. $H=5$ см, H поддона= 1 см, $Dв=9,3$ см, $Dд=7$ см (рис. 45, 4).

Погребение 1 (позднекатакомбное). Выявлено под углом 155° на расстоянии $3,2$ м от Ц (Ц – точка над центральной частью устья основного катакомбного погребения) с глубины $1,5$ м ($1,3$ м от П) на верхнем уровне погребенной почвы. Погребальное сооружение представлено овальной погребальной камерой катакомбы, входная шахта которой не прослежена в насыпи кургана. Размеры камеры $1,6 \times 1,23$ м. Длинной осью она ориентирована по линии юго-запад–северо-восток. Заполнение состояло из светлого гумусированного грунта. Дно устроено на глубине $1,6$ м ($1,4$ м от П). Внутри камеры, под её юго-восточной стенкой, зафиксирована нижняя часть заслона устья из 5 вертикально расположенных бревен диаметром $8-10$ см. Костяк взрослого человека, ориентированный на юго-запад, размещен под северо-западной стенкой камеры в скорченном положении на правом боку.

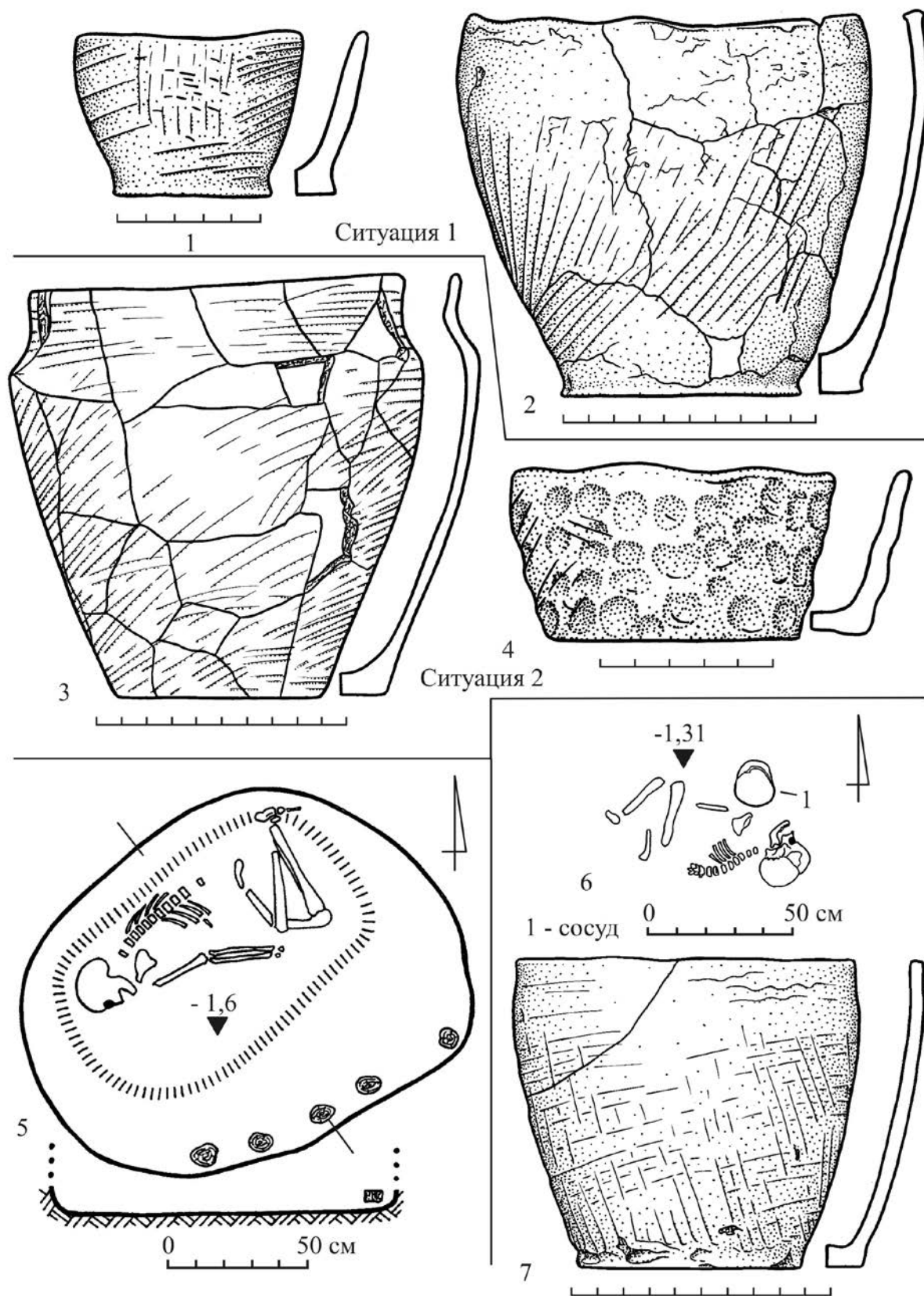

Рис.45. Лисичанск, ЛИСПИ. 1,2 - сосуды в насыпи (ситуация 1);
3,4 - сосуды в насыпи (ситуация 2); 5 - кург. 1, погр. 1; 6,7 - кург. 1, погр. 2

Угол скорченности прямой, в коленях – острый. Правая рука вытянута к коленям. Левая не сохранилась. Под костяком прослежена овальная в плане подстилка из коричневого тлена (рис. 45, 5).

Погребение 2 (срубное) выявлено под углом 195° на расстоянии 10,6 м от Ц, на глубине 1,31 м (0,75 от П). Костяк ребенка (5-8 лет) находился в скорченном положении на правом боку и был ориентирован на северо-восток-восток. Углы скорченности и в коленях острые. Кости рук разрушены. Перед грудью найден лепной сосуд (рис. 45, 6).

1. Лепной сосуд банкообразной формы с небольшим сужением под краем венчика. Внешняя поверхность серо-оранжевого цвета, местами покрыта мелкими расчёсами. $H = 12$ см, $Dв = 13,2$ см, $Dд = 8,4$ см (рис. 45, 7).

Погребение 3 (раннекатакомбное) выявлено под углом 42° на расстоянии 8,3 м от Ц с глубины 1,5 м (0,6-0,7 м от П). Входная шахта подпрямоугольной формы с округлыми углами (1,3x0,8 м) длинной осью ориентирована по линии юго-восток–северо-запад. Заполнена смешанной супесью. Дно устроено на глубине 2,06 м. Вход в камеру находился под юго-западной стенкой. К нему вел лоткообразный спуск глубиной около 0,13 м от уровня дна. От него слева и справа имелись два уступа высотой около 0,15 м. У входного отверстия уступ понижался и посредством ступеньки глубиной 0,15 м переходил в дно камеры.

Свод погребальной камеры обрушился в древности. Её заполнение состояло из кусков смешанного материкового супесчаного грунта. В плане она прямоугольной формы с округлыми углами (1,5x1,25 м) длинной осью ориентирована по линии юго-восток–северо-запад. Дно устроено на глубине 2,61 м (1,7-1,8 м от П). В южной части, сильно разрушенной норами землеройных животных, зафиксированы остатки костей ребенка (1-2 года). Умерший находился в слабоскорченном положении корпусом на спине. Колени уложены вправо. Правая рука вытянута вдоль туловища. Перед изголовьем выявлен лепной сосуд. Под правой височной костью найдена бронзовая стержневидная подвеска (рис. 46, 3).

1. Лепной округлодонный сосуд со слабовыраженной отогнутой наружу короткой шейкой. С уровня нижней части плечиков до придонной части декорирован горизонтальными рядами оттисков однорядного шнура. Округлое днище не орнаментировано. Внешняя поверхность серо-желтого цвета с чёрными и коричневыми пятнами. $H = 13,5$ см, $Hш = 0,8$ см, $Hб = 10$ см, $Dв = 14$ см, $Dб = 15,8$ см (рис. 46, 1).

2. Бронзовая стержневидная подвеска в виде шарика, перекрученного стержня и петельки. Длина – 1,2 см, диаметр шарика – 0,5 см, диаметр петельки – 0,3 см. Диаметр стержня 0,3 см (рис. 46, 2).

Погребение 4 (позднекатакомбное) выявлено под углом 190° на расстоянии 6 м от Ц с глубины 0,45 м (0,3 м от П). Входная шахта неправильной овальной формы (1,35x1,2 м) ориентирована по линии юго-восток–северо-запад. Заполнена смешанным грунтом. Дно расположено на глубине 1,95 м (1,8 м от П). На нем зафиксированы брёвна заслона устья камеры, широкий вход в которую находился под северной стенкой.

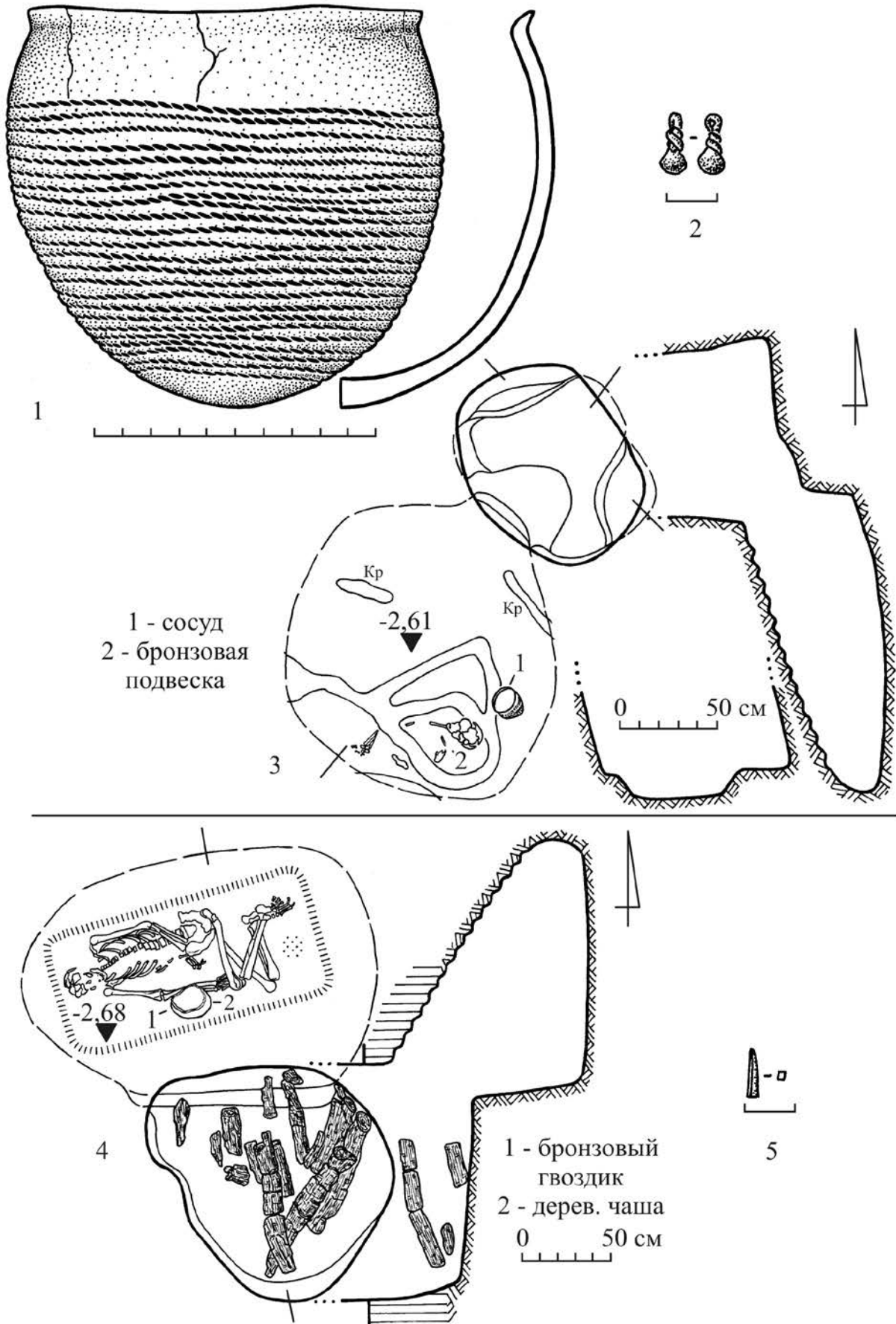

Рис.46. Лисичанск, ЛИСПИ. 1-3 - кург. 1. погр. 3; 4,5 - кург. 1, погр. 4

Фото 30. Лисичанск, ЛИСПИ, кург. 1, погр. 4

Бревна заслона установлены с наклоном в сторону устья и сохранились на длину 0,85 м. Средний диаметр бревен – 0,13 м. В камеру вела ступенька глубиной 0,65 м.

Погребальная камера в плане овальной формы (2х1,32 м) длиной осью ориентирована по линии восток-запад. Заполнена смешанным грунтом. Свод обрушился в древности. Ширина прохода со стороны шахты около 1,1 м. Дно устроено на глубине 2,68 м (2,5 от П). Костяк взрослого человека находился в скорченном положении на правом боку и ориентирован на юго-запад-запад. Угол скорченности прямой, в коленях – острый. Правая рука вытянута к коленям. Левая согнута в локтевом сгибе и кистью уложена на правом крыле таза. Перед животом, у правой руки, находилась деревянная чаша, в восточном бортике которой найден бронзовый гвоздик. За берцовыми костями прослежена локальная посыпка порошком красной охры. Под костяком фиксировалась прямоугольная подстилка из коричневого тлена (рис. 46, 4; фото 30).

1. Деревянная чаша (разрушилась). Имела округлую форму диаметром по венчику около 20 см. Толщина стенок – около 0,5 см. Стенки чаши сохранились на высоту 4 см.

2. Бронзовый четырехгранный гвоздик, скрепляющий трещину в бортике. Длина – 1,1 см, толщина – 0,2 см (рис. 46, 5).

Погребение 5 (раннекатакомбное, центральное, основное) выявлено в центральной части кургана с уровня древнего горизонта. Входная шахта в плане прямоугольной формы (2,25х1,43 м) ориентирована по линии восток-запад.

Фото 31. Лисичанск, ЛИСПИ, кург. 1, погр. 5

Верхний уровень заполнения состоял из рыхлого чернозёма. С глубины 2,15 м шахта забутована камнями (песчаник и ракушечник). Средние размеры камней 0,6х0,4х0,15 м. В западной части заполнения на глубине 2,47 м обнаружена миниатюрная антропоморфная стела 1 из ракушечника. Под восточной стенкой на глубине 2,57 м найдена трапециевидная плита песчаника, на одной из сторон которой, обращенной вниз, техникой пикетажа изображено арочное входное отверстие – устье погребальной камеры.

Дно шахты устроено на глубине 3 м. Под северо-восточным углом сооружены две ступеньки. Верхняя размером 0,5х0,25 м, нижняя – 1,0х0,25 м. Расстояние между ступеньками по вертикали – 0,35 м. Нижняя ступень сооружена на высоте 0,5 м от дна.

Вход в камеру устроен под западной стенкой шахты. На дне имелся длинный лоткообразный спуск в камеру, глубиной в центральной части 0,35 м, заложенный каменными плитами (фото 31). С юга и севера от спуска под стенками шахты оставлены уступы шириной 0,3 м. Центральная часть лоткообразного спуска перекрыта горизонтально расположенной плитой песчаника размером 1,0х0,7х0,27 м. Входное отверстие закрыто крупной песчаниковой плитой, стоящей с наклоном в сторону камеры. Её размеры – 1,2х0,88х0,3 м. К северу от плиты на поверхности уступа найдена вторая миниатюрная

Фото 32. Лисичанск, ЛИСПИ, кург. 1, погр. 5

антропоморфная стела 2 из песчаника. Входное отверстие имело арочную форму шириной по основанию 1,1 м и высотой 0,9 м. На стенках входной шахты местами прослеживались вертикальные следы орудий землекопов на длину 0,3 м. Их ширина – около 2,5 см. В камеру вёл пологий уступ глубиной около 0,3-0,4 м (рис. 47)

Погребальная камера в плане шестиугольной формы (3,3x2,35 м) ориентирована по линии север-юг. Свод обрушился в древности. Заполнение состояло из рухнувшего песчаного материкового грунта. Дно устроено на глубине 3,77 м (2,4 м от уровня впуска – абсолютная глубина). Стенки камеры сохранились на высоту около 0,8 м. Их участки, составлявшие грани камеры, в длину около 1,5-1,6 м. Углы чётко выражены.

На западной половине дна прослежена подквадратная подстилка из коричневого глина (1,8x1,6 м), на которой размещены два костяка взрослых (фото 32). Непосредственно под западной стенкой камеры находились части костяка взрослого человека (**костяк 1**). Они представлены крыльями таза, позвоночным столбом, ребрами грудной клетки, костями левой ноги и бедренной костью правой ноги. Стопы, берцовые кости правой ноги, кости рук, верхняя часть позвоночного столба и ключицы отсутствовали. Череп сдвинут к юго-востоку от позвоночника. Ориентирован умерший на юг, черепом на юго-восток (фото 33). Судя по расположению имеющихся костей, останкам умершего придана поза скорченного на правом боку положения. Угол скорченности тупой,

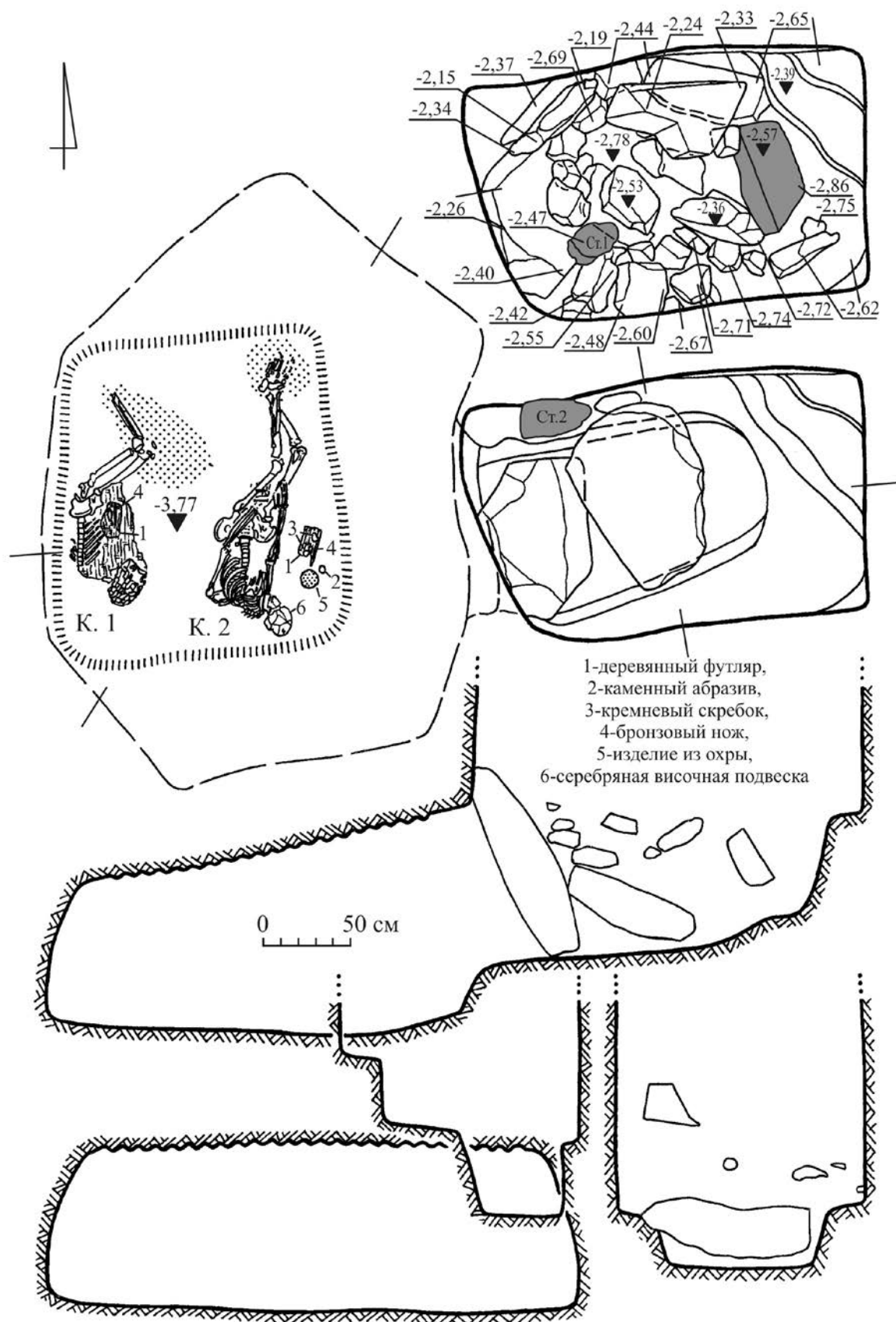

Рис.47. Лисичанск, ЛИСПИ, кург. 1, погр. 5. План и разрезы

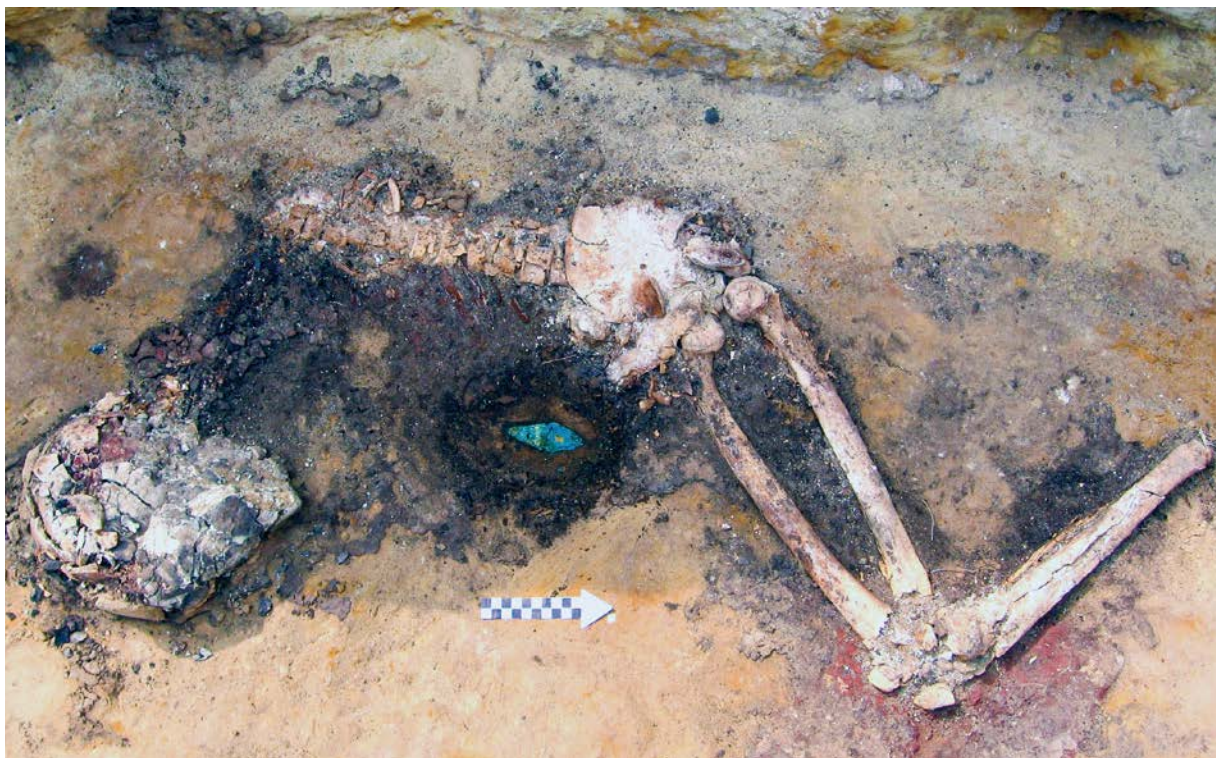

Фото 33. Лисичанск, ЛИСПИ, кург. 1, погр. 5, костяк 1

в коленях – прямой. Сверху и снизу на костях прослежены остатки слоя из древесной коры. Колени и берцовые кости посыпаны порошком красной охры. Череп человека лишен лицевой части и нижней челюсти. Вероятно, он был завёрнут в кожу, от которой сохранился черный тлен. Внутренняя полость черепной коробки заполнена сырцово-глиняной массой с включением измельченного древесного угля. Этой же массой моделированы подбородок, губы, глазницы и нос, т.е. лицо умершего (рис. 50, 1; фото 34, 1-2). Перед животом в деревянном футляре найден бронзовый черешковый нож.

Костяк 2 расположен перед костяком 1 по центру камеры. Умерший находился в слабоскорченном положении корпусом на спине. Ноги уложены вправо. Углы скорченности и в коленях тупые. Руки вытянуты вдоль туловища и сведены кистями на бедрах. Верхняя часть позвоночного столба неестественно выгнута. Ориентирован умерший на юг, черепом на юго-восток. Стопы посыпаны порошком красной охры. Вдоль правой руки в ряд располагались: изделие из охры, каменный абразив и деревянный футляр, в котором находились бронзовый черешковый нож и 2 кремневых скребка. Под правым виском найдена серебряная спиральная подвеска (рис. 47).

1. Миниатюрная антропоморфная стела из серого ракушечника (**стела 1**). Представлена продолговатым обломком камня со следами искусственной подправки поверхности техникой пикетирования и стачивания. В верхней части глубоким круговым желобком (ширина 3 см, глубина проточки 1-1,5 см) выделены голова и плечи. На лицевой стороне под круговым желобком имеется вмятина диаметром около 3 см, ниже которой желобками шириной 2-3 см изображены сходящиеся руки (фото 35).

1

2

Фото 34. Лисичанск, ЛИСПИ, кург. 1, погр. 5. Моделировка лица черепа костяка 1

Фото 35. Лисичанск, ЛИСПИ, кург. 1, погр. 5.
Антропоморфная стела 1, лицевая сторона

Фото 36. Лисичанск, ЛИСПИ, кург. 1, погр. 5.
Антропоморфная стела 1, тыльная сторона

На тыльной стороне стелы двумя такими же параллельными желобками прочерчены вертикальные полосы на расстоянии 4 см друг от друга, образующие длинный треугольник вершиной вниз (фото 36). От его верхнего правого уровня, непосредственно под круговым желобком, нанесён косой, более узкий желобок, наклонно спускающийся на правую боковую грань. Нижняя часть правой боковой грани имеет следы грубых сколов. К основанию стела резко сужается. Общая высота выступающей головы – 6,5 см, ширина по основанию – 14,5 см. Высота всей стелы – 33 см, ширина – 20 см, толщина – 17 см (рис. 48).

2. Миниатюрная антропоморфная стела из песчаника (**стела 2**). Изготовлена из плиткообразного обломка. В верхней части в технике пикетажа круговым желобком выделена голова. Ширина желобка – около 1,5 см, глубина – 0,5 см. Простой оббивкой подчёркнуты боковые плечики, образующие небольшие уступы шириной 4-4,5 см. Передняя часть изваяния уплощена и носит следы точечной оббивки (фото 37). На тыльной стороне имеется естественный выступ (фото 38). Левая боковая грань уплощена грубыми сколами, правая слабо обработана из-за слоистости материала. Дополнительные изображения отсутствуют. Высота выступающей головы – около 10 см, ширина по основанию – 13 см.

Фото 37. Лисичанск, ЛИСПИ, кург. 1, погр. 5.
Антропоморфная стела 2, лицевая сторона

Фото 38. Лисичанск, ЛИСПИ, кург. 1, погр. 5.
Антропоморфная стела 2, тыльная сторона

Нижняя часть основания уплощена. Общая высота стелы – 46 см. Ширина в плечевом поясе – 22 см, ширина центральной части – 29 см. Ширина в основании – около 23 см. Средняя толщина – 15 см (рис. 49, 1).

3. Трапециевидная плита из входной шахты с изображением. На одной из плоскостей плиты, в левой её части, пикетажем выбиты канавки, изображающие арочное устье погребальной камеры с уплощенным основанием. Ширина канавок – 2,5 см, глубина – 0,5 см. Ширина арочного основания – 18 см, высота – 15 см. Ширина по центру – 23 см. Ширина основания плиты – 61 см, ширина верхнего основания – 46 см, общая высота плиты – 38 см, толщина – 18 см (рис. 49, 2; фото 39).

4. Небольшой бронзовый черешковый нож ромбовидной формы выявлен у костяка 1. Нижнюю половину изделия представляет большой треугольный черешок, заостренный на конце, со следами боковой уплощающей расковки. Переход в миниатюрное обоюдоострое лезвие оформлено симметричными боковыми выемками. Плечики основания клинка скруглены. Общая длина изделия – 8,3 см. Длина черешка – 3,5 см, ширина его верхней части – 2,8 см. Длина лезвийной части – 3,5 см. Ширина основания клинка – 3,5 см. Глубина боковых выемок – 0,3-0,4 см. Толщина изделия в центральной части – 0,5 см (рис. 50, 8; фото 40).

Фото 39. Лисичанск, ЛИСПИ. Кург 1, погр. 5. Камень с изображением входа в камеру

Фото 40. Лисичанск, ЛИСПИ. Кург 1, погр. 5

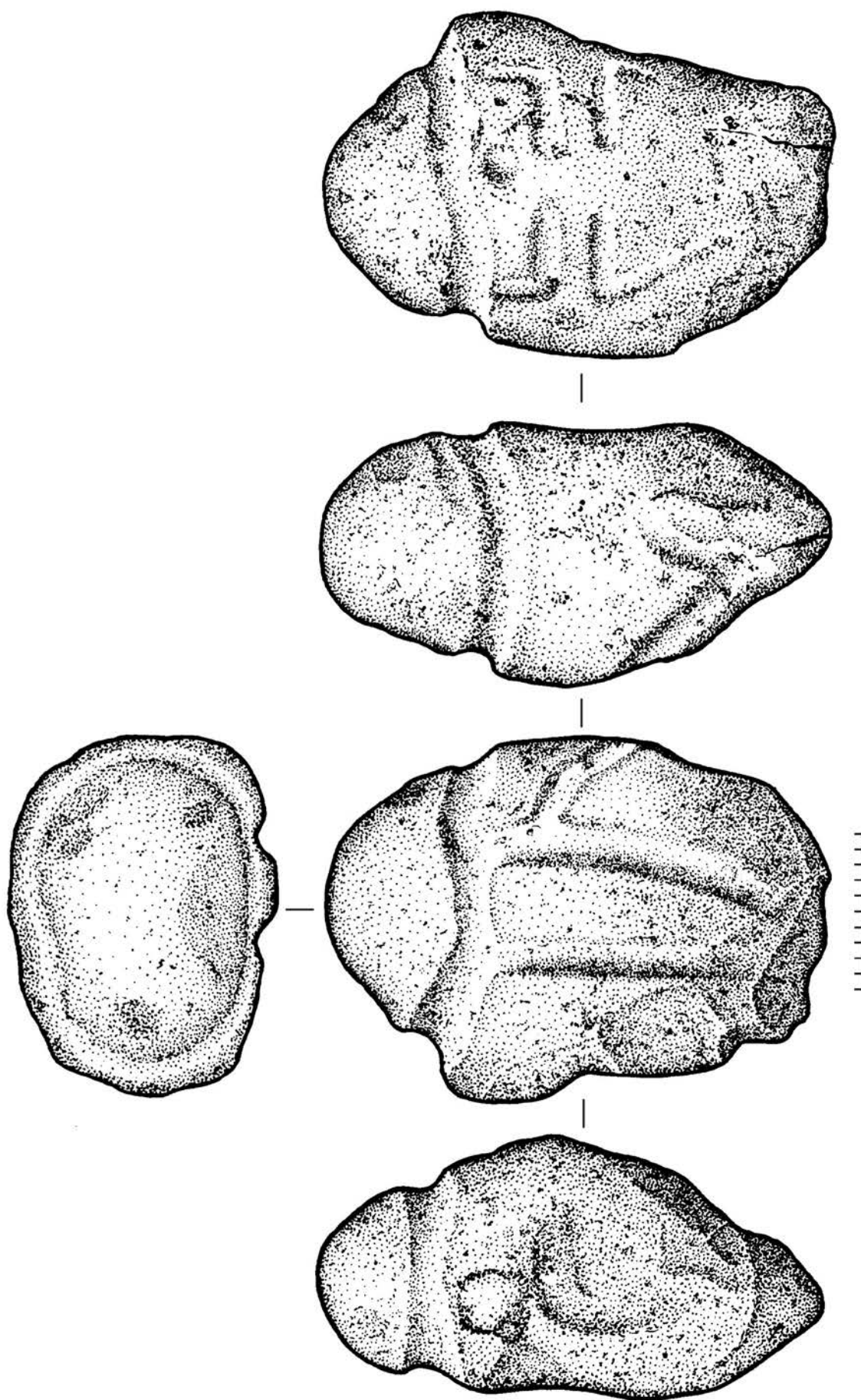

Рис. 48. Лисичанск, ЛИСПИ, кург. 1, погр. 5. Антропоморфная стела 1 из шахты

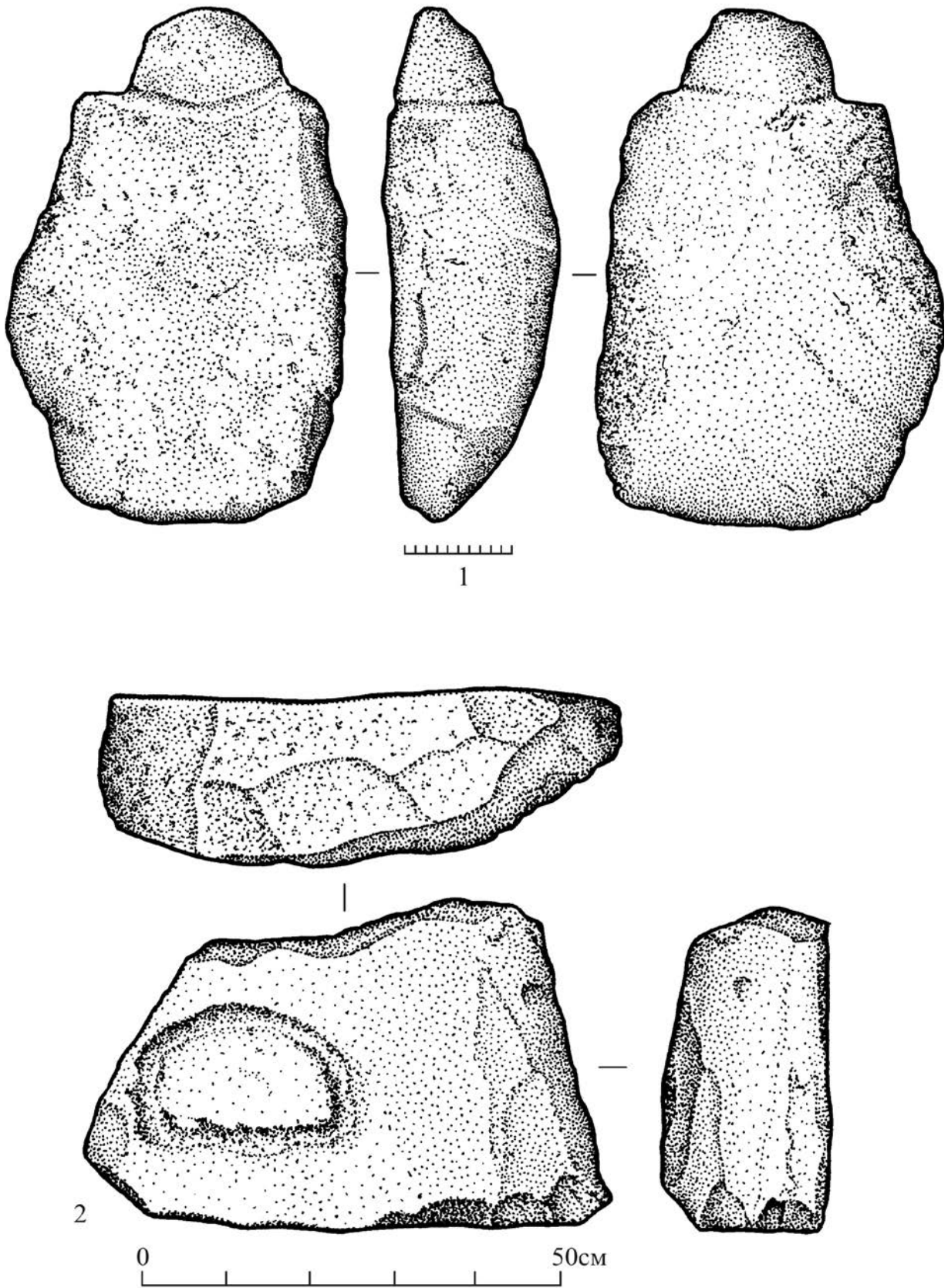

Рис.49. Лисичанск, ЛИСПИ, кург. 1, погр. 5. 1 - антропоморфная стела 2 из шахты;
2 - камень с изображением входа в камеру из шахты

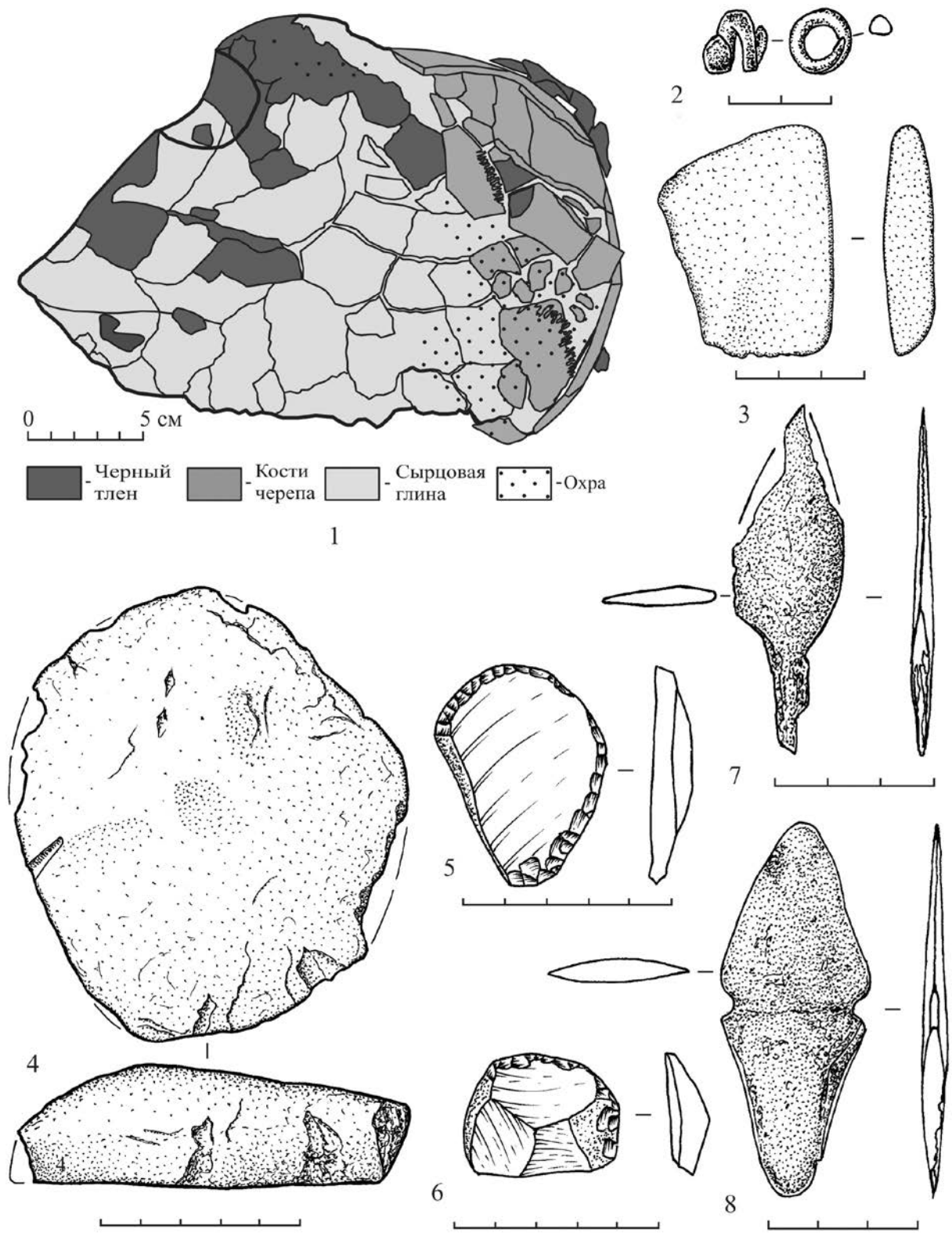

Рис.50. Лисичанск, ЛИСПИ, кург. 1, погр. 5.
1 - структура моделированного черепа человека; 2-8 - находки

5. Небольшой бронзовый черешковый нож (фрагментирован). Выявлен у костяка 2. Сильно сработан. Узкий черешок имеет расковку на конце. Посредством асимметричных плечиков он переходит в короткое коррозированное обоюдоострое лезвие. Общая длина ножа – 6,5 см. Длина черешка – 2,2 см. Длина лезвия – 4,4 см. Ширина ножа в его основании – 2,1 см. Толщина в центральной части – 0,4 см (рис. 50, 7).

6. Височная спиралевидная серебряная подвеска в 1,5 оборота. Окончания раскованы в лопасти. Общие размеры изделия – 1,2х1,1 см. Диаметр стержня – 0,3 см (рис. 50, 2).

7. Округлое лепешковидное изделие из красной охры. Основание уплощено. Верхняя часть выпуклая. Диаметр изделия – около 10 см. Толщина – около 3 см (рис. 50, 4).

8. Песчаниковый абразивный камень подпрямоугольной формы со следами заточки плоских предметов. Размеры – 5,7х3,7х1,3 см (рис. 50, 3).

9. Два кремневых скребка на асимметричных отщепках со следами желвачной корки. Один из них – поперечный скол с нуклеуса. Края оформлены крутой ретушью. Размеры – 3,8х3,0х0,8 см и 5,3х3,5х0,5 см (рис. 50, 5, 6)

1.5. Курган из могильника у с. Шипиловка

Курганная группа из 5 насыпей расположена на расстоянии 0,5 км на юго-запад от юго-западной оконечности с. Шипиловка Попаснянского района Луганской области.

Могильник занимает поверхность мысообразного выступа водораздельного плато, ориентированного с юго-востока-востока на северо-запад-запад, постепенно понижающегося к западу в сторону русла Северского Донца. Южный склон водораздела образован устьем балки Малый Суходол, прорезавший правый высокий меловой берег реки. В 0,4 км на юго-запад от склона мыса размещены электростанция и насосная станция «Лисичанскгорводоканала» (рис. 1,2).

Курганы в группе образуют цепочку и два скопления, между которыми проложена асфальтированная дорога, соединяющая с. Шипиловка с пос. Белогоровка. Два кургана входят в состав западного и три – восточного скопления. Крайний восточный курган могильника размещен под лесопосадкой. Поверхности всех насыпей задернованы, но значительно повреждены блиндажами, окопами и перекопами периода ВОВ. Их высота – от 0,5 до 1 м, диаметры – около 7–20 м (рис. 51).

КУРГАН 1

Являлся крайним северным в восточном скоплении насыпей могильника. Поверхность задернована. В центре находилась округлая воронкообразная выемка диаметром

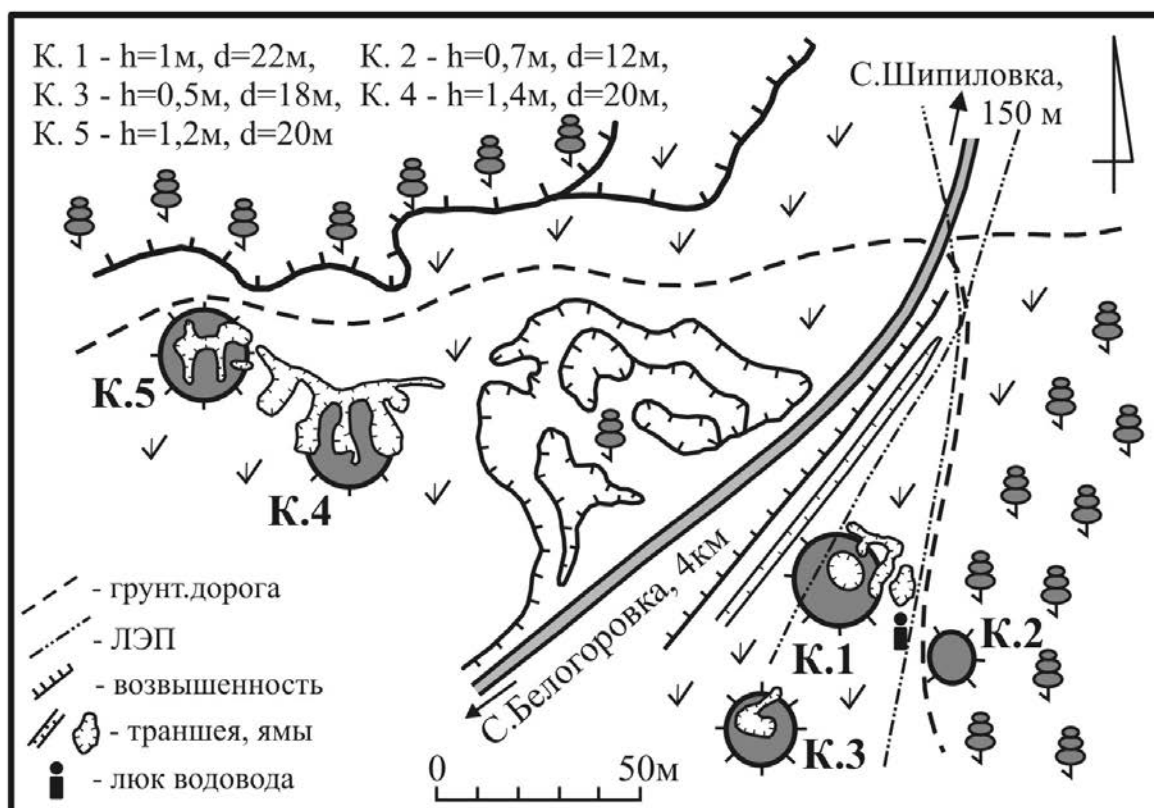

Рис.51. Шпиловка. Схема расположения курганов

около 8 м и глубиной 0,7-0,9 м. Восточная половина кургана повреждена окопами и перекоем времен ВОВ, частично разрушена прокладкой водовода.

Высота насыпи от современной поверхности и древнего горизонта – около 1 м, диаметр – 20 м.

В ходе исследования выявлено 11 погребений бронзового века – 2 катакомбных, 3 финальнокатакомбных, 2 посткатакомбных, 1 финальноабашевское и 3 срубных.

Основным и центральным являлось раннекатакомбное погребение 9, совершенное с поверхности погребенной почвы. Материковый выкид из него залегал к югу, востоку и северу от входной шахты на древнем горизонте. В план он (6,5×4,5 м) ориентирован по линии юго-юго-запад–северо-северо-восток. Максимальная толщина достигает 0,35 м. После совершения захоронения из кусков дерна серого цвета возведена первичная насыпь. Её высота в центре составляет около 0,6 м от древнего горизонта, диаметр около 10,5 м. Центр этой насыпи был смещен на 2 м к северу от входной шахты основного захоронения.

В центральную часть первичной насыпи совершен впуск позднекатакомбного погребения 8. Производство этого захоронения сопровождалось доращиванием кургана – по всей поверхности первичного кургана совершена подсыпка толщиной 0,25-0,45 м из комковатого гумуса черного цвета. В итоге возникла вторичная насыпь диаметром около 11,2 м, а сам курган достиг высоты около 0,8 м.

В дальнейшем в край северо-восточной полы произведен впуск финальнокатакомбного погребения 6. Овальный в плане материковый выкид из данного погребения

размером 2x1,5 м уложен к востоку от могильной ямы как по краю курганной поверхности, так и на прилегающем участке древнего горизонта. Ориентирован выкид по линии юго-восток–северо-запад. Его максимальная толщина – около 0,1-0,15 м.

Производство погребения сопровождалось локальной подсыпкой из темно-серого гумуса всей северной половины насыпи и околокурганного пространства древнего горизонта. Средняя мощность подсыпки (третья насыпь) составляла 0,3-0,5 м. В результате этой подсыпки диаметр кургана вырос до 12,5 м, а его геометрический центр значительно сместился к северу. Высота не восстанавливается из-за значительных разрушений центра.

Далее, впритык к северному краю насыпи, в прилегающий околокурганый участок древнего горизонта, произведено финальнокатакомбное погребение 10. Материковый выкид из него сегментовидной формы (4x1,5 м), ориентированный по линии юго-запад–северо-восток–восток, размещен западнее как по краю курганной насыпи, так и на прилегающем участке древнего горизонта. Средняя мощность выкида – около 0,2-0,25 м.

Производство погребения 10 сопровождалось последней массивной досыпкой поверхности из чернозема серого цвета. Эта досыпка полностью перекрыла древний курган и большой участок, прилегающий к нему с севера, востока и запада околокурганного пространства. Непосредственно над захоронением 10 мощность новой насыпи (подсыпки) составила 1,1 м. После этой подсыпки курган принял очертания и размеры, близкие современным.

Последовательность впуска более поздних захоронений в насыпь, её доразривание и локальные подсыпки не установлены ввиду значительных разрушений и нарушений поверхности в период ВОВ. Так, курганный центр фактически уничтожен глубоким прямоугольным блиндажом размером 4x2,3 м и образовавшейся воронкообразной выемкой после обрушения его стен. Диаметр выемки – около 8 м. Восточная часть кургана разрушена окопами, перекопами и так называемой «щелью», предназначенной для укрытия немецких солдат во время авианалетов и артобстрелов (рис. 52, 1).

В стратиграфическом разрезе, составленном по западному профилю центральной бровки, прослеживались: материковый суглинок с глубины 1,4 м; слой погребенной почвы с глубины 1 м мощностью 0,35 м под первичной насыпью (центральная и южная часть профиля) с видимой линией древнего горизонта на этом участке на длину 10 м. В северной части профиля фиксируется участок погребенной почвы, перекрытый второй курганной насыпью и двумя подсыпками, с видимой линией древнего горизонта на длину около 4,5-5 м.

В южной части профиля прослежен разрез входной шахты и участок рухнувшего свода основного раннекатакомбного погребения 9. Южнее него на поверхности погребенной почвы, фиксируется линза материкового выкида из основного погребения, просевшая в заполнение шахты. Мощность выкида по профилю бровки до – 0,15 м, длина – 1,2 м.

Южная половина профиля иллюстрирует разрез всей первичной насыпи, сложенной из кусков дерна серого цвета и возведенной над основным раннекатакомбным захоронением 9. Длина насыпи по профилю бровки – около 10,5 м, мощность в центре – 0,6 м.

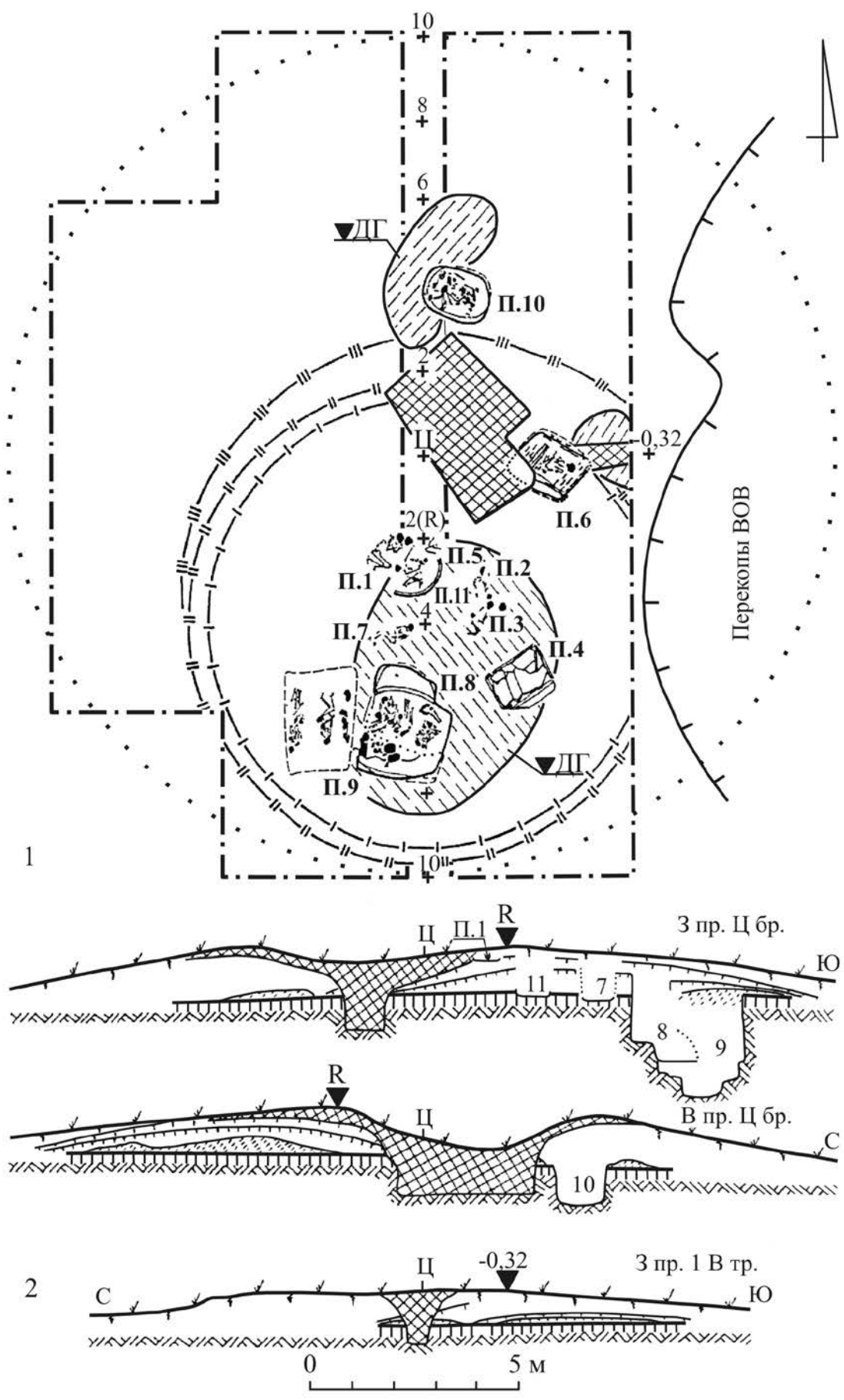

Рис.52. Шипиловка. Общий план кургана 1 и профили бровок

Непосредственно над захоронением 9 профиль фиксирует разрез впускного позднекатакомбного захоронения 8, произведенного с поверхности первичной насыпи. Впуск этого погребения сопровождался досыпкой первичного кургана и формированием вторичной насыпи из черного комковатого гумуса. Толщина подсыпки в центре – около 0,25 м, на периферии – 0,1-0,15 м.

На северном участке профиля зафиксирован разрез полы локальной подсыпки кургана из темно-серого гумуса, сопровождающий впуск погребения 6, линза материкового выкида на древнем горизонте (длина 2,2 м, мощность 0,2 м) из погребения 10. Над материковым выкидом и погребением 10 совершена последняя, вторая локальная подсыпка из серого гумуса.

В центральной части профиля фиксируются разрезы впускных захоронений 1, 7 и 11, произведенных в курганную насыпь с неопределенного уровня – не прослежены из-за разрушения курганной поверхности. Почти весь центр разрушен при сооружении глубокого блиндажа в период ВОВ. По профилю сечение блиндажа имеет воронкообразный вид, по верхнему отвороту которого размещены отвалы грунта, выброшенные на курганную поверхность (рис. 52, 2).

Погребение 1 (срубное) выявлено под углом 10° на расстоянии 3,6 м от Ц на глубине 0,45 м. Костяк взрослого человека плохой сохранности находился в скорченном положении на левом боку. Ориентирован корпусом на северо-восток, головой – на восток. Угол скорченности близок к прямому. Пятки поджаты к тазу. Руки согнуты в локтевом сгибе и кистями уложены перед лицом. В верхней части грудной клетки найден костяной диск. Перед изголовьем – развал сосуда (рис. 53,1).

1. Лепной сосуд горшковидной формы с выраженными боковинами, покатыми плечиками и короткой слабоогнутой шейкой. Внешняя поверхность серого цвета с оранжевыми пятнами. Н = 17 см, Нб = 10 см, Нш = 2 см, Дв = 18,5 см, Дб = 18,5 см, Д дна = 9 см (рис 53, 2).
2. Круглый плоский костяной диск. Наружная поверхность декорирована. По периметру прорезан круг диаметром 1,8 см, внутри которого вырезана трёхлопастная свастика в виде спиральных завитков слева направо и прямым срезом внутрь. Все лопасти исходят из одного центра. Ширина верхних линий – около 0,1 см. Внутренняя поверхность покрыта нарезками без видимой системы. Диаметр диска – 2-1,9 см, толщина – 0,2-0,3 см (рис. 53, 3).

Погребение 2 (финальноабашевское) выявлено под углом 43° на расстоянии 4 м от Ц с глубины 0,67 м (0,53 м от П). Костяк подростка (возраст около 12-15 лет) плохой сохранности. Умерший находился в скорченном положении на левом боку и ориентирован на север. Сохранились кости черепа, позвоночника и левой руки. Судя по остаткам, руки первоначально были согнуты в локтевом сгибе и кистями уложены перед грудью. Около локтей находился фрагментированный сосуд. Кости таза и ног уничтожены при впуске погребения 3 (рис. 53, 4).

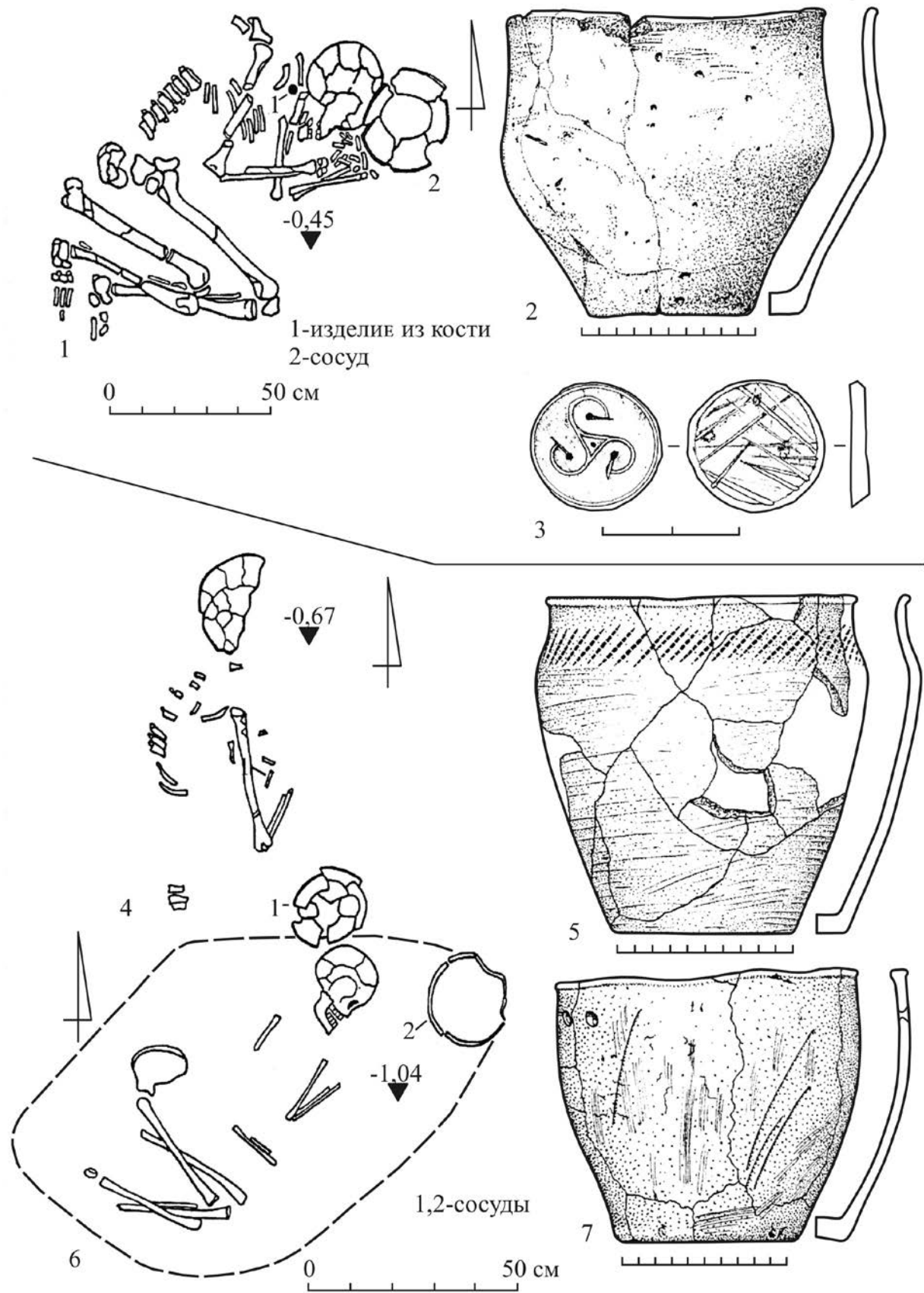

Рис.53. Шпиловка. 1-3 - кург. 1, погр. 1; 4,5 - кург. 1, погр. 2; 6,7 - кург. 1, погр. 3

Фото 41. Шипиловка, кург. 1, погр. 4

1. Лепной стройный сосуд со слабораструбной короткой шейкой, покатыми плечиками и высокорасположенными боковинами. Плечики украшены пояском из косых оттисков гребенки. Поверхность серого цвета с черными и оранжевыми пятнами. Н = 18 см, Нш = 15 см, Нб = 13,5 см, Дв = 16,5 см, Дб = 18 см, Д дна = 10 см (рис. 53, 5).

Погребение 3 (срубное) выявлено под углом 47° на расстоянии 3,3 м от Ц на глубине 1,04 м (0,98 м от П).

Умерший (ребенок 8-10 лет) находился в скорченном положении на левом боку и ориентирован на северо-восток. Угол скорченности прямой, в коленях – острый. Правая рука согнута в локтевом сгибе и уложена поперек корпуса. Левая скорчена в значительной степени и кистью направлена к подбородку. Под костяком зафиксировано

подовальное пятно из белого тлена. Перед головой найден сосуд (рис. 53, 6).

1. Лепной сосуд баночной формы на небольшом поддоне со слегка стянутым внутрь краем стенок. Венчик уплощен сверху и имеет внутреннюю закраину. Внешняя поверхность серого цвета с коричневыми и черными пятнами. По краям древних трещин под венчиком имеется пара сквозных отверстий для ремонта (стяжки) стенок. Н = 15,3 см, Н поддона = 1,5 см, Дв = 18,3 см, Д дна = 10,5 см (рис 53, 7).

Погребение 4 (срубное) выявлено под углом 77° на расстоянии 3,25 м от Ц с глубины 0,59 м (0,3 м от П) по закладу плит каменного ящика. Каменная конструкция в плане прямоугольной формы (1,4x1,1 м), ориентирована по линии юго-запад-северо-восток. Стенки ящика образованы вертикальностоящими плитами песчаника. Размеры плит юго-западной и северо-восточной стенки – около 0,9x0,45x0,05 м. Северо-западная и юго-восточная стенки сложены из одной крупной и 2-3 мелких плит песчаника. Их средние размеры – 1,2x0,6x0,12 м.

Заклад-перекрытие конструкции состоял из нескольких тонких плит, которые со временем лопнули и просели в внутрь ящика (рис.54,1).

На дне конструкции на глубине 1,07 м устроено захоронение взрослого человека в скорченном положении на левом боку. Ориентирован умерший головой на восток. Угол скорченности прямой, в коленях – острый. Левая рука согнута в локте и кистью направлена к подбородку. Правая – согнута и уложена поперек туловища. За спиной в северном углу каменной конструкции стоял лепной сосуд (рис. 54, 2; фото 41).

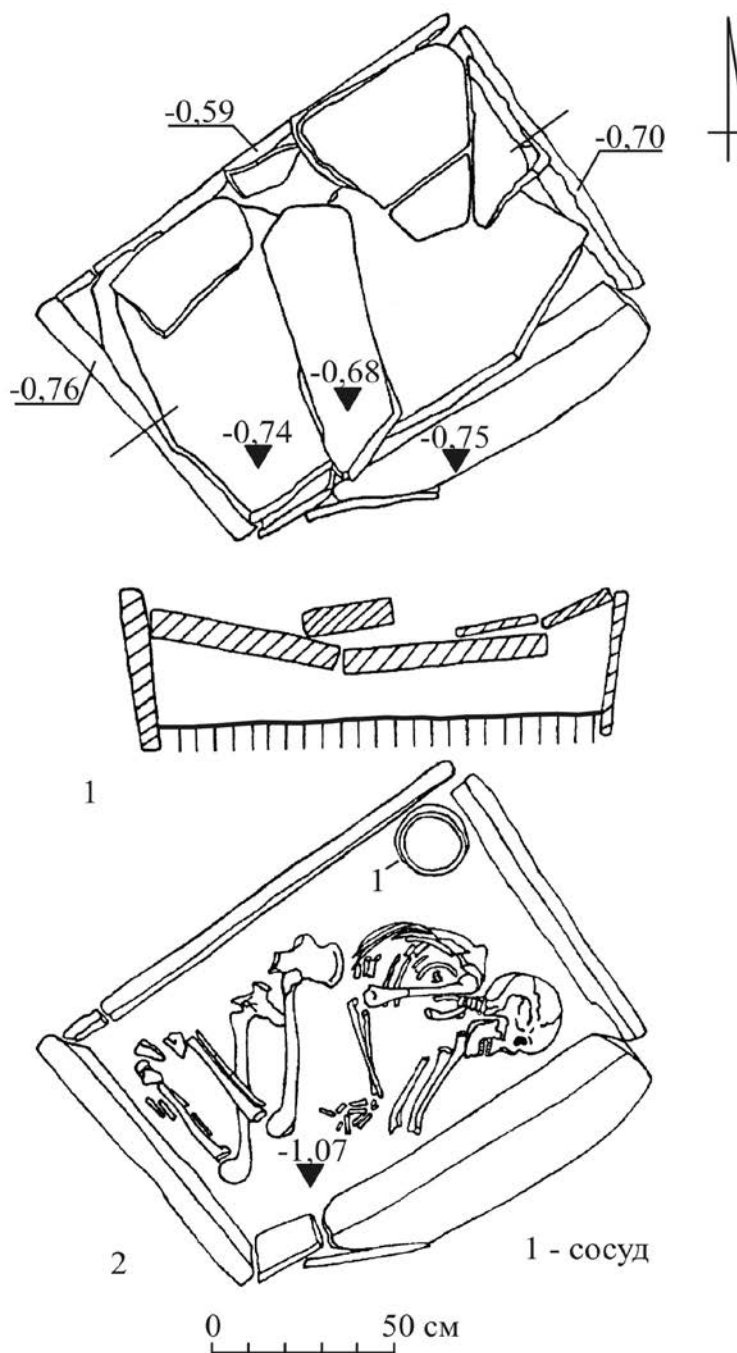

Рис.54. Шпиловка. 1,2 - кург. 1, погр. 4

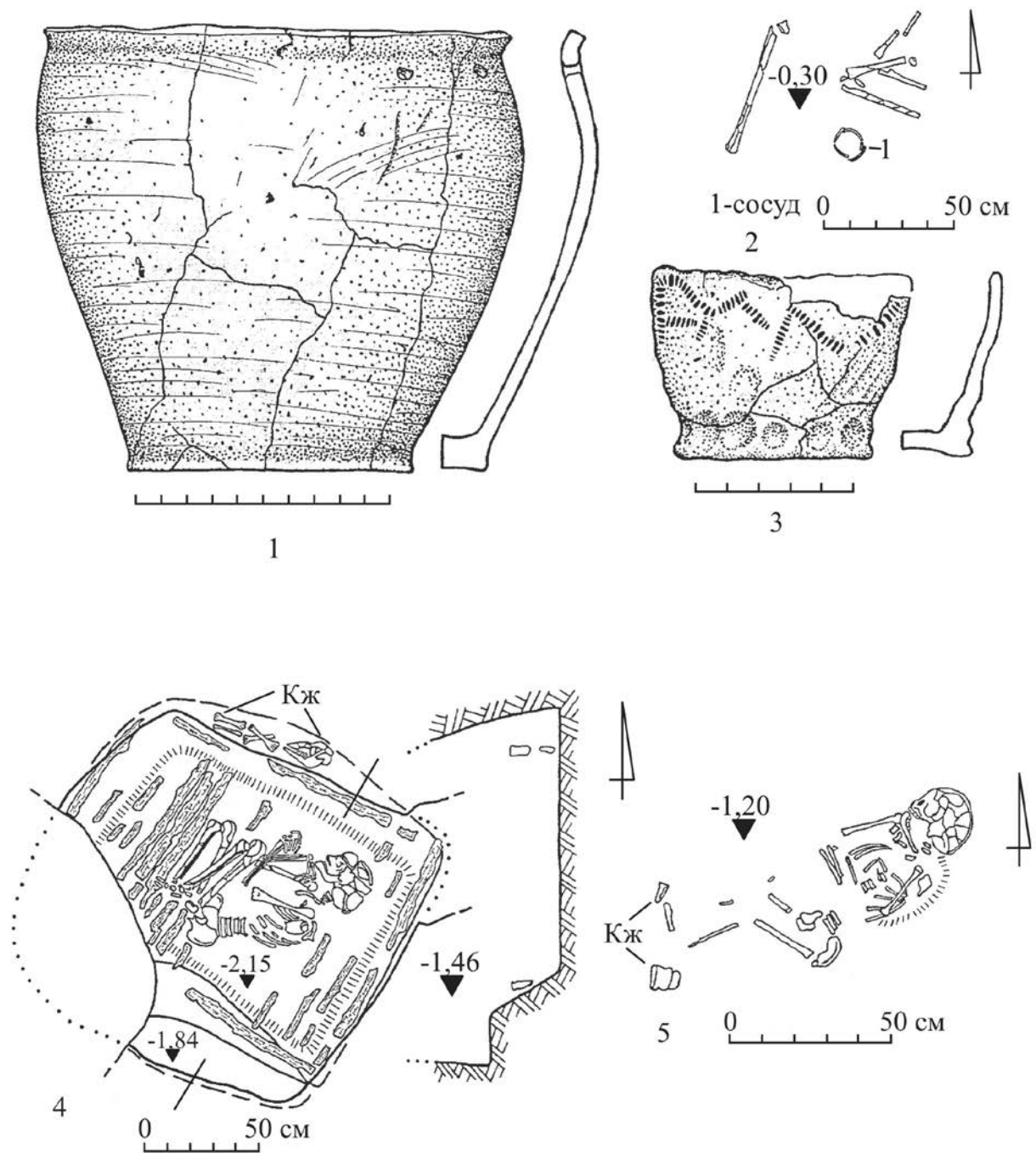

Рис.55. Шипиловка. 1 - кург. 1, погр. 4; 2,3 - кург. 1, погр. 5; 4 - кург. 1, погр. 6; 5 - кург. 1, погр. 7

1. Лепной сосуд горшковидной формы с короткой раструбной шейкой, покатыми плечиками и закраиной у дна. Внешняя поверхность серого цвета с коричневыми, желтыми и черными пятнами. Под шейкой, у края древних трещин, имеются парные сквозные отверстия для стяжки стенок. Местами на поверхности прослежены следы мелких горизонтальных расчесов. Н = 17 см, Нш = 1 см, Нб = 14 см, Дв = 19 см, Дб = 20 см, Д дна = 11 см (рис. 55, 1).

Погребение 5 (посткатакомбное) выявлено в центре кургана на глубине 0,3 м непосредственно под дерновым слоем.

Костяк подростка очень плохой сохранности. Частично сохранились кости рук и бедро левой ноги. Судя по их расположению, умерший первоначально находился в скорченном положении на левом боку и был ориентирован на восток. Угол скорченности тупой. Руки согнуты в локтях и кистями уложены у груди. Около локтей найден миниатюрный сосудик (рис. 55,2).

1. Миниатюрный сосудик на выраженном поддоне в виде баночки с прямыми стенками. Под краем шейки крупным перевитым штампом нанесен орнамент в виде зигзага и овалов. Внешняя поверхность оранжевого цвета с серыми пятнами. Н = 5,5 см, Н поддона = 1 см, Дв = 8,5 см, Д дна = 6 см (рис. 55, 3).

Погребение 6 (финальнокатакомбное) выявлено под углом 35° на расстоянии 6,75 м от Ц с глубины 1,46 м (1 м от П). Имеет характер подбойного сооружения.

Могильная яма в плане прямоугольной формы (1,62x1,43 м) ориентирована по линии юго-восток-восток–северо-запад-запад. Заполнение состояло из смешанного грунта и фрагментов древесины. Через погребальное сооружение с востока на запад проложена узкая траншея периода ВОВ, ведущая с подножья кургана в блиндаж. Эта траншея частично разрушила верхнюю часть могильной ямы и её стенки (восточные и западные углы).

Под юго-западной стенкой ямы на глубине 1,84 м размещена продольная ступенька – уступ шириной 0,23-0,15 м, полого спускающийся на дно могилы на глубину 2,15 м. Дно несколько заходит под северо-восточную и западную стенки. Размеры ямы у дна – 1,57x1,15 м.

На дне зафиксирована деревянная конструкция ящичного типа. Её формируют доски, стоящие на ребре под стенками ямы. Их ширина – около 20 см, толщина – 0,5-0,6 см. Общие размеры ящичной конструкции – 1,55x1,1 м. Сверху она имела поперечное сплошное перекрытие из досок шириной до 7-8 см и толщиной 1-2 см. Перекрытие просело до уровня дна ямы и сохранилось фрагментарно.

За северо-восточной стенкой конструкции, под нависающей стенкой ямы, уложены череп и кости конечностей овцы.

Внутри деревянного сооружения находился костяк взрослого человека в сильно скорченном положении на правом боку. Ориентирован умерший на восток, головой – на северо-восток. Пятки подняты к тазу. Руки согнуты в локтях и кистями направлены к подбородку. Под костяком прослежено прямоугольное пятно коричневого тлена (рис. 55, 4).

Погребение 7 (финальнокатакомбное) выявлено под углом 18° на расстоянии 2,2 м от Ц с глубины 1,2 м (1 м от П).

Костяк ребенка 8-10 лет находился в слабоскорченном положении на правом боку с разворотом на спину и был ориентирован на северо-восток. В грунте над захоронением встречались небольшие фрагменты дерева.

Углы скорченности и в коленях – тупые. Голова развернута вправо. Плечевые кости рук размещены вдоль грудной клетки, а локтевые и лучевые – поперек корпуса (живота). Под костяком прослежены отдельные пятна коричневого тлена. В ногах размещены куски трубчатых костей КРС (рис. 55, 5).

Погребение 8 (позднекатакомбное) выявлено под углом 52° на расстоянии 1,4 м от Ц с глубины 0,65 м (0,45 м от П) – с уровня впуска захоронения в поверхность первичного кургана. Расчищалось с глубины 1,11 м.

Входная шахта в плане подовальной формы (1,35x0,9 м) ориентирована по линии юго-восток-восток–северо-запад-запад. Заполнена гумусным грунтом. Дно находилось на глубине 2,07 м. В заполнении, особенно под южной стенкой, встречались фрагменты дерева от плах заслона устья. Погребальная камера сооружена под южной стенкой.

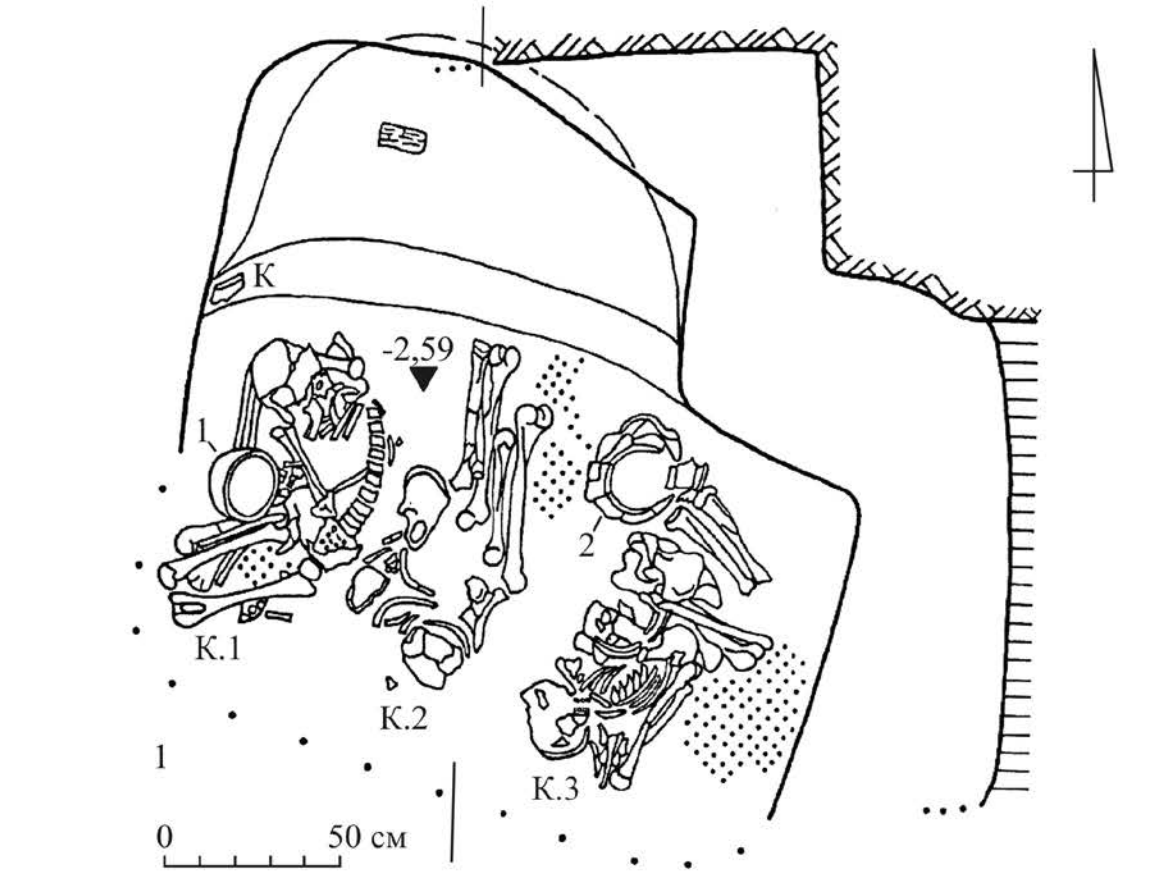
Шахта разрушила северную стенку шахты основного раннекатакомбного погребения 9, а её погребальная камера была размещена внутри полости прежней шахты путем выбора части грунта заполнения. Дно камеры устроено на глубине 2,59 м (4,2 м от уровня впуска в первичный курган – абсолютная глубина). Со стороны шахты в камеру вел уступ высотой 0,52 м.

Дно погребальной камеры подпрямоугольной формы (1,9x1,25 м) ориентировано по линии юго-восток-восток–северо-запад-запад. На его участках, в его западной, центральной и восточной частях, уложены расчлененные костяки умерших (рис 56, 1).

Костяк 1 находился в западной части дна. Принадлежал взрослому человеку. Вероятно, в могиле размещены отдельные части тела. Им придана поза скорченного человека, уложенного на правый бок с сильным изгибом позвоночного столба. Ориентирован умерший на север, головой – на запад. Бедренные кости вывернуты на 180 градусов, а берцовые подложены под таз. Руки развернуты в локтях и кистями сведены к лицу. Почти все ребра, кисти рук, фаланги ног отсутствуют. Найдены лишь единичные фаланги. Между бедренными костями прослежена посыпка порошком красной охры. На костях правой руки перед тазом стоял лепной сосуд 1.

Костяк 2 занимал центральную часть дна. Он принадлежал взрослому человеку. Бедренные, берцовые и плечевые кости уложены впритык друг к другу в виде пакета. Южнее их расположены кости таза, лопаток, отдельные ребра и фрагменты затылочной части черепа. Восточнее скопления костей прослежена локальная посыпка порошком красной охры.

Костяк 3 находился в восточной части дна и принадлежал взрослому человеку. Кости уложены в виде пакета. Его северную оконечность составляли бедренные и берцовые кости. В центре размещены кости таза, южнее – кости рук, позвоночные диски, ребра и фрагментированный череп. Восточнее скопления костей имеется локальная посыпка порошком красной охры. С северо-запада к пакету костяка 3 примыкал развал лепного сосуда 2, частично разрушенный землеройными животными. Его фрагмент найден и около уступа под западной стенкой шахты.

1-сосуд 1
2-сосуд 2

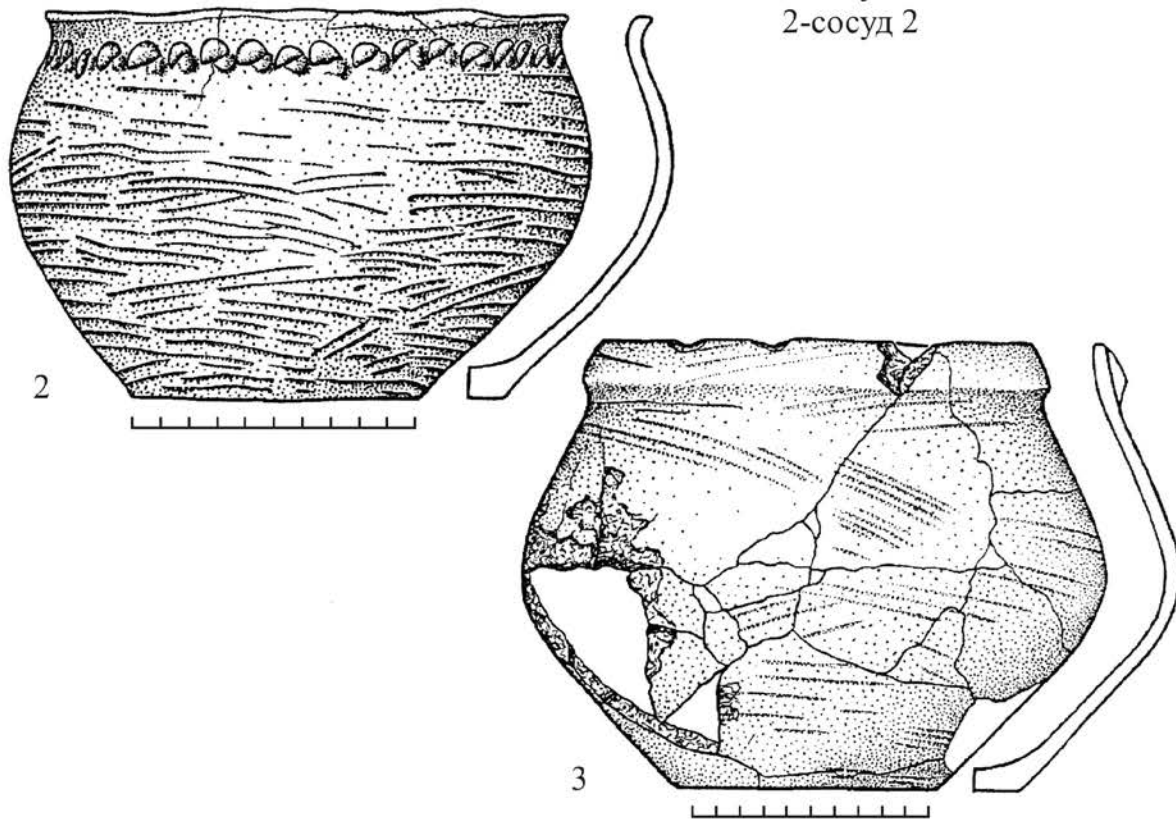

Рис.56. Шпиловка. 1-3 - кург. 1, погр. 8

Сосуд 1 – лепной опуклобокий горшок приземистой формы с покатыми скругленными плечиками и короткой раструбной шейкой. На горле, у основания шейки, нанесен круговой пояс из пальцевых защипов. Боковины украшены выраженными горизонтальными расчесами. Они же нанесены и на наружной поверхности дна. Внешняя поверхность серого цвета с оранжевыми, коричневыми и черными пятнами. Н = 13,3 см, Нш = 2 см, Нб = 8,5 см, Дв = 18,3 см, Дб = 21,2 см, Дд = 10,4 см (рис. 56, 2).

Сосуд 2 – лепной приземистый сосуд с выпуклыми боковинами и короткой прямой щеткой с валикообразным налепным утолщением в её центральной части. Поверхность покрыта системными горизонтальными расчесами. Они же нанесены и на внешней поверхности дна. Шейка сосуда серого цвета с черными, коричневыми и оранжевыми пятнами, слегка подлощена. Н = 19 см, Нш = 2,5 см, Нб = 9 см, Дв = 18 см, Дб = 22,5 см, Дд = 11,3 см, Н поддона = 1 см (рис. 56, 3).

Погребение 9 (основное, центральное, раннекатакомбное) выявлено в южной части кургана с уровня древнего горизонта. Расчищалось с глубины 1,25 м (0,85 м от П).

Входная шахта в плане прямоугольной формы (2х1,93 м) ориентирована по линии юго-восток-восток–северо-запад-запад. Верхняя часть заполнения состояла из рыхлого чернозема. Северная стенка частично разрушена при впуске катакомбного захоронения 8.

В северо-восточном углу шахты на глубине 2,93 м оставлена ступенька-уступ шириной в центре около 0,68 м. Ровные боковые уступы сооружены под северной и южной стенкой шахты на глубине 2,8 м. Их ширина около – 0,12-0,17 м, высота – 0,38 м. Ниже боковых уступов дно постепенно сужалось и переходило в лоткообразный спуск, ведущий с востока на запад ко входу в погребальную камеру. В центральной части спуска глубина дна – 3,6 м. Общие размеры лоткообразного спуска – 1,5х1,17 м. Глубина от уровня дна шахты – около 0,4 м в центре.

Непосредственно внутри полости лоткообразного спуска с глубины 2,67–2,73 м фиксировались мергелевые камни. Их средние размеры – 0,35х0,3х0,25 м. У восточной окраины спуска на дне шахты прослежены фрагменты дерева в виде кусков ствола. Их длина до – 0,22 м. Вблизи древесины на камнях забутовки имелись скопления древесных угольков (рис. 57; фото 42).

Стенки входной шахты уплощены и выровнены инструментами с плоским лезвием. В ряде случаев прослежены вертикальные желобчатые следы орудий землекопов шириной 3-4 см на длину до 0,6 м. Четкие вертикальные желобки от орудий землекопов шириной 4-5 см размещены в углах шахты в месте стыковки ее стенок.

Под боковыми ступеньками-уступами, оставленными под северной и южной стенками шахты, поверхность стен украшена орнаментальной композицией в виде чередующихся горизонтальных и вертикальных желобчатых рядов, имитирующих шахматную систему (рис. 58; фото 43).

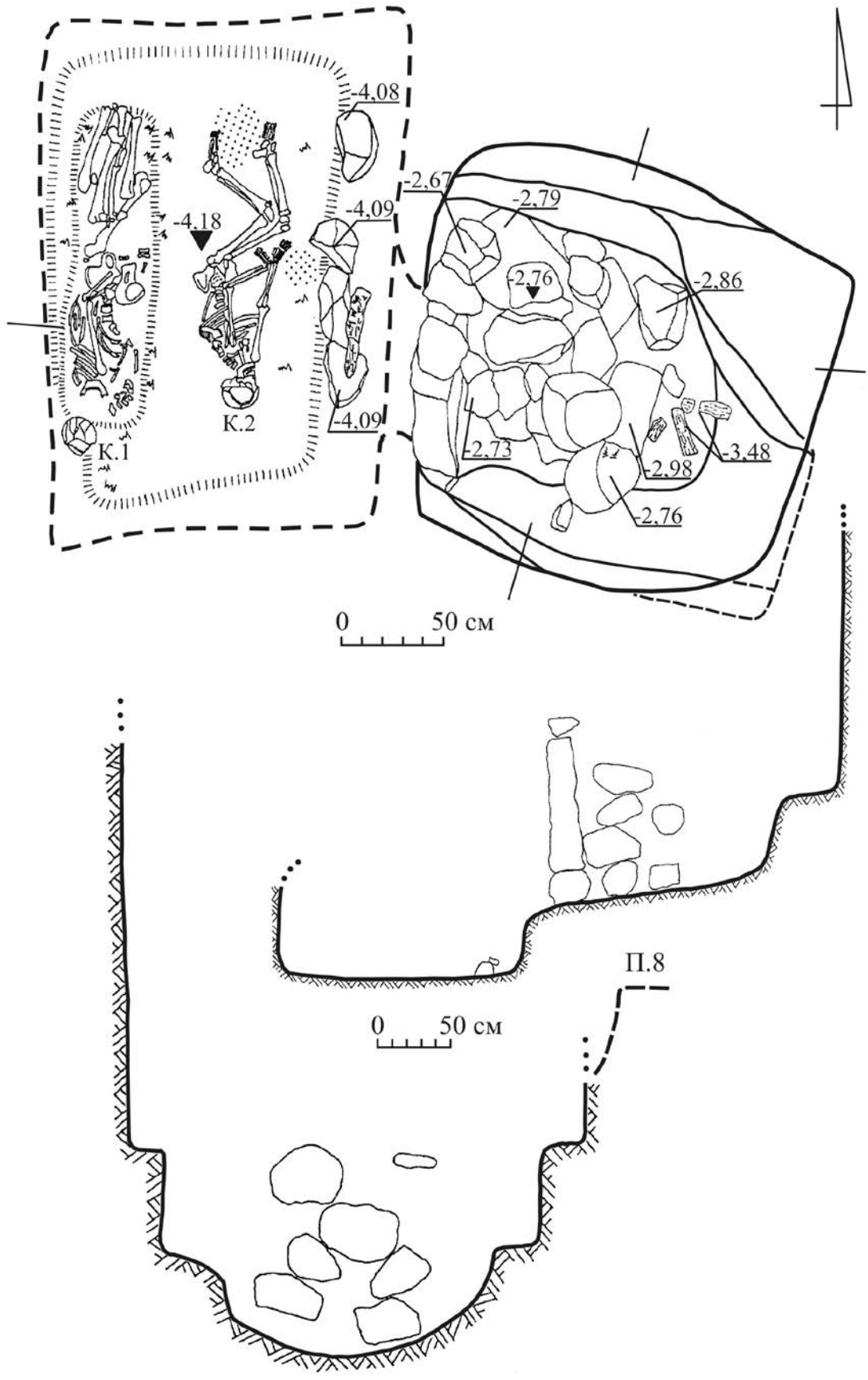

Рис.57. Шипиловка, кург. 1, погр. 9

Фото 42. Шипиловка, кург. 1, погр. 9

Фото 43. Шипиловка, кург. 1, погр. 9. Фрагмент северной стенки шахты

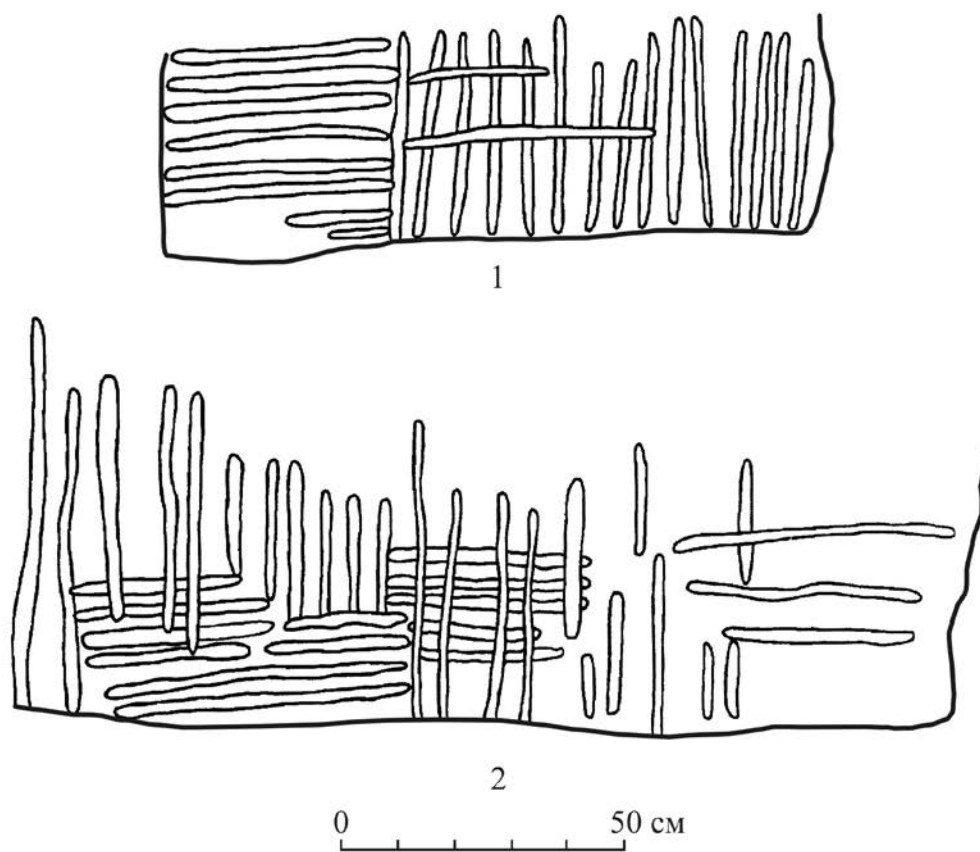

Рис.58. Шпиловка, кург. 1, погр. 9. 1 - элементы декора северной стенки шахты;
2 - элементы декора на южной стенки шахты

Фото 44. Шпиловка, кург. 1, погр. 9

Вход в погребальную камеру устроен под западной стенкой шахты в виде короткого лаза в простенке. Его ширина – 0,68 м, длина в простенке – 0,15 м. Высота не установлена из-за обвала свода.

Со стороны шахты устье закрыто массивной каменной плитой песчаника, установленной на ребро. Размеры плиты – 1,25x0,85x0,2 м. В камеру вела ступенька высотой 0,43 м.

Погребальная камера в плане прямоугольной формы (2,35x1,7 м) ориентирована по линии север-юг. Её дно устроено на глубине 4,18 м (3,2 м от уровня древнего горизонта – абсолютная глубина). Стенки камеры у основания дна вертикальные. Они сохранились на высоту до 0,5 м и на них частично прослежены косые и горизонтальные желобчатые следы орудий землекопов. Заполнение состояло из кусков осевшего свода.

У входа в камеру, под ступенькой, имелась вымостка из 4 камней мергеля, размещенная по линии север-юг. Средние размеры камней – 0,33x0,3x0,25 м. На камнях южной части вымостки лежал факел – обломок ствола дерева (длина – до 0,43 м, диаметр – 0,5x0,9 м) с обугленной половиной. Единичные деревянные угольки встречались по всей площади дна камеры, а в её центральной части – прокаленный участок диаметром 0,2-0,3 м.

В камере выявлено два костяка умерших, под которыми фиксировалась прямоугольная подстилка из коричневого тлена размером 1,95x1,3 м (рис. 57; фото 44).

Под западной стенкой размещен **костяк 1**, принадлежавший молодому человеку (возраст – около 18 лет) с массивными суставами. Костяк частично расчленен и уложен в порядок, близкий анатомическому, по линии север-юг. Под костяком и над ним наблюдался толстый слой коричневого тлена. Вероятно, останки умершего были завернуты в шкуру животного. В южной части этого «свитка» уложен череп, части дисков позвоночного столба, ребра, кости левой руки, согнутой в локтевом суставе. В центральной части находились крылья таза, в северной – в виде пакета размещены бедренные и берцовые кости, кости правой руки. Четыре фаланги кисти рук найдены у костей таза. Скопление древесных угольков прослежено около черепа и костей ног.

Костяк 2 находился перед костяком 1. Он принадлежал подростку возрастом около 15 лет. Умерший находился в скорченном положении на правом боку и был ориентирован на юг. Угол скорченности тупой, в коленях – близкий к прямому. Правая рука вытянута вдоль туловища, левая – согнута в локте и уложена поперек живота. Около костей ног и рук наблюдалась локальная посыпка порошком оранжевой охры.

Погребение 10 (финальнокатакомбное) выявлено в северной поле кургана под углом 12° на расстоянии 9,65 м от Ц с глубины 0,95 м. Расчищалось с глубины 1,3 м. Произведено с уровня древнего горизонта у северного подножья кургана, сформировавшегося после подсыпки насыпи, связанной с выпуском погребения 6. Абсолютная глубина захоронения от уровня производства до дна – около 1,1 м.

Могильная яма в плане овальной формы (1,62x1,25 м) ориентирована по линии восток-запад. Ко дну, устроенному на глубине 2,34 м, сужалась до размеров 1,5x1,17 м. Заполнение состояло из рыхлого чернозема и фрагментов плах от просевшего про-

Фото 45. Шипиловка, кург. 1, погр. 10

дольного перекрытия. Часть просевших плах сохранилась на длину до 0,5 м. Их ширина – около 0,1 м, толщина – 0,05 м. Сверху перекрытия, на северо-восточном участке дна могилы, найдена плитка песчаника. Её размеры – 0,27x0,13x0,05 м.

На дне ямы находился костяк взрослого человека в скорченном положении на правом боку. Ориентирован умерший на восток. Череп смещен вправо. Угол скорченности тупой, в коленях – острый. Руки согнуты в локтях и уложены поперек живота. В ногах по линии север-юг размещены в ряд два черепа овец. Севернее черепов сложены в пакет кости конечностей двух овец (рис. 59, 1; фото 45).

Погребение 11 (посткатакомбное) выявлено в центральной части кургана под углом 17° на расстоянии 3,25 м от Ц с глубины 1 м (0,95 м от П). Расчищалось с глубины 1 м. Могильная яма в плане овальной формы (1,4x1,1 м) ориентирована по линии восток-запад. Сооружена в слое погребённой почвы и её контуры определены по характеру врезки через материковый выкид из основного захоронения. Дно устроено на глубине 1,22 м.

Костяк молодого человека (возраст 15-17 лет) находился в сильноскорченном положении на правом боку. Ориентирован умерший на запад. Углы скорченности и в коленях – острые. Колени поджаты к животу и охвачены руками. Около них найден развал небольшого сосудика (рис. 59, 2).

1. Миниатюрный фрагментированный сосуд баночной формы на небольшом поддоне со стянутым внутрь краем стенок. Внешняя поверхность серого цвета с коричневыми, черными и оранжевыми пятнами. Н = 9,5 см, Нб = 6 см, Н поддона = 2 см, Дв = 8 см, Дд = 9,3 см (рис. 59, 3).

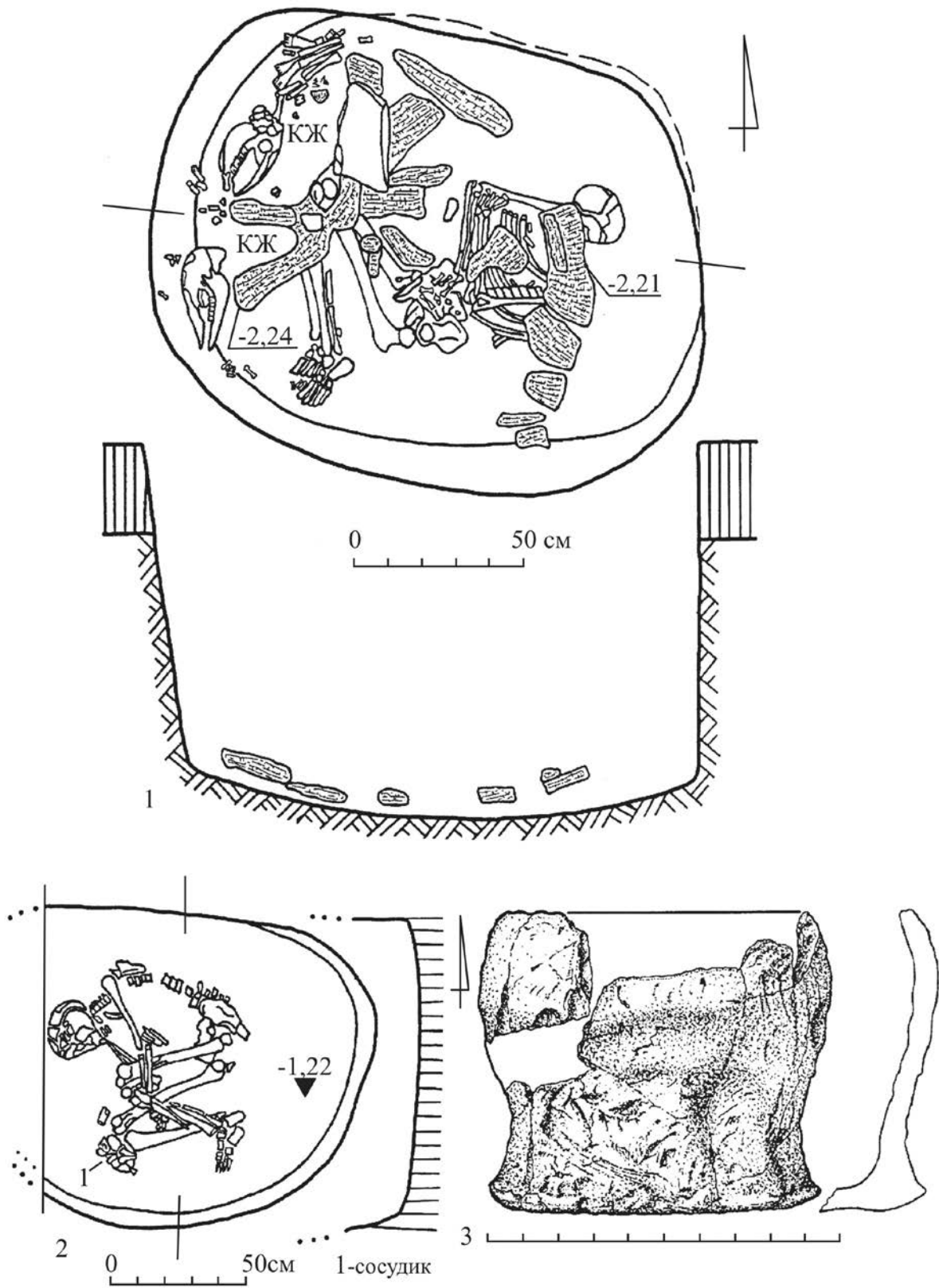
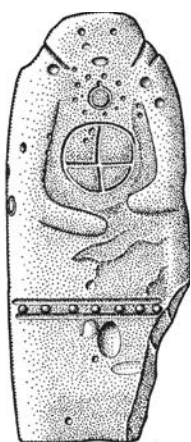

Рис.59. Шпиловка. 1 - кург. 1, погр. 10; 2,3 - кург. 1, погр. 11

ГЛАВА 2.

ЛИСИЧАНСКИЙ ИДОЛ

Каменные антропоморфные стелы и идолы являются неотъемлемой частью архитектурного сооружения – кургана и составляют с ним неразрывное целое. Создавались они с расчётом на высокий земляной пьедестал, рассчитанный на обзор со всех сторон с самых отдалённых точек [Формозов, 1966, с. 93]. Некоторые идолы простояли на курганах тысячи лет и очень долго степные народы смотрели на них со смешанным чувством страха и уважения [Формозов, 1966, с. 97]. Антропоморфные изваяния эпохи раннего металла с развитой детализацией разнообразных изображений являются не только древними образцами монументального искусства, но и особого типа археологическими памятниками культового назначения с определённым идеологическим содержанием [Даниленко, 1974, с. 83].

Их находки в степной зоне Северного Причерноморья чрезвычайно редки.

Уникальным открытием являлось обнаружение в насыпи кургана 6 (высота 3 м, диаметр 32 м) могильника у Лисичанска (ЛЖЗ) каменного идола (рис. 19; фото 9-10). Он находился в лежачем положении в северо-западном секторе кургана на глубине 1 м на уровне склона поверхности первичной насыпи, сооруженной над основным раннекатакомбным погребением 9. Высота возведенной над основным захоронением насыпи составляла 1,5 м, диаметр – около 20 м. Вероятно, на вершине кургана и было установлено антропоморфное изваяние. Стратиграфически зафиксировано, что впуск в данную насыпь других катакомб и финальноабашевских захоронений не сопровождался подсыпками и её наращиванием. Лишь в срубную эпоху после совершения погребения 1 насыпь была увеличена до современных размеров. Перед её наращиванием представители срубного населения, скорее всего, сместили каменное катакомбное изваяние на склон древнего кургана и затем засыпали. В процессе свержения и кантовки идола ему могли преднамеренно нанести прослеживаемые выбоины, символизирующие раны и увечья, что коррелируется с подобными ситуациями в отношении аналогичных древних изваяний [Чеченов, 1984, с. 250]. Вполне возможно, что на вершине первичного раннекатакомбного кургана антропоморфное изваяние простояло на протяжении

всей эпохи ранней-средней бронзы, т. е. весь катакомбный период – не менее 8 веков – с 2700-2500 гг. до 1900 гг. до н.э.

Недавно В.В. Отрощенко сделал предположение, что Лисичанское изваяние найдено непосредственно внутри досыпки срубного времени и его связь с раннекатакомбной насыпью не может быть доказанной – идола могли установить на вершине раннекатакомбного кургана как представители-носители донецкой катакомбной, так и финальнокатакомбной (бабинской) культур **[Отрощенко, 2015, с. 14]**. По этому поводу отметим, что данное изваяние найдено не внутри срубной досыпки, а под ней, непосредственно на склоне насыпи раннекатакомбного кургана, т.е. на его поверхности, что и даёт весомое основание считать его атрибутом исключительно раннекатакомбного кургана-святилища. По своей сущности каменные изваяния-идолы – надкурган-ный знаковый элемент и связан с той насыпью, на которой установлен. Лисичанское изваяние было перекрыто сверху досыпкой над срубным погребением, и нет никаких причин увязывать его с этой новой курганной насыпью. Погребений донецкой катакомбной, финальнокатакомбной культур в данном кургане не наблюдалось. При этом В.В. Отрощенко справедливо отмечает, что за 800-летний период нахождения на вершине кургана изваяние могло быть дополнено новыми изображениями представителями разных (досрубных) культурных групп древнего населения **[Отрощенко, 2015, с. 14]**.

Изваяние изготовлено из прямоугольной плиты серого крупнозернистого песчаника с известковой коркой на тыльной стороне. Его поверхность подвергалась эрозии, вызванной влияниями окружающей среды и длительным пребыванием на открытом пространстве, сильно выветрена и замыта, местами покрыта сколами, выбоинами и выщербинами. Размеры идола – 1,28x0,53x0,23 м. Сверху, на уровне плеч, выделена голова в виде массивного выступа с широким основанием. Часть изображений утратила четкие контуры и просматривается только при боковом освещении. Правая вертикальная грань повреждена в момент обнаружения. В древности была отбита и правая часть основания. В классификационной схеме каменных изваяний скульптура относится к антропоморфным стелам со сложными изображениями, т.е. к идолам **[Формозов, 1965, с. 179; Довженко, 1986, с. 23]**.

На лицевой стороне выступа-головы круглыми углублениями показаны глаза, а овальным – рот. Очерчивая основание головы, по покатым плечам и спине вырезаны две канавки, заканчивающиеся на уровне подбородка в верхней части груди. Объемным рельефом показаны сведенные на животе руки. В нижней части груди и в области живота ровным выгравированным желобком изображён крупный круг с крестом в центре. Выше него, в верхней части груди, таким же желобком показан дисковидный медальон с выступающим ушком, окантованный по окружности девятью мелкими углублениями. В нижней части двумя глубокими и широкими горизонтальными канавками изображены пояс, украшенный семью округлыми выпуклинами – бляхами, и фаловидный выступ под ним (рис. 19).

На тыльной стороне идола на известковой корке детальные изображения нанесены пикетажем. На спине канавками показаны круг с крестом и горизонтальный желобок под ними. Между ними и контурами пояса размещены в вертикальном положении топор с рукоятью, а левее – простой лук со стрелой. Выше лука вырезано кольцо. Такое же кольцо имеется и на правой затылочной части головы. Под композицией из топора и лука просматривается углубленный контур косоугольного креста. На тыльной части основания, под поясом, гравировкой и пикетажем изображены две концентрические окружности с косым крестом в центре и спираль вокруг них (рис. 19).

На правой боковой грани идола, выше пояса, сверху вниз по вертикали нанесены круглое крупное углубление в окантовке шести вмятин, дугообразная вогнутая линия из пяти мелких вмятин, кольцо с примыкающими слева двумя вмятинами, составная фигура из кольца и горизонтальной елочки, кольцо. В месте стыковки желобков пояса имеется еще одно кольцо.

На левой боковой грани изваяния, на уровне локтевого сгиба, замкнутой канавкой очерчен овальный предмет типа листовидного бронзового ножа.

Все изображения на Лисичанском изваянии четко делятся на две группы – первичные, нанесенные на этапе изготовления, и вторичные, гравированные уже после его установления на кургане-святилище, вплоть до момента сокрытия под срубной насыпью. Разница заключена в технических особенностях рисунков деталей фигуры, отдельных предметов, атрибутов и мифологических сцен. На идолах Северного Причерноморья эпохи раннего металла первичные изображения выполнены исключительно в технике плоского рельефа, и их контуры очерчены замкнутыми углублениями – канавками. Вмятинами показаны только глаза. На идоле из Лисичанска такой техникой исполнены контуры шеи, рук, листовидного ножа, пояса с круглыми бляхами и фаловидного выступа. Именно они и являются первичными, наиболее ранними. Рисунки крупных окружностей и крестов, дисковидного медальона с ушком, топора с рукоятью, лука со стрелой имеют более поздний, вторичный характер и нанесены простыми канавками вне контекста традиционной техники плоского рельефа.

Вторичные, более поздние изображения имеются и на Керносовском идоле. К ним относятся контуры растения типа елочки на правой лопатке и стоп человека, нанесенные тонкими прочерченными линиями сверху рельефного пояса [Крылова, 1976, с. 39, рис. 3, 2, 4].

Наличие на каменных идолах вторичных изображений отдельных предметов и атрибутов соответствует культовой практике населения ранних ближневосточных цивилизаций – изваяния и изображения верховных божеств регулярно обновлялись, что не исключало нанесение новых символов [Оппенгейм, 1980, с. 189].

Важен вопрос о месте Лисичанского изваяния в системе сопоставимых памятников эпохи раннего металла Северного Причерноморья. Каменные стелы получили значительную известность из-за неоднократных случаев их нахождения в погребальных комплексах ямной, так называемой кеми-обинской, катакомбной и в меньшей степени – срубной

[Березанська, Отрощенко, 1997, с. 503] культур. В широком плане были сделаны заключения о зоне ямных, кеми-обинских, усатовских и новосвободненских памятников, объединённых определенными общими признаками материальной культуры, в которой находки стел могут свидетельствовать о близости идеологических представлений **[Сафронов, 1974, с. 182]**. В.Н. Даниленко отметил, что различные изваяния и стелы маркируют культовую обрядность многих археологических образований, «принадлежат к обширному этнокультурному ареалу» **[Даниленко, 1974, с. 83]**, а сама «идея изображения антропоморфных божеств» характеризует значительные территории Древнего мира и маркирует общества на сходных ступенях исторического развития **[Рычков, 1979, с. 19-20]**.

Важными является обобщающие выводы о том, что только в мифологических воззрениях древнего населения первичных цивилизаций Древнего Востока боги обитали в космических пространствах, а в реальной повседневной жизни они были воплощены в идолах, отождествлены с ними, имели человеческие образ и пропорции, размещались на возвышенностях в специальных святилищах с хорошим обзором, принимали подношения, жертвы и участвовали во всех церемониях, демонстрирующих связь общины с покровительствующим ей божеством. Единственной гарантией адекватного воплощения и функционирования божества в статуях являлось не столько портретное сходство, сколько изображения на них деталей одежды, нагрудных украшений, важнейших атрибутов и актуальных символов божественной власти **[Оппенгейм, 1980, с. 187-190]**.

Отдельно следует остановиться на замечаниях Н.Д. Довженко в отношении особого характера каменных антропоморфных изваяний Днепровского левобережья, каменобные стелы которого не совпадают с регионами концентрации ямных. На этой территории, в восточном ареале распространения северопричерноморских стел, «каменобные пластические изделия полностью оригинальны по своим пропорциям и форме» **[Довженко, 1991, с. 125]**. Несколько раньше Н.А. Рычков пришел к выводу о двух зонах антропоморфных изваяний Северного Причерноморья. Как он отмечает, основное количество изваяний концентрируется в районах, непосредственно примыкающих к побережью Черного и Азовского морей, южнее 48-й параллели **[Рычков, 1979, с. 16]**. Идолы, выявленные севернее этой черты, весьма специфичны по характеру частей тела, детализировкам изображений, символическим предметам и разнообразным атрибутам. Приведенная ситуация «наталкивает на мысль об исключительности более сложных изваяний по сравнению с более простыми» **[Рычков, 1979, с. 19]**.

Наличие двух ареалов распространения несколько разнящихся каменных антропоморфных изваяний объясняется проявлением двух близких, но с внутренними отличиями систем мифологических воззрений, функционирующих в контактном степном пространстве Северного Причерноморья, – «с одной стороны, на восточной периферии мегалитического мира Европы, к которому они как феномен принадлежат, с другой – в ареале, достижимом для влияний ближневосточных цивилизаций с их богатством и разработанностью сакральных областей культуры» **[Смирнов, 2004, с. 65]**.

Лучшими образцами антропоморфных изваяний восточного ареала распространения считаются статуарные памятники, отнесенные к классу идолов. Среди них назовём изваяния из Натальевки [Даниленко, 1951, с. 218, рис. 1, 3; 1974, с. 83, рис. 55, 1], Керносовки [Крылова, 1976, с. 37, рис. 1], Верхоречья [Смирнов, 2000, с. 572, рис. 1, 2], Федоровки [Супруненко, 1991, с. 154, рис. 1, 2], Сватово [Братченко, 1989, с. 73, рис. 3, 5; 2004, с. 170, рис. 84], Новочеркаска [Раев, 1979, с. 105, табл. 5, 27; Даниленко, 1974, с. 82, рис. 53, 2; Смирнов, 2004, с. 67, рис. 1, 2], Кручи [Парусимов, 1997, с. 43, рис. 9, 1] и Скосырской [Цыбрий, Кияшко, 2011, с. 78, рис. 1]. Вопрос об их конкретной культурной атрибуции остается спорным, поскольку все приведенные образцы древней монументальной скульптуры выявлены вне археологического контекста, но вблизи разрушенных курганов, т.е. могли первоначально находиться в насыпях или были установлены на вершинах. Лишь идол из х. Кручи встречен в момент раскопок в восточной поле насыпи кургана в вертикальном положении лицевой частью на восток. Определенной культурной привязки и здесь мы не находим, т.к. основное захоронение оказалось разрушенным впускным позднеямным погребением, а остальные впускные могилы были катакомбными [Парусимов, 1997, с. 10-12].

Важнейшей отличительной чертой перечисленных каменных идолов является не только монументальная форма и детализировка частей человеческого тела, но и ясные (порой не очень) изображения разнообразных символических предметов и атрибутов. В ранних ближневосточных цивилизациях кроме главных божеств существовало множество второстепенных, имеющих собственные атрибуты – солнечный диск как символ космических явлений, церемониальное оружие как символ военной власти, различные жезлы, предметы обихода, животные и множество символов из числа нераспознанных современными востоковедами и еще требующих своей расшифровки [Оппенгейм, 1980, с. 201]. Наличие подобных атрибутов на изваяниях главных божеств подчеркивало подчиненное значение второстепенных по отношению центральному, т.е. верховному.

Несмотря на массовое нахождение антропоморфных стел в ямных погребениях, долгое время они отождествлялись с энеолитическими памятниками, с носителями древностей нижнемихайловского типа или же с кеми-обинской культурой [Гладких, 1997, с. 367], а населению ямной культуры отводилась негативная роль разрушителей древних энеолитических святилищ, откуда они брали стелы как строительный материал для перекрытий своих погребальных конструкций [Телегин, 1971, с. 16].

Сам факт первичного появления антропоморфных изваяний в период энеолита, культового использования стел в специальных комплексах – святилищах, действительно имел место и вполне аргументирован. В качестве примера подобного энеолитического святилища Е.В. Яровой приводит сложную внутрикурганную конструкцию около Григориополя (курган 9) на левобережье среднего течения Днестра, состоящую из системы круглых ям с вертикальными дубовыми брёвнами, трапециевидных в профиле ровиков, каменных вымосток на уровне погребенной почвы и на поверхности кургана

с выраженными следами кострищ, находками черепов зубров, туров и быка домашнего. В курганной насыпи найдены как антропоморфные, так и зооморфные стелы [Яровой, 1989, с. 55-58]. Более того, кроме существования сложных святилищ, не вызывает сомнений и то, что любой курган, тем более со стелой, являлся не просто местом захоронений, но и местом совершения обрядовых, культовых действий, т.е. реальным святилищем в восприятии древнего степного населения. Атрибутировать все стелы исключительно энеолитом, как и отводить ямному населению роль разрушителей древних святилищ, нет оснований. Тем более что многие антропоморфные изваяния были вторично использованы в качестве перекрытия в тех же энеолитических погребениях [Яровой, 1989, с. 60].

Особую изолированную группу представляют антропоморфные стелы Северного Кавказа, происходящие из курганов с мегалитическими каменными погребальными конструкциями майкопско-новосвободненской культурной общности. Их яркие образцы известны в составе несущих плит Нальчикской гробницы [Чеченов, 1973, с. 41, рис. 16] и среди обломков перекрытия гробницы у сел. Кишпек [Чеченов, 1980, с. 17, рис. 2]. Все они отличаются удлинённой формой (средняя высота значительно выше 2 м), выраженным рельефом выступа-головы и крайней скудностью желобчатых изображений в виде одиночных комбинаций из сочетаний углов, треугольников и ромбиков, символа «древа жизни» [Чеченов, 1973, с.13-16], схематичных контуров «личины» и имитации рук [Чеченов, 1980, с. 15-18]. Исследователи не исключают вторичное использование данных стел в качестве строительного материала из разрушенных бескурганых грунтовых могильников [Чеченов, 1973, с.32]. Но сам факт нахождения антропоморфных стел в составе древностей майкопско-новосвободненской общности уже является примечательным – полностью чуждые, инородные в мифологических воззрениях предков объекты не были бы задействованы в специфической сфере погребальной обрядности.

В системе антропоморфных изваяний – идолов восточного ареала распространения степной зоны Северного Причерноморья именно Лисичанский идол получил конкретную раннекатакомбную атрибуцию в связи с его находением на поверхности раннекатакомбного кургана. По форме песчаниковой плиты, из которой идол изготовлен, и технике нанесения изображений он близок изваяниям из Новочеркасска, Сватово, Кручи, Федоровки и Скосырской, т.е. той группе идолов, лучшие образцы которых, по образному выражению А.М. Смирнова, по богатству и разнообразию смысловых изображений не имеют «себе равных в европейском фигурарном искусстве» [Смирнов, 2004, с. 65].

Имеющие плитообразную форму и желобчатые изображения, выполненные в плоском рельефе, идолы из Керносовки и Натальевки выглядят весьма архаичными. Более того, на наш взгляд, Лисичанское изваяние можно отождествлять с Новочеркасским идолом. Оба выделяются широкими выступами-головами на массивном сглаженном основании плеч с окантовками двумя рядами желобков. Контурные руки антропоморфных фигур показаны объёмным рельефом, грубыми разновеликими желобами изображены

пояса, строго вертикально расположены на животе и груди рукояти орудий типа топора или посоха. Определенные сопоставимые детали в трактовке массивных полусферических выступов-голов и углублений в виде рта и глазниц наблюдаются на идолах из Лисичанска и Скосырской.

Изображения поясов, топоров, луков и ножей можно рассматривать в качестве традиционных на большинстве антропоморфных изваяний северопричерноморских степей. Присутствие их на Лисичанском идоле дает основание полагать, что относится он к древним индоевропейским статуям, воспроизводящим верховное мужское божество, божество войны и грома [Даниленко, 1974, с. 83]. Такие же символы, соответствующие индоевропейской атрибутике, имеются на многих древних каменных изваяниях божеств из некоторых европейских стран. Однако там, в системной группировке подобной символики, ведущим всегда выступает солярный знак, абсолютно необходимый для индоевропейского верховного божества [Санжаров, 2009, с. 39]. В группе северопричерноморских стел-идолов выраженная солярная символика имеется только на Лисичанском идоле – дисковидный медальон на груди, круги с крестами на животе и спине, концентрические окружности с косым крестом и спиралью на основании тыльной стороны, круглые бляхи на поясе, многочисленные кольца и круглые вмятины. С другой стороны, изображения стоп человека и ребер в виде вертикального растительного орнамента – «древа жизни», характерные почти для всех северопричерноморских статуйных памятников, отсутствуют на Лисичанском идоле.

Между тем, характер растительных орнаментов, символы «древа жизни», присутствующие на ряде антропоморфных изваяниях, находят адекватное выражение и коррелируются с применением такой же символики в погребальном обряде энеолитических и кеми-обинских (ямных) племён, в первую очередь на плитах гробниц [Дворянинов, 1980, с. 42-52; Гладких, 1997, с. 363-366; Тоцев, 2007, с. 78-85]. В погребальном обряде ранних катакомбных племён подобная символика почти отсутствует. Лишь в единичных случаях на стенках входных шахт катакомб, содержащих останки представителей родо-племенной аристократии, прослежены врезные растительные мотивы и изображения «древа жизни» – у Зимогорья (кург. 2, погр. 2) [Братченко, 2001, с. 114, рис. 40], Сватово (кург. 12, погр. 3) [Братченко, 2004, с. 124, рис. 45, 1] и Лисичанска (Березово, кург. 1, погр. 1) [Черных, Санжаров, 2008, с. 15-16].

По всей видимости, в раннекатакомбное время произошла трансформация представлений, связанных с «древом жизни». Как символ плодородия живых, он преобразовался в символ возрождения мертвых. Его символика не прижилась в погребальной обрядности и не стала массовой, но закрепилась в орнаментационных сюжетах на керамике. В течение всего ямно-катакомбного периода растительные мотивы нашли широкое выражение и воплощение в многорядье шнуровых и тесёмчатых декоров литых металлических украшений и орудий. Как отмечает В.Я. Кияшко, из самих орнаментов исчезают шестиэлементные мотивы и замещаются на семиэлементные, что отображает

«поворот от «материнских» культов Земли к «отцовским» религиям Солнца» [Кияшко, 1992, с. 34-35].

По наблюдениям А.В. Кияшко, на этапе перехода от ямного к катакомбному обряду погребения в жизни древнего степного населения произошла настоящая революция в духовной сфере. Радикальный характер изменений имела и универсальная смысловая орнаментация, её семантическая нагрузка. В орнаментации, особенно на керамике, это проявилось в переходе от древних горизонтально-зональных к вертикально-зональным композициям. Данные преобразования отражали радикальную смену эпохальных религиозных представлений [Кияшко А., 2002, с. 126-127]. Наряду с вышеотмеченным, произошло переосмысление отношения к особым культовым предметам – орнаментированным молоточковидным булавкам. В раннекатакомбном захоронении у Лисичанска (Березово, кург. 1, погр. 1) найдена булавка уже со сточенным в виде лопаточки окончанием, т.е. со следами вторичного использования, перепрофилированная в рабочий инструмент для нанесения врезного орнамента на стенках входной шахты.

Начиная с раннекатакомбного времени, изображения стоп человека из охры на дне камер весьма широко внедряются в погребальный обряд, хотя до этого их рисунки были известны разве что на идолах и среди петроглифов Каменной могилы [Рудинский, 1961, с. 66, табл. XXI; с. 71-72, табл. XXII-XXIII; с. 91-94, рис. 59-60], относящихся к концу неолита – энеолиту и выражающих идеи «плодородия, солнечного божества, солнца, путешествующего, шагающего по мирозданию» [Титова, 1982, с. 14]. Как смысловой элемент катакомбной погребальной обрядности рисунки человеческих стоп из порошка красной охры могут выражать само присутствие божества в данном ритуале [Ричков, 1982, с. 67-69; Санжаров, 1983, с. 205-206]. На идолах стопы расположены на разнообразных частях тела и с различной направленностью мысков в статическом виде. Здесь было важно зафиксировать реальность олицетворения человекообразного божества, реальность воплощения, его аватару [Ричков, 1982, с. 68]. Однако в погребальных камерах катакомб изображения стоп размещаются непосредственно у ног умерших и всегда мысками, обращенными в сторону выхода. В данном случае их семантика соответствует идее о посмертном путешествии души [Кияшко А., 2002, с. 69], по всей видимости, под покровительством божества, но уже олицетворяющего не плодородие, а посмертную сторону бытия. Только этим можно объяснить в русле идеологических преобразований в раннекатакомбную эпоху отсутствие подобных символов на верховном божестве, которое воплощал Лисичанский идол.

На этапе перехода степного населения от ранней к средней бронзе, как отмечает А.В. Кияшко, новым элементом в орнаментальных композициях выступает спирально-концентрический мотив [Кияшко А., 2002, с. 127] – один из наиболее типичных символов солнца. Спиральные мотивы в орнаментах широко распространены в патриархальных обществах и связаны с культом плодородия, олицетворением солнца, его вечным движением, т. е. с идеей постоянства хода времени [Кушнарева, Чубинишвили, 1970, с. 166].

Самое видное место на груди, животе и спине Лисичанского идола занимают крупные изображения круга диаметром 23-25 см с крестом в центре. Этот знак, в виде бронзового круга диаметром 32,5 см с перекрестием, присутствует в составе престижных предметов подкурганной мегалитической гробницы раннего бронзового века из могильника Клады около станицы Новосвободной (кург. 31, погр. 5) и идентифицирован в качестве штандарта [Резепкин, 1991, с. 180-181, рис. 8, 4], т.е. персонифицированного символа власти главы родового коллектива и носителя верховных культовых полномочий. Подобная солярная символика в виде круга с крестом, нанесенная красной охрой, зафиксирована на внутренней стороне одной из продольных плит разрушенного захоронения катакомбного времени близ с. Долинное в Крыму [Щепинский, 1961, с. 227].

Идея круга соответствовала пространственному восприятию окружающего мира и соотносилась с основными параметрами мифологического миропонимания. У древних степных народов эта идея нашла отражение в погребальной обрядности и выразилась в круглой конфигурации курганных насыпей и кольцевых подсыпках. Катакомбное население широко практиковало круговую планировку впускных могил. На примере основных ранних катакомб курганного могильника у Лисичанска (ЛЖЗ), как отмечалось выше, можно говорить о традиции возведения кольцевых валообразных сооружений из материковой глины и камней

В то же время на всех известных антропоморфных стелах-идолах Северного Причерноморья символика круга отсутствует. Лишь на Федоровском идоле имеется круглое углубление, обрамленное валиком, а на поясе – семь круглых вмятин, трактуемых А.Б. Супруненко как олицетворение календарных циклов и проявление солярной символики [Супруненко, 1991, с. 156-157]. На идоле же из Лисичанска подобных солярных знаков множество, и размещены они на значимых местах. Так, семью округлыми выпуклинами-бляхами декорирован пояс, что определенно дублирует новую семиэлементную семантику украшений вмятинами на Федоровской стеле. Ведущим символом представляются крупные круги с крестом на груди и спине. Здесь же, ниже пояса, нанесены две концентрические окружности с косым крестом и спиралью вокруг них. Точно такие же изображения, выполненные пуансоном, фиксируются на круглых кованых бронзовых бляхах из позднеямных и раннекатакомбных захоронений [Черняков, Никитин, 1988, с. 30, рис. 3, 5-27; Санжаров, 1992, с. 34-37; Черных, 1996, с. 34-36, рис. 2, А, 1-19].

Из северокавказских древностей Северо-Западного Прикаспия известны наборы поясных украшений, в состав которых входили литые круглые плоские бляхи диаметром 6 см, декорированные солярной символикой из окружностей и креста [Шишлина, 2007, с. 136, рис. 65, 5]. Примечательно, что почти весь основной спектр солярных символов, известных племенам раннебронзового века Северного Причерноморья, Предкавказья и Северного Кавказа, представлен на этих бронзовых украшениях.

В верхней части груди божества изображен дисковидный медальон с ушком в окружении девяти круглых вмятин. Данное нагрудное украшение возможно трактовать

и в качестве кольцевидного медальона, что мы делали ранее [Санжаров, 2001, с. 44]. Но из-за отсутствия двойного ободка и полости в центре, более реалистично остановиться на дисковидной форме.

Бронзовые литые дисковидные и кольцевидные медальоны эпохи ранней - начала средней бронзы Северного Причерноморья и Предкавказья не отличались большими размерами и не использовались в качестве одиночных нагрудных подвесок – все они входили в состав разнообразных (порой несколько десятков типов) сегментов наборных браслетов и височных привесок. Крупные древние медальоны сохранились до нашего времени в очень ограниченном количестве. Лишь при раскопках катакомбного погребения на Нижнем Дону (м-к Тузлуки, кург. 3, погр. 6), по информации В.В. Рогудеева, обнаружены парные орнаментированные кольцевидные медальоны диаметром 8 см.

На Северном Кавказе из разрушенного кургана у ст. Пришибской в Кабардино-Балкарии происходит уникальная и единственная находка весьма крупного дисковидного литого из «серой бронзы» медальона с ушком, диаметр которого, судя по графическому масштабу, равен 11,5 см. Б.Е. Деген определяет это украшение в качестве плоской круговой подвески с пышной шнуровой орнаментацией, одна из сторон которой в окружении шнуrowого ободка полностью гладкая, плоская и по факту является круглым бронзовым зеркалом [Деген, 1941, с. 264-265, 310, табл. XII, 5]. Именно такой крупный дисковидный медальон-зеркало в раннем и среднем бронзовом веке мог являться нагрудным украшением представителей высшего сословия и иметь особую социальную-религиозную значимость, имитируя солнечное сияние.

Подобные дисковидные нагрудные украшения по своему особому статусу носили все боги и божества древних переднеазиатских цивилизаций, но не всегда прослеживаются на сохранившихся памятниках искусства в виду обязательного выразительного атрибута небожителей – густых роскошных бород. В странах Древнего Востока, как установил В.В. Рогудеев, крупные одиночные дисковидные и кольцевидные медальоны фиксируются на груди отдельных божеств, жрецов и служили особо важными знаками [Рогудеев, 2004, с. 193]. Непосредственно на груди изваяния Лисичанского божества такой медальон означал не только украшение, но и олицетворял главнейший солярный символ.

В мифологических воззрениях древних народов круг, круг с крестом в центре являлся символом единения четырёх корней мира: огня, воды, земли и воздуха [Шилов, 1975, с. 189] и воплощал представления о пространстве [Антонова, 1984, с. 76]. В работах Б.А. Рыбакова круг с крестом рассматривается в виде солнечного диска, знака солнечного божества, выражение идеи о времени [Рыбаков, 1981, с. 199]. Таким образом, графическое воплощение хода времени, как уже отмечалось, более всего соотносится с символикой концентрических окружностей, косым крестом и спиралью вокруг них, изображенных на основании Лисичанского идола, т.е. на статуе верховного мужского божества, объединяющего в себе функции повелителя жизни и плодородия, войны и грома, а также владыки загробного мира.

Исследуя особенности изваяния из Лисичанска, М.В. Степанов обратил внимание на его своеобразную билингву, где соседствуют два текста: на языке монументальной скульптуры и на языке орнамента, близкого композициям и их элементам на керамике. Прототип Лисичанского идола показан массивным, громоздким, со сплюснутой головой, уходящей в плечи, с широким лицом и одутловатыми щеками. На стеле подчёркнуты символы растущей земли – концентрические окружности в ореоле из девяти кружков, крупный крест в круге, концентрическая окружность с косым крестом. Отсюда основной семантический смысл этого изваяния может быть отождествлён не только с божеством солнца, но и земли как повелителя нижнего мира, включая и власть над мёртвыми [Степанов, 2013, с. 85, с. 120].

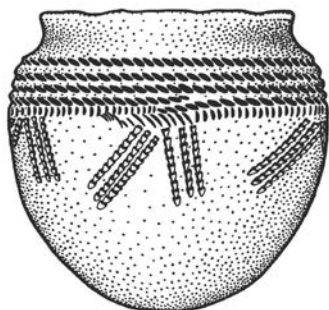
В составе северопричерноморских стел высшего уровня, т.н. идолов, Лисичанское изваяние отражает особенности восточного региона их распространения, более всего подверженного влиянию элементов раннекатакомбных культур и древних цивилизаций Востока, и является, по всей видимости, заключительным звеном общей эволюции идолов подобного типа от энеолита до раннего бронзового века включительно. Данное изваяние, в отличие от прочих известных идолов, имеет четкую культурную атрибуцию, обусловленную местом нахождения в раннекатакомбном курганном комплексе. Отнесение Лисичанского идола к раннему этапу катакомбной культур подтверждается характером имеющихся на нем изображений предметов и культовых символов – кольцевой медальон с ушком, круги с крестом в центре и концентрические окружности со спиралью и косым крестом, пояс с круглыми бляхами, листовидный нож, топор с рукоятью и лук со стрелой. Отсутствие на идоле типичных для прочих более ранних изваяний символов «древа жизни» и изображений стоп человека является отражением радикальных изменений в духовной сфере древних степных племен, репрезентирующих новый этап развития, этап раннекатакомбной общности с его реформированными семантическими нагрузками, прежде всего с утверждением духовной власти могущественного и верховного мужского божества мира живых и мёртвых.

Не исключено, что в соответствии со своим высоким религиозным статусом курган с Лисичанским идолом находился в центральном регионе формирования крупнейшей родо-племенной раннекатакомбной группировки, занимающей пространство Привольнянской излучины правобережья среднего течения Северского Донца, что подтверждается особой концентрацией выявленных здесь раннекатакомбных захоронений и значительными размерами насыпей. В этом плане Лисичанский курган с идолом мог маркировать местонахождение локального раннекатакомбного культового центра – родо-племенного святилища.

Учитывая сильные позднеямные доминанты в погребальной обрядности и в инвентаре ранних катакомбных захоронений курганного могильника у ЛЖЗ каменный идол из Лисичанска может датироваться ранней стадией раннекатакомбного периода, в пределах 2700-2600 гг. до н.э. [Братченко, 2001, с. 47].

ГЛАВА 3.

СОПОСТАВЛЕНИЕ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КУРГАННЫХ ДРЕВНОСТЕЙ

Большинство курганов излучины сооружены в эпоху ранней бронзы подвижными скотоводческими племенами в весенне-летний период эксплуатации степных пастбищ. Они не только символизировали связь с предками, но и являлись рукотворными пространственно-ориентационными доминантами в степном ландшафте, путевыми ориентирами при перемещении скотоводческих коллективов на значительные расстояния, обозначали границы и центры этнических и социальных группировок, надёжно закрепляли донецкие пространства за отдельными общинами [Кожин, 1997, с. 54; Бунятян, 2001, с. 77]. На территории излучины курганы входили в состав могильников различной конфигурации, занимали возвышенные плато и гребни водоразделов. Насыпи концентрировались в группы, нередко образуя цепочки по направлению общей ориентации возвышенных участков. Лишь одиночный курган у Берёзово сооружен в центральной части плато. До настоящего времени древние насыпи сохранили округлую форму, но их вершины значительно деформированы.

В 12 раскопанных курганах выявлено 69 погребений. Из них 16 раннекатакомбных, 9 позднекатакомбных, 4 финальнокатакомбных, 3 посткатакомбных, 6 финально-абашевских и 31 срубных.

3.1. Погребальные памятники раннекатакомбного периода

Начало изучения памятников раннего катакомбного периода относится ко времени раскопок В.А. Городцовым донецких курганов и выделения исследователем, наряду с погребениями ямной и катакомбной культур, смешанной группы «ямных погребений катакомбного типа» [Городцов, 1905, с. 174]. В рамках стадияльной теории общественного развития ямно-катакомбные захоронения воспринимались в качестве

переходных от материнского рода к патриархальному, т.е. «межстадиальных погребений переходного характера», и стали связующим звеном между двумя культурами, базой для обоснования происхождения катакомбной культуры на основе ямной **[Круглов, Подгаецкий, 1935, с. 32-44]**. Наличие этой группы захоронений позволило О.А. Кривцовой-Граковой **[Кривцова-Гракова, 1938, с. 33]** и Т.Б. Поповой **[Попова, 1955, с. 16]** прийти к выводам о генетической связи двух культур и непосредственном перерастании первой во вторую.

Несколько позже, изучив погребальные конструкции донецких «ямных погребений катакомбного типа», Л.С. Клейн установил, что возникла эта группа ошибочно вследствие неверного восприятия нижних частей погребальных камер в виде ямных устройств **[Клейн, 1961, с. 49-65]**. Бесспорное наличие в Нижнем Поднепровье и Северном Приазовье погребений с яркими признаками как ямной, так и катакомбной культур, трактуемых в качестве переходных ямно-катакомбных, исследователь обосновал результатами контактов и взаимовлияний катакомбного и ямного населения **[Клейн, 1970, с. 56-57]**. В своём выводе Л.С. Клейн следовал позиции М.И. Артамонова, объяснившего синкретизм ямно-катакомбных погребений следствием частичного сосуществования двух культур **[Артамонов, 1950, с. 42]**. В решении проблемы ямно-катакомбных погребений Н.И. Шишлина поставила задачу определения среди ямных и катакомбных обрядовых традиций межкультурных параметров, проясняющих сложение смешанного погребального ритуала **[Шишлина, 1988, с. 27]**.

Отрицание генетической связи с предшествующей ямной культурой создало новые возможности для рассмотрения катакомбной культуры не автохтонной, а пришлой, появившейся в уже сформированном виде в регионах Северного Причерноморья в ходе миграции населения с территории Дании и Северной Германии **[Клейн, 1962, с. 74-87]**, Анатолии и Закавказья **[Фисенко, 1966, с. 7-23]**, Северного Кавказа **[Братченко, 1976, с. 57-59]** или же Малопольши **[Николаева, Сафронов, 1981, с. 10-14]**. Из всех известных на тот момент катакомбных территориальных образований наиболее древней была признана донецкая группа **[Клейн, 1961, с. 79; Шапошникова, 1969, с. 108-109; Братченко, 1976, с. 153]**, ставшая «ядром, вокруг которого образовалась катакомбная культура в традиционном понимании» **[Клейн, 1970, с. 167]**.

Однако с конца 80-х годов прошлого века обозначился приток погребальных источников, иллюстрирующих неопровержимый ямный культурный компонент в составе наиболее ранних катакомбных древностей. О значительной роли ямной культуры в сложении раннекатакомбных памятников Подонцовья и Северного Приазовья заявил С.Н. Братченко **[Братченко, 1989, с. 29]**, а А.В. Кияшко выдвинул тезис о генезисе катакомбной культуры Нижнего Дона на базе трансформации местной позднеямной общности **[Кияшко, 1990, с. 25]**. Немаловажным явилось установление антропологами значительной близости физического облика и преемственности между населением позднеямной и донецкой катакомбной культур бассейна Северского Донца **[Шепель, 1985, с. 12-13]**.

Ранние катакомбные погребения Донецкого региона определяют содержание раннего периода катакомбной культурно-исторической общности, впервые выделенные В.Я. Кияшко при анализе курганных захоронений раннего бронзового века Нижнего Подонья – 2 и 3 варианты XI группы погребений **[Кияшко, 1974, с. 16]**. Саму возможность вычленения более архаичной группы из числа захоронений донецкой катакомбной культуры Северского Донца и Нижнего Дона не исключал С.Н. Братченко **[Братченко, 1976, с. 142]**. Отличительные особенности наиболее древних катакомбных погребений Нижнего Поднепровья, Приазовья, Крыма и Нижнего Подонья дали повод Г.Л. Евдокимову поставить вопрос о выделении раннего этапа катакомбной культуры степной полосы Северного Причерноморья **[Евдокимов, 1979, с. 45]**. К раннекатакомбному преддонецкому горизонту Н.А. Николаевой и В.А. Сафроновым отнесены захоронения в катакомбах, стратиграфически предшествующие древностям донецкой катакомбной культуры **[Николаева, Сафронов, 1981, с. 7]**. В исследовании А.М. Смирнова эти материалы были обозначены в качестве раннекатакомбных преддонецких памятников **[Смирнов, 1987, с. 4-7]**. Он же отметил отсутствие монолитности в их среде и предположил наличие двух групп – ранней и поздней **[Смирнов, 1981, с. 36]**.

Понятие «раннекатакомбный период» В.А. Трифонов определяет временем широкого распространения от Поднепровья до Центрального Ставрополя нового обряда погребений в катакомбах, конструкция которых варьирует, но в целом демонстрирует устойчивость в пределах отдельных регионов, что не исключает возможности выделения локальных вариантов раннекатакомбного пласта **[Трифонов, 1991, с. 152-153]**. Во всех сферах раннекатакомбного культурного наследия, как отмечает В.С. Бочкарёв, проявляется ямный импульс. Замена ямных погребальных устройств на принципиально новую конструкцию – катакомбу могла произойти в результате изменения концепции погребального обряда вследствие как внутренних, так и внешних факторов. Среди последних возможен мощный внешний импульс с территории Северо-Западного Кавказа, а внутренним фактором явились изменения в идеологической сфере (погребальный обряд), которые привели к тому, что переходу в иной мир стали уделять гораздо больше внимания **[Бочкарёв, 2016, с. 21-23]**.

Ранние катакомбы Северского Донца С.Н. Братченко предпочёл объединить в ранний этап донецкой катакомбной культуры, сформировавшийся на местной позднеямной основе при ограниченном влиянии мигрирующего населения из низовий Дона **[Братченко, 1988, с. 28-29]**. Кроме бассейна Северского Донца, в зону первичного катакомбного очага культурогенеза входит степная полоса от Кубани до Нижнего Днепра, давшая впоследствии начало для возникновения крупнейших катакомбных образований **[Братченко, 2001, с. 73]**.

3.1.1. Курганная архитектура и планировка погребений

Яркие компоненты предшествующей местной позднеямной культуры отчётливо наблюдаются в погребальном обряде и сопровождающем инвентаре раннекатакомбных захоронений Привольнянской излучины Северского Донца.

Из 16 выявленных раннекатакомбных погребений, происходящих из 7 курганов, 7 являлись основными и сопровождались возведением первичных курганных насыпей, а 9 впускны в насыпи над основными катакомбами. Удельный вес последних составляет 44%. Близкая картина по соотношению основных и впускных раннекатакомбных захоронений наблюдается и по результатам предшествующих раскопок курганов у Лисичанского нефтеперегонного завода (ЛНПЗ), Приволья, Тополёвки и Северска [Братченко, 2001, с. 11]. В 1973-1980 годах при исследовании 11 курганов на территории излучины было получено 13 раннекатакомбных погребений – 6 основных и 7 впускных. Основные катакомбы составляли 46 % от общего количества. В итоге при раскопках 18 курганов выявлено 29 ранних катакомб – 13 основных и 16 впускных. Доля основных составляет 48%, т.е. крайне высокий показатель, если учесть, что в целом на 116 известных раннекатакомбных донецких погребений приходится с новыми материалами Далевского университета только 27 основных катакомб [Братченко, 2001, с. 20], т.е. 23% общего количества. В свое время при анализе 36 раннекатакомбных захоронений Северского Донца А.М. Смирновым было учтено всего 4 основные катакомбы [Смирнов, 1996, с. 10]. К началу нашего столетия С.Н. Братченко приводит информацию о 100 раннекатакомбных погребениях Подонцовья в 73 раскопанных курганах, из них основными были только 20 [Братченко, 2001, с. 20].

Установление картины значительной доли основных раннекатакомбных погребений Привольнянской излучины – 48%, по сравнению с общими данными по всему Донецкому бассейну (23% с учётом итогов исследований Далевского университета), выявляет одну из особенностей раннекатакомбной погребальной практики рассматриваемого региона, восходящую к позднеямной традиции повсеместного курганного строительства.

Материковые выкиды, оставленные на поверхности погребенной почвы после сооружения катакомб, не использовались для заполнения входных шахт и сверху перекрывались первичными насыпями курганов. Кроме обычных дуговидных выкидов вблизи входных шахт в трёх курганах у ЛЖЗ (рис. 2, 1; 7, 1; 17), зафиксированы случаи оформления выброшенным материковым грунтом кольцевых валов вокруг основных катакомб. Кольцевая валообразная конструкция по периметру основного захоронения кургана 1 у ЛЖЗ, кроме материковой глины, включала камни песчаника (фото 1). Внешние диаметры этих кольцевых валов составляли от 7,5 до 9,5 м, мощность до – 0,7-1 м при ширине сечения кольца 2,5-3,5 м.

Мергелевая крошка из основного погребения 5 кургана 3 у ЛЖЗ была использована как для заполнения входной шахты, так и для возведения над ней конструктивной

насыпи диаметром 5,25 м и высотой около 0,6 м, сверху перекрытой серым гумусом первичного кургана (рис. 10). Данная особенность курганной архитектуры имеет явные соответствия среди обрядности как майкопской, так и ранней северокавказской культуры – заполнение могильных ям камнями и возведение из них непосредственно над захоронением «курганообразного наброска» внутри самой насыпи [Мунчаев, 1975, с. 317; Нечитайло, 1978, с. 50-51, рис. 22, 1, 2]. Такие же завалы из камней имели место и над основными северокавказскими погребениями в каменных ящиках, перекрывающие всю площадь конструкций [Корневский, 1990, с. 27].

Кольцевой выкид с разрывом на западе вокруг входной шахты основного катакомбного погребения прослежен при исследовании Краснозоринского могильника (кург. 7, погр. 5) на реке Белой [Санжаров, Бритюк, 1996, с. 123, рис. 38, 1]. Многочисленные аналогии практики кольцевых валов из материкового грунта вокруг основных подкурганых захоронений наблюдаются в позднеямной погребальной традиции. Так, кольцевой вал с разрывом на западе, аналогичный вышеописанному, отмечен на погребённой почве по периметру позднеямного захоронения 2 кургана 7 Октябрьского могильника на Казённом Торце [Бровендер, Милица, Потёмкина, 1992, с. 67, рис. 18]. На Донецком левобережье кольцевые валы из глины вокруг основных позднеямных захоронений зафиксированы в курганах близ Новоникольского (кург. 1, погр. 1) [Братченко, Швецов, 1991, с. 168, рис. 2] и Нижней Бараниковки (кург. 2, погр. 7). В последнем случае внешний диаметр вала составлял 7,5-8 м [Братченко, 2003, с. 175, рис. 11]. Более сложная картина выявлена в кургане 1 около Чернухино. Здесь основное ямное погребение 5 окружал выкид овальной формы, а на удалении от него на погребенной почве по периметру первичного кургана из суглинка выложен кольцевой вал диаметром 18,2 м, высотой 0,2-0,3 м при ширине сечения кольца 2 м [Гершкович, 1996, с. 135-136, рис. 2,1]. Практика укладки материковых выкидов кольцом вокруг основных позднеямных захоронений отмечена и на территории Северо-Восточного Приазовья [Санжаров, 2001, с. 23]. В Центральном Предкавказье в кургане 31 Нежинской группы основное северокавказское погребение в яме на поверхности погребенной почвы окружал «желтый выкид материковой глины» диаметром 8-10 м, свидетельствуя, по мнению С.Н. Корневского, об особом статусе центрального погребения в качестве «культового центра курганного некрополя» [Корневский, 1990, с. 33]. В Среднем Поднепровье и на Восточном Маныче вокруг основных позднеямных захоронений практиковались кольцевые сооружения из камней [Самойленко, 1988, с. 64; Шишлина, 2014, с. 286, рис. 1].

Иногда основные позднеямные погребения окружали не кольцевые глиняные валы, а углублённые ровики. Они имели место в кургане у с. Вознесенка на Молочной в Северном Приазовье [Михайлов, 1982, с. 151, рис. 1], в Александровском могильнике на Лугани и в диаметре достигали 13, 14, 16 и даже 30 м [Братченко, 2008, с. 193]. В ограниченном количестве оградки из камней и ровики вокруг центральных основных позднеямных могил известны в курганах Нижнего Подонья [Файфорт, 2019,

с. 150-151]. Такие же кольцевые ровики по периметру основных ранних катакомб прослежены в курганах Северо-Западного Прикаспия [**Шишлина, 2007, с. 150, 154].**

В то же самое время кольцевые каменные вымостки-наброски являются почти обязательным элементом курганной архитектуры майкопской общности Северного Кавказа [**Мунчаев, 1975, с. 315; Нечитайло, 1978, с. 52].** Характеризуют они и новосвободненскую курганную традицию Северо-Западного Кавказа [**Мунчаев, 1975, с. 318; Резепкин, 1991, с. 168, рис.1].**

Раннекатакомбные и позднеямные кольцевые сооружения из материковой глины и камней, ровики на поверхности погребённой почвы вокруг основных захоронений имеют не только общую смысловую нагрузку в рамках сопоставимой погребальной обрядности, но и общие истоки происхождения, восходящие к энеолитической традиции подкурганной архитектуры с элементами кромлехов и рвов. Наиболее яркие образцы каменных кромлехов вокруг грунтовых энеолитических захоронений с последующим формированием над ними древнейшей курганной насыпи недавно установлены при исследовании кургана 1 могильника Веселый под Новочеркасском [**Кияшко, 2019, с. 14-22].**

После завершения захоронения входные шахты ранних катакомб заполнялись преимущественно рыхлым чернозёмом. Выкиды из впускных раннекатакомбных погребений оставались на поверхности насыпей, если перекрывались последующей локальной досыпкой или же новой насыпью. В случаях, когда досыпка не производилась, выброшенный при сооружении катакомбы материковый грунт сбрасывался в полость шахты, а оставшийся чернозём распределялся на поверхности кургана над местом впуска.

Исключением является преднамеренное заполнение входных шахт специально утрамбованным суглинком. Шахты впускных раннекатакомбных захоронений могильника близ ЛЖЗ (кург. 2, погр. 1; кург. 6, погр. 10) оказались забитыми очень утрамбованной материковой глиной и не имели на поверхности курганов на уровнях их впуска даже следов материковых выкидов. Основное раннекатакомбное захоронение в одном из курганов Краснозоринского могильника (кург. 1, погр. 3) вообще не сопровождалось выкидом вблизи входной шахты на поверхности погребенной почвы, а ее полость оказалась заполненной как плитами песчаника, так и преднамеренно утрамбованным суглинком из её выкида [**Санжаров, Бритюк, 1996, с. 63].**

Обычай заполнять могильные ямы рыхлым чернозёмом характерен для позднеямной погребальной обрядности Северского Донца. Он установлен для всех 18 позднеямных захоронений Октябрьского могильника. Только в одном случае здесь в пределах верхнего яруса ямы с заплечиками отмечено скопление материкового суглинка, тогда как нижний ярус заполнен мягким чернозёмом (кург. 5, погр. 1) [**Санжаров, Бровендер, Прокопенко, 1992, с. 53, рис. 13,1; с. 54].** Рыхлый чернозёмный грунт заполнения зафиксирован в пяти позднеямных захоронениях Краснозоринского [**Санжаров, Бритюк, 1996, с. 60-132],** в четырёх основных позднеямных погребениях Невского [**Бритюк, Черных, 2000, с. 65]** и в семи позднеямных погребениях Александровского [**Братченко, 2008, с. 134-217]** могильников.

Установлено, что в грунте заполнения почти всегда фиксировались просевшие плахи перекрытий, свидетельствующие о том, что первоначально могилы позднеямных погребений были полыми – чернозёмный грунт проник в их полость только после разрушения плах заслонов. В случаях фиксации использования для перекрытий позднеямных могил не плах, а каменных плит под ними также прослеживались пустоты – Шахтёрск, кург.1, погр. 3 [Санжаров, Литвиненко, Черных, Прынь, 2003, с. 126-127, рис. 4, 1].

Раннекатакомбные погребения сопровождались возведением курганных насыпей. Преобладали одиночные основные катакомбы. В 1973 г. у Лисичанска (ЛНПЗ) при раскопках кургана 2 под первичной насыпью обнаружены два основных раннекатакомбных захоронения, размещенные впритык друг к другу в широтном направлении (по линии В-З). Оба погребения 1 и 3 имели обособленные материковые выкиды на поверхность погребённой почвы [Братченко, 2001, с. 115, рис. 41]. Аналогичная ситуация наблюдалась в кургане 4 Краснозоринского могильника. Основные ранние катакомбы 1 и 2 с собственными материковыми выкидами находились почти впритык друг к другу в широтном направлении и перекрыты общей курганной насыпью [Санжаров, Бритюк, 1996, с. 92, рис. 19].

На левобережье Северского Донца у Новоникольского прослежен одновременный впуск двух катакомб (погребения 4 и 11) в восточную часть насыпи кургана 1, возведенной над позднеямным погребением. Эти две одновременные катакомбы сооружены на близком расстоянии в ряд по линии С-Ю, т.е. в меридиональном направлении, и сопровождались общим нерасчленённым выкидом [Братченко, Швецов, 1991, с. 168, рис. 2].

Среди элементов раннекатакомбной погребальной обрядности размещение двух основных катакомб в ряд в широтном направлении, как и двух одновременных впускных ранних катакомб в меридиональном направлении, является весьма архаическим признаком. В некоторых случаях впускные ранние катакомбы, перекрытые общей насыпью, т.е. одновременные, уже не проявляют тенденцию общей направленности в ряд. Три одновременные ранние катакомбы, впущенные в первичную насыпь кургана 1 у ЛЖЗ (погребения 1, 2, 4), не сгруппированы в одной системе друг к другу (рис. 2, 1).

Раннекатакомбный погребальный обряд допускал парные и коллективные захоронения усопших в одной погребальной камере. По подсчётам С.Н. Братченко, из 128 костяков более половины (65 костяков) оказались в составе парных и коллективных захоронений: по 2 костяка выявлено в 16, по 3 – в 7 и по 4 – в 3 катакомбах [Братченко, 2001, с. 22]. Погребальная камера, содержащая несколько умерших, по всей видимости, служила усыпальницей представителей одной патриархальной семьи, захороненных одновременно. Курган с несколькими катакомбами разных семей являлся родовым могильником, а курганный могильник из нескольких курганов – курганным могильником племени. Такое деление соответствует принятому представлению о структуре патриархальной родовой общины, состоящей из нескольких патриархальных семей и совокупности родов в виде племени с общеплеменными землями и общим советом

из старейшин каждого рода **[Косвен, 1957, с. 138-139]**. Члены родового коллектива, осуществляющие захоронения своих умерших в одном кургане, были связаны общим скотоводческим хозяйственным циклом и совместным пребыванием на конкретной территории **[Стеганцев, 2013, с. 4]**.

Размещение двух основных ранних катакомб с одинаковой направленностью в ряд под общей курганной насыпью, как и двух ранних впускных катакомб в ряд под одной курганной досыпкой, указывает не только на одновременность захоронений, но и на принадлежность умерших к различным семьям одного патриархального рода. В противном случае представителей одной семьи могли хоронить в общей погребальной камере с минимальными затратами труда на сооружение не двух, а одной катакомбы. Вопрос об одновременной случайной или насильственной смерти нескольких родственников **[Круглов, Подгаецкий, 1935, с. 144]**, совместно погребенных в разных катакомбах, не столь важен, как факт одновременности погребений в одном кургане, но в различных катакомбах.

Традиция перекрытия двух и более основных захоронений общей насыпью демонстрирует специфику позднеямного погребального обряда на территории Подонцовья. В этом плане примечателен факт соседствующего расположения двух курганов в составе одного могильника у Лисичанска, ЛНПЗ, проявляющий позднеямную и раннекатакомбную идентичность в парных основных захоронениях. Два основных позднеямных погребения 11 и 12 расположены в ряд в широтном направлении под общей первичной насыпью кургана 3 **[Клименко, 1997, с. 6-7, рис. 2]**, а два основных раннекатакомбных погребения 1 и 3 размещены в ряд в меридиональном направлении также под общей первичной насыпью соседнего кургана 2 **[Братченко, 2001, с. 115, рис. 41]**. Могильные ямы позднеямных основных захоронений 11 и 12 кургана 3 и входные шахты ранних основных катакомб 1 и 3 кургана 2 имели одинаковую ориентацию по линии В-З. Умершие в позднеямных захоронениях были ориентированы на запад, а под западными стенками шахт раннекатакомбных погребений устроены входные отверстия камер.

В Подонцовье основные парные позднеямные захоронения фиксировались неоднократно. В меридиональном направлении в ряд размещены два основных позднеямных захоронения (№ 1 и 5) в кургане 1 у Зимогорья **[Черных, 2004, с. 226-231, рис. 5; 6]**, а в широтном – два основных позднеямных погребения (№ 13 и 14) в кургане 4 близ Дибровки **[Братченко, 2001, с. 179, рис. 105]**. Основными и парными являлись позднеямные погребения 2 и 4 в кургане 4 Александровского могильника, расположенные почти вплоты в ряд в меридиональном направлении и перекрытые общей насыпью **[Братченко, 2008, с. 166-181, рис. 49]**. На левобережье Северского Донца у Райгородки парные позднеямные погребения 9 и 10 находились под насыпью кургана 1 непосредственно вплоты и в ряд по линию С-Ю, т.е. меридионально **[Санжаров, Черных, 2011, с. 126, рис. 7]**. Сооружение общей насыпи над основными парными позднеямными захоронениями отмечено и в Поднепровье **[Самойленко, 1988, с. 64]**.

Некоторые основные позднеямные погребения содержали как детские костяки, так и по два костяка взрослых. Порой в коллективных позднеямных донецких захоронениях фиксируются до 4 умерших **[Санжаров, Бровендер, Евглевский, 1992, с. 23-26, рис. 2, 3]**, принадлежащих одной патриархальной семье. Представителям разных семей, умерших одновременно, сооружались изолированные погребальные устройства под общей насыпью родового кургана. Они могли иметь значительные объёмы, требующие весомых затрат труда. Могильные ямы парных захоронений в кургане 1 у Зимогорья отличались большими размерами – 2х1,7 и 2,7х2,5 м **[Черных, 2004, с. 226-231]**, а в кургане 4 Александровского могильника – 2,4х2,1 м и 2,3х1,6 м **[Братченко, 2008, с. 166-181]**.

Если раннекатакомбные парные основные погребения Подонцовья в подкурганном пространстве выстроены исключительно в широтном направлении, то позднеямные парные основные захоронения демонстрируют размещение в ряд меридионально. Исключением является широтная планировка парных основных позднеямных погребений у Дибровки (кург. 4, погр. 13, 14), по своей сути – раннекатакомбная.

Для возведения насыпи над основными раннекатакомбными погребениями Привольнянской излучины использовались вырезанные вокруг курганного пространства куски дёрна и образовавшийся при их выемке рыхлый грунт. Диаметры первичных курганов составляют от 10 до 15 м. Зафиксированная высота – в пределах 1-1,5 м. Наиболее масштабная насыпь полусферической формы возведена над погр. 9 кург. 6 у ЛЖЗ: высота – 1,5 м, диаметр – 19 м. Высота насыпи над погр. 9 кург. 6 близ Шипиловки составляла всего 0,6 м при диаметре 10,5 м. Эти данные близки к среднестатистическим, установленным С.Н. Братченко для раннекатакомбных насыпей Северского Донца, – высоты от 0,4 до 2 м, диаметры – от 10 до 20 м **[Братченко, 2001, с. 20]**.

Геометрический центр раннекатакомбных курганов расположен либо над входной шахтой (рис. 2; 7; 10), либо же над погребальной камерой (рис. 17; 28; 44). В кургане у Шипиловки центр кургана сильно смещён к северу от входной шахты основного погребения и расположен над местом максимальной толщины материкового выкида из него (рис. 52). Досыпки курганов над впускными раннекатакомбными погребениями по структуре грунта не отличались от первичных насыпей. Их стратиграфическое разделение просматривалось благодаря дерновому слою, образовавшемуся на поверхности первичного кургана. Производилась или же общая досыпка всего кургана, что приводило к возрастанию общих высот и диаметров, или же локальная, охватывающая часть сектора курганов над местом впуска захоронений. Среднестатистическая мощность досыпок после производства впускных раннекатакомбных погребений в Подонцовье составляет 0,2-0,3 м, а в центральной части курганов и того меньше **[Братченко, 2001, с. 20]**. В то же время устройство ранних катакомб в позднеямные курганы могло сопровождаться мощными досыпками, формирующими отдельные курганные слои-насыпи. При впуске раннекатакомбного погребения 6 кургана 6 Краснозоринского могильника

в позднеямную насыпь мощность последующей досыпки составила 1,2 м, что привело к резкому увеличению диаметра кургана с 29 до 40 м [Санжаров, Бритюк, 1996, с. 99].

Чёткой локализации впускных ранних катакомб в курганном пространстве не установлено. Они производились в северный, восточный или же южный сектор насыпи. В трёх курганах раннекатакомбные погребения впущены в северо-восточную полу (ЛЖЗ, кург.1, погр.1, 2; кург. 6, погр. 4; ЛИСПИ, кург. 1, погр. 3). Также в трёх случаях ранние катакомбы произведены в юго-западный сектор (ЛЖЗ, кург. 2, погр. 1; кург. 3, погр. 6; кург. 6, погр. 10). По одному погребению промаркирован впуск в восточный (ЛЖЗ, кург. 1, погр. 3) и северо-западный (ЛЖЗ, кург. 1, погр. 7) сектора. По подсчётам С.Н. Братченко, при впуске ранних катакомб их устойчивая локализация отсутствует, но определённое предпочтение отводилось северо-восточному, юго-восточному и центральному секторам курганного пространства [Братченко, 2001, с. 20].

Характерно, что впуск ранних катакомб производился исключительно в периферийную часть кургана, в его край. В некоторых случаях входные шахты впускных катакомб сооружались в дальней кромке кургана, а выкиды из них залегали как на курганном склоне, так и на поверхности околокурганной площади древнего горизонта (ЛЖЗ, кург. 1, погр. 2; ЛИСПИ, кург. 1, погр. 3). Устройство ранней катакомбы 4 в насыпь над раннекатакомбным погребением 5 кургана 2 у Приволья (раскопки 1975 г.) демонстрирует тождественную ситуацию [Братченко, 2001, с. 121, рис. 48]. Выкиды на поверхности околокурганного пространства впоследствии перекрывались частичной или обширной досыпкой древнего кургана. Локальная досыпка сектора поверхности над местом впуска ранней катакомбы отчетливо прослежена в кургане 1 у ЛИСПИ (рис. 44).

Основные позднеямные погребения Октябрьского могильника сопровождалось сооружением первичных курганов из кусков дёрна и рыхлого чернозёма высотой до 1 м и диаметром 8-13 м. В кургане 4 первичная насыпь над позднеямным захоронением имела высоту 1,85 м и диаметр 22 м. Производство впускного позднеямного захоронения повлекло досыпку северо-западного сектора мощностью 0,1-0,2 м, что привело к увеличению диаметра кургана до 30 м. Впускались позднеямные погребения во все части первичных курганов при незначительном выделении восточных и южных секторов [Санжаров, Бровендер, Прокопенко, 1992, с. 46-65]. Небольшие размеры имели позднеямные первичные курганы Александровского могильника – высоты до 0,5 м и диаметры в пределах 10-13 м. В то же время С.Н. Братченко отмечено наличие на Северском Донце позднеямных курганов высотой от 2 до 3 м и диаметром 18-25 м [Братченко, 2008, с. 193-194].

По своим размерам раннекатакомбные и позднеямные курганы Подонцовья совпадают. Из этой системы близких элементов погребальной обрядности выпадают крупные позднеямные насыпи. Позднеямная насыпь кургана 3 Астаховского могильника достигала 2 м в высоту и диаметр 25 м [Евдокимов, 1991, с. 188]. Основное захоронение этого объекта содержало 3 костяка, имело размеры 1,8x1,4 м и 2 м абсолютной глубины.

Значительные параметры Астаховского кургана и характеристика основного погребения позволили причислить памятник к категории социальнозначимых, т. е. к племенной знати **[Евдокимов, 1991, с. 208]**. Размеры и глубины некоторых позднеямных погребальных конструкций порой необычно велики. В Краснозоринском могильнике впускное позднеямное погребение 9 имело два яруса. Верхний ярус (яма с заплечиками) устроен непосредственно в насыпи кургана в виде прямоугольной ямы размером 6,3х4,8 м. Общая абсолютная глубина ямы нижнего яруса (1,85х1,53 м) от уровня впуска составляла 3,2 м **[Санжаров, Бритюк, 1996, с. 98-99, 105]**.

Самые высокие раннекатакомбные насыпи Привольнянской излучины не превышают высоту 1,5 м и диаметры 15-20 м – ЛЖЗ, курган 6, насыпь над основной катакомбой 9; ЛНПЗ, курган 2, насыпь над основными катакомбами 1 и 3; Приволье, курган 2, насыпь над основным раннекатакомбным погребением 5 **[Братченко, 2001, с. 115-116, 121, рис. 42; 48]**. Именно такие масштабные параметры раннекатакомбных курганов, значительные трудовые затраты на их возведение и сооружение катакомбных погребальных устройств требовали массового участия людей в погребальных церемониях и могут выделять захоронения лиц из числа родо-племенной знати **[Смирнов, 1979, с. 51; Берестнев, 2001, с. 134-135; Пустовалов, 2005, с. 74; Санжаров, 2007, с. 151]**.

3.1.2. Погребальные конструкции

Раннекатакомбные погребальные устройства представлены грунтовыми сооружениями, состоящими из вертикальных входных шахт, у дна которых под одной из стенок устраивались погребальные камеры. Переход в камеры осуществлялся посредством входных отверстий, иногда в виде коротких горизонтальных дромосов. Уровень дна шахт всегда выше свода камер. Сооружались катакомбы исключительно в слое цельного материкового грунта.

По своей структуре катакомба – двухъярусная вертикальная подземная конструкция сопоставима с двухъярусным вертикальным позднеямным погребальным сооружением, в котором яма с заплечиками выполняла функцию входной шахты, а яма нижнего уровня – погребальной камеры. В обоих случаях камеры устраивались значительно ниже уровней дна входных шахт и имели собственные перекрытия-заслоны. Данная примечательная особенность отмечена многими исследователями **[Братченко, 2001, с. 51-53]**. В определенной степени катакомбы имеют соответствия с устройством двухкамерных каменных гробниц новосвободненской группы памятников, состоящих из входных помещений и погребальных камер с круглыми, овальными или прямоугольными входными отверстиями.

Производство катакомб осуществлялось при помощи разнообразных землеройных орудий, следы которых чётко фиксируются на их стенах и своде в виде разно-

направленных или системных желобчатых рядов шириной 1,5-3 см. Подобные следы оставляют роговые и костяные мотыжки с дуговидным рабочим лезвием. Их отпечатки прослежены и на стенах позднеямных могил **[Шапошникова, Фоменко, Довженко, 1986, с. 15]**. Одна из таких мотыжек из рога оленя с отверстием для рукояти найдена в углу дна позднеямного погребения в Северном Приазовье (Аккермень 1, кург. 5, погр. 6) **[Вязьмітіна, Іллінська, Покровська, Тереножкін, Ковпаненко, 1960, с. 48, 55, рис. 40, 1]**. Некоторые плоские следы орудий землекопов оставлены тёслами или кайлами шириной 4-5 см. Такие изделия редко, но встречаются при раскопках погребений раннего бронзового века **[Санжаров, 2001, с. 38-40, рис. 13,1; 39,1]**.

В качестве выгребных инструментов применялись лопатки крупного или мелкого скота со стёсаным рабочим краем. Находки этих орудий отмечены в катакомбах Северо-Восточного Приазовья близ Огородного (кург. 2, погр. 5) **[Посредников, Зарайская, 1993, с. 128-129, рис. 24]**, Желанного (кург. 1, погр. 14) **[Полидович, 1993, с. 78, рис. 42,1]**, Нижнего Дона близ Аксая (могильник Мухин I, кург. 3, погр. 3) **[Беспалый Е., Беспалый Г., 2002, с. 31, 77, рис. 16, 3-4]** и Красногоровки (кург. 1, погр. 9) **[Парусимов, 2000, с. 8, 28, рис. 12, 4]**. Для выравнивания стенок погребальных устройств также использовались кремневые скребки на отщепях с выпуклой рабочей частью шириной 3-5 см. Анализ таких орудий из ранней катакомбы в Лисичанске у Берёзово (кург. 1, погр. 1) установил на их поверхности следы от взаимодействия с твёрдыми частицами наподобие глинистого грунта с мелкими зернистыми вкраплениями **[Черных, Санжаров, 2010, с. 136]**.

В плане входные шахты раннекатакомбных погребений имели прямоугольную форму со слабой степенью скругленности углов. Ровные стенки ко дну расширялись или же сужались. Линия стыковки стен иногда оформлялась угловыми вертикальными желобками. За счёт сужения стенок форма шахты могла меняться от удлинённого прямоугольника сверху до квадрата внизу – ЛЖЗ, кург. 2, погр. 2 (рис. 9, 1). Аналогичный пример зафиксирован в Краснозоринском могильнике (кург. 3, погр. 4) **[Санжаров, Бритюк, 1996, с. 82-84, рис. 14]**. В этой связи более информативной С.Н. Братченко считал именно конфигурацию верхних частей шахт **[Братченко, 2001, с. 21]**.

В системе классификации катакомб, прямоугольные шахты которых длинными осями перпендикулярно сопряжены с длинными осями погребальных камер, относят к типу Т-видных, а катакомбы с параллельным сопряжением длинных осей – к Н-видным. Среди захоронений раннекатакомбного периода Привольнянской излучины абсолютно доминируют Т-видные катакомбы.

Средние размеры шахт по верхним уровням составляли 1,8x1,5 м. Более значительными размерами отличались шахты основных катакомб – 2,2x1,7 м (ЛЖЗ, кург. 6, погр. 9), 2,25x1,43 м (ЛИСПИ, кург. 1, погр. 5), 2x1,95 м (Шипиловка, кург. 1, погр. 9). Шахты детских катакомб меньше – в пределах 1,3x1 м.

Абсолютные глубины дна шахт составляли 2,2 – 2,8 м. Шахты основных катакомб более глубокие – до 4 м от уровня древнего горизонта. Например, дно шахты основ-

ной катакомбы у Березово (кург. 1, погр. 1) устроено на глубине 3,8 м, близ ЛЖЗ (кург. 3, погр. 5 и кург. 2, погр. 2) – на глубинах 3,5 и 3,3 м соответственно.

Специфической составляющей входных шахт рассматриваемого региона является наличие сложных систем боковых и угловых ступеней, облегчающих спуск в конструкцию. Они всегда устраивались на тыльной стенке, противоположной входу в камеру. В простых вариантах оставлялась одна высокая угловая ступенька, в сложных – от двух до четырёх на разных уровнях в виде ступенчатого спуска – ЛЖЗ, кург. 2, погр. 2 (рис. 9, 1). На Нижнем Дону в очень редких случаях фиксируются входные шахты ранних катакомб, имеющие на вертикальной плоскости одной из боковых стенок несколько разноуровневых ступеней типа небольших выступов грунта с плоской вершиной – могильник Мухин II, кург. 3, погр. 4 [**Беспалый Е., Беспалый Г., 2002, с. 78, рис. 17, 1**].

Дно шахт ровное или же с небольшим наклоном в сторону камер. На ровном дне устраивались углублённые лоткообразные пологие спуски к входным отверстиям. Для их создания под тыльной и боковыми стенками оставлялись уступы, порой высокие. Начинался лоткообразный спуск под тыльной стенкой овальной выемкой на дне, иногда – ближе к его центральной части, и заканчивался у входного отверстия камеры. В этом месте ширина спуска строго соответствовала ширине входного отверстия, а его глубина от дна шахты – высоте входного проема камеры. Важным обстоятельством является и то, что верхний край входного отверстия маркировал и начало самой возвышенной части свода погребальной камеры. Параметрами углублённого лоткообразного спуска на дне шахт, его соответствием по ширине размерам входного отверстия, а по глубине – высоте входа и началу сводчатого верха камер землекопы ранних катакомб поддерживали обязательный канон позднейшей и раннекатакомбной погребальной обрядности Подонцовья – в вертикальном отношении полость погребальной камеры должна быть ниже уровня дна шахты.

Достаточно редкий тип оформления лоткообразного спуска на дне входной шахты прослежен в раннекатакомбном погребении 10 кургана 6 у ЛЖЗ с костяком подростка (рис. 22, 2). Спуск в камеру направлен не горизонтально в сторону ее устья, а посредством трёх уступов наклонно вглубь, в результате чего входной проем оформлен не традиционно сбоку, а сверху (фото 13). Общая глубина спуска от дна шахты до входного отверстия камеры составляла 1,7 м. Примеры такого специфического оформления лаза в камеру имеются среди ранних катакомб Нижнего Подонья. В могильнике Александрин I (кург. 1, погр. 4) отмечен наклонный и глубокий спуск в камеру, содержащую костяк ребёнка. Его глубина от начала на дне шахты до дна камеры также составляла 1,7 м [**Парусимов, 1997, с. 20-21, 53, рис. 19,1**]. В ранней катакомбе у пос. Прогресс (кург. 1, погр. 3) наклонный спуск в камеру даже не доведён до стенки шахты и имел вид не входного отверстия под стенкой, а ямы непосредственно на её дне [**Парусимов, 1997, с. 29, 63, рис. 29,1**].

В некоторых ранних катакомбах Привольнянской излучины входные отверстия камер оформлены в виде лазов или дромосов в простенках. Они наблюдались среди по-

гребений могильника близ ЛЖЗ (кург. 6, погр. 2 и 9) (рис. 22, 1,2) и у Шипиловки (кург. 1, погр. 9) (рис. 57). Длина этих лазов небольшая – всего 0,2-0,3 м.

Близкие по конструкции лазы прослежены в строениях ранних катакомб близ Новоникольского (кург. 1, погр. 4 и 6) [Братченко, Швецов, 1991, с. 172, рис. 6, 1; с. 173, рис. 7], Александровска (кург. 8, погр. 2) [Братченко, 2008, с. 198, рис. 66,1], Зимогорья (кург. 2, погр. 9) [Братченко, 2001, с. 110, рис. 36,1] и большинства ранних катакомб, исследованных в 1975 г. у Приволья. Здесь же в погр. 5 кург. 2 отмечена максимальная для Северского Донца длина лаза в простенке – 0,7 м [Братченко, 2001, с. 122, рис. 49,1]. Примерно такую же максимальную длину (0,6 - 0,7 м) имеют лазы (дромосы) ранних катакомб Нижнего Дона – Сухо-Чалтырский курган, погребение 21 [Ильюков, Ларенок, 1982, с. 160, рис. 2, 1]. В Нижнем Поднепровье лазы некоторых ранних катакомбных конструкций в длину даже превышают 1 м (Чкалово, кург. 3, погр. 33) [Пустовалов, 1999, с. 157, рис. 8,1].

Иногда на Нижнем Дону и в Северном Приазовье входные шахты раннекатакомбных захоронений лишены лоткообразных спусков в камеру и имели ровное дно. У входных отверстий этих катакомб наблюдались небольшие бортики-порожки высотой от 0,1 до 0,3 м [Санжаров, 2001, с. 50; Кожедуб, 2019, с. 25, рис. 2]. В ранней Н-видной катакомбе у х. Холодный на Дону (кург. 1, погр. 6) камеру и шахту разделял миниатюрный бортик (высота 4 см, ширина до 10 см), а на ровном дне шахты спуск в камеру оформлен в виде овального углубления, длинной стороной к устью [Парусимов, 2004, с. 39, 49, рис. 5. 2]. Невысокие бортики-порожки у входа в погребальную камеру ранних катакомб могли быть отголосками традиций новосвободненской культурной группы устраивать проемы в каменных стенах гробниц на небольшой высоте от дна. Входное отверстие гробницы погребения 5 кургана 31 могильника Клады располагалось на высоте всего 26 см от уровня пола [Резепкин, 1991, с. 172]. Встречаются и ранние катакомбы, шахты которых в плане как бы накладываются сверху на часть дна камер, образуя широкий вход под всей стенкой – Краснозоринский могильник, кург. 3, погр. 4 [Санжаров, Бритюк, 1996, с. 86, рис. 16,1]. По своему типу они близки Н-видным катакомбным погребальным конструкциям.

Сохранившиеся входные отверстия камер (устья) имели арочную форму. Подобные необрушенные очертания проемов в камеры зафиксированы в ранних катакомбах у Красной Зари (кург. 7, погр. 5) [Санжаров, Бритюк, 1996, с. 128, рис. 41,2], Александровска (кург. 9, погр. 25) и Зимогорья (кург. 1, погр.7; кург. 2, погр. 9) [Братченко, 2001, с. 91, рис.17, с. 110, рис. 36, 1, с. 114, рис. 40]. Арочная форма входных отверстий камер была оптимальным стандартом для строителей донецких катакомб. Круглые и прямоугольные устья погребальных камер, характерные для майкопско-новосвободненских гробниц, сооружать в непрочном донецком материковом грунте весьма сложно – здесь наиболее устойчивы горизонтальное основание и арочная форма свода. В шахте раннекатакомбного захоронения близ ЛИСПИ (кург. 1, погр. 5) даже выявлена песчаниковая плита с эскизом арочного проёма входного отверстия, выполненным пикетированием

(рис. 49,2, фото 39). Этот образец можно считать древнейшим проектным документом для землекопов катакомб раннего бронзового века. В то же время раннекатакомбный погребальный обряд допускал устройство входных отверстий, имеющих форму прямо-угольника. Такой входной проём размером 1x0,5 м отмечен в катакомбе у Приволья (кург. 1, погр. 4) **[Братченко, 2001, с. 120, рис. 47,1]**.

Как формы отверстий камер, так и их конкретные размеры проследить не всегда удаётся в связи с деформацией и рыхлостью материковых осадочных пород Донецкого кряжа – они подвержены обрушению. Судя по сохранившимся деталям, входные отверстия камер ранних катакомб у основания имели ширину от 0,6 до 0,9 м при высоте в пределах 0,5 м. Вход щелевидной формы (0,9x0,31 м) отмечен для небольшой катакомбы с костями взрослого умершего, уложенных в виде пакета (ЛЖЗ, кург. 6, погр. 7). По данным С.Н. Братченко, средние размеры входных проёмов в камеру в ранних катакомбах Северского Донца в ширину составляли 0,7-0,8 м, а в высоту – 0,4-0,65 м **[Братченко, 2001, с. 20]**. Однако в Северном Приазовье встречаются и совсем миниатюрные входные отверстия ранних катакомб стандартных средних размеров с погребениями взрослых. Ширина устья одной из них (Аккермень 1, кург. 6, погр. 1) равнялась 0,5 м, а его высота всего – 0,23 м **[Вязьмитина, Іллінська, Покровська, Тереножкін, Ковпаненко, 1960, с. 51]**.

Входные шахты через проёмы или короткие дромосы посредством ступеньки-уступа глубиной от 0,15 до 0,5 м соединялись с погребальными камерами.

В очень редких случаях наблюдалась дополнительная обработка потолка камеры и дромоса – обмазка слоем глины. Такая ситуация отмечена в ранней крымской катакомбе у Болотного (кург. 14, погр. 28) – слой обмазки из вязкой глины законсервировал отпечатки человеческих пальцев **[Корпусова, Ляшко, 1990, с. 166]**.

В отличие от шахт, как отмечалось выше, после совершения захоронения камеры преднамеренно грунтом не заполняли, оставляли полыми, но со временем из-за непрочности материковых пород их своды рушились. В очень редких обстоятельствах археологам встречаются полые камеры с полностью сохранившимся сводом. В их числе ранние катакомбы из Новочеркасска, завод № 17, кург. 1, погр. 1 **[Братченко, 2001, с. 158, рис. 85,1]**, Соколовского могильника, кург. 1, погр. 4,5 **[Алёшина, Балонов, Крайсветный, Раев, 1985, с. 45, табл. 4; с. 46, табл. 5]**, могильника Шахаевский 1, кург. 4, погр. 35 **[Федорова-Давыдова, Горбенко, 1974, с. 102-103]** и Болотное (кург. 14, погр. 28) на севере Крымского полуострова **[Корпусова, Ляшко, 1990, с. 166-167, рис. 1, 1]**. В камере катакомбы Шахаевского могильника исследователям удалось зафиксировать под толстым слоем камыша останки взрослого человека, обильно посыпанного порошком охры, в войлочном головном уборе, одежде из кожи и войлочной обуви, обшитой по верхнему краю рядами мелких бронзовых бусин. С.Н. Братченко сообщает о полых камерах у Новочеркасска (Шибельный курган, погр. 4; кург. 3, погр. 12), в которых сохранились циновки из плетеного камыша, матрасы из соломы и камыша, погребальное ложе из соломы и шкур, покрывало из ткани и даже подушка с орнаментом под головой умершего **[Братченко,**

1976, с. 21, 162-163]. В камере катакомбы у Болотного сохранились фрагменты деревянной повозки и мешочек из ткани перевитого типа с остатками необрушенной окультуренной пшеницы **[Корпусова, Ляшко, 1990, с. 166, 169-170, рис. 2, 2, 4; рис. 3].**

Выводились камеры по направлению центра подкурганного пространства, где и размещалось основное раннекатакомбное или позднеямное погребение. Все основные ранние катакомбы длинной осью ориентированы в широтном направлении с камерами под западной стенкой шахт. С учётом различных секторов впуска катакомб можно говорить об их радиальной направленности по отношению центра курганной окружности.

Погребальные камеры как основных, так и впускных катакомб имели овальную, овально-округлую или подпрямоугольную формы. В количественном отношении преобладали камеры овальной формы размером 2,1x1,7 м. Камеры основных катакомб выделялись своими значительными объёмами. Так, камера катакомбы у ЛИСПИ (кург. 1, погр. 5) имела размеры 3,3x2,35 м. Значительно меньше по площади камеры детских катакомб – в пределах 1,5x1 м.

Из-за рыхлого характера материкового грунта своды раннекатакомбных погребальных камер Донецкого правобережья оказались в разной степени рушенными, а их полости заполнены наслоениями из кусков осевшего свода и затёкшего из шахт чернозёмного грунта. Судя по участкам сохранившихся стен и частей свода, максимальная высота камеры раннекатакомбного погребения у Берёзово (кург. 1, погр. 1) составляла 1 м. Средняя высота камер донецких ранних катакомб близка к 0,6-0,85 м, редко – около 1 м **[Братченко, 2001, с. 21].** Эти данные идентичны высотам погребальных камер ранних катакомб Северо-Западного Прикаспия – от 0,6 до 1,1 м **[Шишлина, 2007, с. 150-167].** Сохранившийся свод ранней катакомбы у Болотного (кург. 14, погр. 28) в Северном Крыму достигал в высоту 1,2 м **[Корпусова, Ляшко, 1990, с. 166].**

подавляющее большинство камер имели сводчатые потолки, но не исключено, что у некоторых первоначально они были плоскими **[Братченко, 2001, с. 21].** На территории Привольнянского изгиба очень редко встречались вертикальные стенки камер, сохранившиеся в неразрушенном виде всего на высоту 0,3-0,5 м. Чаще наблюдался наклон стенок камер в сторону устья, указывающий на покаты свод, начинающийся у верхнего края входных отверстий.

Особую группу представляют камеры подпрямоугольной формы, имеющие дно в виде прямоугольника, трапеции или многоугольника. Чёткой прямоугольной формой отличалась камера ранней катакомбы у Шипиловки (кург. 1, погр. 9), вертикальные ровные стенки которой сохранились на высоту до 0,5 м (рис. 57). Подобные прямоугольные камеры раннекатакомбных захоронений наблюдались в Краснозоринском могильнике (кург. 4, погр. 4; погр. 5, погр. 7; кург. 6, погр. 6) **[Санжаров, Бритюк, 1996, с. 95, рис. 21, 1; с. 112, рис. 31; с. 127, рис. 40, 1].** Камера ранней катакомбы из Зимогорья (кург. 2, погр. 9) выделялась подтрапециевидной формой с ровными задней и боковыми стенками **[Братченко, 2001, с. 110, рис. 36, 1].**

Значительно больше ранних катакомб с прямоугольными камерами обнаружено в Нижнем Подонье: Новочеркасск, завод № 17, кург. 1, погр. 1 [Братченко, 2001, с. 158, рис. 85,1], Соколовский могильник, кург. 1, погр. 4,5 [Алёшина, Балонов, Крайсветный, Раев, 1985, с. 45, табл. 4; с. 46, табл. 5], Спичаковка, кург. 1, погр. 20, 25 [Парусимов, 2000, с. 20, рис. 43; с. 22, рис. 6,1], Степнянский, кург. 1, погр. 10 [Кузьмин, 2005, с. 176, рис. 7,1], могильник Ериковский 1, кург. 4, погр. 3 [Ильюков, Яценко, 2013, с. 252, рис. 3]. Обширнейшая группа ранних катакомб с прямоугольными камерами выявлена в Прикубанье у ст. Брюховецкой (кург. 1, погр. 6, 12, 13; кург. 3, погр. 4, 7, 8) [Бочкарёв, Бестужев, Бианки, Трифонов, 1991, с. 12, рис. 10; с. 17, рис. 12; с. 18, рис. 17; с. 28, рис. 28; с. 29, рис. 7; с. 30, рис. 30].

Целая серия ранних катакомб с прямоугольными и трапециевидными камерами исследована в Нижнем Поднепровье у с. Верхнетарасовка. Их локальными особенностями являются большая степень скругленности углов стен, арочные своды высотой 0,8-0,9 м, многообразие форм входных шахт (подпрямоугольные, округлые и овальные), невыраженные ступенчатые спуски и дромосы длиной 0,5-0,7 м [Евдокимов, 1977, с. 18-19, рис. 9, 1; с. 26, рис. 14, 1; с. 41, рис. 22, 1; с. 49, рис. 26, 1; с. 50, рис. 27, 1; с. 54, рис. 29, 1]. На территории Среднего Поднепрвья (пограничное с бассейном Северского Донца Орельско-Самарское междуречье) ранние катакомбы с прямоугольными камерами составляют сравнительно небольшую группу [Ковалева, 1982, с. 36].

Катакомбы с прямоугольными шахтами и камерами региона нижнего течения Днепра отнесены Ю.А. Шаталиным к числу наиболее древних [Шаталин, 1979, с. 47]. Некоторые из них весьма выразительные. Так, прямоугольная камера ранней Т-видной катакомбы в Нижнем Поднепровье близ Никополя (Чкалово, кург. 3, погр. 33) имела вертикальные стенки на высоту 0,8-0,9 м, плоский потолок и дромос длиной 1,1 м [Пустовалов, 1999, с. 157, рис. 8,1]. Ранние катакомбы с прямоугольными камерами, имеющими плоские потолки, выявлены и в Северном Приазовье (Аккермень I, кург. 6, погр. 3) [Вязьмитіна, Іллінська, Покровська, Тереножкін, Ковпаненко, 1960, с. 49, рис. 33, 3, 4; с. 52]. Отмечены отдельные прямоугольные камеры и в составе ранних катакомб Крыма [Корпусова, Ляшко, 1990, с. 167, рис. 1, 1; Копьева, 2009, с. 312].

Разновидностью конфигураций камер является шестиугольная форма, зафиксированная у ЛИСПИ (кург. 1, погр. 5) (рис. 47). Аналогии ей имеются среди ранних катакомбных конструкций Северо-Западного Приазовья – Марьинка, кург. 11, погр. 27 [Пустовалов, 1990, с. 62, рис. 2]. Примечательно, что на правом берегу Дона встречено основное позднеямное погребение с останками расчлененного умершего, могильная яма которого в плане имела шестиугольную форму со следами вертикальных крупных желобков в четырех углах (могильник Октябрьский II, кург. 5, погр. 4) [Потапов, 2002, с. 272, 290, рис. 2, 3]. Сложная форма камеры в виде вытянутой трапеции ранней катакомбы из Степнянского могильника (кург. 1, погр. 9) и её заметное смещение от оси шахты были продиктованы угрозой разрушения входной шахты погребения 10 – обе катакомбы,

судя по стратиграфии, сооружены одновременно и перекрыты общей насыпью [Кузьмин, 2005, с. 166-167, рис. 2; с. 174, рис. 6,1].

В прямоугольных камерах ст. Брюховецкой (кург. 1, погр. 6, кург. 3, погр. 7, 21) стенки были вертикальными и ровными, что указывает на возможность плоских потолков. Прямоугольная камера с плоским потолком исследована у Новочеркаска, завод № 17, кург. 1, погр. 1 [Братченко, 2001, с. 158, рис. 85,1].

По результатам исследования В.А. Трифонова, камеры с вертикальными стенками и плоскими потолками составляют яркую специфику ранних катакомбных сооружений Прикубанья и представляют наиболее древнюю катакомбную группу (катакомбные погребения I типа 1 варианта) с умершими в слабоскорченном положении на правом боку [Трифонов, 1991, с. 145-147]. Камеры с плоскими потолками, ввиду близости с позднеямными прямоугольными могилами, рассматривались С.Н. Братченко в числе ярких позднеямных элементов в составе раннекатакомбных древностей [Братченко, 2001, с. 54]. Однако конструктивно погребальные камеры ранних степных катакомб с плоскими потолками полностью дублируют и внутреннюю структуру каменных новосвободненских гробниц.

К ранним элементам деталей катакомб Нижнего Подонья А.В. Кияшко относит наличие дромосов и прямоугольных погребальных камер. Такие камеры с плоскими потолками исследователь считает особенностью приазовской части региона Нижнего Дона [Кияшко, 1999, с. 18-19, 34]. Именно на этой территории выявлены уникальные по формам, размерам и глубинам ранние катакомбы с прямоугольными камерами, имеющие чёткие плоские потолки. Благодаря плотности местных материковых грунтов в кургане 1 Соколовского могильника изучены две впускные ранние катакомбы (погребения 4 и 5) с полностью сохранившимися плоскими потолками прямоугольных камер. Входные шахты отличались сложными системами боковых уступов, а углы стен и потолков камер подчёркнуты широкими желобками. Высоты камер составляли 1,6-1,65 м, но их потолки были устроены на традиционном уровне – ниже дна входных шахт. Стенки и потолок камеры погребения 4 выше линии входного отверстия покрыты толстым слоем белого известкового налета и сохранили пятна красной и коричневой краски [Алешина, Балонов, Крайсветный, Раев, 1985, с. 9-12, 45, табл. 4; с. 46, табл. 5].

Зарождение и распространение катакомбного обряда со скорченными на боку погребёнными в среде степных племен эпохи ранней бронзы Предкавказья осуществлялось при участии населения майкопско-новосвободненской общности с их ящично-гробничными, подбойно-катакомбными и катакомбными погребальными устройствами. Именно с распространением традиций майкопско-новосвободненской общности А.В. Кияшко связывает ведущие трансформационные изменения в степной зоне, приведшие к реорганизации погребального ритуала, повсеместному утверждению курганного обряда, унификации позднеямной обрядности, появлению правого и левого разворотов тел умерших, лежащих на спине, а затем – правобочной и левобочной

скорченности [Кияшко, 2002, с. 259]. С.Н. Корневский и А.А. Калмыков допускают прямое участие погребальных традиций майкопско-новосвободненской культурной общности в «формировании погребальных канонов населения уже более молодой эпохи с формами катакомб и скорченным на боку обрядом захоронения» [Корневский, Калмыков, 2004, с. 105-106]. Гробницы с впускными шахтами с каменным или деревянным перекрытием являются одним из вариантов катакомб, а само их появление совпадает со временем сооружения курганов [Чмыхов, 1990, с. 103].

Дно погребальных камер определяет абсолютную глубину всего захоронения. Для основных катакомб она исчисляется от уровня древнего горизонта, для впускных – от места впуска с поверхности насыпи. Наибольшая глубина отмечена для основных ранних катакомб – от 2,5 до 4,27 м. Самой глубокой оказалась катакомба из Берёзово (кург. 1, погр. 1). Её дно устроено на глубине 4,27 м от древнего горизонта. Глубже находилось только дно камеры основной ранней катакомбы из Краснозоринского могильника (кург. 7, погр. 5) – до 5,6 м от древнего горизонта [Санжаров, Бритюк, 1996, с. 130]. Камеры впускных катакомб всегда устроены в материковом грунте и характеризуются не менее значительными показателями глубин – до 3,3-3,8 м.

Все ранние катакомбы Северского Донца исключительно однокамерны. В качестве двухкамерной катакомбы ошибочно представляют раннекатакомбные захоронения близ Голубовского (кург. 1, погр. 1) [Самойленко, 1991, с. 145, рис. 2, 1]. При внимательном изучении чертежей выясняется более поздний впускной характер северо-западной камеры этой катакомбы (погребение 1Б), входная шахта которой разрушила северо-западный уступ лоткообразного спуска более древнего захоронения.

Не может рассматриваться в качестве единовременного захоронения ранняя катакомба с двумя камерами в Северо-Западном Приазовье близ Марьинки (кург. 11, погр. 27) [Пустовалов, 1990, с. 62, рис. 2]. Здесь более позднее коллективное погребение было впущено в предшествующую входную шахту. Лоткообразный спуск поздней катакомбы разрушил основание более ранней шахты, и её входное отверстие оказалось значительно выше уровня дна. Опубликованное Б.Д. Михайловым трехкамерное раннекатакомбное погребение у Вознесенска в Северном Приазовье (кург. 2, погр. 11) [Михайлов, 1982, с. 153 - 155, рис. 4] оказалось псевдонаучной фикцией – раскопщик искусно объединил две сопредельные катакомбы в одно общее сооружение.

Не свойственна донецкому раннекатакомбному обряду и практика использования погребальных камер для последующих подзахоронений, в отличие от крупных Великентских катакомб-склепов Приморского Дагестана, вырубленных в останцах второй каспийской террасы и функционирующих в раннем-среднем бронзовом веке в виде семейно-родовых усыпальниц для многократных подзахоронений. Закрывались камеры этих катакомб всего лишь одной подвижной плитой [Гаджиев, Корневский, 1984, с. 7; Гаджиев, Магомедов, 1990, с. 15; Магомедов, 2000, с. 4-120]. Так, вход в катакомбу 3 Великентского могильника I был перекрыт небольшой плитой размером 0,8x0,5x0,15 м [Магомедов, 2000, с. 34].

Мощные каменно-деревянные заслоны камер донецких ранних катакомб и забутовка камнями входных шахт гарантированно обеспечивали неприкосновенность умерших и не предусматривали саму возможность повторного вскрытия могил. Отнесение обычая подзахоронений к ритуалам раннекатакомбной погребальной обрядности [Кияшко, 1999, с. 30; Стёганцева, 2010, с. 123-124; Стеганцев, 2013, с. 28], на наш взгляд, может быть верным только по отношению к отдельным регионам, но не всей территории раннекатакомбной общности. В качестве примера подзахоронения А.В. Кияшко приводит не совсем бесспорную ситуацию с погребением 2 кургана 6 Соколовского могильника [Алешина, Балонов, Крайсветный, Раев, 1985, с. 31-33, 76, табл. 35]. Судя по чертежам и описанию, в камеру ранней катакомбы с прямоугольной входной шахтой сверху впущено более позднее погребение с квадратной входной шахтой, и ее полость использована для размещения новых покойников. Гумус в центральной части прямоугольной шахты не имеет четкого контура и не может восприниматься в виде следов повторного проникновения в катакомбу – это, скорее всего, результат уплотнения и произвольного проседания чернозёмного заполнения в полуку камеру.

С учетом отсутствия в предшествующей местной позднеямной среде обычая подзахоронений, он мог практиковаться у катакомбного населения выборочно на отдельных территориях под воздействием влияний склеповых погребальных традиций. Типичные дольмены Западного Кавказа состояли из нескольких крупных монолитных плит с круглыми, прямоугольными или овальными отверстиями во фронтальной стенке, имели открытый доступ и сооружались на возвышенностях или хорошо обозреваемых площадках [Марковин, 1978, с. 59, 82]. Они появились здесь в период ранней бронзы, но широко распространились «в северо-западной части ареала майкопской культуры в последующую эпоху» [Мунчаев, 1975, с. 316]. Однако, как показали уточненные исследования, весь инвентарный комплекс дольменов Западного Кавказа не выходит за рамки среднего бронзового века, в то время как предметы из каменных мегалитических гробниц новосвободненской группы памятников четко датируются эпохой ранней бронзы [Резепкин, 1991, с. 188]. При этом в Центральном Предкавказье действительно существовала практика подзахоронений внутрь каменных ящиков среднебронзового века – останки ранее умерших выбрасывались из могилы, а на освободившееся место помещали новых покойников, или же кости первоначального скелета просто смещались в сторону, очищая дно для нового захоронения [Кореневский, 1990, с. 26].

Составные каменные гробницы новосвободненского типа скрыты внутри курганных насыпей и дополнительно перекрыты каменными завалами, которые по своей защитной природе не предусматривали подзахоронений без повреждения или значительного разрушения всей конструкции. И.М. Чеченов приводит случай возможного вскрытия монументальной гробницы новосвободненского типа у сел. Кишпек в Кабардино-Балкарии с целью подзахоронения или случайного впуска более позднего погребения внутрь существующей гробницы (останки прежних усопших и инвентарь были небрежно

удалены из погребения) – для этого участникам данного действия пришлось переломать несколько слоев перекрытия из крупных туфовых плит [Чеченов, 1980, с. 18, 22].

В Северном Приазовье редкий случай подзахоронения в камеру ранней катакомбы установлен на реке Юшанлы у Аккермени II (кург. 8, погр.2). Захоронение являлось основным и сопровождалось возведением небольшого кургана (высота – около 0,25 м, диаметр – 15 м). Глубина дна камеры, устье которой не было закрыто видимым заслоном, от уровня древнего горизонта составляла всего 1,85 м. При производстве подзахоронения кости ранее погребенных двух взрослых и ребенка были сдвинуты в беспорядке к тыльной части свода, а на освободившейся центральной площадке размещен новый умерший [Вязьмитіна, Іллінська, Покровська, Тереножкін, Ковпаненко, 1960, с. 134-135, рис. 98]. Однако мотивами, которыми руководствовались при данном подзахоронении его организаторы, могли быть не нормы традиционной обрядности, а целесообразность погребения члена одной семьи в общую могилу с минимальными затратами физического труда.

Вероятно, при наследовании элементов новосвободненского погребального обряда сего специфической практикой многотонной каменной закладки периметра и свода гробниц, у большей части раннекатакомбных племен Нижнего Дона, Северского Донца, Нижнего Поднепровья и Северного Приазовья не получил распространение обряд подзахоронений и утвердилась забутовка камнями полости входных шахт. Практика подзахоронений в камеры катакомб могла распространиться в виде стандартного ритуала в эпоху средней бронзы, т.е. в развитое и позднее катакомбное время. Такой пример установлен в погребении 5 кургана 1 у пос. Шкляр в Лисичанске – размещение вновь умерших в старой камере с удалением костей и инвентаря прежнего погребенного во входную шахту (рис. 36, 2-5).

Неоднократно фиксировались ситуации, когда в процессе сооружения впускных катакомб строители обнаруживали погребальную камеру более раннего погребения и приспособляли её для новых умерших. Например, в кургане у Новоникольского (кург. 1, погр. 5 и 11) наблюдалось целевое перенаправление устройства камеры в сторону более ранней катакомбы и размещение в ней нового погребения [Братченко, Швецов, 1991, с. 172, рис. 6,2]. Отмечены и другие ситуации, когда землекопы впускной катакомбы, встретив более раннюю камеру, перенаправляли устройство сооружаемой камеры в боковую стенку шахты и не использовали обнаруженную катакомбу для совершения нового погребения – ЛЖЗ, кург. 3, погр. 6 (рис. 12). Близкая картина прослежена в 2005 г. при исследовании ранней катакомбы могильника Салок-1 (погр. 3) на Дону. Впуск более позднего катакомбного погребения был осуществлен в полость более ранней входной шахты, но строители предпочли устроить камеру нового захоронения под стенкой вскрытой шахты, не углубляясь ниже до уровня древней камеры [Алейников, 2008, с. 63-65, 100, рис. 32, 1].

Объяснение противоречивым действиям землекопов катакомб в сопоставимых ситуациях заключено в плоскости семейно-родовых отношений погребённых в одном

кургане. При случайном обнаружении в момент земляных работ погребальной камеры представителя одной семьи она могла быть использована для размещения нового умершего родственника. Если выявленная катакомба принадлежала другой семье, строители перенаправляли сооружение камеры в другую сторону и только в ней размещали новых усопших. В среде донецкой катакомбной культуры наблюдается подобная практика – приспособление камеры раннего погребения для размещения в ней новых умерших (Петровское, кург. 3, погр. 3) **[Санжаров, 2001, с. 104, рис. 34, 1-3]**.

Заключительным этапом строительства катакомбного погребального сооружения являлось окончательное выравнивание, доводка стен с помощью роговых (костяных) мотыжек и тесел. Следы желобчатых орудий нередко имеют упорядоченный характер. На стенах одной из входных шахт кургана у Сватово (кург. 12, погр. 3) желобчатыми короткими (до 40 см) следами орудий землекопов создана вертикальная композиция из 12-13 горизонтальных рядов косых бороздок в виде многорядной «ёлочки» **[Братченко, 2004, с. 124, рис. 45,1]**. Вертикальными и горизонтальными желобчатыми бороздками в шахматном стиле оформлены поверхности боковых уступов в шахте катакомбы близ Шипиловки (кург. 1, погр. 9) (рис. 58; фото 43).

Стенка шахты над входом в камеру катакомбы из Зимогорья (кург. 2, погр. 9) украшена пояском желобчатых бороздок из пяти вертикальных «ёлочек» **[Братченко, 2001, с. 113, рис. 39,1]**, а в катакомбе из Хопров (кург. 7, погр. 14) над устьем камеры вырезаны три полуокружности **[Братченко, 2001, с. 114, рис. 40]**. Рисунки из двух разомкнутых полос горизонтальных линий, местами соединенных в овалы, нанесены врезными желобками на стене шахты раннекатакомбного погребения у Красного Октября (кург. 4, погр. 2) в Подонцовье **[Братченко, 2001, с. 8]**. Имеется информация об изображениях, нанесённых теслом, на стенках шахты в виде кибитки или юрты в кургане Чатал-Оба Ростовской области **[Прищепа, Кирман, 2000, с. 35-36]**. Примечательны сюжетные композиции в катакомбе из курганной группы «Чалтырский Х» (кург. 11, погр. 11) в Нижнем Подонье. Над входом в камеру зафиксировано 12 врезных горизонтальных дуг, а на стенах самой камеры – врезные орнаменты в виде «ёлочек» **[Кожедуб, 2019, с. 21]**. Случаи изображений различных геометрических мотивов на стенках и плоских потолках камер ранних катакомб приведены В.Я. Стёганцевой **[Стёганцева, 2019, с. 151]**.

Наиболее обширная площадь врезных композиций в шахтах зафиксирована в погр. 1, кург. 1 у Берёзово (рис. 30, 1-3; фото 16-23). Здесь, на южной и западной стенках шахты, нанесены вертикальные ёлочные мотивы (рис. 30, 1, 3), а в центре северной стенки имеется схематичная окружность из радиально расходящихся линий-лучей (рис. 30, 2; фото 22).

Доминирующим элементом врезных изображений на стенках шахт донецких катакомб предстают символы «древа жизни». Аналогии подобным сюжетам, чаще нанесённых охрой и сажей, С.Н. Братченко приводит из росписей на плитах каменных гробниц и мегалитических сооружений эпохи раннего металла **[Братченко, 2001, с. 54-55]**. Выгравированы символы «древа жизни» на идолах из Керносовки **[Крылова, 1976,**

с. 37, рис. 1,2], Фёдоровки [Супруненко, 1991, с. 154, рис. 1], Новочеркаска [Раев, 1979, с. 105, табл. 5, 27] и Скосырской [Цыбрий, Кияшко, 2011, с. 78, рис. 1]. Одна из фрагментированных антропоморфных стел Нальчикской гробницы отмечена этим же символом [Чеченов, 1973, с. 41, рис. 16, 6].

В Северном Причерноморье известно более 30 каменных ящиков-гробниц раннего бронзового века с разнообразными геометрическими рисунками, нанесёнными гравировкой и охрой. Наиболее оригинальными считаются композиции на стенах гробницы у Томарино (кург. 14, погр. 5). На внутренних поверхностях плит росписью охрой нанесены полосы и точки, линии, ромбические фигуры, сетки и «ёлочки» – «древо жизни» [Рассамакин, Евдокимов, 2010, с. 108, рис. 9; с. 118]. Плиты каменной гробницы у с. Старогорожено в Поингулье (кург. 1, погр. 1) отмечены символами «древа жизни» в виде выбитых канавок, затертых порошком охры [Шапошникова, Фоменко, Балушкин, 1977, с. 104, рис. 4].

Вертикальные элементы из «ёлочек» и зигзагов неоднократно прослеживались на поверхности фронтальных и боковых плит составных дольменов Западного Кавказа [Марковин, 1978, с. 32, рис. 9, 2, 3; с. 139, рис. 72, 4, 5]. Гравировкой выполнены различные элементы из ромбиков, сетки, крестов и полуovalов на плитах Нальчикской гробницы [Чеченов, 1973, с. 44, рис. 23]. Не менее сложные изображения зафиксированы на стенах двухкамерной гробницы новосвободненской группы – курган 28 могильника Клады [Резепкин, 1991, с. 189].

В зависимости от чёткости контуров и деталей композиционного окружения схематические изображения символов «древа жизни» получают различное толкование. В древних культурах Двуречья подобная символика олицетворяла основную идею плодородия и передавалась в различных образах растительности в горизонтальной плоскости [Комороцы, 1981, с. 49]. Известный схематизм изображения «древа жизни» вызван особенностями его восприятия участниками обрядовых церемоний. У древних народов культовые рисунки ценились не за красоту и художественное мастерство исполнения, а за свои магические свойства и внутреннее религиозное содержание. Смысловое значение магических изображений было доступно не всему коллективу, а лицам особого статуса, узкому кругу непосредственных участников обрядовых действий [Артёмова, 1984, с. 46].

В контексте раннекатакомбной погребальной обрядовой церемонии использование символов «древа жизни» на стенах катакомб должно было подчиняться главной идее непосредственного захоронения лиц высокого социального ранга. Мотивацией использования подобной символика могло быть культовое воплощение смысловых действий с последующим возрождением умершего [Кияшко, 1992, с. 45], поскольку в рамках погребальных ритуалов коллектив регулировал жизненный путь человека – санкционировал переход индивида из одного состояния в другое [Алексин, 2014, с. 11]. В этой связи обращает внимание крайняя ограниченность случаев фиксации символов «древа жизни» и растительных мотивов на стенках катакомбных конструкций погребений лиц с высо-

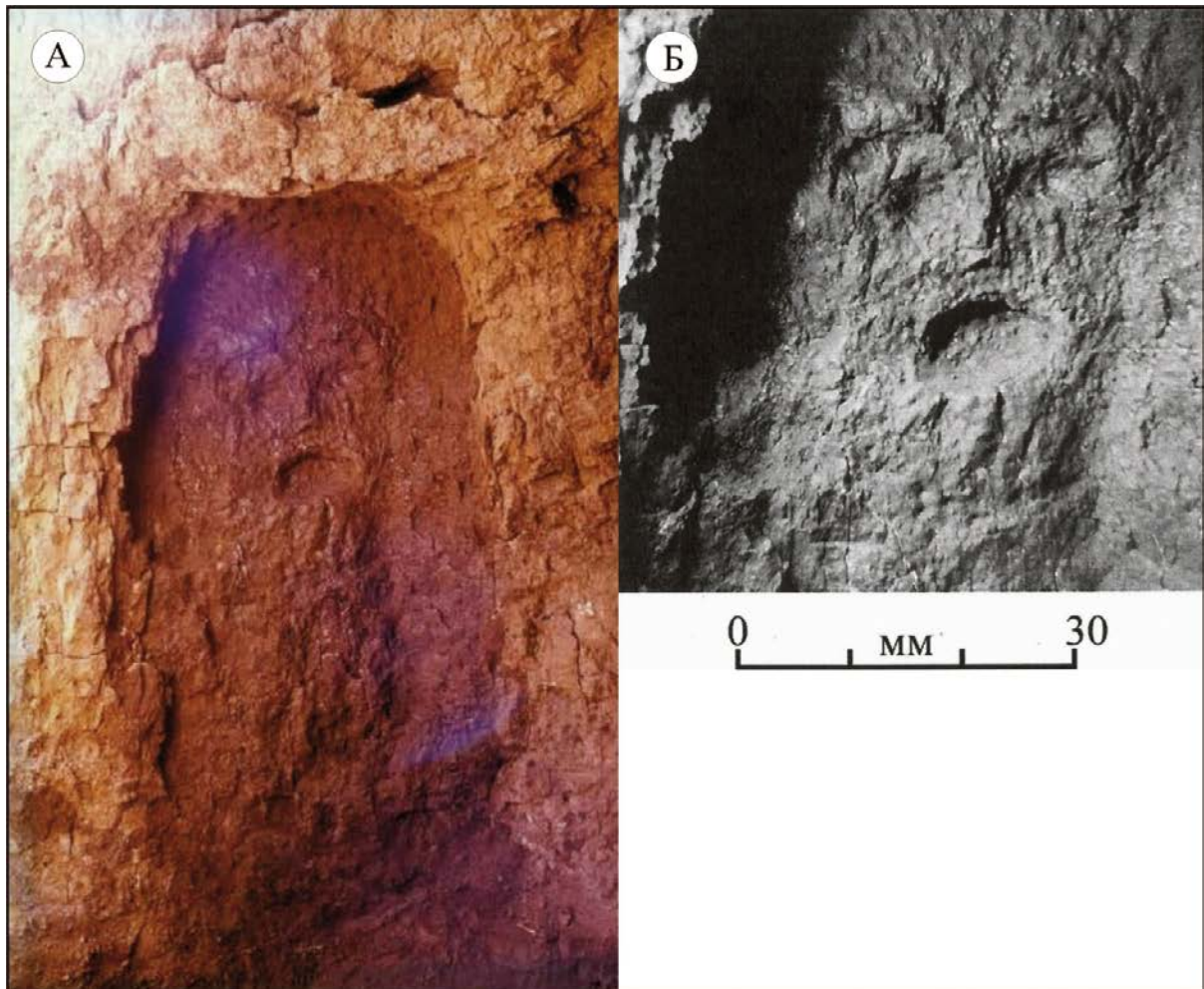
ким социальным статусом – крупные размеры катакомб и их значительные глубины, возведение собственной курганной насыпи. Выясняется, что только в процессе расширения общинных границ и колониционного освоения пространств руководители общин из числа лиц основателей новых селений могли обладать особым авторитетом, почтением и уважением, тогда как на этапе последующего мирного освоения уже закреплённых территорий их общий авторитет несколько сужался [Громыко, 1984, с. 76].

Вполне вероятно, что в процессе освоения новых доно-донецких пастбищ в раннекатакомбный период появляются захоронения доминирующих лиц из числа родо-племенной верхушки, особый социальный авторитет которых был дополнительно выражен нанесением на стенах катакомбных конструкций культовых символов плодородия и возрождения в виде врезных растительных мотивов и «древа жизни».

В 1981 г. Н.А. Николаева и В.А. Сафронов распространили информацию об открытии ими на стенах камеры ранней донецкой катакомбы близ Горского барельефов человеческих лиц [Николаева, Сафронов, 1981, с. 13-14]. Свои критические замечания и общую ситуацию с выявлением «горских личин» подробно изложил С.Н. Братченко [Братченко, 2001, с. 55, 67]. Этой теме посвящена и отдельная работа В.В. Отрощенко «По поводу забытой мистификации» [Отрощенко, 2011, с. 184-187]. В связи с тем, что научная общественность продолжает регулярно вводиться в заблуждение по поводу достоверности «уникального открытия изображений человекоподобных существ» в донецких катакомбах, а Д.А. Авдусин в учебном пособии для студентов чуть ли не поставил в заслугу «внимательность» раскопщиков «богини погребений» [Авдусин, 1980, с. 108], следует кратко остановиться на данном событии в истории археологии Донбасса.

Замечания сводятся к тому, что в 1975 г. В.А. Сафронов в качестве руководителя Горского отряда Северскодонецкой экспедиции ИА АН УССР вместе с Н.А. Николаевой раскопали в Среднем Подонцовье 20 курганов без всякой отчетной документации. Открытие «человеческих лиц» произошло на момент, когда в отсутствие археологов студенты-первокурсники Луганского пединститута через входное отверстие камеры самостоятельно производили выборку заполнения, изрытого норами байбаков и сусликов. Сотрудники Северскодонецкой экспедиции осмотрели «барельеф» и составили протокол осмотра, ставящий под глубокое сомнение достоверность археологического открытия (И.А. Писларий, С.Н. Братченко, Э.С. Шарифутдинова, А.М. Смирнов, В.Я. Зельдина-Стеганцева, О.Р. Дубовская).

Во-первых, «барельеф» выявлен не на стенках древней камеры, а на грунте её внутренней полости, образовавшейся после обрушение свода, на высоте 1,7 м от уровня дна в пределах вертикальной норы байбака (фото 46, 1 А). Высота сохранившихся стенок камеры со следами орудий труда землекопов составляла всего 0,3 м. Изображение «личины» представлено комкообразной структурой в слое рыхлой трещиноватой глины (фото 46, 1 Б) со следами современного ножа и марганцовых затёков, характерных для трещин непрочных осадочных пород.

1

2

Фото 46. 1 - так называемый «горский барельеф» (А - по Н.А. Николаевой, Б - по В.В.Отрощенко);
2 - фото поверхности Марса с изображением на каменной плите личины древнего божества.

Во-вторых, «барельеф» не является результатом древней деятельности человека, появился вследствие обвала свода погребальной камеры, нор землеройных животных, дополненных «зачисткой неопытной студентки-практикантки и фантазией исследователей, обусловленных очень низким уровнем методики раскопок и недостаточным опытом авторов» **[Братченко, 2001, с. 55]**.

В-третьих, опубликована выборочная информация о «горских барельефах» крайне низкого технического качества, чертежи являются лишь эскизами, часто без графических масштабов с путаницей в названиях, без подрисовочных пояснений.

Все критические замечания археологов-профессионалов Н.А. Николаевой элементарно игнорируются без выполнения обязательств по составлению и сдаче в научный архив отчёта по итогам раскопок 20 донецких курганов, содержащих около сотни древних захоронений. Автор «открытия» продолжает настаивать на уникальности «горского барельефа» и его «исключительной удачи для решения практики происхождения катакомб», сетует, что больше не приглашают для раскопок донецких могильников **[Николаева, 2009, с. 156]**. Её поддерживает археолог-медиевист К.И. Красильников, говоря о досадной невостребованности наукой открытия в катакомбе у Горского «источника искусства рубежа III - II тыс. до н.э.» **[Красильников, 2010, с. 25]**.

Отсутствие среди раннекатакомбных древностей любых соответствий «горского барельефа» Н.А. Николаева объясняет оригинальным образом – «несовершенством методики раскопок катакомб», вероятно, у практикующих археологов Северского Донца, Поднепровья, Нижнего Дона и Предкавказья **[Николаева, 2009, с. 156]**.

В ответ на публикации о сомнительном характере «горского барельефа» Н.А. Николаева в 2014 г. привела дополнительные свидетельства о достоверности «важного научного открытия». Высота свода камеры с «барельефами» уменьшилась с 1,7 м до 1,6 м, а высота её сохранившихся стенок со следами орудий землекопов возросла с 0,3 м до 0,4 м. Заполнение камеры стало состоять уже не из кусков рухнувшего свода, а из однородного чернозёма, а её свод до 1975 г. сохранялся в неизменном виде «и имел к моменту раскопок ту же высоту, что и при сооружении катакомбы». В качестве контраргумента на замечание С.Н. Братченко о среднестатистической высоте камер ранних донецких катакомб в пределах 1 м приведено голословное устное заявление К.И. Красильникова о его личном открытии камеры ранней катакомбы с высотой свода 1,7 м **[Николаева, Сафронов, 2014, с. 96-111]**. В то время как из задокументированных раскопок самого К.И. Красильникова известна всего лишь одна ранняя донецкая катакомба (Гончаровка, кург. 1, погр. 13) с разрушенным сводом камеры примерной высотой около 0,7-0,8 м **[Братченко, 2001, с. 138, рис. 65,1]**.

В условиях отсутствия научной документации В.А. Сафронова и Н.А. Николаевой о раскопанных ими в 1975 г. 20 донецких курганов дискуссия о «горских барельефах» лишена практического смысла. Как мы убеждаемся, рассуждения о подлинности горских «личин» вышли за пределы археологической науки, за рамки контекста

археологического источника, стали сферой домыслов, околонаучного мышления и ещё долго могут искусственно поддерживаться определенными лицами, тем более что регулярно расширяется почва для подобных измышлений – недавно выявлена каменная плита с личиной древнего божества, на которой не менее реалистично, чем на «горском барельефе», просматриваются очертания не только глаз, бровей и рта, но и лба, носа, усов и даже остроконечной бороды (фото 46, 2).

3.1.3. Закупорка погребальных камер

После размещения умерших в камерах катакомб, в соответствии с канонами предохранительной магии о недопущении возможности влияния мира мёртвых предков на мир живых соплеменников [Фещенко, 2014, с. 197], их входные отверстия надёжно закупоривались заслонами из каменных плит, плах и брёвен. С этой же целью применялись «пробки» из кусков дёрна – Новочеркасск, завод 17, кург. 1, погр. 1 [Братченко, 2001, с. 199] или плотно замешанной глины толщиной более 0,5 м [Вязьмитіна, Іллінська, Покровська, Тереножкін, Ковпаненко, 1960, с. 128-129]. На Нижнем Днестре отмечены случаи полной заделки мелкими камнями и толстым слоем зеленой глины всех щелей проемов камер ранних катакомб [Ребедаило, 1987, с. 77]. Вход в камеру ранней катакомбы у Болотное (кург. 14, погр. 28) в Северном Крыму был герметично замазан слоем глины [Корпусова, Ляшко, 1990, с. 166]. Нередко входные отверстия закрывались заслонами из земляных замесов с использованием циновок, прутьев, древесной коры и даже слоев камыша. На момент захоронения они являлись надежными «предохранителями», но после обвала сводов разрушались и часто вообще не фиксировались раскопщиками. Характер «непрочных материалов» заслонов таковым является только для современных исследователей [Фещенко, 2012, с. 34].

Немаловажно, что и входные проемы на фасадных плитах дольменов Западного Кавказа имели специальные пробки в виде каменных втулок с грибообразными наконечниками [Марковин, 1978, с. 128-129, рис. 66, 1-5]. Даже входные лазы Великентских катакомб-склепов после очередных подзахоронений тщательно перекрывались, а оставшиеся щели, по наблюдению Р.Г. Магомедова, заделывались окатанными глыбами, обломками песчаника и дополнительно замазывались глиной [Магомедов, 2000, с. 33-34, рис. 9, IV].

Основательную заделку трещин мегалитических гробниц ст. Новосвободной Т.Б. Попова объясняла ритуальными мифологическими воззрениями их создателей – души умерших не должны были выйти из погребального сооружения [Попова, 1963, с. 11]. С.Н. Кореневский считает, что древние строители каменных ящичных конструкций северокавказской культуры с ритуальными целями заделывали мелкими камешками и глиной все внутренние щели и пазы, стремясь создать закрытую конструкцию

внутреннего пространства, сверху дополненную тяжестью плотно лежащих плит навала камней [Корневский, 1990, с. 27].

В Донецко-Донском регионе не прослежено применение человеческих тел в качестве «материала» для перекрытия входных отверстий камер, о чем сообщает Е.Л. Фещенко [Фещенко, 2012, с. 34-38], но неоднократно встречались более поздние впускные разновременные захоронения, случайно оказавшиеся внутри входных шахт (например, коллективное позднекатакомбное захоронение 8 внутри шахты ранней катакомбы 9 кургана 1 у Шипиловки) (рис. 52; рис. 56, 1). Если длительное время свод не рушился, то вместе с грунтом тела умерших таких впускных погребений «проседали, затягивались» через проёмы внутрь полых камер.

На территории Привольнянской излучины доминировали многослойные заслоны устьев из каменных плит и их блокировка массивными завалами из крупных валунов и обломков (рис. 6, 1; 22,1; 29,1; 47; 57; фото 4; фото 7; фото 42). Вместе с камнями использованы брёвна и плахи. Имеющиеся щели в закупорках входных отверстий камер заделывались щебнем, мелкими плитками и уплотненной глиной. Отдельными большими плитами в виде горизонтальных заслонов сверху перекрывались углублённые лоткообразные спуски.

Весьма ярким специфическим элементом донецкой раннекатакомбной погребальной обрядности является практика преднамеренной забутовки входных шахт основных и впускных катакомб камнями или же плотно утрамбованным суглинком. Например, шахта основной катакомбы у ЛЖЗ (кург. 6, погр. 9) была забита суглинком и камнями песчаника, общий объём которых составил 6 куб. м. В кургане у Александровска на Лугани объём камней в забутовке шахты ранней катакомбы (кург. 8, погр. 2) равнялся 4 куб. м [Братченко, 2008, с. 182]. Камнями сланца и песчаника была заполнена шахта раннекатакомбного погребения 4 кургана 3 Краснозоринского могильника [Санжаров, Бритюк, 1996, с. 83]. Такое же каменное заполнение встречено в шахте раннекатакомбного погребения 4 кургана 4 у Голубовского [Самойленко, 1991, с. 141]. Факт забутовки полости входных шахт катакомбных конструкций А.Т. Синюком трактуется в качестве попытки максимальной изоляции умерших и стремления оградиться от акта возвращения их душ [Синюк, 1996, с. 293].

Горизонтальные каменные перекрытия лоткообразных спусков отчетливо фиксировались в шахтах ранних катакомб Краснозоринского могильника – кург. 4, погр. 2; кург. 6, погр. 6 [Санжаров, Бритюк, 1996, с. 95, рис. 21, 2, 4; с. 113, рис. 32]. Под ними удавалось проследить остатки циновок из камыша, ткань и древесный тлен. По своему назначению заслоны спусков сопоставимы с традициями перекрытий погребальных конструкций позднеямных захоронений [Братченко, 2001, с. 54].

Как считает А.Л. Нечитайло, традиция заваливать погребения булыжником и сооружать над ними наброски из камней восходит к глубокой древности и на Северном Кавказе известна еще с майкопской культуры [Нечитайло, 1978, с. 52]. В качестве особенностей майкопского погребального обряда Р.М. Мунчаев отмечает обычай

заваливать могилы камнями и сооружать над ними целые каменные курганы [Мунчаев, 1975, с. 314-315]. Именно для курганной традиции майкопско-новосвободненского населения характерна практика блокировки наружных стен и покровных массивных плит гробниц огромными завалами из камней [Попова, 1963, с. 12-13].

Среди груды камней, обеспечивающих блокировку плит перекрытия лоткообразного спуска и вертикального заграждения устья камеры, во входной шахте погребения у ЛИСПИ (кург. 1, погр. 5) обнаружены две миниатюрные антропоморфные стелы из ракушечника и песчаника (рис. 47; фото 35-38).

Верхние участки стел оформлены выразительным круговым желобком в виде выступающих голов и плечиков. На фронтальной части стелы из ракушечника канавками в древней технике плоского рельефа выделены сходящиеся руки и имеется круглая вмятина в центре груди, имитирующая дисковидный медальон, как на груди Лисичанского изваяния (рис. 19). Наличием этих изображений стела из ракушечника, по сути, является миниатюрным идолом. На тыльной – расположен вертикальный удлинённый треугольник вершиной вниз (рис. 48; фото 36). Подобные узкие треугольники, трактуемые в качестве изображений колчана [Братченко, 2004, с. 169], имеются на оборотных сторонах идолов из Кручи [Парусимов, 1997, с. 43, рис. 9, 1], Сватово и Верхоречья [Братченко, 1989, с. 73, рис. 3, 2, 5]. Остатки прямоугольного колчанного футляра с 13 кремневыми наконечниками стрел и их древками зафиксированы на Нижнем Дону в ранней основной катакомбе могильника Ериковский 1 (кург. 4, погр. 3). Его ширина составляет всего 6-7 см, т. е. колчаны в эпоху ранней бронзы были узкими и длинными [Ильюков, Яценко, 2013, с. 254, рис. 4, 16]. Передняя сторона стелы из песчаника уплощена, голова и плечики оформлены простой оббивкой (рис. 49, 1; фото 37; фото 38).

Понятие «каменная миниатюрная скульптура» впервые использовано Н.Д. Довженко для конкретизации особенностей изготовления небольших антропоморфных стел и их размещения в погребениях раннекатакомбного периода, возникших под значительным воздействием позднеямных культурных традиций, как результат аккультурации племён [Довженко, 1991, с. 127].

Антропоморфные стелы достаточно широко применялись в катакомбной погребальной обрядности. На востоке Северопричерноморского ареала стелы большей частью фиксируются в закладах устьев камер ранних катакомб. Типичные катакомбные антропоморфные изваяния этого региона представлены простыми прямоугольными плитами из песчаника, известняка или кварцита с преднамеренно выделенным выступом – головой, иногда – со следами красной охры. В Подонцовье они найдены в раннекатакомбных погребениях у Александровска (кург. 8, погр. 2; кург. 10, погр. 4) [Братченко, 2008, с. 198, рис. 66, 5; Післарій, 2008, с. 220, рис. 3, 2] и Новоникольского (кург. 1, погр. 6) [Братченко, Швецов, 1991, с. 174, рис. 8]. К этому же классу стел условно можно отнести каменное изваяние с нечетким выступом-головой из ранней катакомбы близ Жданова (Виноградники, кург. 1, погр. 8) [Кульбака, Качур, 1998, с. 15, рис. 6, v]. Не ме-

нее яркие образцы подобных стел из Астахово [Евдокимов, 1991, с. 189, рис. 2] и Ровенёк [Красильников, 2002, с. 95, рис. 5, 1], к сожалению, не атрибутированы и выявлены в разрушенных курганах.

Следует отметить находки антропоморфных стел в гробницах новосвободненской группы памятников Северного Кавказа, о которых речь шла выше [Чеченов, 1973, с. 41, рис. 16; 1980, с. 17, рис. 2].

Нередко в заслонах отверстий погребальных камер как ранних катакомб, так и развитого, и даже позднего периода, использовались плиты с примитивной подтёской граней, которые трудно назвать стелами, скорее – стелообразными плитами, камнями, поскольку их поверхность лишена следов тщательной обработки, а выступы имеют природное происхождение. Примером таких стелообразных плит могут служить камни из заслонов устьев камер катакомб развитого и позднего периодов из Пионерского (кург. 1, погр. 2; кург. 8, погр. 3; кург. 9, погр. 1) [Красильников, 2002, с. 90, рис. 2, 2; с. 92, рис. 3, 2; с. 93, рис. 4, 4]. Аналогичные стелообразные плиты использовались в перекрытиях могил и других регионов, например, в погребальных сооружениях раннего бронзового века Северного Кавказа [Чеченов, 1984, с. 211].

В интерпретации антропоморфных стел и стелообразных плит из катакомбных захоронений нам близка позиция Н.А. Рычкова в отношении того, что в отличие от изваяний-идолов, устанавливаемых в святилищах высокого ранга (родовых, племенных), простые стелы могли использоваться более мелкими общественными единицами (отдельными семьями) [Рычков, 1979, с. 19]. В момент совершения таинства погребального обряда внутри могил такие стелы выполняли функции оберегов, в русле охранительной магии предотвращали нежелательное возвращение душ умерших в мир живых людей, т. е. выполняли важные обрядовые роли, связанные с посмертной трансформацией душ, служили залогом нового возрождения [Кияшко, 1992, с. 45].

Перечисленные предполагаемые функциональные назначения простых антропоморфных стел и стелообразных камней в энеолитической, поздней и раннекатакомбной обрядности полностью соответствуют особенностям религиозных воззрений и ритуальным действиям в ранних ближневосточных цивилизациях, где наряду с почитанием изваяний центральных божеств, установленных в святилищах, в повседневной жизни населением широко использовались их разнообразные копии, порой примитивные и дешёвые, но освященные и являющиеся полноценным воплощением божественной сути. В качестве реальной связи с божеством они играли весомую роль в частном богослужении, включая погребальные церемонии [Оппенгейм, 1980, с. 185-187]. В этой связи находки многочисленных примитивных антропоморфных стел и стелообразных камней в энеолитических, поздней и катакомбных захоронениях Северного Причерноморья целесообразно рассматривать в качестве элементарных реплик идолам, установленных в родо-племенных святилищах. Предназначение этих каменных копий – конкретное участие воплощенных в них божеств в погребальных ритуалах местного населения.

В настоящее время есть основание полагать, что в Северном Причерноморье массовое распространение антропоморфных стел непосредственно связано с племенами ямной культуры **[Довженко, 1986, с. 35]**. Подтверждает эти выводы и пересмотр культурной атрибуции кеми-обинских древностей, отнесение их к ямной культуре предгорья Крыма, испытавшей на себе воздействие местных энеолитических традиций и культур Кавказа **[Тоцев, 2007, с. 89]**. Да и на Северный Кавказ культ антропоморфных стел распространился как под влиянием древневосточных цивилизаций, так и под воздействием ямной культуры причерноморских степей **[Чеченов, 1984, с. 252-253]**. Именно в связи с массовостью и разнообразием стел в захоронениях ямной культуры появилась возможность создания подробной классификационной системы, в которой доминируют статуарные памятники трёх групп: стелы (прямоугольные плиты со следами обработки без выступа-головы), антропоморфные стелы (обработанные плиты с выступом-головой) и идолы (антропоморфные стелы со сложными изображениями на поверхности). Примечательно, что большинство ямных стел имеет треугольные основания, удобные для вертикальной установки в грунт **[Довженко, 1986, с. 21-36]**.

Известная преемственность в материальной и духовной культурах, фиксируемая в позднеямных и раннекатакомбных комплексах, объясняет распространение каменных стел в катакомбной среде. Н.Д. Довженко сделано важное наблюдение о том, что подавляющее количество антропоморфных стел в катакомбных погребальных сооружениях происходит из регионов, где в предшествующий период имело место массовое применение скульптурных памятников в обрядах ямных племен **[Довженко, 1991, с. 123]**. Данное положение иллюстрирует ситуацию в степном междуречье Южного Буга и Днепра, хотя восточнее, в Днепровском левобережье и в Подонье, находки катакомбных изваяний не всегда совпадают с районами распространения ямных стел.

По основным морфологическим признакам, как доказывает Н.Д. Довженко, катакомбные и ямные изваяния почти тождественны. Незначительные вариации проявляются в том, что катакомбные стелы имеют несколько меньшие размеры, менее выраженную высоту уступов-голов и преимущественно прямоугольные или аморфные основания. В техническом плане они сделаны грубее, но все же в рамках ямных приёмов техники пикетажа. Чтобы каким-то образом разграничить почти однородные стелы, Н.Д. Довженко предложила в отношении катакомбных статуарных памятников употреблять термин «катакомбная пластика», отделяющий катакомбные стелы от «монументальной скульптуры энеолитического и позднеямного времени» **[Довженко, 1991, с. 124]**.

3.1.4. Погребальный обряд

Для размещения умерших в камерах выбиралась центральная площадь дна, но иногда погребенные укладывались под тыльной или боковыми сводчатыми стенами. Дно предварительно покрывалось слоем травы, войлоком или шкурами животных прямоугольной, овальной или округлой форм. Нередко использовалось многослойное и мягкое погребальное ложе из циновки и матрасов с наполнителем из сена, камыша или шерсти. На завершающей стадии тела накрывались покрывалами, саванами из ткани, кожи или плетеного камыша. Ткани изготавливались из шерстяных нитей, фрагменты которых часто находят на окисленных бронзовых изделиях, или из нитей растительного происхождения. Куски ткани из растительных волокон зафиксированы в сохранившейся камере ранней катакомбы у с. Болотное (кург. 14, погр. 28) в Северном Крыму [Корпусова, Ляшко, 1990, с. 170]. Они относятся к тканям перевитого типа и сделаны из стеблей ситника или болотницы. Для утка использованы листья ковыля, скрученные вручную во влажном состоянии. Полотнянное переплетение осуществлено в технике неткацкого текстиля. Отмечены случаи фиксации на дне камер ранних катакомб фрагментов ткани светло-лилового цвета [Вязьмітіна, Іллінська, Покровська, Тереножкін, Ковпаненко, 1960, с. 114].

Как саваны, так и «коврики» под умершими украшались росписями из охры, переходящими на дно камер в виде отпечатков [Санжаров, 1989, с. 97, 101, рис. 4, 2-3]. Прямоугольный «коврик» из темно-коричневого тлена размером 1,75x1,05 м под костяком в катакомбе у Шахтёрска (кург. 2, погр. 12) был полностью окантован полосами алой охры шириной 0,5 см в виде овалов, ромбиков, треугольников и прочих фигур [Санжаров, Литвиненко, Черных, Прынь, 2003, с. 137, рис. 10, 1, 3]. На частицах орнаментов из алой охры обычно сохраняется структура, указывающая на использование покрывал и саванов из ткани.

Во многих камерах под головами погребённых зафиксированы остатки подушек, в том числе с орнаментом [Братченко, 2001, с. 21]. Косвенным свидетельством использования подушек в раннекатакомбном погребальном обряде является частое смещение черепов умерших. Эти подушки могли быть больших размеров и иметь особую конструкцию [Шишлина, Пахомов, 2001, с. 116; Шишлина, 2007, с. 154]. Подушки, набитые травами, использовались в позднеямных захоронениях Подонья – могильник Песчаный, кург. 15, погр. 6 [Шишлина, 2014, с. 288].

Редкая деталь погребальной обрядности зафиксирована при исследовании погр. 2, кург. 2 у ЛЖЗ. В камере основной катакомбы умерший находился не непосредственно на дне, а на своеобразной «подушке» из очень мягкого однородного смешанного грунта (рис. 9, 1). Этим грунтом толщиной 0,25 м перекрыта вся площадь дна, а сверху уложен круглый «коврик» из темно-коричневого тлена диаметром 1,9-2 м и размещён погребённый. Под ним в рыхлом грунте, в результате его просадки и разложения тела, образовалось овальное углубление. Такая же деталь обрядности прослежена в позднеямном

захоронении Соколовского могильника (кург. 1, погр. 7) [Алёшина, Балонов, Крайсветный, Раев, 1985, с. 13, 48, табл. 7, 1]. Погребённый был уложен на земляную «подушку» толщиной 0,15-0,24 м, покрытую сверху слоем органического тлена белого цвета.

Случаи размещения умерших на земляных «подушках» отмечены в погребальной обрядности племен майкопско-новосвободненской общности. Так, в Большом Ипатовском кургане тела находились в сидячем положении на земляных «подушках» [Корневский, Калмыков, 2004, с. 104].

В раннекатакомбных захоронениях доминирует слабоскорченное размещение умерших на правом боку с разворотом на спину. Углы скорченности всегда тупые, в коленях – от острых до тупых. После разложения тканей корпус погребенного заваливался на спину. Правая рука вытянута вдоль туловища, левая слегка согнута в локтевом сгибе. При укладке умерших на правом боку их лица обращены в сторону входных отверстий камер. Неустойчивость элементов раннекатакомбного обряда погребения проявляется в применении вариаций укладки тел на дне камер. В захоронении у ЛЖЗ (кург. 3, погр. 5) погребенные размещены ногами к устью камеры (рис. 12, 1), а в катакомбе близ Новоникольского (кург. 1, погр. 6) – головой [Братченко, Швецов, 1991, с. 173, рис. 7]. Наблюдается и левобочная укладка тел – Александровский могильник, кург. 10, погр. 4 [Післарій, 2008, с. 220, рис. 3, 1], Новоникольское, кург. 1, погр. 6 [Братченко, Швецов, 1991, с. 173, рис. 7]. В Приазовье в ранних катакомбах встречено размещение умерших на правом боку, но спиной в сторону входных отверстий камер – Огородное, кург. 2, погр. 5 [Посредников, Зарайская, 1993, с. 129, рис. 24], Красногоровка I, кург. 2, погр. 2 [Парусимов, 2000, с. 34, рис. 20, 1], а также на левом боку спиной к выходу из камеры – Константиновка, кург. 1, погр. 3; кург. 2, погр. 5, 7; кург. 3, погр. 7, 12 [Болтрик, Левченко, Фиалко, 1991, с. 62, рис. 3, 2; с. 70, рис. 8, 2, 5; с. 78, рис. 12, 1,3].

При парном или коллективном нахождении погребённых в одной камере возможны варианты, т. е. не параллельное размещение скорченных тел в ряд, а разнонаправленное на различных боках – Новоникольское, кург. 1, погр. 6 [Братченко, 2001, с. 135, рис. 62, 1]; Краснозоринский могильник, кург. 6, погр. 6 [Санжаров, Бритюк, 1996, с. 112, рис. 31]. Если в последних случаях вариации укладки тел в совместных захоронениях можно объяснить различным этническим происхождением [Гей, 2003, с. 83], то во всех остальных одиночных и коллективных с отклонениями от преобладающей правобочной позиции лицом к устью камеры – проявлением начальной стадии выработки и утверждения общих канонов раннекатакомбной погребальной обрядности.

В плане интерпретации смыслового значения укладки погребённых в камерах спиной или ногами к выходу интересны наблюдения А.В. Кияшко о доминирующих направлениях к западу как у позднеямных племён, так и раннекатакомбных [Кияшко, 2002, с. 73]. При условии направленности ранних Т-видных катакомб по линии В-З, камеры всегда выводились к западу. В случаях укладки умерших на правом или левом боку спиной к выходу их лица были обращены также к западу. Если же тела находились

ногами к выходу, то головой они ориентировались снова же на запад. В катакомбе у Красной Зари (кург. 6, погр. 6) один из погребённых уложен головой к выходу, но лицом на запад [Санжаров, Бритюк, 1996, с. 112, рис. 31]. Катакомба из Новоникольского (кург. 1, погр. 6) имела камеру под восточной стенкой шахты и размещённые в ней умершие головой к устью одновременно были ориентированы на запад [Братченко, 2001, с. 135, рис. 62, 1].

В целом же ориентация тел зависела от места расположения погребения в курганном пространстве. В основных катакомбах, длинной осью ориентированных по линии В-З, и во впускных, произведённых в восточный сектор курганной насыпи, размещённые на правом боку погребенные головой ориентированы на юг или южный сектор, лицом же были обращены к выходу, т.е. на восток, как и тела в позднеямных захоронениях с позицией корпуса на спине, ориентированные головой на запад (с позицией скорченно на правом боку – лицом к югу).

По подсчётам С.Н. Братченко, большинство костяков в донецких ранних катакомбах принадлежало взрослым. Около четверти погребённых – дети. Преобладали одиночные захоронения взрослых. Около 16 % погребений парные, остальные – коллективные [Братченко, 2001, с. 22]. В парных погребениях умершие чаще всего размещены в ряд в одинаковых позах с одной и той же ориентацией. Среди 16 раннекатакомбных захоронений, исследованных Далевским университетом, наблюдается несколько другое соотношение. При общем преобладании захоронений взрослых (87,5 %), доля детских погребений составляет всего 12,5 %. Половина всех захоронений (50 %) – это одиночные взрослые. Парные и коллективные погребения взрослых достигают 37,5 %, но в них доминируют катакомбы с парным положением взрослых – 31,25 %.

Если суммировать общие данные по раннекатакомбным курганам Привольнянской излучины (16 погребений из раскопок Далевского университета и 13 из предшествующих исследований [Братченко, 2001, с. 11]), то захоронения взрослых составляют уже 93 %, а доля детских – всего 7 %. На одиночные погребения взрослых приходится 55 %, а на парные и коллективные – 38 %. Катакомбы с парным положением взрослых – 27,5 %. При большой детской смертности у древних скотоводов несколько удивляет незначительная доля детских раннекатакомбных захоронений – 7 %. Объяснение этого факта, надо полагать, заключено в «неполноценном» статусе лиц младшего и среднего детского возраста с точки зрения идеологических представлений бронзового века. На данную группу умерших стандартный погребальный обряд распространялся весьма в избирательном виде [Пиоро, 1999, с. 65]. Возрастной состав погребённых эпохи ранней бронзы свидетельствует о том, что большая часть умерших детей вообще не погребалась в курганах. Их могли хоронить в местах зимовок в грунтовых могилах или наземным способом. В курганах размещались лишь дети и подростки, умершие в период летних выпасов стад в непосредственной близости от родовых могильников [Шевченко, 1986, с. 140] или же из семей представителей родо-племенной знати [Синюк, 1996, с. 294].

От среднестатистической картины по раннекатакомбным погребениям Северского Донца рассматриваемый регион отличается более значительной долей парных и коллективных захоронений взрослых и редким присутствием детских могил.

В общих чертах укладка и позы погребённых в ранних донецких катакомбах совпадают с предшествующими позднеямными [Братченко, 2001, с. 52]. Такая же тенденция характерна для Северного Приазовья, свидетельствующая о культурной преемственности [Болтрик, Левченко, Фиалко, 1991, с. 83]. Устойчивость в отношении поз тел скорченно на боку с разворотом на спину демонстрируют и нижнедонские позднеямные и раннекатакомбные захоронения [Кияшко, 1999, с. 37-38]. В ранних катакомбах региона Нижнего Поднепровья не наблюдается определенной системности в размещении умерших. Здесь погребенные укладывались в различной степени скорченности, порой с пятками, поджатыми к тазу, на правом или левом боку, спиной к выходу из камеры, головой в сторону входного отверстия [Евдокимов, 1977, с. 18-19, рис. 9, 1; с. 26, рис. 14, 1; с. 41, рис. 22, 1; с. 49, рис. 26, 1; с. 50, рис. 27, 1; с. 54, рис. 29, 1].

Своеобразную особенность раннекатакомбного погребального обряда представляет традиция производить захоронения расчлененных останков тел. Если мягкие ткани полностью разложились, то погребались кости умершего на дне камер компактной массой в виде пакета. В случаях частичного разложения мягких тканей на дно камер укладывались отдельные части тела в порядке, имитирующим анатомический, и с соблюдением традиционной позы скорченного размещения. Такие укладки сопровождались явными ошибками со стороны соплеменников – длинные кости конечностей часто взаимозамещались [Братченко, 2001, с. 22].

Расчленённые захоронения выявлены у ЛЖЗ (кург. 6, погр. 4, 7) (рис. 20, 10; 21, 2), ЛИСПИ (кург. 1, погр. 5) (рис. 47) и Шипиловки (кург. 1, погр. 9) (рис. 57). Из предшествующих раскопок на территории Привольнянской излучины – у ЛНПЗ (кург. 2, погр. 1, 3) [Братченко, 2001, с. 117, рис. 43, 1; с. 118, рис. 44] и Приволья (кург. 7, погр. 6) [Братченко, 2001, с. 125, рис. 52, 2]. Расчленённые останки, уложенные в виде пакета, наблюдались в небольших катакомбах с малыми камерами (рис. 20, 10; 21, 2). Камера средних размеров из Краснозоринского могильника (кург. 2, погр. 6) содержала пакетированные кости шести человек (2 взрослых, 3 подростков и 1 ребёнка) [Санжаров, Бритюк, 1996, с. 75, рис. 10, 1].

В совместных захоронениях взрослых расчленённым останкам умерших придано анатомическое положение и традиционная правобочная укладка. Лишь в одной камере между двумя взрослыми кости ребенка размещены в виде пакета – Приволье, кург. 7, погр. 6 [Братченко, 2001, с. 125, рис. 52, 2]. Расчленённые части тел, выложенные с имитацией анатомического порядка, в совместных захоронениях взрослых могли находиться как под тыльной стенкой камеры (ЛИСПИ, кург. 1, погр. 5; Шипиловка, кург. 1, погр. 9), так и перед погребёнными у входа (ЛНПЗ, кург. 2, погр. 1).

Общая доля расчленённых захоронений среди раннекатакомбных погребений излучины весьма значительна – 24 %, т.е. почти четверть от общего количества.

Находясь в составе совместных погребений, расчленённые тела являются весомым аргументом одновременности смерти умерших [Братченко, 2001, с. 22], но не могут свидетельствовать о вторичном перезахоронении останков. Доказательства о предшествующем первичном захоронении расчленённых останков, т. е. более раннем характере их погребения, среди раннекатакомбных древностей отсутствуют. Поэтому использование для обозначения расчленённых захоронений термина «вторичное погребение» лишено смысла и является весьма условным [Мельник, 1991, с. 9-10].

Расчленённые тела с укладкой останков в виде пакетов или с имитацией их анатомического порядка характеризуют позднейшую и раннекатакомбную погребальную обрядность Северного Приазовья [Болтрик, Левченко, Фиалко, 1991, с. 70, рис. 8, 2; с. 78, рис. 12, 2; Санжаров, 2001, с. 23, 53]. Известны они в ранних катакомбах Нижнего Днепра [Евдокимов, 1977, с. 41, рис. 22, 1; с. 49, рис. 26, 1] и среди одновременных катакомбных образований Нижнего Дона, Калмыкии и Восточного Приазовья [Мельник, 1991, с. 21-44], древностей ингульской катакомбной [Небрат, 2013, с. 7-23] и культуры многоваликовой керамики (финальнокатакомбной) [Полидович, 1993, с. 46, рис. 17]. По подсчётам Р.А. Литвиненко, расчленённые захоронения в пакетах и с имитацией анатомического порядка тела составляют 1,5 % всех ранних многоваликовых (финальнокатакомбных) погребений [Литвиненко, 2006, с. 172].

Присутствие расчленённых захоронений в раннекатакомбной обрядности объясняется спецификой хозяйственной деятельности скотоводов, сезонным характером выпаса стад – умершие на зимних пастбищах оставались не погребёнными в холодный период и их тела только спустя какое-то время доставлялись на летние пастбища с их родовыми кладбищами [Мельник, 1991, с. 71]. Объяснять причину появления расчленённых захоронений возможной практикой осуществления погребений в курганах только два раза в год – в дни осеннего и весеннего равноденствия [Стеганцев, 2013, с. 28] весьма заманчиво, но лишь при условии обстоятельной аргументации.

Раннекатакомбные родовые могильники находились на летних пастбищах на водораздельных плато правого берега Северского Донца, а зимовки устраивались в низменной пойменной придонецкой левобережной зоне, лишенной условий для совершения курганных погребальных обрядов. Всем умершим взрослым членам рода или же племени, вне зависимости от сезона смерти или же общественного положения, раннекатакомбная погребальная традиция гарантировала индивидуально-коллективное место на родовом кладбище, хотя сам обряд регламентировался соответственно социальному рангу взрослого умершего [Синюк, 1996, с. 298]. Данное правило обусловлено устойчивой характеристикой ритуальной стороны погребального обряда эпохи первобытнообщинного строя – в условиях функционирования родовых могильников на каждого умершего полноправного члена коллектива, связанного общим родством, распространялся одобренный традицией содержательный порядок ритуальных действий в момент похорон, являющийся обязательным и постоянным

[Алексин, 1981, с. 19-20]. Наличие зимовок в левобережной пойме подтверждается находками на многослойных поселениях керамики позднеямно-раннекатакомбного облика: Черниково Озеро 1, Андреева Горка, Межручейное, Трёхизбенка 1-3, Сосновая Роща **[Санжаров, Бритюк, Котова, Черных, 2000, с. 97]**, Заозерное 1 **[Черних, Теліженко, 2011, с. 20, рис. 2, 9-11]**.

Сезонность производства погребений установлена на основе пыльцевого анализа для северокавказских и раннекатакомбных захоронений Северо-Западного Прикаспия **[Шишлина, 2007, с. 285-286]**. В курганах, приуроченных к припойменным участкам, погребения совершались только в период летних кочевок с поздней весны и лета. Круглогодичные захоронения маркировали лишь те территории и курганные могильники, которые начинали осваиваться переселенцами и эксплуатировались круглый год без разделения пастбищ на летние выпасы и места регулярных зимовок. Сезонный характер хозяйственной деятельности племён с делением пастбищ на летние и зимние **[Шишлина, 1997, с. 106-109; Шишлина, 2000, с. 57-58; Шишлина, Пахомов, 2001, с. 118-119]** полностью определяет особенности скотоводческого уклада и раннекатакомбного населения Северского Донца **[Санжаров, 2010, с. 361]**.

Новой деталью раннекатакомбной погребальной обрядности является фиксация на черепе костяка 1 из катакомбы у ЛИСПИ (кург. 1, погр. 5) глиняной моделировки лицевого покрова (рис. 50, 1; фото 34, 1-2). В парном захоронении костяк 1 представлял собой расчленённые останки взрослого человека, части тела которого были завернуты в древесную кору и размещены под задней стенкой камеры с имитацией правобочной скорченности (рис. 47; фото 33). Череп умершего утратил лицевую часть, а вся черепная коробка преднамеренно заполнена светлой глиняной массой с включением мелких частиц древесного угля. Этим же составом на месте лицевой части черепа имитированы глазницы, нос, губы и подбородок. Моделированная поверхность окрашена в темно-коричневый цвет с локальными пятнами красной охры. Вероятно, череп с моделированным лицом был завернут в кожу, от которой сохранился чёрный тлен.

Некоторые сопоставимые элементы погребального ритуала с использованием моделировок лица из глины наблюдаются в позднеямных захоронениях. В могильнике Кермен-Толга в Калмыкии (кург. 43, погр. 3) на хорошо сохранившемся черепе взрослого выявлена глиняная моделировка лица. Кости носовой полости отсутствовали. Слой глины нанесён после удаления мягких тканей – смоделированы нос, глазницы и губы с последующим заглаживанием поверхности и окраской в красный и розовый цвета **[Шишлина, 1989, с. 232-233]**. Отсутствие костей носовой полости указывает на повреждение лица умершего, что и вызвало необходимость его восстановления посредством глины.

В более позднее время глиняные моделировки лицевых покровов были распространены в среде ингульской катакомбной культуры, но с более сложными обрядовыми действиями. Первоначально головы умерших отделялись от тел, мягкие ткани удалялись. Черепа нередко трепанировались. Глиняным составом имитировались глаза, нос,

губы, а в слуховые и трепанационные отверстия вставлялись пробки из глины [Санжаров, 1986, с. 20-22; 1991, с. 107]. Несмотря на внешнюю схожесть обряда моделировок лицевых покровов, в позднеямное и раннекатакомбное время он имел существенное отличие – крайне редко использовался и лишь в тех случаях, когда лицо погребаемого было повреждено.

Моделировки лицевых покровов рассматривались Л.С. Клейном в качестве «повсеместного стремления придать покойнику вид неповреждённого» и отличают содержательную часть обрядовых действий, сопровождаемых похороны [Клейн, 1961, с. 107]. Смысловое значение глиняных моделировок лиц умерших И.Л. Алексеева видит в естественном стремлении закрепить на длительный срок облик конкретного обожествляемого предка [Алексеева, 1989, с. 4]. Такую позицию поддерживают В.В. Отрощенко и С.Ж. Пустовалов, связывая обычай моделировки лицевых покровов погребённых ингульской катакомбной культуры со стремлением сохранения индивидуальных черт лишь выдающихся людей, возможно, из-за страха перед ними [Отрощенко, Пустовалов, 1991, с. 77]. У многих древних народов именно голова человека считаласьместилищем души, священной частью тела и сосредоточением жизни [Санжаров, 1986, с. 20-22; Бурков, 2018, с. 7]. Несомненно, в основе любых обрядовых погребальных действий как с телом умершего, так и с его головой лежит развитый культ предков и вождей [Шишлина, 1989, с. 234; Отрощенко, Пустовалов, 1991, с. 76].

В раннекатакомбное время начинает формироваться традиция сопровождения умерших напутственной мясной пищей, ставшая широко распространённой на среднем и позднем этапах. В ранних донецких катакомбах встречаются отдельные кости крупного или мелкого рогатого скота. В погребении у ЛЖЗ (кург. 6, погр. 4) выявлены кости конечности овцы или козы. В катакомбе Краснозоринского могильника (кург. 3, погр. 4) находились кости конечностей и череп лошади [Санжаров, Бритюк, 1996, с. 83-90]. По подсчётам С.Н. Братченко, кости животных отмечены только в 6 % ранних катакомбных донецких погребений [Братченко, 2001, с. 22].

В двух катакомбах у ЛЖЗ (кург. 1, погр. 3 и кург. 2, погр. 1) обнаружены пластина и овальная лепешка из темно-коричневой смолы (рис. 63, 2, 4). Поверхность лепёшки украшена инкрустацией из мелких кремневых отщепов. Она была уложена сверху бронзового ножа и шила и из-за мягкой консистенции сохранила негатив лезвийной части ножа.

Антисептические свойства сосновой смолы были известны с глубокой древности и использовались для лечения слизистой рта, дёсен, остановки кровотечения и заживления ран как у людей, так и домашнего скота. Ввиду высокой аллергичности сосновой смолы в её состав включали различные добавки, меняя вязкость. Особо ценилась смесь смолы, эфирных масел и пчелиного клея – прополиса, применяемая для остановки крови, лечения язв и заболеваний кожи [Кароматов, 2014, с. 183-185]. Химический анализ образцов смолы из позднеэнеолитических погребений Херсонщины установил её

состав – смесь соков сосны и берёзы в пропорции 1:2, т.е., по факту, дёготь, полученный простым способом в процессе сухой дистилляции [Рассамакин, 2014, с. 71-72].

В раннекатакомбном донецком погребении близ пос. Тельмана (кург. 1, погр. 9) комочек смолы с отпечатком верёвочки находился у кисти правой руки умершего [Братченко, 2001, с. 87, рис. 13, 2; с. 88, рис. 14, 1]. По своему составу он сопоставим с прополисом [Выборный, 1990, с. 52-53]. В двух раннекатакомбных захоронениях близ Константиновки в Северном Приазовье (кург. 3, погр. 7 и 12) смола была вставлена в носовые отверстия умерших [Болтрик, Левченко, Фиалко, 1991, с. 77, 80]. В ранних катакомбах у Аккермени I (кург. 6, погр. 3; кург. 14, погр. 7; кург. 20, погр. 1) отдельные комочки и даже слои смолы с отпечатками волос зафиксированы на черепах умерших [Вязьмітіна, Іллінська, Покровська, Тереножкін, Ковпаненко, 1960, с. 52, 62, 127]. Л.С. Клейн, изучая черепа из Аккермени, обратил внимание на клеющие свойства смолы и предположил, что соплеменники умерших смолой прикрепляли к их черепам снятые врагами скальпы [Клейн, 1961, с. 106].

Смолы присутствовали и в позднеямном погребальном обряде. Их небольшие комочки найдены около детских черепов (один с отпечатками резцов) в позднеямных погребениях Октябрьского могильника (кург. 1, погр. 3; кург. 3, погр. 3) [Санжаров, Бровендер, Евлевский, 1992, с. 25; Санжаров, Подобед, 1992, с. 35]. Зафиксированы смолы в позднеямных захоронениях Днепровского левобережья. В двух погребениях (с. Вербки, кург. гр. 1, кург. 9, погр. 2; с. Новошандровка, кург. 3, погр. 2) тампонами из смолистого вещества были закрыты носовые грушевидные отверстия [Марина, 1998, с. 53-54]. У с. Виноградное в Северном Приазовье (кург. 24, погр. 18) в позднеямном захоронении в ротовой полости молодой женщины находилась пластина из смолы с отпечатками зубов, а лицо умершей обмазано слоем жидкой смолы, сохранившей рельеф носа, ноздри, переходы к переносице и верхней губе [Рассамакин, 2014, с. 67-68].

Порошок красной охры – наиболее частый элемент раннекатакомбного обряда погребения. Его локальные пятна фиксируются у головы, кистей рук, колен и стоп умерших. Окрашены и сами костяки. Яркой алой охрой, как уже отмечалось, наносились орнаментальные композиции и отдельные символы на подстилающие «коврики» и саваны. Перед коленами умершего на дне камеры катакомбы близ ЛЖЗ (кург. 2, погр. 2) порошком красной охры сформирован отпечаток левой стопы человека (рис. 9, 1). Аналогичное изображение левой стопы из охры прослежено в раннекатакомбном погребении у Северска (кург. 1, погр. 1) [Санжаров, 1983, с. 203, рис. 1; с. 204, рис. 3, 2]. Парные очертания стоп человека присутствуют на каменных идолах [Ричков, 1982, с. 64-70]. Как считают А.В. Цыбрий и В.Я. Кияшко, правая стопа человека в технике углублённого рельефа нанесена на тыльную часть идола из ст. Скосырской [Цыбрий, Кияшко, 2011, с. 79]. На дне камер разновременных погребений нередко изображения не только одной, но и двух пар стоп из порошка охры, символизирующие непосредственное присутствие божества и его охраняющих функций [Санжаров, 1989, с. 98, рис. 1, I, с. 104; Довженко, Солтыс, 1991, с. 125-126].

В отдельных захоронениях охра встречена в виде крупных сформированных комков с гранями от стачивания порошка плоским абразивом. В одной детской катакомбе комок охры имел вид гранёного шарика (Зимогорье, кург. 1, погр. 13) [Братченко, 2001, с. 112, рис. 38, 9]. Особо примечательны находки охры, слеплённые в виде дисков с плоскими основаниями для стачивания порошка и полусферическими выпуклыми поверхностями – так называемые «хлебцы». Их поверхность нередко декорирована рядами круглых пальцевых вдавлений (Красная Заря, кург. 6, погр. 6) [Санжаров, Бритюк, 1996, с. 116, рис. 34] или пальцевыми параллельными бороздками с ногтевой насечкой (Красная Заря, кург. 4, погр. 2) [Санжаров, Бритюк, 1996, с. 95, рис. 21, 3]. В погребении у Берёзово (кург. 1, погр. 1) поверхность дисковидного «хлебца» пышно украшена глубокими расходящимися бороздками и вдавлениями кончика пальца с ногтем (рис. 63, 1). Дисковидный «хлебец» из ЛИСПИ (кург. 1, погр. 5) грубо сформован и лишён характерной орнаментации (рис. 63, 3), как и подобное изделие с выпуклой поверхностью из раннекатакомбного захоронения на Нижнем Дону могильника Ериковский 1 (кург. 4, погр. 3) [Ильюков, Яценко, 2013, с. 254, рис. 4, 18]. «Хлебец» из поселка Тельмана (кург. 1, погр. 9) украшен глубокими рядами ногтевых насечек [Братченко, 2001, с. 87, рис. 13, 3].

Идентичные сформированные комки из охры с гранями для стачивания порошка, а также дисковидные «хлебцы» присутствуют и в позднеямных захоронениях [Марина, 1998, с. 53].

На дне входных шахт, каменных плитах забутовок, непосредственно в камерах фиксировались скопления древесных углей – следов ритуалов, связанных с культом огня. В катакомбах у ЛЖЗ концентрация древесных углей во входных шахтах наблюдалась как с правой стороны от входа в камеру (кург. 1, погр. 2) (рис. 4, 1), так и слева от устья (кург. 6, погр. 7) (рис. 21, 2). Крупное локальное скопление угольков отмечено на поверхности массивной плиты в центре входной шахты захоронения у Берёзово (кург. 1, погр. 1) (рис. 29, 1). На дне камер древесные угли без видимой концентрации покрывали отдельные участки. В камере погребения близ ЛЖЗ (кург. 2, погр. 2) древесными угольками усеян участок между умершим и тыльной стенкой (рис. 9, 1), а в камере основной катакомбы у Шипиловки (кург. 1, погр. 10) их концентрация отмечена вблизи места расположения расчленённого костяка 1 (рис. 57). В центральной части дна этой же камеры прослежено пятно обожженного грунта размером 0,2x0,3 м – след небольшого кострища. Подобные участки прокаленного грунта зафиксированы на уступах шахты, поверхности углублённого лоткообразного спуска и дна камеры в погр. 4 кург. 1 Соколовского могильника. В этом же могильнике установлен факт обожжения дна ямы позднеямного захоронения (кург. 5, погр. 7) [Алешина, Балонов, Крайсветный, Раев, 1985, с. 10-11, с. 67, табл. 26, 1]. При раскопках камер ранних катакомб Северного Приазовья в отдельных случаях исследователи отмечали следы настоящих кострищ диаметром 0,5 м в ногах погребенного [Вязьмітіна, Іллінська, Покровська, Тереножкін, Ковпаненко, 1960, с. 113].

Утверждение и расширение культа огня в погребальной раннекатакомбной традиции учредило практику помещения тлеющих древесных углей на дно камер внутри крупных обломков из стенок керамических горшков-жаровень, преимущественно справа или слева от входа. Они выявлены примерно в 11-12 % донецких ранних катакомбах **[Братченко, 2001, с. 22]**.

К окончанию раннекатакомбного времени появились и унифицированные культовые керамические емкости, пока еще очень редкие, в виде мисочек-чаш для содержания древесных углей, так называемые курильницы. Эти ритуальные чаши специально предназначались для заупокойных обрядов и их обломки чрезвычайно редки среди бытовой керамики на поселениях. В значительном количестве (около 40 фрагментов) обломки курильниц происходят только из раннебронзовых верхнего и среднего слоев Михайловского поселения на Нижнем Днепре, керамика которых сопоставима с позднеямной и раннекатакомбной. По сравнению с бытовой посудой михайловские ритуальные чаши более пышно украшены шнуровыми композициями, включая и внутреннюю поверхность, снабжены 3-4 сросшимися ножками и представляют наиболее древние образцы курильниц Северного Причерноморья **[Лагодовська, Шапошникова, Макаревич, 1962, с. 111-114, рис. 33, табл. XVIII]**.

Чаши-курильницы, содержащие тлеющий древесный уголь, помещались в погребальные камеры не для освещения, а для окуривания специальными благовониями, в состав которых, как установила Н.В. Панасюк по результатам споро-пыльцевых и фитолитных анализов, входили по отдельности и в сочетаниях полынь, розоцветные и маревые (дикая роза, шиповник, лебеда, марь, сведа и пр.) **[Панасюк, 2015, с. 18]**. Не исключено добавление в состав смеси для ритуального окуривания умерших и участников обрядовых церемонии растений, обладающих не только ароматическими, но и психотропными, галлюциногенными свойствами – цветки мака, конопля, мухомор. Например, кусочки смолистого вещества, часто встечаемые в позднеямных и раннекатакомбных захоронениях, по своему физико-химическому составу иногда идентичны опию-сырцу **[Выборный, 1990, с. 52]**.

Открытая мисочка с древесными угольками, орнаментированная по дну и стенкам оттисками «гусенички» в виде концентрических окружностей и треугольников вершиной вверх, со сквозным отверстием под бортиком встречена в ранней катакомбе на Нижнем Дону (группа Шахаевская 1, кург. 4, погр. 35) **[Федорова-Давыдова, Горбенко, 1974, с. 103, 135, табл. 21, 2]**. Постепенно в Северном Причерноморье, на Нижнем Дону и в Предкавказье у культовых мисочек, предназначенных для помещения в погребальные камеры тлеющего древесного угля, формируется свой стиль оформления – пышный шнуровой солярный орнамент на всей поверхности и выделенные круглые поддоны, порой с декором – Берданосовка, кург. 3, погр. 10 **[Беспалый, 2002, с. 176, рис. 11, 2, 19]** и Мухин 1, кург. 3, погр. 3 **[Власкин, 2002, с. 201, рис. 5, 4]**. Подобная мисочка-курильница на выраженном круглом поддоне с всеводручкой и шнуровой

вым декором из концентрических окружностей найдена в погребальной яме кургана у г. Ракитная (кург.2, погр. 11) в Центральном Предкавказье [Корневский, 1990, с. 160, рис. 41, 1]. На Северском Донце в бассейне Лугани (Ворошиловград, сельхозинститут, кург. 4, погр. 5) такая же ритуальная мисочка-курильница, но без декора, на поддоне в виде четырех разделенных ножек, наподобие находкам из Михайловского поселения, обнаружена в прямоугольной камере детского раннекатакомбного захоронения с забутованной камнем шахтой [Николаева, Сафронов, 1981, с. 6, 18, рис. 4, 4].

Перед закрытием входных отверстий ранних катакомб участниками ритуальных процессов для освещения пространства подземных камер могли использоваться зажженные факелы, оставляемые внутри вместе с погребенными. Такой факел в виде обугленной головешки выявлен на поверхности каменной вымостки при входе в камеру катакомбы у Шипиловки (кург. 1, погр. 10) (рис. 57; фото 44). В погребении 5 кургана 1 Соколовского могильника обугленные жерди были размещены на особых возвышенностях из мягкого грунта на дне камеры за головой умершего и в ногах под боковой стенкой [Алешина, Балонов, Крайсветный, Раев, 1985, с. 12]. По всей видимости, зажженные факелы укладывались на специальные вымостки внутри камер катакомб с целью обезопасить от огня их содержимое. В некоторых катакомбных захоронениях отмечены случаи помещения внутрь погребальных камер факелов, но с игнорированием условий безопасности, что нередко приводило к возгоранию внутреннего убранства и даже частичному обугливанию тел умерших [Чекменев, 1996, с. 19].

3.1.5. Керамические сосуды

Находки посуды в раннекатакомбных донецких захоронениях представляют нечастое явление. Из 16 погребений, исследованных Далевским университетом на территории Привольнянской излучины, керамика выявлена всего в двух случаях. Один сосуд относится к округлодонному типу со слабо выраженными плечиками и коротким отогнутым венчиком. Плечики украшены круговыми поясками из вдавлений верёвочки и оттисков ногтя. Зигзаг из трёхрядных полос «отступающей лопаточки» нанесён на боковинах (ЛЖЗ, кург. 1, погр. 2) (рис. 4, 2; фото 3). Этому типу принадлежит и второй сосуд со слабо профилированными плечиками и коротким отогнутым венчиком (ЛИСПИ, кург. 1, погр. 3) (рис. 46, 1). На его боковинах размещено многорядье из круговых вдавлений верёвочки. Оба экземпляра происходят из камер с костяками ребёнка и подростка.

В 1973 г. в раннекатакомбном коллективном захоронении у ЛНПЗ (кург. 2, погр. 1) найден бесшейный сосуд со стянутым внутрь венчиком и слегка уплощённым округлым днищем [Братченко, 2001, с. 117, рис. 43, 7]. Его верхний край украшен зонами из коротких косых вдавлений верёвочки, ниже которых размещено многорядье верёвочных

оттисков. По форме и стилю орнаментации он близок экземпляру из Северска (кург. 1, погр. 1) [Санжаров, 1983, с. 205, рис. 4, 6].

Рассмотренные сосуды находят соответствия как в группе короткошейной округлодонной керамики, так и бесшейных форм Северо-Восточного Приазовья [Санжаров, 2001, с. 55-57]. В процентном соотношении они составляют треть всей раннекатакомбной донецкой керамики. Из 30 раннекатакомбных сосудов Подонцовья к округлодонным короткошейным формам отнесено 5, а к бесшейным – 6 экземпляров [Братченко, 2001, с. 23-24]. Почти все они наследуют позднеямные керамические традиции, отличаясь большей степенью орнаментированности.

Часть раннекатакомбных сосудов Подонцовья с прямыми и короткими шейками, опуклыми боками и тесемчатым декором иллюстрирует элементы классической донецкой катакомбной культуры (Зимогорье, кург. 1, погр. 7; Гончаровка, кург.1, погр. 13; Николаевка 1, кург. 2, погр. 19; Александровск, кург. 6, погр. 3; Невское, кург. 5, погр.4). С.Н. Братченко отмечает, что посуда с короткими и высокими шейками с опуклыми боковинами, орнаментированная шнуровыми и тесемчатыми концентрическими окружностями, фестонами, спиралями и дугами, на Северском Донце появляется еще в раннекатакомбное время, но становится наиболее характерной на среднем, классическом периоде. Ее появление исследователь объясняет трансформацией местной позднеямной керамической традиции под влиянием южнокавказских технологий (появление лощеных сосудов, амфор с особым составом керамической массы) [Братченко, 1998, с. 9-12].

Достаточно редкие находки керамических сосудов в ранних катакомбах Подонцовья дают лишь фрагментарное представление о раннекатакомбном составе посуды Донецко-Донского региона. Оно становится более полновесным с привлечением выразительных разновидностей из Нижнего Подонья [Братченко, 2001, с. 148-157, рис. 75-84]. Здесь присутствуют округлодонные и плоскодонные формы, сосуды с короткой шейкой, с отогнутыми венчиками и со стянутым внутрь краем, орнаментированные поясками и отдельными зонами из оттисков верёвочки, тесьмы, гусеничного и зубчатого штампов, вдавлений «гусенички» и «отступающей лопаточки», выдавленных изнутри «жемчужин» и ногтевых наколов. Аналогии этой общей раннекатакомбной коллекции содержатся среди керамики как местного позднеямного облика, так и Северо-Западного Предкавказья.

Примечательно, что отдельный тип раннекатакомбной керамики Северского Донца и Нижнего Дона – приземистые сосуды на плоском или слегка уплощенном дне с короткой шейкой, слабовыраженными боковинами и уступчиком на низких покатых плечках, декорированные не шнуром, а оттисками гребенчатого штампа в «елочку» и чередующимися зонами в стиле «отступающей лопаточки» (Луганск, Каменный Брод; Красная Заря, кург. 2, погр. 9; Хапры, кург. 3, погр. 3; Центральный VI, кург. 11, погр. 9; Ростов-на-Дону, Западный, кург. 6, погр. 6; Верхнеяблочный, кург. 1, погр. 9) [Братченко, 2001, с. 142, рис. 69, 4, 11; с. 148, рис. 75, 14; с. 151, рис. 78, 8; с. 156,

рис. 83, 9; с. 157, рис. 83, 3], – по форме почти идентичен бронзовой посуде из новосвободненского погребения могильника Клады в Прикубанье (кург. 31, погр. 5) **[Резепкин, 199, с. 182, рис. 9, 3, 5].**

По выводам С.Н. Братченко, широкое разнообразие раннекатакомбного керамического комплекса Нижнего Подонья и Кубанского Надазовья объясняется результатами миграции в регион населения с Южного, Северного Кавказа и Центрального Предкавказья **[Братченко, 1998, с. 9-12].**

Фрагменты сопоставимых сосудов выявлены на многослойных пойменных поселениях левого берега Северского Донца – Черниково Озеро 1, Андреева Горка, Межручейное, Сосновая Роща и Трёхизбенка 1-3 **[Санжаров, Бритюк, Котова, Черных, 2000, с. 97].** В представительном виде эти образцы присутствуют на поселениях Трёхизбенка 1-3 **[Бритюк, 1999, с. 53, рис. 3, 6; с. 54, рис. 1-3; с. 57, рис. 7, 1-4, 6-11; с. 58, рис. 8, 1-17],** Заозерное 1 **[Черних, Теліженко, 2011, с. 20, рис. 2, 9-11]** и Круглое **[Черных, 2003, с. 107, рис. 7, 4-8].**

Формам и орнаментам раннекатакомбной посуде из погребений Нижнего Дона и Подонцовья соответствуют фрагменты сосудов из второго слоя поселения Ливенцовка I, размещенного на первой надпойменной террасе правого берега Дона **[Братченко, 1969, с. 215, рис. 4].**

С учетом некоторых поздних особенностей части керамической коллекции весь раннекатакомбный период Северского Донца может быть разделен на два этапа – ранний и поздний, что соответствует предложению А.М. Смирнова о выделении в составе ранних донецких катакомб ранней и поздней групп **[Смирнов, 1981, с. 36].**

3.1.6. Металлические изделия

Бронзовые ножи и шилья являются наиболее распространенной категорией раннекатакомбного погребального инвентаря и преимущественно встречены в комплексах с другими изделиями в захоронениях взрослых лиц. Их находки суммарно маркируют количество раннекатакомбных погребений взрослых с инвентарем – в пределах 27 % **[Братченко, 2001, с. 22].** Эти данные в общих чертах сопоставимы с долей захоронений взрослых лиц с инвентарем в древних обществах на ранних стадиях развития экономики производящего типа – около 22 % **[Алекшин, 1986, с. 47]** и даже несколько превышают средние показатели, что свидетельствует об изначально высоких темпах общественно-экономического развития катакомбного населения в благоприятных для скотоводческой деятельности природных условиях бассейна Северского Донца.

Ножи. В шести катакомбах Привольнянской излучины выявлено 7 бронзовых ножей. Основное место их расположения на дне камер – перед умершим, у кисти правой руки, у колен и за изголовьем. Некоторые были помещены в деревянные футляры.

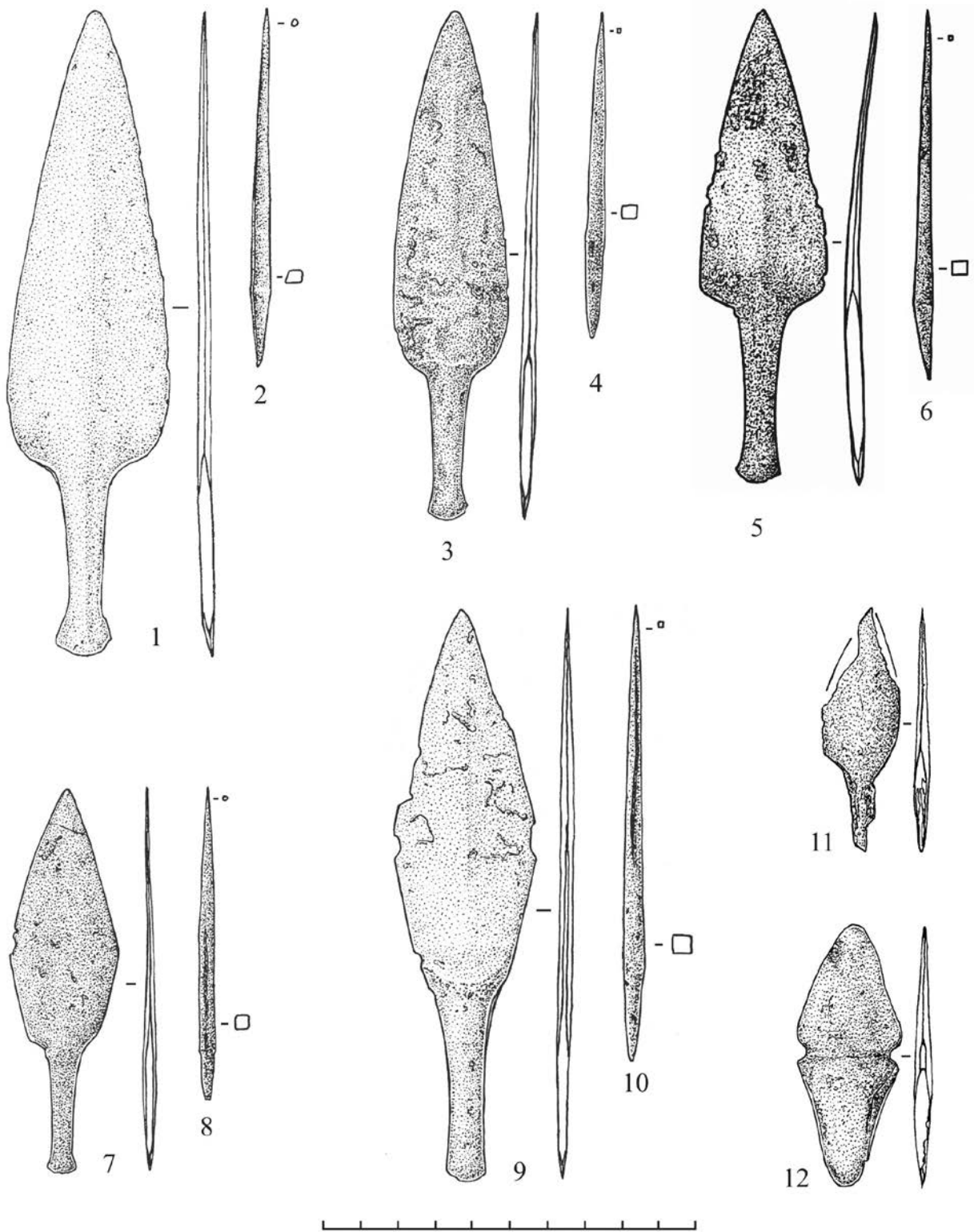

Рис.60. Бронзовые ножи и шилья: 1,2 - Лисичанск, ЛЖЗ, кург. 1, погр. 4; 3,4 - Лисичанск, ЛЖЗ, кург. 2, погр. 2; 5,6 - Лисичанск, Берёзово, кург. 1, погр. 1; 7,8 - Лисичанск, ЛЖЗ, кург. 2, погр. 1; 9,10 - Лисичанск, ЛЖЗ, кург. 1, погр. 3; 11,12 - Лисичанск, ЛИСПИ, кург. 1, погр. 5

На отдельных экземплярах сохранились короткие деревянные рукояти **[Братченко, 2001, с. 81, рис. 7, 2; с. 117, рис. 43, 5]**, охватывающие боковые плечики лезвий. Но в большинстве случаев на черешках ножей фиксируются остатки рукоятей в виде многократной намотки кожаных ремешков, закрывающих основания лезвий, включая и их плечики. Такие кожаные держки на бронзовых ножах отмечены в двух катакомбах у ЛЖЗ (кург. 1, погр. 4 и кург. 2, погр. 2) и в раннекатакомбном погребении близ Голубовского (кург. 4, погр. 4) **[Самойленко, 1991, с. 142, 149, рис. 6, 3]**. Применение кожаных ремней для оформления рукоятей было зафиксировано на ножах из Ковалёвки (кург. 3, погр. 2) **[Братченко, 1976, с. 50, рис. 24, 8]** и Преображенного (кург. 1, погр. 6) **[Красильников, Тельнова, 1993, с. 102, 106, рис. 9, 6]**. Кожаные ремешки шириной 0,8-0,9 см хорошо сохранились в виде намотки в несколько слоев на черешке и плечиках листовидного ножа из донецкой катакомбы могильника Салок-1 (раскопки 2004 г., погр. 32) на Дону под Семикаракорском **[Алейников, 2008, с. 33, 84, рис. 16. 2]**.

Ножи из ранних катакомб Привольнянской излучины относятся к группе черешковых и различаются формами лезвий, что позволяет разграничить их на два основных типа. Изделия первого типа выделяются удлинёнными треугольными лезвиями (рис. 60, 1, 3, 5), второго – клинком трапецевидной формы (рис. 60, 7, 9). Лезвия двух экземпляров сильно сработаны и не являются диагностичными (рис. 60, 11, 12). Оба типа отличаются расковкой окончаний черешков и наличием вдоль лезвия грани или ребра жёсткости, образованных в результате расковки лезвийных частей.

Ножи первого типа имеют выраженные и слегка скруглённые плечики. Максимальная ширина клинка соответствует ширине лезвия у его основания. Края лезвийной части заточены и плавно сужаются к острию. Первичную, не изменённую расковкой форму лезвия, хорошо сохранили два ножа (рис. 60, 1, 3). Вследствие сработанности клинков, как отмечает С.Н. Братченко, возникают вариации форм лезвийных частей и упоров плечиков, а также общих пропорций изделий данного типа **[Братченко, 2001, с. 24]**. В классификации бронзовых ножей Северного Причерноморья С.Н. Кореневского формы клинков с треугольным лезвием и максимальной шириной у основания включены как в 3, так и 4 группу, известных из позднеямных, катакомбных и северокавказских погребений **[Кореневский, 1978, с. 40-44]**. Отдельные экземпляры с узким лезвием, относящиеся к 4 группе, имеют соответствия в майкопских и новосвободненских памятниках **[Кореневский, 1978, с. 43]**. Ножи с удлинёнными треугольными лезвиями стали основой для появления клинков первого привольнянского типа с более скруглёнными плечиками.

Форму первого типа А.М. Смирнов считает наиболее устойчивой среди бронзовых клинков из «преддонецких катакомб» **[Смирнов, 1996, с. 12, 138, рис. 6]**. Л.А. Черных листовидные ножи с чётко выделенным переходом от черешка к клинку с максимальной шириной лезвия у основания включает в III тип своей классификации, проявляющий варианты в зависимости от степени пологости плечиков **[Черных, 2011, с. 31-43]**. В отношении ножей из Привольнянской излучины (рис. 60, 1, 3, 5) Л.А. Черных видит их

полное соответствие клинкам из позднеямных захоронений, за исключением одной детали – выраженной расковки окончаний черешков [Черных, 2011, с. 32]. В целом раннекатакомбные бронзовые ножи III типа в классификации Л.А. Черных соответствуют IV типу позднеямных изделий и отличаются лишь наличием граней вдоль лезвий и расковкой окончаний черешков [Черных, 2009, с. 55].

Подтип ножей первого типа из раннекатакомбных донецких погребений, или даже отдельный тип, могут представлять изделия с удлинённым треугольным клинком, имеющие резкий уступчатый переход от черешка к ровным плечикам (рис. 60, 5). Такой нож, но без расковки окончания черешка, встречен в основном раннекатакомбном захоронении на Нижнем Дону в могильнике Ериковский 1 (кург. 4, погр. 3) [Илюков, Яценко, 2013, с. 254, рис. 4, 17]. Подобные формы А.В. Кияшко выделил во второй тип бронзовых ножей собственной классификации [Кияшко, 2002, с. 22]. В составе металла донецких экземпляров данной формы выявлено шлаковое включение штейна, что может свидетельствовать об их местном производстве [Гак, 2000, с. 78].

Особенностью бронзовых ножей второго типа (рис. 60, 7, 9) является ровное расширение лезвия от плечиков до максимальной ширины в центральной части клинка и резкое последующее сужение к треугольному окончанию. Изделия данной формы выделяются ромбическим клинком и получили меньшее распространение, чем орудия первого типа [Братченко, 2001, с. 25]. Прототипом ножей с трапециевидным лезвием является форма клинков с листовидным лезвием, максимальная ширина которых приходится на их середину. Они происходят из ранних катакомб у Северска (кург. 1, погр. 1) [Санжаров, 1983, с. 205, рис. 44], Желобка (кург. 3, погр. 9) [Братченко, 2001, с. 144, рис. 71, 13-14] и Красной Зари (кург. 6, погр. 6) [Санжаров, Бритюк, 1996, с. 115, рис. 33, 2]. Эти ножи проявляют заметное отличие от остальных в плавном скругленном расширении клинка от его основания к середине и таком же плавном сужении к острию. Данная особенность характеризует специфику изделий листовидной или же овально-удлинённой формы [Смирнов, 1996, с. 12].

Ровное расширение к середине демонстрирует нож из Александровска (кург. 9, погр. 25) [Братченко, 2001, с. 145, рис. 72, 9], что придаёт его лезвию подромбическую форму. Важно, что рабочим является только треугольное окончание клинка, т.к. края нижней части лезвия, как и на экземпляре из ЛЖЗ (кург. 1, погр. 3) (рис. 60, 9), не заточены, тупые. В массовом виде эту деталь репрезентируют уже ножи развитого этапа донецкой катакомбной культуры [Братченко, 2001, с. 24]. Нож из Александровска (кург. 9, погр. 25) отнесён А.В. Кияшко к изделиям с колющим клинком, с клиновидно сходящимся к острию лезвием, более характерным не для раннекатакомбного, а раннего успенского этапа металлургии эпохи средней бронзы, т.е. для развитой донецкой катакомбной культуры [Кияшко, 2002, с. 25].

В классификации катакомбных ножей Л.А. Черных орудия с трапециевидным лезвием входят в VIII тип с отдельными разновидностями в зависимости от характера заточки.

Экземпляр из ЛЖЗ (кург. 2, погр. 1) (рис. 60, 7) с заточкой лезвия по всему периметру включён в разновидность А, а нож из ЛЖЗ (кург. 1, погр. 3) с заточкой только треугольного острия – к разновидности Б [Черных, 2011, с. 51].

Ножи первого типа с удлинённым треугольным клинком в могильнике у ЛЖЗ выявлены лишь в основных катакомбах, а клинки второго типа с трапециевидным лезвием – во впускных. Хронологический разрыв основных и впускных погребений в рамках раннекатакомбного периода был минимальным. С учётом замечания С.Н. Братченко об изменениях в формах и пропорциях листовидных клинков в связи с характером их сработанности, т. е. использования [Братченко, 2001, с. 24], можно предположить, что появление трапециевидных лезвий с заточкой исключительно треугольного острия вызвано практическим использованием только данной части окончания ножей с удлинёнными треугольными или листовидными лезвиями для разделки туш и снятия шкур животных. Основную рабочую операцию у разделочных ножей выполняло не всё лезвие, а его остриё. В дальнейшем эта разделочная функция обусловила технологию расковки и заточки лишь окончаний клинков, в результате чего они и приобрели трапециевидную форму.

По наблюдениям П.М. Кожина, важен характерный тупой угол у острия подобных ножей. При очень небольшом наклоне рукояти в сторону работника лезвие всей своей короткой поверхностью соприкасается с материалом и даже лёгким нажимом обеспечивает глубокий и равномерный разрез. Данный инструмент являлся одним из важнейших бытовых орудий скотовода-кочевника, будучи универсально пригодным для резки, обрезки кожи и шкур животных, любых волокнистых материалов [Кожин, 1997, с. 52]. В раннекатакомбный период бронзовые ножи постепенно теряли функции режущих орудий и модифицировались в разделочные, проявившие разнообразие позднекатакомбных клинков пиковидных и пламевидных форм [Братченко, 1976, с. 143].

В катакомбном погребении у ЛИСПИ (кург. 1, погр. 5) встречено два небольших сильно сработанных ножа. Клинок одного из них фрагментирован, черешок прямой и короткий (рис. 60, 11). Форма второго близка к ромбической – треугольное заточенное лезвие короткое, на плечиках – боковые выемки, черешок треугольный (рис. 60, 12; фото 40). Несмотря на крайнюю степень износа лезвия второго ножа, его треугольный черешок без расковки окончания сохранил первичную форму и находился внутри деревянной рукояти.

Медные и бронзовые ножи с треугольными широкими черешками иллюстрируют известный архаизм, свойственный древнейшему типу металлических клинков, представленным экземпляром из Луговского поселения, сопоставимым с некоторыми орудиями из Майкопского кургана [Мунчаев, 1961, с. 68-69, рис. 17]. Такие клинки с нечётко выделенными треугольными черешками В.И. Марковиным включены в первый тип ножей северокавказской культуры, близких майкопским формам [Марковин, 1960, с. 92]. На Северном Кавказе они происходят из ранних северокавказских комплексов, характеризующих «переходной этап от майкопской культуры к северокавказской»,

у с. Соломенка под Нальчиком и в Прикубанье у х. Кру [Марковин, 1960, с. 33, рис. 4, 4; с. 41, рис. 11, 9]. Ножи с широкими треугольными черешками включены в типологию клинков майкопской культуры [Трифонов, 1991, с. 105, рис. 6, 19, 20; с. 107]. Редкий экземпляр удлинённой формы с массивным треугольным черешком встречен в Северном Приазовье в позднеямном погребении у с. Широкая Балка (кург. 4, погр. 2) [Николова, Черных, Евдокимов, 2013, с. 130, рис. 25, 6; с. 146]. Несмотря на то, что ножи удлинённой треугольной формы с широкими треугольными черешками характерны для эпохи ранней бронзы, их разновидности бытуют длительное время [Марковин, 1960, с. 92]. Так, треугольная форма черешка стала составлять специфику клинков доно-волжской абашевской культуры – так называемые ножи с «приострэнной пяткой черешка» [Пряхин, 1977, с. 109]. Наглядным примером данной особенности является экземпляр из Кондрашкинского кургана [Пряхин, Беседин, Левых, Матвеев, 1989, с. 16, рис. 4, 3].

В качестве отдельных параллелей клинкам с невыделенным переходом от лезвий к широким черешкам можно привести изделие из ямного погребения у Чкаловки (кург. 5, погр. 1) [Черных, 2009, с. 67-68, рис. 11, 15], нож из раннекатакомбного погребения у с. Федосеевка II на реке Миус (кург. 7, погр. 9) с треугольным широким лезвием и черешком клиновидной формы с «закругленным концом» [Потапов, 2005, с. 94, 107, рис. 12, 2] и нож с «нетипично широким черенком» из ранней катакомбы могильника Весёлый III (кург. 7, погр. 10) [Кияшко, 2001, с. 99, 106, рис. 5, 4]. Подобие подтреугольной формы основания ножей проявляется на фрагментированных клинках, утративших первоначальный вид. Например, форма ножа из Фрунзе (кург. 3, погр. Б) [Братченко, 2001, с. 97, рис. 23, 5-7; с. 145, рис. 72, 10] явно вторична из-за повреждений изделия.

Боковые симметрические выемки на плечиках второго ножа из ЛИСПИ (рис. 60, 12) имеют прямые соответствия на плечиках и лезвиях клинков эпохи средней бронзы. Аналогичные выемки на лезвиях придавали ножам дополнительную рабочую функцию и служили в качестве скобеля для обработки длинных и узких предметов, например, для доводки узких стержней или поверхности древков стрел [Санжаров, 2010, с. 294]. Экземпляр с одной боковой выемкой на плечиках хранится в Беловодском музее [Супрун, 1999, с. 77, рис. 1, 5]. Такая же выемка размещена на нижней части треугольной расковки лезвия ножа из погребения донецкой катакомбной культуры близ Николаевки (кург. 2, погр. 2) [Санжаров, 1988, с. 145]. Бронзовый нож с катакомбно-абашевским синкретизмом формы и боковой выемкой на плечиках найден на поселении Черниково Озеро 1 на Северском Донце [Санжаров, 2010, с. 297, рис. 202, 1].

Шилья. В пяти ранних катакомбах Привольнянской излучины в паре с бронзовыми ножами встречены четырёхгранные стержневидные шилья. Их рабочие части удлинены и заострены (рис. 60, 2, 4, 6, 8, 10), черешки укорочены и отделяются небольшим утолщением для закрепления в деревянных рукоятках. На двух экземплярах рабочие окончания скруглены в процессе сверления (рис. 60, 2, 8). На стержнях заметны следы кузнечной формовки в виде продольных трещин-вмятин (рис. 60, 8, 10).

С.Н. Братченко высказал предположение о полифункциональности в использовании шильев, поскольку в катакомбных захоронениях бронзовые ножи и шилья встречаются парами и уложены почти всегда вместе, – от проколов и свёрл до столовых приборов [Братченко, 2001, с. 25]. Стержневидные шилья могли применяться также в качестве ретушеров для нанесения тонкой струйчатой ретуши на кремневых заготовках наконечников стрел и дротиков. Основная группа производственных наборов инструментов для изготовления кремневых наконечников стрел, происходящая из катакомбных захоронений, включает бронзовые шилоподобные стержни [Санжаров, 2008, с. 49-50].

Украшения из серебра и бронзы в виде спиралевидных височных колец-подвесок и пронизей выявлены в пяти катакомбах (рис. 61, 1-23). Около черепов умерших в трёх основных катакомбах (ЛЖЗ, кург. 1, погр. 4; ЛИСПИ, кург. 1, погр. 5; Березово, кург. 1, погр. 1) встречено по одному височному спиралевидному кольцу (рис. 61, 3, 4, 8). Остальные происходят из коллективных захоронений, где присутствовали и дети (подростки). Наиболее массивные серебряные кольца в 2,5-3 оборота (диаметром 1,6-1,8 см и 2 см) найдены при костяках в основных погребениях (рис. 61, 3, 4). Они изготовлены из проволоки толщиной 0,25 см. В парном захоронении у ЛЖЗ (кург. 1, погр. 2) выявлены два бронзовых спиралевидных кольца в 3,5 оборота (диаметр около 1,2 см) и две мелкие бронзовые многовитковые спиралевидные подвески, закреплённые на деревянном стержне (рис. 61, 1, 2, 9, 10). Целый комплекс украшений (серебряное кольцо в 1,5 оборота, два бронзовых кольца в 1,5 оборота, 4 бронзовые бусинки и 4 бронзовых стержневидных петельчатых подвески со шнуровым орнаментом) зафиксирован в коллективном основном захоронении у ЛЖЗ (кург. 3, погр. 5) (рис. 61, 5-7, 16-23). В детском погребении (ЛИСПИ, кург. 1, погр. 3) у правой височной кости находилась одиночная петельчатая подвеска из бронзы с перекрученным стержнем (рис. 61, 11). Набор из 12 бронзовых каплевидных подвесок встречен у корпуса костяка в основной катакомбе близ ЛЖЗ (кург. 1, погр. 4) (рис. 61, 12-15).

Лопасте спиралевидных колец-подвесок в 1,5-3,5 оборотов слегка расплюснуты и приострены. Их внешняя поверхность выпуклая, внутренняя – уплощена.

Бронзовые стержневидные петельчатые подвески принадлежат разным типам. Наиболее простые и многочисленные – каплевидной формы, состоящие из шарика и петельки (рис. 61, 11-15). Их средняя длина составляет всего 1,1-1,2 см, диаметр шарика – около 0,5-0,6 см. Более массивные достигают в длину 2 см и отличаются многократно перевитым стержнем (рис. 61, 20, 23). Две подвески выделяются пластинчатым стержнем с орнаментом и спаренными шариками (рис. 61, 21, 22).

Бронзовые бусины-пронизки имеют стандартные бочёнковидные и цилиндрические формы. На некоторых экземплярах отмечен круговой рифлёный орнамент (рис. 61, 16-19).

Наиболее архаичными считаются серебряные и бронзовые спиралевидные кольца-подвески в 2,5-3,5 оборота, происходящие из позднеямных и раннекатакомбных захоронений [Братченко, 1976, с. 53]. В Подонцовье в ранней катакомбе близ Майдана

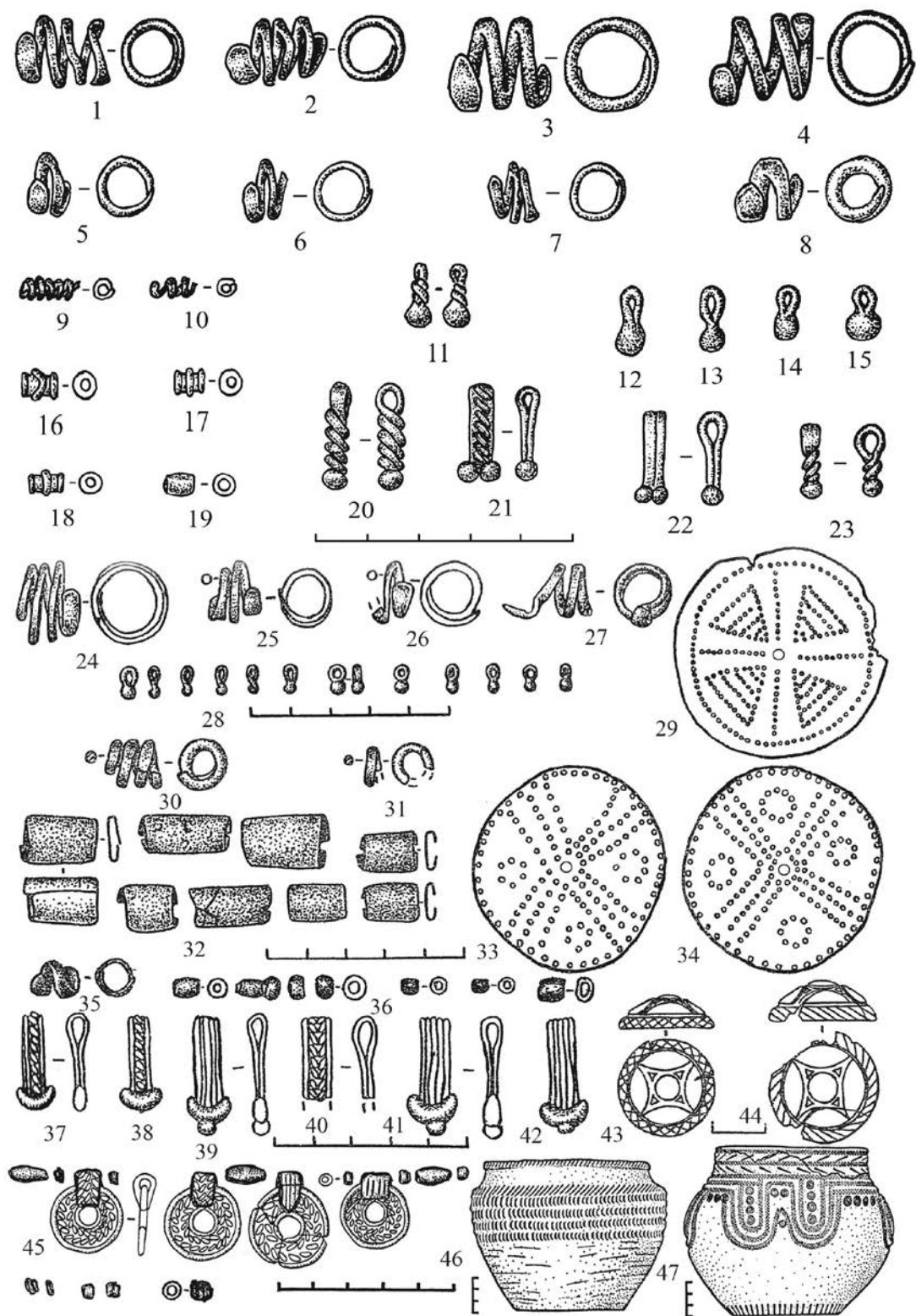

Рис.61. Украшения из серебра и бронзы: 1,2,9,10 - Лисичанск, ЛЖЗ, кург. 1, погр. 2;
 3, 12-15 - Лисичанск, ЛЖЗ, кург. 1, погр. 4; 4 - Лисичанск, Берёзово, кург. 1, погр. 1;
 5-7, 16-23 - Лисичанск, кург. 3, погр. 5; 8 - Лисичанск, ЛИСПИ, кург. 1, погр. 5;
 11 - Лисичанск, ЛИСПИ, кург. 1, погр. 3; 24-29 - Майдан, кург. 1, погр. 1;
 30-34 - Красная Заря, кург. 2, погр. 9; 35-44 - Красная Заря, кург. 3, погр. 4;
 45-47 - Невское, кург. 5, погр. 4.

(кург. 1, погр. 1) серебряные спиральные кольца в 2,5 оборота выявлены в комплексе с бронзовыми каплевидными подвесками и слабовыпуклой ковanej круглой бляхой с пуансонным солярным орнаментом (рис. 61, 24-29), а в раннекатакомбном захоронении Краснозоринского могильника (кург.2, погр. 9) совместно с серебряными спиральными кольцами-подвесками в 3 оборота встречены бронзовые обоймы для ремешка-браслета и две слабовыпуклые ковanej круглые бляхи с пуансонным солярным декором (рис. 61, 30-34) **[Санжаров, 1992, с. 6, рис. 2; с. 10, рис. 4]**. При этом спиральные кольца из серебра и бронзы в 1,5 оборота нередко входят в комплексы с подвесками до 4,5 оборотов в позднеямных захоронениях левобережного Поднепровья. Здесь же отмечены случаи находок в погребениях всего по одному кольцу **[Марина, 1998, с. 49]**. По наблюдениям С.В. Ивановой, в позднеямных захоронениях Северо-Западного Причерноморья одиночные массивные спиралевидные кольца-подвески преобладают только у левых висков мужских костяков **[Иванова, 2007, с. 88]**.

В комплексах раннекатакомбных украшений Северного Приазовья и Нижнего Подонья нередко находки металлических многовитковых спиральных колец-подвесок **[Санжаров, 1992, с. 28]**. Они могли вплетаться в волосы у висков, а так же, как свидетельствуют находки из Зимогорья (кург. 1, погр. 6), нанизываться на короткие деревянные стержни в качестве височных привесок **[Братченко, 2001, с. 26]**. Таким же образом использовались и миниатюрные архаичные многовитковые спиральки, сохранившие внутри деревянную основу (рис. 61, 9, 10). В Нижнем Подонье они выявлены в позднеямных захоронениях в комплексах с роговыми молоточковидными булавами (могильник Мухин II, кург. 7, погр. 7) **[Беспалый Е., Беспалый Г., 2002, с. 104, рис. 43, 1-6]** и в составе украшений из ранних катакомб (могильник Ериковский 1, кург. 4, погр. 4) **[Ильюков, Яценко, 2013, с. 258, рис. 7, 8]**. Широкое распространение серебряных спиральных колец-подвесок в позднеямной и раннекатакомбной среде дало повод С.Н. Братченко образно обозначить этап ювелирного дела ранней – начала средней бронзы в качестве «серебряно-бронзового» **[Братченко, 2001, с. 27]**.

Сферы применения петельчатых стержневидных подвесок весьма широки. Отмечено их использование в качестве нашивок на головные уборы и одежду, в качестве височных украшений и деталей наборных браслетов для запястьев и щиколоток **[Санжаров, 1992, с. 29; Ильюков, Яценко, 2013, с. 258, рис. 7, 1-3]**. Все они имеют массовые аналогии среди ранних северокавказских древностей, в которых фиксируются находки бронзовых ковanej круглых блях с пуансонным декором и орнаментированные роговые молоточковидные булавы с прямым стержнем **[Нечитайло, 1979, рис. 4, 2, 3, 7; рис. 70, 2, 3]**, были частым предметом экспорта, изготовлялись и местными мастерами под сильным кавказским влиянием. Более древними являются простые каплевидные подвески из шарика и петельки (рис. 61, 12-15, 28), сопоставимые с украшениями женского погребального костюма посткуроаракских курганов Южного и Северного Кавказа, алано-баденской группы, сачхерских и раннетриалетских памятников **[Корневский, 1990, с. 92, 97]**.

Разнообразие типов стержневидных петельчатых подвесок требует уточнения описательной терминологии. Так, подвески с перевитым стержнем, шариком и петелькой принято называть шнуровидными подвесками с шариком, а подвески с шариком на петельке – шаровидными подвесками с петелькой **[Санжаров 1992, с. 27]**. Формы «шариков» подвесок не всегда круглые. Отсюда и частое использование названия «капельвидная подвеска с петелькой». Поскольку подвески данного типа фиксируются в позднейших и раннекатакомбных захоронениях, В.А. Сафронов и Н.А. Николаева заявляют о хронологической близости и даже синхронности всех погребений с подобными украшениями **[Сафронов, Николаева, 1981, с. 7]**.

В отдельную группу выделяются бронзовые петельчатые подвески, сложенные вдвое из узкой пластины, с двумя шариками на конце, декорированные продольными бороздками и имитацией однорядного шнура (ЛЖЗ, кург. 3, погр. 5). В длину они достигают 2 см. Пластинчатые подвески с двумя шариками на конце полностью идентичны украшениям из катакомб моздокских курганов (кург. 10, погр. 17), имеющих продольные бороздки и шнуровой декор **[Пиотровский, 1977, с. 18, рис. 3, 2]**. В Среднем Поднепровье петельчатые пластинчатые подвески имеют архаичную форму и представлены узкими пластинами с одной продольной бороздкой и небольшим шарикообразным утолщением. Встречены они в раннекатакомбном комплексе с подвесками с перевитым стержнем, кольцевидными медальонами, роговой молоточковидной булавкой с прямым сужающимся стержнем и круглой кованой слабовыпуклой бляхой (Вербки, кург. 9, погр. 3) **[Марина, Ромашко, Фещенко, Войтюк, 1990, с. 28, рис. 2, 2, 4-7]**.

В ранней катакомбе у Красной Зари (кург.3, погр.4) обнаружено 12 петельчатых пластинчатых подвесок, орнаментированных продольными бороздками, имитацией однорядного и двухрядного шнура, но имеющие грибовидные выступы-окончания. Некоторые экземпляры с шариком на выступах. Они более крупные – в длину до 2,8 см. Входили в комплект с роговой молоточковидной булавкой с прямым стержнем, серебряной раскованой спиральной подвеской в 1,5 оборота, шильцем, бусинками, парными серебряными полусферическими бляхами со штампованным соляренным декором и керамикой как позднейшего, так раннекатакомбного (раннего классического донецкого) типов (рис. 61, 35-44) **[Санжаров, 1992, с. 13, рис. 5; с. 15, рис.6]**. Набор бронзовых пластинчатых подвесок длиной от 2,2 до 3,2 см со шнуровым декором и продольными полосками с грибовидными навершиями, а также в виде трехрядных шарикообразных выступов, происходит из ранней катакомбы у Новоникольского (кург.1, погр. 6) **[Братченко, Швецов, 1991, с. 175, рис. 9, 1-8]**. С.Н. Братченко отмечает сочетание в культурном облике этого захоронения как раннекатакомбных элементов погребального обряда, так и инвентаря, в том числе пластинчатых подвесок, характерного для развитой (классической) донецкой катакомбной культуры, нижнедонских и предкавказских памятников эпохи средней бронзы **[Братченко, Швецов, 1991, с. 174-176]**.

В катакомбах у ЛЖЗ (кург. 3, погр. 5), Новоникольского (кург. 1, погр. 6) и Красной Зари (кург. 3, погр. 4) петельчатым пластинчатым подвескам сопутствовали не многовитковые, а серебрянные и бронзовые небольшие височные спиралевидные кольца исключительно в 1,5 оборота. В донецких комплексах пластинчатые петельчатые подвески длиной 2,5-3 см, судя по всему, маркируют уже начало окончания раннего бронзового века.

На правом берегу Ингула в катакомбе с круглой шахтой и вытянутым на спине костяком эпохи средней бронзы (Привольное, кург.1, погр. 16) выявлена крупная бронзовая петельчатая пластинчатая подвеска северокавказского типа (длина 5 см, ширина в основании на расширенной части с шариковидными 4 выступами 1,5 см). На одной стороне плоскость пластины украшена 3 зонами концентрических окружностей [Шапошникова, Бочкарев, Корпусова, 1980, с.29, рис. 6, Б]. Аналогии ей имеются среди древностей средней бронзы Предкавказья и Северного Кавказа. На Ставрополье пластинчатая подвеска сопоставимой формы, но без выступов, происходит из погребения в катакомбе в комплекте с мелкими кольцевидными и боченковидными бусинками и бронзовой посоховидной булавкой – Веселая Роща, кург. 1, погр. 6 [Державин, 1989, с. 193-193, рис. 34, 7; рис. 35, 2, 4], характерной для раннего и среднего этапов северокавказской культуры [Марковин, 1960, с. 102, рис. 46, 31-37, 46, 49, 50, 53, 55, 56].

На Северном Кавказе близ сел. Ачикулак (кург. 5/11, погр. 11) найдена пластинчатая подвеска с тремя шарикообразными выступами и узором из трех концентрических окружностей [Марковин, 1960, с. 102, рис. 46, 31-37, 46, 49, 50, 53, 55, 56]. Подобные крупные подвески удлиненной подромбической формы длиной 3 см и более с тремя и четырьмя шарикообразными выступами, декорированные продольными змейками и тремя зонами концентрических окружностей, как на подвеске из Привольное, совместно с литыми орнаментированными разделителями и полусферической бляхой известны на Северном Кавказе в захоронениях среднего бронзового века – Чегем II, кург. 23, погр. 1 [Бетрозов, Нагоев, 1984, с. 75, рис. 29, 10, 11, 28, 15, 17-19]. Некоторые пластинчатые подвески Центрального Предкавказья (Старый Черек, кург. 1, погр. 2) проявляют поздние местные разновидности, соединены с головками-окончаниями в виде спаренных дисков и найдены совместно с листовидными (ложечкоподобными) привесками, хотя и в комплектах с украшениями обычной пластинчатой формы, имитацией трехрядного шнура и тремя шариковидными выступами [Бетрозов, 1974, с. 11, рис. 7, 1-4].

В составе наборов бронзовых украшений раннего и среднего этапов северокавказской культуры Кабардино-Балкарии пластинчатые подвески со шнуровым орнаментом, грибовидными выступам и основанием из двух шариков встречаются совместно со стержневидными перевитыми подвесками с шариком и петелькой, кольцевидными и дисковидными медальонами с ушками, спаренными медальонами и полусферическими пышно орнаментированными литыми бляхами – Лечинкай, кург. 7, погр. 4; Чегем II, кург. 35, погр.1; Чегем, кург. 6, погр. 1 [Батчаев, 1984, с. 135, рис. 17, 20-23; Бетрозов, Нагоев, 1984, с.75, рис. 29, 1-3, 5-7, 28; Чеченов, 1984, с. 206, рис. 36, 3-6].

Подобные комплекты подвесных украшений наблюдаются и в раннекатакомбных захоронениях Северо-Восточного Приазовья. Близ Куйбышево (совр. Малоянисоль) на р. Кальчик в ранней катакомбе (кург. 1, погр. 22) в состав наборного браслета входили бронзовые подвески с шариком и перевитым стержнем, петельчатые пластинчатые подвески со шнуровым декором и продольными бороздками с одним и двумя шариками в основании, а также бронзовый литой кольцевидный медальон с ушком, орнаментированный имитацией шнура [Кравец, Посредников, 1990, с. 64, рис. 9]. Его диаметр составляет всего 1,5 см. Сочетание пластинчатой подвески с невыраженным окончанием с перевитыми подвесками с шариком, кольцевым и двудисковидными медальонами отмечено в катакомбе у Голубовского (кург 4, погр. 4) [Самойленко, 1991, с. 149, рис. 6, 4]. Примечательно, что в донецких комплексах с разными типами медальонов и пластинчатых подвесок простые каплевидные подвески уже не встречаются.

Следует отметить, что большие бронзовые медальоны с ушком, как дисковидные, так и кольцевидные отсутствуют в захоронениях эпохи ранней бронзы Северного Причерноморья и Северного Кавказа. Здесь в качестве нашивок, подвесных височных украшений и составных сегментов наборных браслетов известны только мелкие и средние литые бронзовые медальоны с ушком со шнуровым, спиральным и концентрическим орнаментом, реже – крестообразным. Наиболее крупные кольцевидные медальоны Верхнего Прикубанья в диаметре составляют от 2 до 4,6 см, а дисковидные - в пределах 4,3 см [Нечитайло, 1978, с. 66-69]. В составе бронзовых медальонов Великентской катакомбы, основной набор инвентаря которой атрибутируется окончанием эпохи ранней – начала средней бронзы, крупными являются только литые кольцевидные медальоны, диаметром от 4 до 7,6 см [Гаджиев, Корневский, 1984, с. 9, 15, рис. 6, 1-10].

В Подонцовье и на Нижнем Дону бронзовые медальоны не известны в захоронениях ямной культуры и появляются только в раннекатакомбный период [Братченко, 2001, с. 44]. Исходя из комплекса находок в ранней катакомбе на Северском Донце у Невского (кург. 5, погр. 4) [Санжаров, Братченко, 1999], кольцевидные бронзовые медальоны с ушками встречаются с керамикой, характерной для развитых (классических) катакомбных захоронений донецкой культуры, т.е. атрибутируются окончанием эпохи ранней бронзы, в рамках раннекатакомбного периода являются поздними (рис. 61, 45-47). Средние диаметры дисковидных бронзовых медальонов составных браслетов из раннекатакомбных погребений могильника Ериковский 1 (кург. 4, погр. 4) на Нижнем Дону не превышают 1,7 см [Ильюков, Яценко, 2013, с. 258-259, рис. 7, 2, 3]. На Кубани дисковидные подвески происходят из катакомбного погребения у Тимашевска [Динков, 1988, с. 238, 249, рис. 1, 6, 7, 10]. Бронзовые дисковидные медальоны с крестообразными знаками, спиральями и шнуровым декором, аналогичные катакомбным украшениям из могильника Ериковский 1 и Тимашевска, на Северном Кавказе известны в комплексах эпохи средней бронзы и найдены совместно с пластинчатыми, витыми стержневидными подвесками и спаренными медальонами [Бетров, Нагоев, 1984, с. 75, рис. 29, 1-7].

Диаметры донецких раннекатакомбных кольцевидных медальонов одинаковы – в парных комплектах подвесных височных украшений из Невского (кург. 5, погр. 4) (рис. 61, 45) и из наборного браслета у Голубовского (кург. 4, погр. 4) они составляют – 2 см [Самойленко, 1991, с. 142, 149, рис. 6, 4].

Как категория литых металлических украшений эпохи средней бронзы позднейшие миниатюрные дисковидные медальоны со спиральным орнаментом диаметром всего 0,6 – 1 см на Северском Донце встречены в составе наборных браслетов совместно с мелкими подвесочками в виде согнутых пластинок с загнутыми наружу окончаниями в единичных погребениях развитой донецкой катакомбной культуры – Краматорск, кург. 2, погр. 13 [Санжаров, 1993, с. 80, рис. 12, 7]. В Подонцовье аналогичные мелкие подвесочки в комплекте с поздними бронзовыми посоховидными булавками дугообразной формы и крупной полусферической бляхой с двумя отверстиями на вершине выявлены в захоронении донецкой катакомбной культуры среднего периода у Ивано-Дарьевки (кург. 1, погр. 6) [Кравец, Посредников, Литвиненко, 1991, с. 58, рис. 14, 1-9]. На территории Верхнего Прикубанья такие же подвесочки входят в состав инвентаря развитой северокавказской культуры и отмечены в Суворовском могильнике совместно с полусферической литой бляхой с двумя отверстиями на вершине (кург. 11, погр. 11) [Нечитайло, 1979, с. 53, рис. 59, 7]. С.Н. Корневский отмечает устойчивую временную связь в погребальных северокавказских комплексах среднего этапа сильновыпуклых кованых блях с посоховидными булавками и двудисковидными (спаренными) медальонами [Корневский, 1990, с. 91]. На Нижнем Дону подобные овальные бусинки из согнутых пластин с загибами на концах в комплексе с пастовым бисером выявлены в катакомбном погребении с поздними признаками обрядности – в округлой камере с узкой овальной шахтой при сильноискорченном правобочном костяке (могильник Мухин II, кург. 4, погр. 9) [Беспальный Е., Беспальный Г., 2002, с. 38, 86, рис. 25, 10] и в катакомбе среднего периода – могильник Октябрьский II, кург. 5, погр. 12 [Потапов, 2002, с. 294, рис. 6, 5]. Бляхи типа суворовской и ивано-дарьевской В.И. Марковин относит ко второму этапу северокавказской культуры [Марковин, 1960, с. 96].

Поздние бронзовые булавки дугообразной формы выявлены в северокавказских памятниках Северо-Западного Прикаспия [Шишлина, 2007, с. 137, рис. 66, 4]. Их разнообразные типы происходят из Великентских катакомб (свыше 30 экз.). Среди них имеются формы «изогнутые в дугу» – тип с сильносогнутой головкой. Такие изделия выделяются поздним характером и отличаются как от северокавказских, так и ранних новосвободненских прототипов [Магомедов, 2000, с. 77-78].

Бронзовые литые боченовидные и цилиндрические бусины-пронизки (рис. 61, 16-19) маркируют начальный этап своего появления в составе катакомбных украшений [Братченко, 2001, с. 28]. Встречены мелкие «слипшиеся» кольцевидные бусинки (бисер) и биконические пронизки в комплекте с кольцевидными медальонами (Невское, кург. 5, погр. 4) (рис. 61, 45). Их широкое распространение отмечено уже в составе северокавказских и катакомбных древностей следующего среднего этапа.

По утверждению С.Н. Братченко, яркое своеобразие украшений всего раннекатакомбного периода презентируют ювелирные комплексы Северского Донца из серебра и бронзы с разнообразными наборами спиралевидных колец-подвесок, каплевидных, стержневидных и пластинчатых подвесок, многовитковых миниатюрных пронизок, бусин-пронизок, кольцевых медальонов с ушками и бронзовых круглых слобовыпуклых кованых блях [Братченко, 2001, с. 27-8]. Выразительные образцы последних с пуансонным солярным декором встречены в донецких катакомбах у Майдана (кург. 1, погр. 1) и Красной Зари (кург. 2, погр. 9) (рис. 61, 29, 33, 34) [Санжаров, 1992, с. 6, рис. 2, 7; с. 10, рис. 4, 6]. По характеру элементов и способов орнаментации они, наряду с позднейшими аналогиями [Черняков, Никитин, 1988, с. 30, рис. 3, 5-27], значительно уступают северокавказским литым сильновыпуклым бляхам с богатейшими орнаментальными мотивами и, как считает Л.А. Черных, могут являться продукцией местной северопричерноморской модификации кавказских украшений [Черных, 1996, с. 34-36].

Особую разновидность раннекатакомбных донецких круглых блях представляют парные серебряные полусферические бляхи диаметром 1,8 – 2 см с загнутыми внутрь краями для удержания на деревянной основе с солярным штампованным орнаментом в виде центрального кружка и обращенных к нему вершинами четырех лопастей из катакомбы Краснозоринского могильника (кург. 3, погр. 4) (рис. 61, 43, 44) [Санжаров, 1992, с. 15, рис. 6, 3, 4]. Солярная символика краснозоринских серебряных блях имеет весьма древние соответствия и зафиксирована еще на позднеэнеолитических каменных печатях-амулетах раннегородских цивилизаций Южной Туркмении – крестовидные фигуры в центре окружности со ступенчатыми мотивами [Кирчо, 1990, с. 176-177, рис. 2]. Декор выпуклых поверхностей штампованных блях сопоставим с солярными орнаментами на наружных поверхностях катакомбных курильниц с округлыми поддонами или крестовидными ножками – стандартный мотив в виде четырех лопастей или треугольников, вершинами направленными к ножкам-поддону [Братченко, Санжаров, 2001, стр. 25, рис. 14, 2]. Другие аналогии подобной солярной символики имеются на золотых штампованных пластинах из раннетриалетских погребений курганов 5 и 17 [Гогодзе, 1972, с. 104-105, табл. 17, 3, 22; табл. 24, 24, 25]. Известно, что именно триалетские мастера достигли высокого уровня ювелирной техники в отношении холоднойковки с использованием обжатия золотых и серебряных украшений, предварительно штампованных на соответственных моделях, со строгой симметричностью изделий относительно центра [Тавадзе, Барская, 1954, с. 361].

По техническим особенностям штамповки и способу закрепления на полусферической деревянной основе парные краснозоринские серебряные бляхи восходят к ювелирным изделиям новосвободненской культурной группы и полностью сопоставимы с пятью золотыми и девятью серебряными полусферическими бляхами диаметром 1,2–1,3 см без декора и с пуансонным орнаментом с вогнутым внутрь краем для крепления на деревянной основе из гробницы погребения 5 кургана 31 могильника Клады

[Резепкин, 1991, с. 182-186, рис. 10, 12, 13]. Новосвободненскими бляхами могли декорироваться детали одежды или изделия из дерева так же, как серебряными лентами оплетались рукояти топоров.

На Нижнем Дону подобные парные серебряные бляхи со штампованным декором диаметром 1,7 см выявлены в ранней катакомбе могильника Ериковский 1 (кург. 4, погр. 4). Они сохранили деревянную основу грибовидной формы **[Ильюков, Яценко, 2013, с. 257-258, рис. 7, 7]**, фиксация которой дает возможность окончательно установить назначение этих серебряных украшений.

В эпоху ранней бронзы на территории Северного Причерноморья и Северного Кавказа парные грибовидные полусферические выступы диаметром около 2 см имела только одна категория изделий – роговые (костяные) и литые бронзовые молоточковидные булавки, распространенные в среде позднеямного, раннекатакомбного и раннего северокавказского населения.

Древнейшие булавки из серебра посоховидной формы известны из мегалитических гробниц новосвободненской культурной группы **[Попова, 1963, с. 53, табл. II, 1-4; Резепкин, 1991, с. 185, рис. 11, 3]**. В Прикубанье они выявлены у Ульского аула (кург. 5, погр. 1) **[Марковин, 1960, с. 31, рис. 2, 6]**. Роговые и бронзовые булавки с парными грибовидными выступами на Нижнем Дону встречаются совместно **[Братченко, 2001, с. 151, рис. 78, 11, 12]**, а в Прикубанье – в комплексах с бронзовыми коваными бляхами с пуансонным орнаментом и относятся к раннему этапу северокавказской культуры **[Нечитайло, 1978, с. 68]**.

Поверхности полусферических выступов на некоторых образцах роговых булавок покрыты орнаментом **[Латынин, 1967, с. 34]**. Прекрасный экземпляр молоточковидной булавки с резным солярным декором на грибовидных выступах диаметром 2,2 см происходит из поздеямного погребения на Нижнем Дону из могильника Шахаевский 1 (кург. 3, погр. 10) **[Федорова-Давыдова, Горбенко, 1974, с. 92-93, 127, табл. 14, 2]**. Их диаметр сопоставим с размерами парных серебрянных полусферических блях из раннекатакомбных захоронений.

Вполне вероятно, что посоховидные и молоточковидные булавки в раннем бронзовом веке изготавливались не только из серебра, бронзы и рога, но и из самого массового материала – дерева. В гробнице погребения 5 кургана 31 могильника Клады в составе престижных предметов найдены три деревянные палочки, по длине – до 11,8 см и сечению – 1,5х1 см **[Резепкин, 1991, с. 182]**, аналогичные средним размерам булавок – длина 15-13 см, толщина – 1-0,8 см **[Латынин, 1967, с. 33]**. В некоторых ранних катакомбах Северного Приазовья на правой стороне груди погребенных исследователи отмечали мелкие истлевшие фрагменты деревянных стержней (Аккермень 1, кург. 6, погр. 3; кург. 9, погр. 4/6) **[Вязьмітіна, Іллінська, Покровська, Тереножкін, Ковпаненко, 1960, с. 52, 54]**. Грибовидные парные выступы отдельных деревянных молоточковидных булавок могли плакироваться серебром и иметь тонкую наружную оболочку типа полусферических серебряных раннекатакомбных блях со штампованным декором.

Рассматриваемые украшения довольно хрупкие и по своим механическим свойствам не в состоянии служить пуговицами-застежками, как считают авторы публикации блях из могильника Ериковский 1 [Ильюков, Яценко, 2013, с. 257]. Тем более что в разнокультурных погребениях ранней и средней бронзы всего Северного Причерноморья, Предкавказья и Северного Кавказа вообще не встречены предметы типа пуговиц-застежек. До позднего бронзового века подобных специализированных элементов крепления одежды еще даже не существовало и она закреплялась на теле, вероятно, при помощи различных ремешков, шнурков и поясов.

На территории Северо-Западного Прикаспия в погребениях ранней и средней бронзы встречены два предмета, трактуемые в качестве пуговиц-застежек. Один из них костяной и обнаружен в захоронении северокавказской культуры (могильник Му-Шарет, кург. 6, погр. 4). Он имеет вид неровного диска диаметром около 3 см и выступающий по центру короткий стержень с небольшой выпуклой поверхностью. Посредством двух отверстий диск крепился (пришивался) к мягкой основе [Шишлина, 2007, стр. 125, рис. 58, 4]. В подобном виде без боковых зацепок данное изделие могло быть только нашивным украшением. Другой – изготовлен из дерева и выявлен в раннекатакомбном погребении (могильник Манджикины-2, кург. 42, погр. 1) [Шишлина, 2007, стр. 175, рис. 85, 9]. Предмет грибовидной формы с полусферической шляпкой диаметром 3 см, украшенной нарезками, от которой вниз отходит короткий выступ (длина – около 1 см) с небольшой округлой головкой. Из-за непрочной деревянной основы, отсутствия крепления и боковых зацепок это изделие не могло выполнять механическую функцию пуговицы, но вполне могло быть обычной вставкой в прорезь, т.е. служить вставным украшением.

Судя по находкам орнаментированных золотых и бронзовых пуговиц-застежек эпохи бронзы из Арктикского могильника в Закавказье, все они литые и в обязательном порядке снабжены надежными петлями или выступающими острыми шипами для прочного крепления как на ткань, так и кожу [Жачатрян, 1963, с. 80-82, рис. 6, 7-12].

3.1.7. Предметы из камня, кремня, рога и кости

В составе сопутствующего инвентаря раннекатакомбных погребений Привольнянской излучины присутствуют кварцитовая наковальня-терочник, песчаниковые абразивные плитки и разнообразные изделия из кремня.

Цилиндрическая наковальня-терочник в центре верхней и нижней плоскостей имеет углубления (рис. 62, 5). Каменные круглые наковальни-терочники встречены на Северском Донце в раннекатакомбных захоронениях у Майдана (кург. 1, погр. 1) [Санжаров, 1992, с. 8, рис. 3, 2], Астахово (кург. 18, погр. 9-А) и Кондратовки (кург. 4, погр. 2) [Братченко, 2001, с. 78, рис. 4, 4, 10]. Присутствуют они и в ранних катакомбах

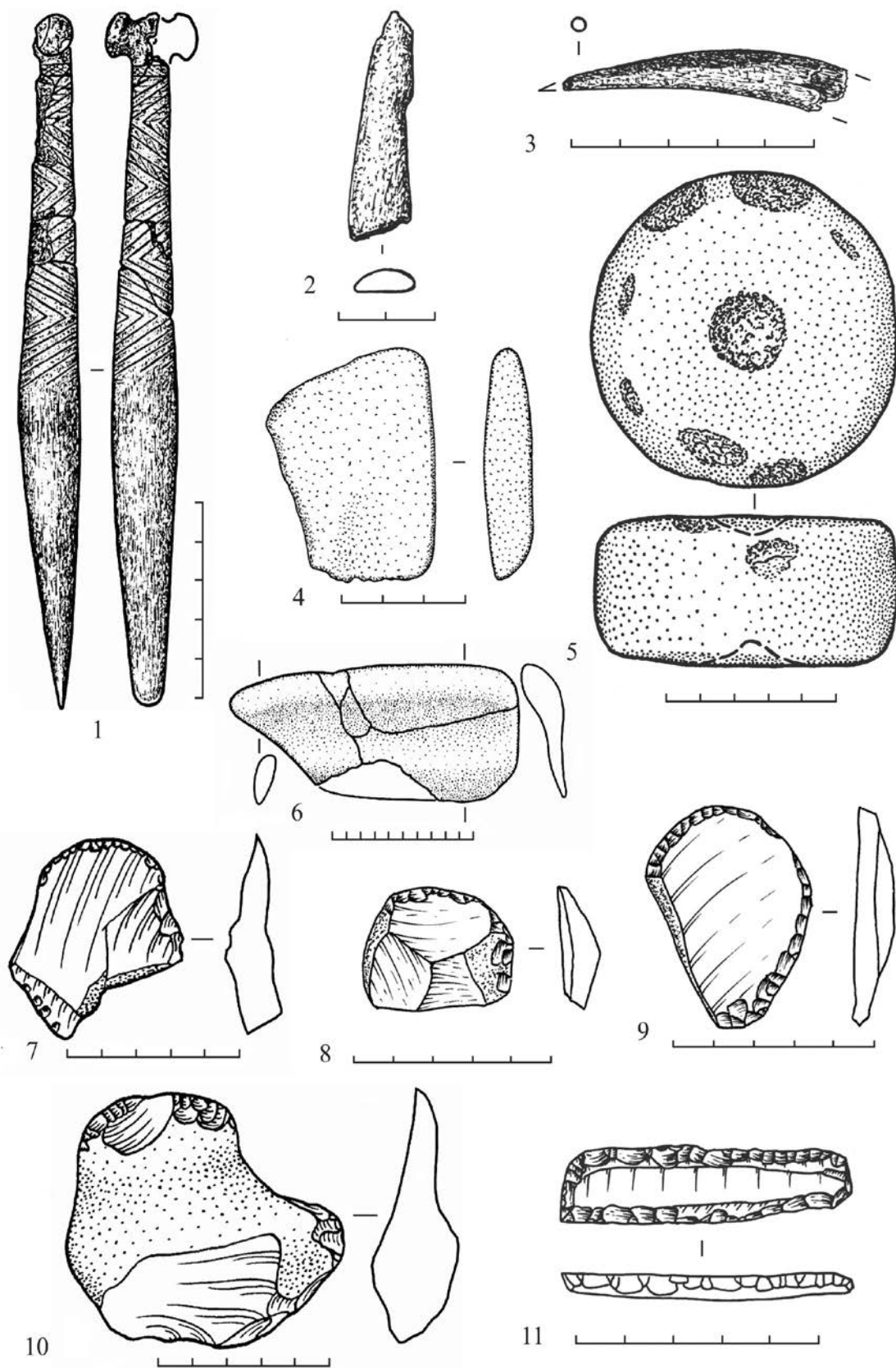

Рис.62. Изделия из рога, кости, камня и кремня: 1, 6, 7, 10 - Лисичанск, Березово, кург. 1, погр. 1;
 2 - Лисичанск, ЛЖЗ, кург. 1, погр. 2; 3, 11 - Лисичанск, ЛЖЗ, кург. 2, погр.1;
 4, 8, 9 - Лисичанск, ЛИСПИ, кург. 1, погр. 5; 5 - Лисичанск, ЛЖЗ, кург. 3, погр. 5

Северо-Восточного Приазовья [Санжаров, 2001, с. 58, рис. 19, 10]. Подобные орудия имели различные функции – служили в качестве как наковаленок [Березанская, 1980, с. 246], так и растиральников [Шарафутдинова, 1983, с. 21]. На некоторых экземплярах промаркированы геометрические центры поверхностей – ЛЖЗ, кург. 3, погр. 5 (рис. 62, 5), Майдан (кург. 1, погр. 1) [Санжаров, 1992, с. 8, рис. 3, 2]. Такие изделия могли быть инструментами для сверления и при лучковом способе добывания огня.

Полифункциональны и песчаниковые абразивные плитки (рис. 62, 4, 6). Они применялись для заточки лезвий бронзовых ножей, орудий из кости, стачивания порошка охры. Входят плитки в состав производственных наборов для изготовления кремневых наконечников и древков стрел [Николова, Бунятян, 1991, с. 131, рис. 2, 4-9, 11, 12; Санжаров, 2008, с. 19, рис. 8, 6-7]. В большом количестве песчаниковые абразивы найдены на донецких катакомбных поселениях [Санжаров, 2010, с. 276].

В четырёх катакомбах зафиксированы изделия из кварцита и кремня. Все они выполнены на отщепах и пластинах и предназначались для разнообразных режущих, пилящих и скребущих функций. Рабочие части оформлены крутой или уплощающей ретушью.

Орудия труда с дугообразновыпуклыми рабочими частями представлены скребками на аморфных отщепах (рис. 3, 2; 62, 7-10). Их края оформлены высокой крутой или уплощающей ретушью. Одно изделие выполнено на пластине с боковой крутой ретушью (рис. 62, 11).

Конкретное рабочее применение каждого кремневого изделия определяется на основе трасологического анализа поверхностей. Нередко изделия, оформленные в виде скребка, скребущие функции вообще не выполняли. Проведенное под микроскопом исследование поверхностей двух скребков из Берёзово (кург. 1, погр. 1) (рис. 62, 7, 10), произведённое А.А. Бритюком, показало, что их рабочие кромки острые и не нарушены полировкой или отдельными твёрдыми включениями. На спинках и брюшках изделий заметны узкие следы, оставленные под большим углом к кромке лезвия от взаимодействия с частицами типа зернистых включений в вязком глинистом грунте. Из этого делается вывод о применении данных «скребков» для нанесения узких желобков и орнаментальных композиций на стенках входной шахты катакомбы из Берёзово [Черных, Санжаров, 2010, с. 136-137]. Пара подобных «скребков» найдена в катакомбе у Зимогорья (кург. 2, погр. 9), стенки входной шахты которой также имеют врезные желобчатые орнаменты [Братченко, 2001, с. 113, рис. 39].

Разнообразный набор из 7 кремневых орудий происходит из ранней катакомбы у Красной Зари (кург. 1, погр. 3), изученный трасологическим методом В.Ю. Выборным [Санжаров, Бритюк, 1996, с. 65, 66, рис. 5]. Изделия выполнены на отщепах. Скребоквидное орудие с дугообразновыпуклым рабочим краем оказалось мясным ножом. Два отщепа без следов вторичной обработки на основании следов утилизации определены как угловой резчик и нож. Остальные представлены скребком на двулезвийном отщепе, стамеской сегментовидной формы, стамеской на отщепе округлой формы и комбинированным скобель-пилой.

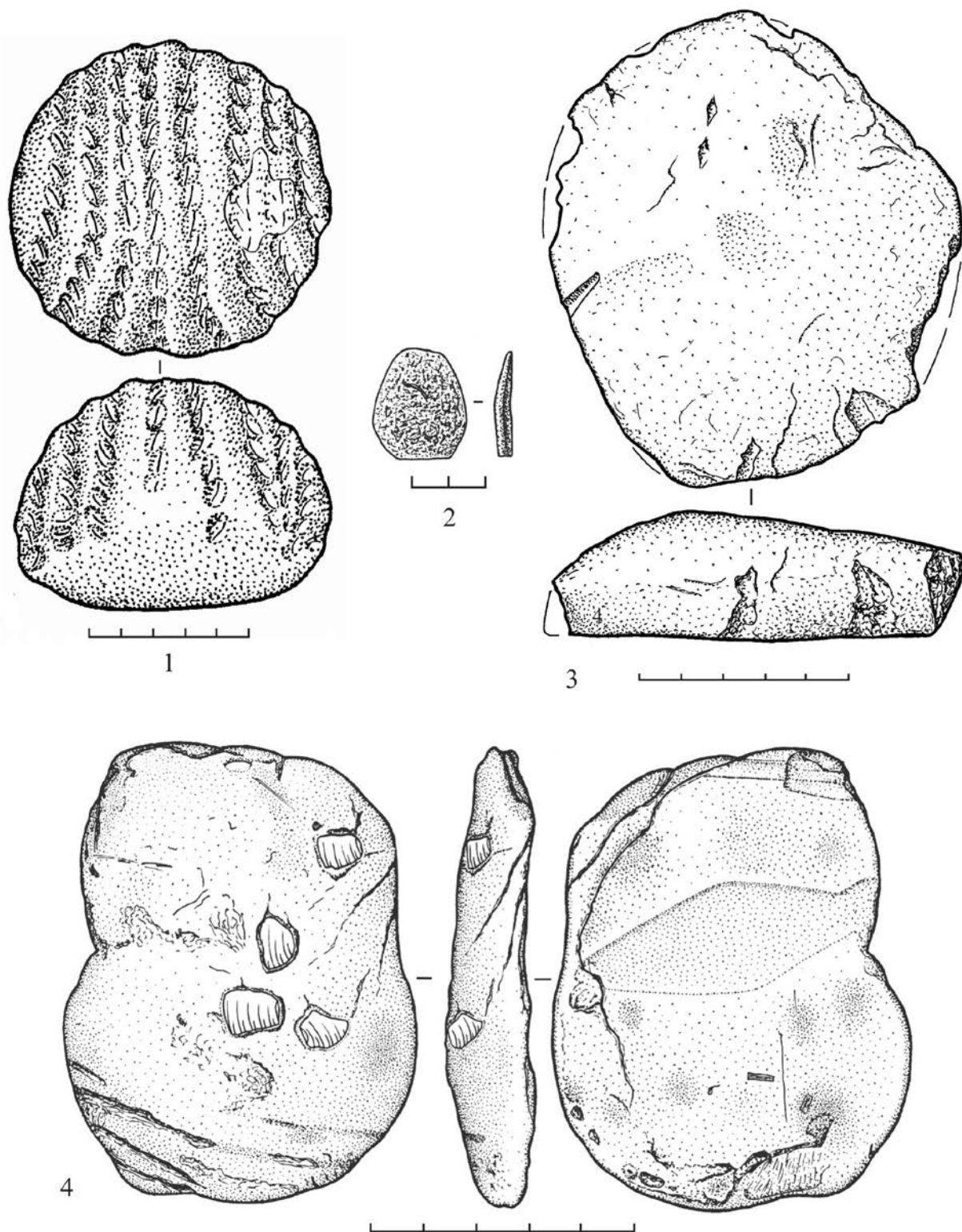

Рис.63. Изделия из охры и смолы: 1 - Лисичанск, Березово, кург. 1, погр. 1;
 2 - Лисичанск, ЛИСПИ, кург. 1, погр. 3; 3 - Лисичанск, ЛИСПИ, кург. 1, погр. 5;
 4 - Лисичанск, ЛЖЗ, кург. 2, погр. 1

Оформлены они крутой, мелкой приостряющей или же притупляющей ретушью. Часть орудий данного набора могла использоваться в специализированной работе по дереву [Санжаров, 2008, с. 45]. Кремневые изделия из ранней катакомбы у пос. Тельмана на окраине Луганска (кург. 1, погр. 9) включали два ножа на отщепах без следов вторичной обработки и скребок-скребло на отщепе с ретушированным полукруглым рабочим лезвием и зубчатым краем, затертыми линейными следами, поперечными бороздками и полировкой [Выборный, 1989, с. 99]. Такие орудия могли применяться по мягкому упругому материалу, например шкуры животных, для первичной и вторичной обработки, раскройки [Выборный, 1989, с. 100].

Кроме использования кремневых отщепов в качестве орудий труда, в ранней катакомбе у ЛЖЗ (кург. 2, погр. 2) отмечен случай применения мелких отщепов в виде элементов декора – ими инкрустирована поверхность «лепёшки» из смолистого вещества (рис. 63, 4). Употребление кремневых отщепов для орнаментации расширяет границы сфер их практического функционирования, определённые С.Н. Разумовым [Разумов, 2010, с. 4-5].

Из раннекатакомбных донецких захоронений происходят качественно изготовленные с применением струйчатой ретуши острия дротиков – Голубовский, кург. 1, погр. 1 Б [Самойленко, 1991, с. 145, рис. 2, 4], Майдан, кург. 1, погр. 1 [Санжаров, 1992, с. 8, рис. 3, 1], Александровск, кург. 9, погр. 25; Тарасовка, кург. 1, погр. 8 [Братченко, 2001, с. 92, рис. 18, 4; с. 134, рис. 61, 5]. Они идентичны кремневым остриям из позднеямных захоронений Северского Донца – Октябрьское, кург. 1, погр. 3 [Санжаров, Бровендер, Евглевский, 1992, с. 26, рис. 5, 2] и кург. 3, погр. 3 (здесь сохранилось древко дротика длиной – до 0,75 м и толщиной – около 5 см) [Санжаров, Подобед, 1992, с. 36, рис. 7, 1]. Подобные наконечники дротиков известны также в раннекатакомбных захоронениях Северо-Восточного Приазовья – Покровка, кург. 4, погр. 6 [Кравец, Посредников, 1990, с. 61, рис. 6]. Некоторые из них (Александровск, кург. 9, погр. 25), по трасологическим определениям Г.Ф. Коробковой, могли использоваться в качестве режущих инструментов (ножей) для разделки туш [Братченко, 2001, с. 26].

Известна единичная находка сердцевидного кремневого наконечника стрелы с глубокой овальной выемкой в основании – Благовка, кург. 2, погр. 7 [Братченко, 2001, с. 77, рис. 3, 6]. Исходя из комплектов кремневых наконечников стрел в катакомбах Северного Приазовья у Аккермени I (кург. 6, погр. 3; кург. 9, погр. 6) [Вязьмітіна, Іллінська, Покровська, Тереножкін, Ковпаненко, 1960, с. 50, рис. 34, 6-10] и могильника Ериковский 1 (кург. 4, погр. 3 и 4) на Нижнем Дону [Ильюков, Яценко, 2013, с. 254, рис. 4, 3-15; с. 262, рис. 9, 2], в раннекатакомбный период были распространены два типа наконечников – сердцевидной формы с овальными или треугольными выемками и треугольной формы с овальными и треугольными выемками в основании. Наконечники треугольной формы представляются более архаичными и происходят как из ранних катакомб [Кравец, Посредников, 1990, с. 66, рис. 10; Санжаров, 2001, с. 58, рис. 19, 7; Ильюков, Яценко, 2013,

с. 254, рис. 4, 3-5, 8, 13], так и позднейших погребений [Клейн, 1960, с. 157, рис. 115; Самойленко, 1988, с. 76-77, рис. 7, 4]. Общая сводка типов кремневых наконечников стрел и их распределение по позднейшим и раннекатакомбным погребениям приведена С.Н. Братченко [Братченко, 2006, с. 246, рис. 115, 1-34]. В развитой и поздний катакомбные периоды преобладали сердцевидные и треугольные наконечники с глубокими овальными и треугольными выемками, на раннем многоваликовом (финально-катакомбном) этапе – сердцевидные наконечники с неглубокими выемками [Братченко, 2006, с. 249, рис. 116. 1-26; с. 251, рис. 117, рис. 1-9, 11-12, 14-44]. Наиболее древний из них – кремневый треугольный наконечник стрелы с широкой овальной выемкой в основании выявлен в грунтовом энеолитическом погребении у Александровска на Лугани (погребение 13 южнее кургана 7А) [Братченко, Константиnescу, 1987, с. 26, рис. 9, 2].

По подсчётам С.Н. Братченко, изделия из кремня присутствуют почти в четверти всех донецких раннекатакомбных захоронений [Братченко, 2001, с. 23]. По своей типолого-морфологической характеристике и технике обработки они соответствуют типологическим особенностям кремневых орудий из позднейших погребений, включая наличие и производственных комплексов [Марина, 2000, с. 67]. Несмотря на широкое и повсеместное внедрение бронзовых орудий труда в рабочие процессы, кремь в раннекатакомбный период оставался востребованным и массовым материалом для изготовления изделий разнообразного назначения.

Предметы из рога и кости немногочисленны. Они представлены роговой молоточковидной булавкой, фрагментом трубчатой кости с заполированной поверхностью и проколкой из грифельной кости овцы.

Роговая орнаментированная булавка из основной катакомбы у Берёзово (кург. 1, погр. 1) отличается сигарообразным стержнем с утолщением в нижней трети (рис. 62, 1). Она близка булавкам пятого типа Северного Причерноморья с почти ровным стержнем, расширяющимся «немного ниже середины» [Латынин, 1967, с. 34, рис. 32]. Идентичные экземпляры происходят из раннекатакомбных погребений Подонцовья у Говорухи (кург. 6, погр. 13) и Новой Астрахани (кург. 1, погр. 8) [Братченко, 2001, с. 94, рис. 20, 3, 6]. Как считает С.Н. Братченко, молоточковидные булавки утолщенной сигарообразной формы в большей степени характеризуют не позднейший, а раннекатакомбный период [Братченко, 2001, с. 28]. Булавки с веретенообразной формой стержня и небольшими молоточковидными выступами, декорированные резным орнаментом в косо-ромбическом стиле (пояски сдвоенных врезных линий, заполненные рисками, расположены в виде косых зигзагообразных узоров, образующих вертикальные ряды и ромбы), А.В. Кияшко включены в состав инвентаря второго периода развития культуры позднейше-раннекатакомбного времени Нижнего Дона, продолжающего линию развития первого периода [Кияшко, 1999, с. 76, 80-81]. Булавки этого типа характерны для приазовского региона Подонья и тесно связаны с украшениями Северо-Западного Кавказа [Кияшко, 1999, с. 81, 159, рис. 102].

Индивидуальной особенностью булавки из Березово можно считать её вторичное использование – окончание стержня заточено в виде лопаточки. Вероятно, изделие применялось для нанесения врезных желобчатых орнаментов на стенках входной шахты.

В ранних катакомбах Северского Донца обнаружены и роговые молоточковидные булавки с прямым стержнем. Обломок такого стержня выявлен в комплексе с бронзовым ножом трапециевидной формы, четырьмя серебряными спиралевидными кольцами-подвесками, каплевидными подвесками и ковanej бронзовой орнаментированной круглой бляхой у Майдана (кург. 1, погр. 1) [Санжаров, 1992, с. 7, рис. 2]. Неорнаментированная молоточковидная роговая булавка с прямым стержнем происходит из богато на разнообразные украшения раннекатакомбного погребения Краснозоринского могильника (кург. 3, погр. 4) [Санжаров, Бритюк, 1996, с. 88-89, рис. 17, 1; 18].

Примечательной находкой является фрагмент заполированной трубчатой кости птицы (рис. 62, 2). Сопоставимые целые изделия, часто с поперечными полосками из охры, присутствуют в составе раннекатакомбного инвентаря Нижнего Дона и в длину достигают 10 см [Беспалый Е., Беспалый Г., 2002, с. 106, рис. 45, 4]. При этом происходят они из погребений как первого, так и второго периода позднеямно-раннекатакомбного времени [Кияшко, 2002, с. 78-80, 146, рис. 90, 5, 612; с. 148, рис. 92, 13, 14]. По всей видимости, заполированные трубчатые кости птиц были деталями музыкальных инструментов. Наборы из более мелких трубчатых птичьих костей в донецких позднеямных захоронениях интерпретируются в качестве флейт (Октябрьское, кург. 1, погр. 3) [Санжаров, Бровендер, Евглевский, 1992, с. 25, 31, рис. 5, 3].

Проколки из заостренной части грифельного отростка локтевой кости овцы (рис. 62, 3) в донецких ранних катакомбах выявлены у Северска (кург. 1, погр. 1) [Санжаров, 1983, с. 205, рис. 4, 1, 5, 7] и ЛНПЗ (кург. 2, погр. 3) [Братченко, 2001, с. 118, рис. 44, 3]. Иногда они встречаются совместно с бронзовыми ножами и четырёхгранными шильями как самостоятельная категория рабочего инвентаря. В катакомбное время использование проколки из грифельных костей овцы было весьма широким. Известны они и в составе инвентаря ранних катакомб Нижнего Дона – Семикаракоры, кург. 1, погр. 2 [Мошкова, Федорова-Давыдова, 1974, с. 24, 92, табл. 2, 4]. Некоторые экземпляры с глубокими прорезами на конце применялись в виде писал – инструментов для нанесения орнаментов из охристых составов [Санжаров, 1989, с. 106; Братченко, 2001, с. 151, рис. 78, 2-6].

3.1.8. Специфика Привольнянско-Лисичанского центра донецкого очага раннекатакомбного культурогенеза

Рассмотренные раннекатакомбные памятники Привольнянской излучины по основным параметрам курганной архитектуры, элементам погребальной обрядности и сопровождающему инвентарю сопоставимы с местными позднеямными материалами,

а также с комплексом раннекатакомбных древностей, представленным С.Н. Братченко в качестве содержания раннего этапа донецкой катакомбной культуры.

С другой стороны, более всего донецкие раннекатакомбные захоронения находят многочисленные и весьма близкие аналогии среди ранних катакомбных погребений Нижнедонского региона и особенно – территории Восточного Приазовья, что позволяет рассматривать их в рамках одной донецко-донской общности, но с некоторыми локальными различиями. На Нижнем Дону в более представительном и массовом виде присутствуют архаичные Т-видные катакомбы с прямоугольными погребальными камерами, имеющими плоские потолки. На Северском Донце ярче выражена традиция основных катакомб и забутовки камнями полости входных шахт, а прямоугольные камеры единичны и не имеют достоверных данных о наличии плоских потолков. Нижнедонской раннекатакомбный состав посуды значительно разнообразнее по формам и системам декора, что свидетельствует о более вариативных, по сравнению с Подонцовьем, кавказских культурных составляющих и их проявлениях. Если по особенностям керамического комплекса весь раннекатакомбный период можно разделить на два этапа – ранний и поздний (или раннюю и позднюю группы в интерпретации А.М. Смирнова [Смирнов, 1981, с. 36]), то раннекатакомбные древности территории Привольнянской излучины Северского Донца с их округлодонной керамикой позднеямного типа и архаичными элементами погребальной обрядности, включая категории погребального инвентаря, соответствуют содержанию раннего этапа.

Многие параллели наблюдаются среди майкопско-новосвободненских и ранне-северокавказских культурных традиций – кольцевые сооружения вокруг погребений, прямоугольные проемы отверстий камер, каменные завалы гробниц, культовые изображения на стенах, антропоморфные стелы, позы умерших и выборочный ассортимент инвентаря. Такие специфические категории погребального приданого, как бронзовые кованые однозубые крюки [Санжаров, 1979, с. 56-57; Братченко, Санжаров, 2001, с. 75-80; Кияшко, 2002, с. 26; Рогудеев, 2002, с. 141-142], бипирамидальные игральные кости [Санжаров, 1988, с. 140-158] и серебряные полусферические бляхи со штампованным солярным орнаментом (рис. 61, 43, 44), степное катакомбное население могло получить в виде культурного, пусть даже опосредованного, наследия майкопско-новосвободненской общности.

На момент создания обобщающей работы С.Н. Братченко основывался на информации всего лишь о 100 раннекатакомбных погребениях нижнего и среднего течения Северского Донца. В этой обширной зоне раннекатакомбные памятники выражены совокупностью случайной выборки и распределены неравномерно. Заметная концентрация была отмечена только для бассейна Лугани, где в 23 курганах выявлено 33 (треть) раннекатакомбных погребений [Братченко, 2001, с. 20].

Фактически Луганский регион в эпоху ранней бронзы был самобытным локальным центром раннекатакомбного очага культуригенеза бассейна Северского Донца

в пределах общих границ всего обширного первичного очага, охватывающего степную полосу вдоль Азовского моря от Кубани до Нижнего Днепра, а на севере до – Донецко-Среднеднепровского порубежья **[Братченко, 2001, с. 73]**. В дальнейшем, как считает С.Н. Братченко, на базе сложившейся раннекатакомбной культурной общности Подонцовья сформировался свой собственный донецко-донской очаг катакомбного культурогенеза, ставший «продукцией местного формотворчества» благодаря переработке различных культурных традиций **[Братченко, 2001, с. 72-73]**.

Широкие пространства распространения населения раннекатакомбной общности привели к сложению собственных очагов катакомбного культурогенеза. В Северном Приазовье, в Нижнем и Среднем Поднепровье еще в раннекатакомбное время стали появляться катакомбы с округлыми входными шахтами **[Ковалева, 1982, с. 39; Санжаров, 2001, с. 51, 136, 141]**. Здесь возникла традиция заполнения мягким гумусом не только входных шахт, но и внутренней полости погребальных камер – Аккермень 1, кург. 6, погр. 3 **[Вязьмітіна, Іллінська, Покровська, Тереножкін, Ковпаненко, 1960, с. 52]**. В последующем эти новые элементы обрядности станут ведущими для местной ингульской катакомбной культуры.

В Предкавказье и на Нижнем Дону на этапе формирования маньчской (предкавказской) культуры были восприняты и трансформированы такие раннекатакомбные элементы, как прямоугольные входные шахты Т-видных катакомб, дромосы в простенках, невысокие бортики у входных отверстий камер и традиция оставлять их полыми после завершения обряда захоронения – Большой Мишкин, кург. 1, погр. 2, Новочеркасск, кург. 1, погр. 2 . **[Андреева, 1989, с. 72; Братченко, 1976, с. 82, рис. 41, 1, 2; с. 201, табл. IV, 2]**.

С учетом явных параллелей в среде позднеямных памятников и верхней абсолютной датой их существования в пределах первой трети III тыс. до н. э., С.Н. Братченко раннекатакомбный период датировал временными рамками с 2700 до 2500 гг. до н. э. **[Братченко, 2001, с. 47]**. Несколько предшествует его начальной стадии окончание финала майкопско-новосвободненского культурного образования, приходящееся на 3000/2900 гг. до н. э. **[Корневский, 2019, с. 72]**. Временной промежуток между финалом майкопско-новосвободненской общности и ранним катакомбным пластом может быть отведен для позднеямных древностей.

В итоге, раннекатакомбные погребальные памятники репрезентируют содержание раннего периода катакомбной культурно-исторической общности и включают массив синкретических позднеямно-раннекатакомбных комплексов с выраженной майкопско-новосвободненской культурной составляющей, отражающих особенности процесса трансформации позднейших, финальных ямных культурных традиций в новое катакомбное культурное явление. А.В. Кияшко считает целесообразным трактовать специфические особенности данного этапа в качестве развития культуры позднеямного-катакомбного или же позднеямного-раннекатакомбного времени **[Кияшко, 1999,**

с. 78-81]. По отношению к развитым северопричерноморским катакомбным группировкам (классическая донецкая, ингульская и ранняя манычская культуры) раннекатакомбный пласт является ранним, а по отношению к позднеямным древностям по своей сути отражает содержание заключительного, финального этапа эволюционного развития.

Исследования курганов на территории Привольнянской излучины, предпринятые экспедициями Далевого университета, значительно расширили источниковую базу донецкого раннекатакомбного очага культурогенеза. Общее количество ранних катакомб Подонцовья увеличилось до 116. Из них на бассейн Лугани приходится уже не треть, а 28 % всех раннекатакомбных донецких захоронений. Их четвертая часть (25 %) оказалась компактно сконцентрированной на территории излучины. В пространственном отношении это сравнительно небольшой регион. Если общая площадь бассейна Лугани составляет 3740 кв. км, то внутренняя очерченная территория Привольнянской излучины не превышает 500 кв. км, что в 7,5 раза меньше площади Луганского бассейна.

Статистически установлено, что на долю этих двух регионов, бассейна Лугани и Привольнянской излучины, приходится больше половины (53 %) всех раннекатакомбных погребений Северского Донца, т.е. определяется явное доминирование двух локальных концентраций. При этом из 27 основных ранних катакомб всего Подонцовья 13 (48 %) выявлено на территории излучины. В среднем в ранних катакомбах Северского Донца доля захоронений взрослых составляет 84 %, парных и коллективных – 26 %, расчленённых погребений – 4 %, а в регионе Привольнянской излучины эти показатели более значительны и достигают 93 %, 38 % и 24 % соответственно. На данную территорию из раннекатакомбного донецкого инвентаря пришлось 30 % бронзовых ножей и 31 % шильев, 17 % керамических сосудов, 17 % металлических украшений и отдельно – 19 % височных спиралевидных колец-подвесок из серебра и бронзы.

Выясняется, что раннекатакомбные древности Привольнянской излучины по своей значимости представляют второй, вслед за бассейном Лугани, Привольнянско-Лисичанский центр донецкого раннекатакомбного очага культурогенеза, в рамках которого в особо представительном виде выражены специфические обрядовые признаки.

Среди них – расширенная практика возведения курганов над основными катакомбами, создание родовых могильников, строительство одиночных курганов за пределами существующих могильников, использование традиции насыпки вокруг основных погребений кольцевых валов из материкового грунта и камней, сооружение катакомбных конструкций крупных размеров и значительной глубины, устройство системы ступенчатых разноуровневых спусков под тыльной стенкой шахт, заполнение полости входных шахт рыхлым гумусом или же их преднамеренная забутовка плотно утрамбованным грунтом и каменными завалами, перекрытие горизонтальными заслонами из плит углублённых лоткообразных спусков, употребление антропоморфных стел в забутовках, декорирование стен входных шахт желобчатыми композициями в виде «древа жизни», значительный процент парных и коллективных погребений, разнонаправленность

умерших внутри погребальных камер при доминировании правобочного слабоскорченного размещения, высокая частотность расчленённых погребённых, лимитирование захоронений детей и подростков, фиксация укладки умерших на «подушках» из мягкого грунта и обряда моделировки лицевого покрова посредством специального глиняного состава, установка на курганной поверхности каменного идола.

Особенности раннекатакомбных древностей Привольнянской излучины Северского Донца позволяют рассматривать их яркую совокупность как результат функционирования Привольнянско-Лисичанского локального центра раннекатакомбного культурогенеза в рамках донецкого очага, продуцирующего и распространяющего новационные элементы раннекатакомбной обрядности.

3.2. Позднекатакомбные древности

Курганные памятники следующего периода катакомбной культурно-исторической общности, исследованные экспедициями Далевского университета, характеризуются позднекатакомбными захоронениями. Промежуточные древности развитого периода, представленные классической донецкой катакомбной культурой, присутствуют в незначительном количестве и известны из раскопок В.Ф. Клименко в 1975 г. у ЛНПЗ (кург. 3, погр. 3; кург. 4, погр. 3) **[Клименко, 1997, с. 9-11, рис. 4, 6; с. 17-18, рис. 8, 5; с. 28-29, рис. 14]**.

В погребальных камерах донецкой катакомбной культуры развитого периода умершие находились в скорченном положении на правом боку с поджатыми к тазу пятками. В захоронениях отмечена посыпка охрой, встречены кости жертвенных животных, бронзовые ножи, жаровни из стенок сосудов, различные украшения и типичная керамика стройных опуклобоких форм с высокой раструбной шейкой, декорированная многорядем оттисков шнура и косых насечек. На плечиках выражены элементы в виде спускающихся шнуровых лопастей, окаймлённых вдавлениями спиралевидного штампа. Ориентированы умершие в южную сторону – на ЮЮЗ, Ю и ЮЮВ. Датируются памятники развитого катакомбного периода с 2500 по 2300 гг. до н. э. **[Братченко, 2001, с. 47]**.

Вопрос о выделении позднекатакомбных древностей не сразу был решен в отечественной науке и длительное время существовала реальная проблема неопределенности представлений о содержании всего позднекатакомбного периода. При этом разграничение катакомбной культуры, в основе которого лежали временные различия в формах и орнаментации керамики, было осуществлено Т.Б. Поповой ещё в 1955 г. **[Попова, 1955, с. 28-30]**. Специфику позднекатакомбного этапа определяло резкое изменение форм и пропорций сосудов, в декоре – сокращение использования оттисков шнура и широкое распространение налепных валиков, а также прочерченных мотивов. Между тем С.С. Березанская и О.Г. Шапошникова сочли выделение позднекатакомбного этапа неубедительным в связи с его слабой изученностью на тот момент **[Березанская,**

Шапошникова, 1957, с. 272]. Даже в обобщающей статье по культурам катакомбной культурно-исторической области, опубликованной в 1969 г., О.Г. Шапошникова обошла тему хронологического членения катакомбных древностей, сделав лишь акцент на до-нецкой группе, как, вероятно, более ранней **[Шапошникова, 1969, с. 108-109].** И только в 1976 г. С.Н. Братченко изложил основные характеристики идентификации позднекатакомбной материальной культуры и погребального обряда **[Братченко, 1976, с. 133-137].**

Позднекатакомбные древности Северского Донца относятся к эпохе средней бронзы и отличаются смешанным культурным обликом. В их составе выделены харьковско-воронежская культура, памятники бахмутского и манычского типов **[Братченко, 1976, с. 60-106].** К этому же горизонту А.М. Смирновым отнесены позднедонецкие погребения и отдельные захоронения с раструбошейными сосудами с ёлочным декором **[Смирнов, 1996, с. 87-113].** В границах распространения указанных позднекатакомбных групп исследователи наблюдают и более дробные локальные проявления **[Берестнев, 2001, с. 44; Братченко, 2003, с. 214-223].**

В Подонцовье позднекатакомбные образования демонстрируют множество сопоставимых признаков в деталях погребальных устройств, обряде захоронения и в составе сопровождаемого инвентаря. Ведущие культурные различия наблюдаются лишь в керамическом комплексе **[Санжаров, 2010, с. 307].**

В рамках курганного пространства позднекатакомбные погребения группируются в центре, южном и западном секторах. Характерны Н-видные катакомбы с прямоугольными или округло-овальными входными шахтами, двухъярусные ямные конструкции и подбои. Доминирует скорченное размещение умерших на правом, реже – на левом боку. Руки вытянуты к бёдрам или же левая согнута в локте. Ориентация неустойчивая. В погребениях присутствуют охра, кости домашнего скота, жаровни из стенок и днищ сосудов, разнообразный инвентарь. Захоронения как впускные, так и основные **[Санжаров, 2010, с. 306-341].**

Сформировалась позднекатакомбная общность бассейна Северского Донца на основе харьковско-воронежской катакомбной культуры с участием мигрирующего, прежде всего предкавказского населения.

Экспедициями Далековского университета в курганах Привольнянской излучины исследовано девять позднекатакомбных погребений. Из них два у ЛЖЗ – кург. 3, погр. 2 (рис. 11, 9-11), кург. 6, погр. 3 (рис. 20, 7-9), четыре у пос. Шкляр – кург. 1, погр. 4 (рис. 36, 1), погр. 5 (рис. 36, 2-5), погр. 9 (рис. 39, 1-3), погр. 10 (рис. 39, 1), два у ЛИСПИ – кург. 1, погр. 1 (рис. 45, 5), погр. 4 (рис. 46, 4, 5) и одно у с. Шипиловка – кург. 1, погр. 8 (рис. 56, 1-3).

Значительное количество позднекатакомбных захоронений в данном регионе выявлено в 1973 и 1975 гг. в курганах у ЛНПЗ, Приволья и Лисичанского хлебозавода. При раскопках курганов 3 и 4 у ЛНПЗ встречено 8 позднекатакомбных погребений (кург. 3, погр. 4-7, 9, 10; кург. 4, погр. 1, 2) **[Клименко, 1997, с. 6-52],** а кургана 2 – 7 захоронений (кург. 2, погр. 2-5, 7, 8, 10) **[Братченко, 2001, с. 115, рис. 41].** При исследованиях

у Приволья в кургане 1 обнаружено 5 (погр. 2, 3, 5-7), в кургане 2 – 3 (погр. 1, 2, 3) [Братченко, 2001, с. 119, рис. 46; с. 121, рис. 48], в кургане 11 – 5 (погр. 4, 7-9, 14) [Братченко, Санжаров, 2001, с. 4-14] позднекатакомбных погребений. Не менее 5 поздних катакомб обнаружено в курганах 1 и 2 у Лисичанского хлебозавода (кург. 1, погр. 6, 8, 11, 12; кург. 2, погр. 3) [Шаталин, 1973].

Отличительным элементом впускных поздних катакомб излучины является обряд подзахоронения и приспособление для погребений более ранних конструкций, обнаруженных землекопами при сооружении новой могилы. В кургане у пос. Шкляр (кург. 1, погр. 5) в момент захоронения взрослого и подростка кости ранее погребённого и сопровождаемый его сосуд были удалены во входную шахту, а в камере друг на друге размещены тела вновь умерших (рис. 36, 2). Погребение 9 из этого же кургана оказалось впущенным внутрь двухъярусной ямной конструкции основного позднекатакомбного захоронения 10. Кости умершего из погребения 10 были удалены, а сама яма переоборудована под погребальную камеру с деревянным наклонным заслоном входа с боковой восточной стороны (рис. 39, 1). В захоронении у Шипиловки (кург. 1, погр. 8) под погребальную камеру была приспособлена внутренняя полость входной шахты основного погребения 9. Её рыхлое черноземное заполнение плотно утрамбовано и превращено в дно камеры. Здесь разместили останки трёх умерших. Их кости были сгруппированными, но не в виде пакетов – черепа уложены с юга, с севера – кости конечностей, а в центре – ребра, крылья таза, позвонки и пр. (рис. 56, 1).

Позднекатакомбные погребения из раскопок экспедиций Далевского университета проявляют культурную окраску целого ряда образований. Среди них выделяется харьковско-воронежский элемент, особо выраженный в формах и орнаментации керамики. Бесшейный приземистый сосуд с раздутыми боками из кург. 6, погр. 3 у ЛЖЗ (рис. 20, 8) относится к реповидным формам, характерным для харьковско-воронежских и маньчжских памятников. Его шнуровая орнаментация в виде поясков из обращённых вверх полуокружностей наблюдается среди декоров керамических коллекций из харьковско-воронежских поселений Подонцовья (Алёшин Ручей, Серебрянское) [Санжаров, 2010, с. 84, рис. 43, 3; с. 114, рис. 71, 2, 8], сосудов из погребений у Безгиново (кург. 1, погр. 5) [Смирнов, 1996, с. 167, рис. 34, 9] и Невского (кург. 4, погр. 4) [Санжаров, 2010, с. 320, рис. 210, 12, 15]. Особенностью реповидного горшка из Приволья (кург. 11, погр. 8) является отложной воротничковый венчик и вогнутое днище [Братченко, Санжаров, 2001, с. 11, рис. 5, 4]. Подобные типы, как считает А.В. Кияшко, характеризуют раннеманьчжскую группу, синхронную позднедонецким древностям [Кияшко, 2002, с. 28].

Приземистые формы с короткой раструбной шейкой, орнаментированные по горлу и под венчиком одиночными поясками из косых насечек, защипов и валиков, с грубыми расчёсами на корпусе (ЛЖЗ, кург. 3, погр. 2; Шипиловка, кург. 1, погр. 8) (рис. 64, 1; рис. 56, 2, 3), отмечены в керамических комплексах донецких харьковско-воронежских поселений (Славяногорское, Проказинское, Серебрянское, Трёхизбенское) [Санжаров,

2010, с. 39, рис. 10, 2-4; рис. 25, 5, 6, 14, 16; с. 111, рис. 68, 4-6; с. 161, рис. 111, 4, 6, 15]. Примечательный приземистый горшок с невыраженной шейкой и валиком под венчиком из Шипиловки (кург. 1, погр. 8) (рис. 56, 3) идентичен сосуду с декором из оттисков «гусенички» в ёлочку из харьковско-воронежского захоронения у с. Райгородка в верховьях Жеребца (кург. 1, погр. 3) [Санжаров, Черных, 2011, с. 121, рис. 3, 5]. Формы опуклобоких экземпляров с высокой раструбной шейкой из Шкляра (кург. 1, погр. 5) (рис. 36, 3, 4) полностью соответствуют поселенческой харьковско-воронежской керамике (Проказинское, Алёшин Ручей, Серебрянское) [Санжаров, 2010, с. 61, рис. 23, 10; с. 79, рис. 39, 3-14; с. 107, рис. 64].

От харьковско-воронежской керамической традиции несколько отличается приземистый горшок с почти прямой короткой шейкой и покатыми плечиками из погребения с сильно скорченным умершим с кистями рук у лица (Шкляр, кург. 1, погр. 9) (рис. 39, 2). Сосуды с низкими покатыми или уплощёнными плечиками иллюстрируют уже позднейший катакомбный признак и более характерны для среднедонской абашевской культуры и финальнокатакомбных древностей Подонцовья (посуда из абашевских погребений Пришибского и Славяногорского курганов, финальнокатакомбная керамика из поселений Серебрянское, Надтеррасное, Черниково Озеро 1) [Санжаров, 2010, с. 117, рис. 73; с. 142, рис. 94, 11; с. 179, рис. 127, 2, 4, 5; с. 349, рис. 225, 6, 7, 13].

Общий состав позднекатакомбного погребального инвентаря отличается известным аскетизмом, скромностью, что связано с изменениями в идеологической сфере конца среднего и начала позднего бронзового веков [Братченко, Санжаров, 2001, с. 80]. Только в одной поздней катакомбе у ЛЖЗ (кург. 6, погр. 3) найдено бронзовое четырехгранное шильце с коротким насадом (рис. 20, 9).

Между тем, позднекатакомбные захоронения представителей родо-племенной знати по-прежнему выделяются богатством и разнообразием погребального имущества. На Северском Донце к этой группе относятся два захоронения (одно – позднедонецкое, другое – манычское) у Беловодска (кург. 6, погр. 2 и 9) с редчайшими наборами бронзовых инструментов – проушные топоры, тесла, долота, крюки, ножи и шилья [Братченко, Санжаров, 2001, с. 26, рис. 15, с. 40, рис. 24]. В регионе Привольнянской излучины в кургане у Приволье (кург. 11, погр. 8) встречено аналогичное погребение с керамикой бахмутско-манычского типа, содержащее бронзовые проушной топор с остатками деревянной рукояти, нож со сточенным треугольным лезвием и четырехгранное шило, относящиеся к позднекатакомбному костромскому времени [Братченко, Санжаров, 2001, с. 11, рис. 5; с. 12, рис. 6; с. 95-96]. А.В. Кияшко видит в этих комплексах более ранние элементы и синхронизирует их с привольнянским этапом кавказской металлургии эпохи средней бронзы [Кияшко, 2002, с. 28-29].

Интересна находка деревянной чаши с бронзовым гвоздиком, скрепляющим трещину (ЛИСПИ, кург. 1, погр. 4) (рис. 46, 4, 5). В позднекатакомбное время для ремонта деревянной посуды также применялись бронзовые скобы (Беловодск, кург. 6, погр. 1)

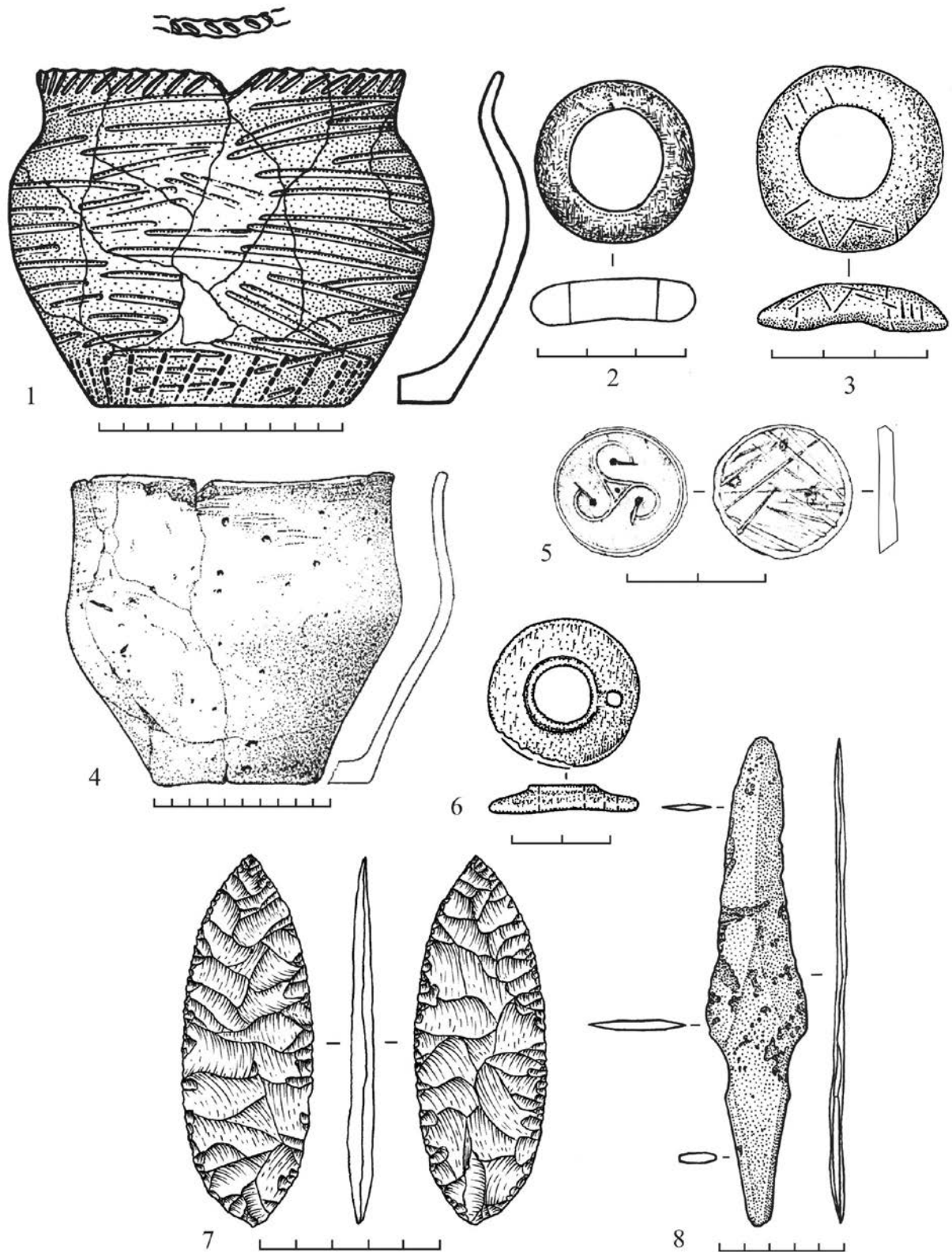

Рис.64. 1,2 – Лисичанск, ЛЖЗ, кург. 3, погр. 2; 3 – Лисичанск, Шкляр, кург. 2, погр. 1;
 4,5 – Шипиловка, кург. 1, погр. 1; 6 – Лисичанск, Шкляр, кург. 1, погр. 8;
 7 – Лисичанск, Шкляр, кург. 1, погр. 5; 8 – Лисичанск, ЛЖЗ, кург. 6, погр. 1

[Братченко, Санжаров, 2001, с. 20, рис. 11, 6], выполняющие дополнительную функцию элементов декора.

Интерес вызывают находки кремневого остроконечника (Шкляр, кург. 1, погр. 5) и костяной пряжки (ЛЖЗ, кург. 3, погр. 2).

Кремневый остроконечник (рис. 64, 7) изготовлен из качественного минерала серого цвета и представляет бифасное остриё лавролистной формы, заострённое с обоих концов. Лезвийная часть покрыта струйчатой ретушью. На поверхности заметны следы залощённости, указывающие на его использование в качестве режущего орудия. Данное изделие идентично остроконечникам из харьковско-воронежских захоронений у Невского (кург. 5, погр. 1) и Райгородки (кург. 1, погр. 6) **[Санжаров, Черных, 2011, с. 124, рис. 5, 3; с. 131]**, Говорухи (кург. 7, погр. 2) **[Смирнов, 1996, с. 174, рис. 41, 13]** и Николаевки (кург. 7, погр. 8) **[Братченко, 2009, с. 182, рис. 45, 19]**.

Своей формой бифасные позднекатакомбные остроконечники-ножи восходят к позднемьямным и раннекатакомбным кремневым остриям, заострённым лишь с одного конца. Остроконечник лавролистной формы из ранней катакомбы у Голубовского (кург. 1, погр. 1 Б) был заострён, судя по всему, с обоих концов и мог служить режущим бифасным орудием – ножом **[Самойленко, 1991, с. 145, рис. 2, 4]**.

Костяная пряжка из ЛЖЗ (кург. 3, погр. 2) (рис. 64, 2) сопоставима с пряжкой из позднекатакомбного погребения у Белояровка (кург. 5, погр. 1) **[Санжаров, 2003, с. 239, рис. 1, 5]** и подтверждает позднекатакомбный генезис целой группы подобных изделий из финальнокатакомбных захоронений, трактуемых в виде ранних погребений культуры многоваликовой керамики. Наиболее яркие образцы костяных кольцевидных пряжек происходят из Николаевки (кург. 1, погр. 8) и Беевой Могилы у Пантелеймоновки (кург. 1, погр. 3) **[Полидович, 1993, с. 60, рис. 26, 2; с. 91, рис. 52, 4]**, а также из Цимлянки II (кург. 1, погр. 3) **[Литвиненко, 1998, с. 103, рис. 2]**. В 1991 г. у Приволья в финальнокатакомбном погребении (кург. 1, погр. 5) костяная кольцевидная пряжка найдена в комплексе с фигурной (зооморфной) **[Кульбака, Качур, 2002, с. 75, рис. 19, 1-3]**.

Кольцевидные костяные пряжки из позднекатакомбных и финальнокатакомбных захоронений имеют сопоставимые размеры – внешний диаметр 3,2-3,4 см, внутренний – 2-2,1 см. Соответствия им происходят из позднекатакомбных погребений Нижнего Дона могильника Другой (кург. 1, погр. 1) **[Рогудеев, 2001, с. 107-109, рис. 1, 4, 5]** и у с. Берданосовка (кург. 4, погр. 17) **[Беспалый, 2002, с. 156, 182, рис. 182, 3]**. В последнем случае внешний диаметр пряжки составлял всего 2,7 см. Кольцевидные костяные пряжки встречены совместно с древнейшими типами фигурных (зооморфных) в памятниках средней бронзы Среднеокского региона при вытянутых костяках Шагарского могильника у деревни Барское на Рязанщине **[Каверзнева, 2003, с. 145-146, рис. 1, 1, 4, 6]**. Нельзя исключать, что шагарские изделия синхронны не только раннемноговаликовым **[Литвиненко, 2004, с. 271]**, т.е. финальнокатакомбным, но и позднекатакомбным пряжкам.

Происхождение кольцевидных пряжек связано с костяными кольцами, нередко фиксируемыми на пальцах умерших в катакомбных захоронениях развитого и позднего периодов [Санжаров, 2004, с. 244-245, рис. 2]. Эти изделия диаметром около 2 см в катакомбных погребениях не всегда присутствуют в виде украшений и порой входят как сверху на костяках, так и вблизи них. В захоронении у Керчика (кург. 16, погр. 17) костяное кольцо диаметром 2,5 см обнаружено у шейных позвонков костяка [Парусимов, 1999, с. 21, 74, рис. 45, 1, 2]. В катакомбе из могильника Бессергеновский III близ Таганрога (кург. 9, погр. 3) кольцо диаметром 2,6 см выявлено за тазовыми костями [Яценко, 2005, с. 113, 125, рис. 3, 3]. В поздней катакомбе у пос. Тельмана в Луганске (кург. 1, погр. 6) костяные кольца найдены непосредственно на крыльях таза погребённых [Василенко, 2001, с. 312].

Самый ранний факт использования костяных колец в качестве пряжек зафиксирован в раннекатакомбном погребении в Северном Приазовье (Аккермень 1, кург. 17, погр. 1). Здесь на груди умершего встречено кольцо диаметром 2,7 см [Вязьмітіна, Іллінська, Покровська, Тереножкін, Ковпаненко, 1960, с. 96, 121, рис. 74, 18]. Вероятно, на протяжении всех катакомбных периодов небольшие костяные кольца повсеместно использовались не только как украшения, но и в виде ременных или поясных застёжек-пряжек.

Отдельную группу позднекатакомбных погребений представляют захоронения в ямах с уступами и узких подбоях. Основное погребение у Шкляра (кург. 1, погр. 10) совершено в яме с боковыми уступами, перекрытой накатником из брёвен (рис. 39, 1). Подобные позднекатакомбные конструкции Северского Донца хорошо известны и сопровождаются типичным поздним катакомбным инвентарём [Санжаров, 2002, с. 17-30]. Серия этих захоронений фиксирует важные изменения позднекатакомбной обрядности, которые станут определяющими на финальнокатакомбном этапе – направление погребальных сооружений с отклонениями по линии В – З, западная и восточная ориентация умерших, их правобочное и левобочное слабоскорченное размещение, укладка частей жертвенных животных за пределами деревянных конструкций при общем доминировании катакомбной материальной культуры. По наблюдениям В.В. Рогудеева, в позднекатакомбное время начинается чуть ли не массовый переход к погребениям в ямах и распространяется левобочная укладка умерших [Рогудеев, 2000, с. 88]. На позднем катакомбном этапе усиливается традиция основных захоронений с последующим возведением курганных насыпей, встречаются могилы с массовыми захоронениями тел со следами насильственной смерти, свидетельствующие о конфликтных ситуациях в связи с появлением мигрирующего чужеродного населения [Санжаров, 2002, с. 23].

В восточной половине кургана у Шкляра выявлены два погребения в подбоях (погр. 4 и 9). Дно узкой входной шахты погребения 4 имело вид ступенчатого спуска в камеру типа небольшого щелевидного подбоя (рис. 36, 1). Умерший размещён на правом боку в сильноскорченном положении с руками, согнутыми в локтях, и кистями, направленными к лицу. В аналогичной специфической для позднекатакомбной

обрядности поспе находилсЯ и умерший в погребении 9 (рис. 39, 1), устроенном в восточной части ямы основного захоронения.

Направленность кистей рук к лицевой части в позднекатакомбном погребальном обряде фиксируется неоднократно, как и левобочное скорченное размещение [Черных, Санжаров, Рындыч, Дубровский, 2013, с. 174]. Сильноскорченное положение костяка с кистями рук у лица отмечено в позднекатакомбном погребении 12 кургана 1 у Лисичанского хлебозавода [Шаталин, 1973]. Ему соответствует подбойное погребение у Андреевки (кург. 1, погр. 1) из Северо-Восточного Приазовья с сосудом биконической формы и обильным набором украшений [Санжаров, Привалов, 2006, с. 188-189, рис. 1]. Выразительное подбойное захоронение исследовано на Нижнем Дону близ с. Киевка (могильник Лысянский I, кург. 2, погр. 6), в котором в узком подбое размещён костяк взрослого человека в сильноскорченном положении на левом боку с северной ориентировкой. Руки согнуты в локтях – кисть правой направлена к подбородку, а левой – уложена на груди. Сопровождал погребённого разнообразный состав украшений, включая фаянсовый бисер и бородавчатые пронизи [Парусимов, 1997, с. 13, 44, рис. 16, 7-1].

Подбойные захоронения являются иллюстрацией сложного процесса трансформации позднекатакомбной погребальной обрядности в финальнокатакомбную, сопровождаемую модификациями ритуальных элементов и деталей погребальных устройств [Санжаров, Привалов, 2006, с. 191]. Выразительным примером возникновения финальнокатакомбных обрядовых характеристик предстает основное позднекатакомбное захоронение в кургане близ Закотного на Айдаре (кург. 1, погр. 8) в яме с подбоями под тремя стенками в виде подземной камеры, перекрытой горизонтальным заслоном из дерева. Взрослый умерший с южной ориентацией находилсЯ в скорченном положении на правом боку с вытянутой вдоль туловища правой рукой и согнутой левой. В могиле найден приземистый сосуд с прямой шейкой, орнаментированный круговыми рядами зигзагообразных валиков с ногтевой насечкой. На поверхности погребённой почвы вокруг захоронения прослежены древесный уголь и следы тризны с обломками сосудов с валиковым декором [Санжаров, 2013, с. 146-148, рис. 6]. Элементы погребальной обрядности данного захоронения (яма с деревянным перекрытием, остатки тризны со следами древесного угля и обломков сосудов с валиковым орнаментом) станут одними из ведущих на финальном этапе катакомбной культурной общности.

Доминирующие для всего позднекатакомбного образования Подонцовья культурные тенденции наглядно демонстрирует один из крупнейших курганных могильников у с. Ново-Платоновка на Осколе. В девяти курганах здесь раскопано 24 погребения харьковско-воронежской катакомбной культуры [Берестнев, 1995, с. 134-155]. Весомую роль практики основных захоронений подтверждает тот факт, что во всех девяти курганах основными были только катакомбные погребения – 37,5 % общего количества. В одной катакомбе (кург. 2, погр. 3) умерший размещён в скорченном положении на левом боку. Своеобразен состав погребального инвентаря. Почти во всех захоронениях

присутствовали керамические сосуды, в четырёх выявлены деревянные блюда. Посуда предназначалась для вмещения напутственной пищи и не ставилась вверх дном. С этой же целью в могилы помещались части тел животных – черепа с конечностями крупного и мелкого рогатого скота, свиньи, рёбра – 66,6 % захоронений. В двух случаях на умерших находились нательные украшения в виде височных подвесок и бусин. Только в шести катакомбах (четверть всех погребений) найдены орудия труда, иногда совместно с украшениями. В их состав входили производственный набор для изготовления кремневых наконечников и древков стрел, роговой и каменные топоры-молотки, два бронзовых ножа, шило и комплект из 18 костяных колец. Весомой задачей позднекатакомбной погребальной обрядности представляется обеспечение умерших продуктами питания, что объясняется частыми находками керамической и деревянной посуды, а также костей животных. За исключением нательных украшений, инвентарь весьма лимитирован и беден по ассортименту.

Тожественный характер имели основные и впускные харьковско-воронежские погребения могильника у пос. Степной под Краматорском – сопровождалась керамической посудой и костями домашнего скота, нательными украшениями при полном отсутствии орудий труда [**Посредников, Привалов, Зарайская, 1996, с. 109-129**].

Особенностью харьковско-воронежской катакомбной культуры Среднего Дона (среднедонская культура) считается широкое использование как катакомбных погребальных устройств, так и обычных ямных конструкций. Из всего массива катакомбных захоронений Среднедонского региона, проанализированных Т.Ю. Березуцкой, на катакомбы приходится 51,9 %, а на захоронения в ямах – 42,2 % погребений.

В границах правобережного варианта, сопредельного с бассейном Северского Донца, наблюдается высокий процент основных катакомбных погребений и многочисленные досыпки насыпей над впускными [**Березуцкая, 2003, с. 28, 65**]. Доминируют захоронения VII и X обрядовых групп, отличающиеся размещением умерших в скорченном положении на правом боку с вытянутыми к тазу руками и в скорченном положении на левом боку с вытянутой вдоль тела левой рукой и согнутой в локте правой, уложенной поперёк туловища. Во всех могильниках VII обрядовой группы, за небольшим исключением, катакомбные погребения являлись основными в курганах [**Березуцкая, 2003, с. 40-41, 65, 69**].

Яркие признаки харьковско-воронежской катакомбной культуры из числа рассмотренных – практика основных погребений, возведение курганов и курганных досыпок, захоронения в ямных конструкциях, укладка умерших в скорченном положении на левом и правом боках и сопровождение их напутственной пищей в виде мяса крупного и мелкого рогатого скота впоследствии станут ведущими в облике ранней многовазовой культуры, свидетельствующими об их генетических связях [**Братченко, 1977, с. 32-42; Шарафутдинова, 1987, с. 43**].

Важным обстоятельством представляются наблюдения о том, что на позднем этапе катакомбной общности Подонцовья основные катакомбные погребения преоблада-

дали в составе больших катакомбных курганных могильников. Так, при исследовании 20 курганов самого крупного катакомбного некрополя Северского Донца – Сватовского могильника, в 13 курганах основными оказались катакомбные захоронения **[Братченко, 2004, с. 172]**.

Позднекатакомбные культурные образования Подонцовья не имеют чётких границ и нередко территориально накладываются друг на друга. По справедливому замечанию В.В. Отрощенко, именно разнообразие катакомбных культур Северского Донца, на позднем этапе демонстрирующих тенденцию культурной дезинтеграции и деградации катакомбного типа погребальных сооружений, привело в итоге к исчезновению катакомбной общности **[Отрощенко, 2001, с. 29-30]**.

Инвентарный комплекс, прежде всего керамический, начинает фиксировать инновации – модифицируются профили сосудов с прочерченным и валиковым орнаментами. Плечики становятся более отвесными, что приводит к возникновению колоколовидных форм. В декоре постепенно доминируют валики с крупными пальцевыми вдавлениями, прочерченные зигзаги, треугольные фигуры и паркетные мотивы.

Несмотря на начало процессов трансформации в позднем периоде, катакомбные культурные традиции остаются ведущими и преобладающими как в обрядности, так и в инвентаре. В абсолютных датах позднекатакомбный период определяется 2300-2000 гг. до н. э. **[Братченко, 2001, с. 47]**.

3.3. Захоронения финальнокатакомбного периода

Длительное время особенности финального периода катакомбной культурно-исторической общности не были определены и изучены, т.к. отсутствовали общепринятые признаки предшествующего позднекатакомбного периода.

Начало изучения финальнокатакомбных древностей приходится на середину 50-х годов прошлого столетия, когда в состав поздних катакомбных материалов была включена обширная группа степных и лесостепных поселенческих памятников, керамический комплекс которых демонстрировал доминирование своеобразных орнаментов в виде всевозможных сочетаний налепных валиков с прочерками и ногтевыми защипами **[Попова, 1955, с. 38]**. В условиях отсутствия четких представлений о содержании позднего этапа катакомбной культуры поселенческие комплексы с весьма специфической многоваликовой керамикой выглядели контрастно на фоне устоявшихся катакомбных стандартов, в связи с чем и были отнесены С.С. Березанской и О.Г. Шапошниковой к «особой, совершенно самостоятельной этнической группе» **[Березанская, Шапошникова, 1957, с. 272]**. Вскоре С.С. Березанская поставила вопрос о выделении поселенческих древностей с многоваликовой керамикой в особое культурное явление, историческое образование, синхронное катакомбной культуре, а поселение Бабино III на Днепре возвела

в ранг эталонных среди бытовых объектов с многоваликовой керамикой [Березанская, 1960, с. 27, 40-41]. Этим самым, как отметила Т.Б. Попова, С.С. Березанской был поставлен вопрос о выделении не группы, а «культуры многоваликовой керамики» [Попова, 1960, с. 42]. Таким образом, именно керамика из поселений позволила рассматривать памятники с многоваликовой керамикой в качестве особой культуры [Братченко, 1985, с. 453].

Исследователь Бабинского поселения А.В. Добровольский отмечал, что его личными раскопками только начато изучение памятников с многоваликовой керамикой, а поселение Бабино III отнёс к позднекатакомбному времени [Добровольский, 1957, с. 45]. Занимаясь поиском аналогий материалам Ливенцовского поселения и Ливенцовской крепости, к комплексам Бабинского поселения обратился С.Н. Братченко. Он уточнил, что культурные напластования поселения Бабино III оставлены в процессе функционирования двух одновременных жилищ, рассмотрел особенности археологического содержания памятника, включая керамику как ведущее слогаемое культуры, и предложил переименовать культуру многоваликовой керамики из-за громоздкости термина в бабинскую культуру, генетически связанную с харьковско-воронежской катакомбной, но представляющую иное образование с «существенными переоформлениями и нововведениями в культуре» [Братченко, 1977, с. 23-41].

Достаточно долго культура многоваликовой керамики иллюстрировалась исключительно поселенческими памятниками. Вычленив соответствующие ей погребения на основе курганных комплексов Северского Донца удалось И.А. Писларю. Благодаря находкам многоваликовой керамики в захоронениях, он определил скорченные на левом и правом боку погребения как в простых ямах, так и в ямах с деревянными ящичными (рамочными) конструкциями. В раннюю группу включены захоронения с западной ориентацией умерших, содержащие в ограниченном количестве инвентарь катакомбного облика, в среднюю – погребения с правобочной и левобочной укладкой, ориентированные на восток и запад, в позднюю – исключительно с восточной ориентацией. Было указано, что выделенные захоронения представляют группу «позднейших катакомбных погребений», в сложении которой приняли участие ямный, позднекатакомбный и абашевские субстраты [Писларий, 1983, с. 12-21], что означало констатацию её исключительно финальнокатакомбного характера.

К ранней группе погребений культуры многоваликовой керамики Северо-Восточного Приазовья А.И. Приваловым отнесены захоронения в ямах с подбоями [Привалов, 1980, с. 72-73]. Позднее О.Р. Дубовская зафиксировала первичную стратиграфическую позицию погребений культуры многоваликовой керамики Северского Донца и Северо-Восточного Приазовья, совершённых в простых ямах с деревянным перекрытием без ящичных (рамочных) внутримогильных конструкций [Дубовская, 1985, с. 19, 21]. В 1992 г. В.В. Отрощенко выделил в качестве ранней обрядовую группу правобочных захоронений с восточной ориентацией костяков, сопровождаемых находками керамических сосудов [Отрощенко, 1992, с. 163-165].

Суммируя итоги изучения культуры многоваликовой керамики, С.С. Березанская обосновала необходимость выделения её двух основных этапов – раннего и позднего, дала характеристику локальным проявлениям и указала на преемственность с катакомбной и синхронность с абашевской культурами **[Березанская, 1986, с. 35-37]**. Разделение культуры многоваликовой керамики не на три, а на два этапа (ранний и поздний) поддержано В.В. Отрощенко, предостерегшим от искушения в выделении её промежуточного (среднего) этапа **[Отрощенко, 2001, с. 88-97]**.

В результате исследования катакомбных поселений был установлен факт неоспоримой общности и прямой преемственности между позднекатакомбными и многоваликовыми керамическими комплексами. После раскопок позднекатакомбного поселения Матвеевка I уже в 1989 г. В.И. Никитин дальновидно предложил рассматривать культуру многоваликовой керамики в качестве позднейшего хронологического пласта катакомбной культуры «на её конечном этапе», т. е. фактически в качестве финальнокатакомбной **[Никитин, 1989, с. 146]**. Дальнейшие исследования представительной серии позднекатакомбных поселений Северского Донца привели к аналогичным выводам. Донецкие поселения дали убедительные свидетельства эволюционного перерастания под инокультурным абашевским воздействием позднекатакомбного керамического комплекса в финальнокатакомбный, что обязывает трактовать ранний этап культуры многоваликовой керамики в качестве финальнокатакомбного **[Санжаров, 2010, с. 23]**. Предвидя подобную ситуацию, С.С. Березанская вынуждена была констатировать мучительную и малорезультативную историю культуры многоваликовой керамики без четких признаков и общей её поликультурности **[Березанская, 1998, с. 60-65]**.

На момент переименования культуры многоваликовой керамики в бабинскую С.Н. Братченко исходил из однородности общего культурного слоя Бабинского поселения, в котором два жилища маркируют ранний и поздний этапы. На тот момент еще не были изучены массовые поселенческие и погребальные источники культуры многоваликовой керамики, иллюстрирующие отсутствие единства культурного содержания двух ее этапов – раннего и позднего и почти прямую идентичность первого этапа финальнокатакомбным древностям. Еще не было прямых доказательств того, что поселение Бабино III не является гомогенным памятником. Только после массовых исследований бытовых источников выяснилось, что ранний слой Бабинского поселения отражает позднекатакомбно-абашевский синкретизм, то есть содержание начального этапа финальнокатакомбного периода. Поздний – атрибутируется керамикой, известной из поздних погребений культуры многоваликовой керамики, и демонстрирует уже посткатакомбный культурный тип степной зоны Северного Причерноморья **[Санжаров, 2013, с. 77]**. Как теперь выясняется, переименовывать и давать археологической культуре новое название, название памятника, не являющегося однородным, было неоправдано – вместо старого громоздкого, но уже утвердившегося в археологии бронзового века наименования, появилось не совсем удачное новое, за которым стоит разнокультурное

содержание Бабинского поселения. Тем более что с материалами поселения Бабино III возможны сопоставления бытовых источников, но не погребальных, отличающихся обрядовой спецификой и крайней лимитированностью в инвентаре.

В границах общего культурного образования финальнокатакомбные и посткатакомбные древности продолжает рассматривать Р.А. Литвиненко, используя в последнее время термин «бабинская культура». Им предложена интерпретация её содержания в виде надкультурного явления – «культурного круга Бабино» [Литвиненко, 2003, с. 142-147], а позже – в виде Днепро-Донской бабинской культуры [Литвиненко, 2005, с. 157-187]. С трактовкой культуры многоваликовой керамики с её трехэтапным членением (по Р.А. Литвиненко) в виде бабинской культуры у исследователей возникает почти неодолимое препятствие с разграничением материального комплекса поселения Бабино III на хронологические группы, которые бы соответствовали трехэтапному разграничению погребальных источников культуры многоваликовой керамики (бабинской культуры), за исключением ранних (финальнокатакомбных) древностей.

В составе раскопанных курганов на территории Привольнянской излучины экспедициями Далеvского университета исследовано 4 финальнокатакомбных захоронения. Одно – в кургане у пос. Шкляр (кург. 2, погр. 1) (рис. 41, 1-3), а три – у с. Шипиловка (кург. 1, погр. 6, 7, 10) (рис. 55, 4, 5; рис. 59, 1).

В предыдущие годы здесь получено 8 финальнокатакомбных погребений. Два – при исследованиях курганов у ЛНПЗ, а шесть – у Приволья. В кургане 2 у ЛНПЗ финальнокатакомбное погребение 11 совершено с уровня древнего горизонта впритык к кургану и перекрыто с ним общей досыпкой [Братченко, 2001, с. 115, рис. 41]. Сильно скорченный умерший с кистями рук у лица ориентирован на запад и находился в яме с рамочной деревянной конструкцией. В кургане 3 этого же могильника финальнокатакомбное захоронение зафиксировано в центре насыпи. Погребенный с западной ориентацией уложен в слабоскорченной позе с коленями влево. Кисть левой руки направлена к лицу, правая рука находилась поперёк корпуса [Клименко, 1997, с. 8-9, рис. 3, 2].

В кургане 11 у Приволья основное финальнокатакомбное погребение 13 выявлено в прямоугольной яме. Умерший находился в слабоскорченном положении на левом боку с ориентацией на северо-запад. Руки разведены в локтях и кистями уложены на тазе. Погребённого сопровождал производственный набор – пара желобчатых абразивов, удлинённый оселок с желобками на концах, ископаемая раковина, каменный пест, клык кабана – отжимник, кремневые заготовки наконечников стрел и мелкие отщепы [Литвиненко, 1998, с. 101, рис. 1]. Второе основное погребение 2 кургана 11 содержало левобочный костяк с западной ориентацией и совершено в деревянной рамочной конструкции. С финальнокатакомбным захоронением 11 этого же кургана связано возведение второй насыпи. Два подобных основных погребения (погребения 2 и 3) исследованы в кургане 13 у Приволья. Оба совершены в прямоугольных ямах и содержали левобочные костяки с западной ориентацией [Литвиненко, 2000, с. 17, рис. 5, 1, 2; с. 78, рис. 2].

Ещё одно финальнокатакомбное захоронение у Приволья (кург. 1, погр. 5) исследовано в 1991 г. В.К. Кульбакой. Костяк размещен в яме с деревянным перекрытием в слабоскорченном положении на левом боку и ориентирован на запад. У таза найдены две костяные пряжки – одна кольцевидная, другая фигурная (зооморфная) **[Кульбака, Качур, 2002, с. 75, рис. 19, 1-3]**.

Финальнокатакомбное погребение из Шкляра (кург. 2, погр. 1) (рис. 41, 1-3), наряду с подобными из Приволья и ЛНПЗ, демонстрирует ранний тип могильных ям и укладку левобочного умершего в слабоскорченной позе с ориентацией на северо-запад. Захоронение относится к ранним памятникам культуры многоваликовой керамики в интерпретации И.А. Пислария, С.С. Березанской и бабинской культуры по С.Н. Братченко. Они отличаются впускным и основным характером в курганах, производством могил с уровня древнего горизонта у подножия насыпей с последующей общей досыпкой. В размещении наблюдается катакомбная традиция укладки рук у таза или одна поперёк туловища. Среди инвентаря – кольцевидные костяные пряжки. Экземпляр такой пряжки из Шкляра украшен насечками, основание уплощено (рис. 64, 3), что указывает на более позднюю разновидность по сравнению с пряжками с округлым сечением. Примечательны случаи совместного нахождения кольцевидных и фигурных (зооморфных) костяных пряжек. Последний тип С.Н. Братченко именовал дисковидно-планочными **[Братченко, 1995, с. 18-19]**. Я.П. Гершкович и С.Н. Братченко обратили внимание на один важный аспект изделий этого типа – одинаковый способ крепления к ремню через сквозные отверстия фигурных пряжек и абашевских дисковидных псалиев **[Гершкович, 1986, с. 142; Братченко, 1995, с. 18-19]**. В аналогичных захоронениях с западной ориентацией погребённых отмечены сосуды позднейших катакомбных форм с элементами абашевской керамической традиции **[Санжаров, 2010, с. 344, рис. 224, 7-22]**. Выявленный у Приволья (кург. 11, погр. 13) набор инструментов репрезентирует производственный комплекс для изготовления кремневых наконечников и древков стрел. Аналогичные комплекты с разнообразным ассортиментом изделий возведены в ранг ведущих катакомбных культурных атрибутов. В финальнокатакомбное время их состав значительно обеднен – результат угасания катакомбной традиции помещения с умершим специализированных комплектов инструментов **[Санжаров, 2008, с. 68-70]**.

Состав финальнокатакомбных изделий из кремня Подонцовья (отщепы с ретушью утилизации, режущие инструменты, скребла, скобели, комбинированные орудия и пр.) и технологические особенности их производства **[Разумов, 1999, с. 15]** почти полностью дублируют катакомбные типы и технологические традиции, свидетельствуют о сохранении значительного удельного веса кремня в хозяйственной деятельности.

В кургане у Шипиловки исследованы два правобочных захоронения с восточной ориентировкой (рис. 55, 4; рис. 59, 1). Они соответствуют ранней группе погребений культуры многоваликовой керамики, выделенной В.В. Отрощенко **[Отрощенко, 1992, с. 163-165]**. Оба последовательно совершены в околокурганное пространство

и сопровождались досыпками насыпи кургана, поглотившими места производства могил. Первоначально осуществлён выпуск погребения 6 в северо-восточную полу древнего кургана (рис. 52). Выкид из него уложен на поверхность погребенной почвы у самого подножия. Прямоугольная могильная яма, ориентированная с юго-восток-востока на северо-северо-запад, под южной стенкой имела ступеньку-уступ, а под северной – широкое углубление в виде подбоя. Погребенный размещён в сильноскорченном положении внутри деревянной рамочной конструкции. За ее пределами под сводом подбоя в ряд оставлены кости конечностей и череп овцы (рис. 55, 4). Сопровождаемая подсыпка насыпи перекрыла всю северную часть поверхности кургана.

К северу от края подсыпки в околочурганное пространство совершено второе погребение 10 (рис. 52). Оно произведено в яме с деревянным перекрытием. Слабоскорченный умерший размещён на правом боку с пятками, поджатыми к тазу. Руки согнуты в локтях и сведены вместе на груди (рис. 59, 1). Под западной стенкой ямы в ряд уложены два черепа овцы, а их конечности в виде пакета размещены в северо-западном углу. Производство захоронения сопровождалось мощной досыпкой курганной поверхности и смещением её центра к северу.

Практика основных финальнокатакомбных захоронений и их выпуск у подножий курганов с уровня древней поверхности с последующим перекрытием досыпкой представляет общую обрядовую особенность как левобочных погребённых с западной (ЛНПЗ, кург. 2, погр. 11), так и правобочных с восточной (Шипиловка, кург. 1, погр. 6, 10) ориентацией. В определённой мере она сопоставима с катакомбной традицией производства выпускных захоронений в самый край курганной насыпи с перекрытием досыпкой места выпуска. Если укладка рук с одной вытянутой вдоль туловища традиционна для катакомбного ритуала [Братченко, 1995, с. 19], то помещение согнутых рук на груди является спецификой абашевского обряда погребения [Ефименко, Третьяков, 1961, с. 55]. Размещение согнутых рук на груди зафиксировано и в детском финальнокатакомбном погребении 7 кургана 1 у Шипиловки (рис. 55, 5).

Актуальны данные антропологии о значительной близости физического типа катакомбного и многоваликового (финальнокатакомбного) населения Подонцовья. Если первые характеризуются мезокранными и долихокранными черепами (доля последних – 53,5 %), то вторые отличаются теми же формами с единственным различием в том, что у многоваликового населения «длинноголовые формы с высоким и узким лицом» встречаются «более часто» [Шепель, 1985, с. 10, 14].

В погребальном обряде и материальной культуре финальнокатакомбных древностей наблюдается отчётливый позднекатакомбно-абашевский симбиоз. Но материальный комплекс иллюстрирует большую степень эволюционного катакомбного развития и, по сути, является его финалом. Переход к ямным погребальным конструкциям с внутримогильными деревянными ящиками и рамами, преобладание западной и восточной ориентации умерших, их размещение в разной степени скорченности на левом

или правом боку, общее лимитирование количества погребального инвентаря, появление костяных фигурных (зооморфных) пряжек и оселков с концевыми прорезами носят не только инновационный, но и новационный характер, развивающийся внутри катакомбной общности на её финальном этапе.

Абашевский культурный импульс в позднекатакомбную среду, наглядно фиксируемый в керамическом комплексе нижнего слоя Бабинского поселения, не привёл к смене катакомбного культурного облика населения Северного Причерноморья, а лишь к его трансформации в финальнокатакомбный тип и переходу к заключительному периоду общего катакомбного культурогенеза. Датируется финальнокатакомбный период Северского Донца 21-20 веками до н.э. [Санжаров, 2010, с. 431-432].

3.4. Посткатакомбные и финальноабашевские погребения

С исчезновением финальнокатакомбной культурной традиции прекратила существование катакомбная культурно-историческая общность Северного Причерноморья. На смену ей пришли послекатакомбные культурные группировки. Новый период истории местного населения нередко именуется с использованием иноязычной приставки *post-*, соответствующей русскому слову «после». Немаловажно, что только археологические древности начального этапа посткатакомбного периода бронзового века уместно именовать посткатакомбными, поскольку хронологически следующие за ними культурные образования уже будут после посткатакомбными, т.к. непосредственно не сменяли катакомбные и не были изначально послекатакомбными.

Не совсем удачная попытка комплексно осветить актуальную проблему посткатакомбных культурных группировок в рамках их общности – блока, предпринята Р.А. Мимоходом [Мимоход, 2005, с. 70-73]. Автор сразу стал придерживаться ущербного подхода, впрочем, как и некоторые другие исследователи финала эпохи средней бронзы, считающие культуру многоваликовой керамики самостоятельным и самодостаточным археологическим образованием. В посткатакомбную общность им включены культурные группы (бабинская, лолинская и криволукская), занимающие территории катакомбных культур и «генетически связанные с предшествующим субстратом», надо понимать – катакомбным. Данные группы характеризуются целым комплексом тех же культурных признаков, что и позднекатакомбная общность – практика основных погребений, сооружение курганов и досыпок, использование ям, подбоев и катакомб для захоронений, левобочная и правобочная скорченная укладка умерших, тенденция к ограничению погребального приданого, распространение костяных кольцевидных пряжек. Эти признаки выражены в различных соотношениях, как и внутри отдельных позднекатакомбных группировок.

Итоговый вывод автора – «на основе катакомбных культур формируется блок посткатакомбных культурных образований» сразу же вызывает риторический вопрос:

в чем и в какой степени культурной независимости, самостоятельности проявляется послекатакомбный характер этого блока, если он генетически связан с катакомбными культурами и возник на основе этих же катакомбных культур? Выясняется, что под видом посткатакомбных культурных образований осуществляется трактовка не посткатакомбных групп, а финальнокатакомбных с яркими позднекатакомбными культурными традициями, трансформированными на заключительном этапе катакомбного культурогенеза. Явные противоречия наблюдаются в ситуациях, когда приверженцы «независимости и самостоятельности» пишут о возникновении культуры многоваликовой керамики «в позднекатакомбной среде» [Литвиненко, 1996, с. 49], но относят её к посткатакомбной общности.

Посткатакомбные погребальные древности, непосредственно сменившие финальнокатакомбные, соответствуют содержанию посткатакомбного пласта, представленного поздним горизонтом поселения Бабино III, маркируемого материалами жилища № 1 и примыкающей к нему глинобитной площадкой. Временная и культурная позиция этих позднейших бабинских поселенческих и погребальных материалов уже действительно репрезентирует посткатакомбный культурный тип степной зоны [Санжаров, 2013, с. 73-78].

В категории погребальных источников посткатакомбные древности соотносятся с позднейшими захоронениями культуры многоваликовой керамики, с памятниками её позднего хронологического пласта, обрядово-инвентарные признаки которого проявляют значительные отличия от раннего [Литвиненко, 2001, с. 166, табл. 1].

В отношении хронологической позиции поздних памятников культуры многоваликовой керамики С.И. Берестнев даже допускает частичную синхронизацию с ранним этапом срубной культуры [Берестнев, 2001, с. 67-72]. В курганной стратиграфии Северского Донца малочисленные посткатакомбные погребения следуют за финальнокатакомбными и предшествуют финальноабашевским (покровско-срубным).

На территории Привольнянской излучины исследовано три посткатакомбных захоронения. Одно выявлено в кургане у Шкляра (кург. 1, погр. 8) и два – близ Шипиловки (кург. 1, погр. 5, 11) (рис. 55, 2,3; рис. 59, 2, 3). К группе посткатакомбных относится и погребение подростка из раскопок Ю.А. Шаталина в 1973 г. у Лисичанского хлебозавода в районе Высокого леса (кург. 2, погр. 2) [Шаталин, 1973]. Умерший находился в овальной яме на левом боку в сильноискорченном положении с кистями рук у лица и был ориентирован на восток. У колен найдена овальная изогнутая пряжка без бортика с двумя отверстиями – центральным и боковым [Литвиненко, 2016, с. 21, рис. 12, 3]. В кургане у Шипиловки (кург. 1, погр. 5) костяк ребенка зафиксирован в насыпи. Умерший размещён на левом боку с кистями рук у подбородка и ориентирован на восток. Его сопровождал небольшой толстостенный баночный сосуд с прямыми стенками и массивным поддоном, украшенным крупными пальцевыми вдавлениями. Стенки сосуда орнаментированы оттисками гусеничного штампа в виде зигзага (рис. 55, 3).

Во втором погребении этого же кургана (погребение 11) костяк молодого человека находился в овальной яме в слое погребённой почвы. Размещён умерший в сильно-скорченном положении на правом боку и ориентирован на запад. Колени поджаты к груди и охвачены руками. Здесь же найдена небольшая толстостенная баночка на массивном поддоне со стянутым внутрь краем (рис. 59, 3). Банкообразные сосуды с прямыми стенками и стянутым внутрь краем представляют группу позднейшей керамики поселения Бабино III. Их орнамент обеднён и состоит из валиков, прочерков, зигзагообразных поясков из отпечатков мелких штампов **[Санжаров, 2013, с. 74]**.

В кургане у пос. Шкляр (кург. 1, погр. 8) костяк ребенка также находился в слое погребенной почвы и размещался в овальной яме. Умерший с западной ориентацией уложен под тупым углом скорченности на левый бок со стопами ног, поджатыми к тазу. Кисти рук направлены к лицу. Около локтей найдена небольшая круглая костяная пряжка с двумя отверстиями и невысоким бортиком вокруг центрального (рис. 64, 6). По данным Р.А. Литвиненко, круглые пряжки с бортиком (тип 2), с бортиком и боковым отверстием (тип 2о), овальные пряжки без бортика (тип 3) и с бортиком и боковым отверстием (тип 3о) характеризуют поздний (третий) этап Днепро-Донской бабинской культуры **[Литвиненко, 2016, с. 22, табл. 2]**. Все они выявлены при скорченных костяках преимущественно с восточной и южной ориентацией, что отличает захоронения как третьего, так и второго этапов **[Литвиненко, 2016, с. 8, рис. 1]**. Несмотря на включение скорченных левобочных костяков с кистями рук у лица или груди в рамки второго этапа, мы считаем возможным отнести погребение ребенка с пряжкой из Шкляра (кург. 1, погр. 8) к поздней группе. Если, по Р.А. Литвиненко, овальные пряжки с бортиком и боковым отверстием маркируют захоронения позднего (третьего) этапа Днепро-Донской бабинской культуры **[Литвиненко, 2016, с. 8, рис. 1]**, то их находки при скорченных левобочных костяках с южной (Полковое, кург. 1, погр. 3, Угледар, кург. 1, погр. 7) и западной (Крутенький 1, кург. 2/3, погр. 11) ориентацией должны свидетельствовать о позднебабинской (позднемоговаликовой) принадлежности данных групп погребений. Это же относится к той части круглых пряжек с бортиком с одним или двумя отверстиями, которые фиксируются в составе поздней обрядовой группы – левобочные костяки с кистями рук у груди или лица, ориентированные на восток и северо-восток **[Литвиненко, 2016, с. 12, рис. 4, 9, 14, 16; с. 14, рис. 5, 2, 12, 18; с. 15, рис. 6, 2, 6, 16; с. 19, рис. 10]**. Погребение из Шкляра (кург. 1, погр. 8) почти копирует захоронение в овальной яме с левобочным костяком и кистями рук у лица с юго-западной ориентацией из Николаевки (кург. 3, погр. 10). У локтей встречена круглая пряжка с двумя отверстиями и бортиком вокруг центрального **[Вангородская, Санжаров, 1991, с. 229, рис. 8, 4, 5]**. Близкое по типу захоронение с аналогичной пряжкой, но без второго бокового отверстия, происходит из Преображенного (кург. 1, погр. 11) **[Красильников, Литвиненко, 2000, с. 161, 176, рис. 2, 1, 2]**. При этом отличаются позы погребенных. Умерший из Преображенного уложен в скорченном положении на спине. Левая рука согнута в локте и кистью размещена на груди, а правая уложена поперёк туловища.

Как у Шкляра, так и у Преображенного пряжки найдены около локтя (в последнем случае у локтя левой руки). Пряжка из Преображенного значительно крупнее и в диаметре составляет 3,8 см, тогда как диаметр пряжки из Шкляра – всего 2,8 см. Захоронение из Преображенного авторы публикации атрибутируют средним этапом культуры многоваликовой керамики, а определителем этого этапа считают круглые пряжки с бортиком вокруг центрального отверстия **[Красильников, Литвиненко, 2000, с. 170]**.

В вопросе хронологического соотношения круглых пряжек с бортиком и овальных с двумя отверстиями и бортиком вокруг центрального важна ситуация с посткатакомбными впускными захоронениями в курганах 1 и 2/3 могильника Крутенький 1 на Нижнем Дону **[Парусимов, 2002, с. 250-252]**. В их насыпях исследовано сразу 7 посткатакомбных погребений в однотипных позах – скорченное размещение умерших на левом боку с кистями рук у лица или груди. Одно погребение (кург. 2/3, погр. 9) являлось основным в межкурганном пространстве и соединило досыпкой курганы 2 и 3 в длинную насыпь – курган 2/3. Все умершие направлены на запад с небольшими отклонениями к югу. При одном из них (кург. 1, погр. 4), ориентированном на ЮЗЗ, у локтя левой руки встречена круглая пряжка с бортиком вокруг центрального отверстия **[Парусимов, 2002, с. 259, рис. 3, 4]**. Около левого предплечья другого (кург. 2/3, погр. 11), также ориентированного на ЮЗЗ, находилась овальная пряжка с бортиком и двумя разновеликими отверстиями **[Парусимов, 2002, с. 263, рис. 7, 3]**. Однотипность и обрядовая общность захоронений указывают на их синхронность в пределах очень узкого отрезка времени.

Исходя из двухэтапного членения культуры многоваликовой керамики, круглые костяные пряжки с одним центральным отверстием и выступающим вокруг него бортиком действительно можно считать маркером, разграничивающим раннюю и позднюю многоваликовую культуру. Уже в рамках позднемноговаликовых древностей возникают две позднейшие синхронные разновидности пряжек с бортиком – круглые и овальные с боковыми периферийными отверстиями. Более крупные округлые пряжки с втулками и боковым отверстием и без него связаны и с абашевскими захоронениями Донецко-Волжского региона. Овальная пряжка с небольшой втулкой найдена в Кондрашевском кургане с характерным абашевским инвентарём **[Матвеев, 1996, с. 29-30]**.

В типолого-хронологической схеме развития пряжек культуры многоваликовой керамики, предложенной Р.А. Литвиненко в 1996 г., овальные пряжки с бортиком и боковым отверстием отсутствуют. Пряжки овальной формы без бортика с центральным и боковым отверстиями в этой схеме сменяют тип круглых пряжек с бортиком и боковым отверстием. В то же время данный тип имеет на этапе сосуществования «переходные» формы с типом круглых пряжек с одним центральным отверстием и бортиком вокруг него. Наличие подобных «переходных» форм между круглыми пряжками с бортиком и боковым отверстием и овальными пряжками без бортика с боковым отверстием предложенная схема не предусматривает **[Литвиненко, 1996, с. 48]**, хотя их следует предполагать с учётом находок из позднего слоя поселения Бабино III.

С.Н. Братченко относит круглые пряжки с бортиком к переходному типу между круглыми кольцевидными, известными из позднекатакомбных и финальнокатакомбных захоронений, и массовыми круглыми, овальными и подпрямоугольно-округлёнными, имеющими два отверстия – центральное и боковое. Они происходят из сильноскорченных захоронений с позицией рук перед грудью-лицом, ориентацией на восток, северо-восток, север, юго-восток, запад и относятся к «позднейшим предметам в культуре Бабино» [Братченко, 1995, с. 19-20].

Синхронна пряжке с бортиком и двумя отверстиями из пос. Шкляр овальная пряжка с двумя отверстиями из позднего горизонта поселения Бабино III. И хотя автор раскопок А.В. Добровольский не акцентирует внимание на наличие бортика вокруг центрального отверстия и в числе прочих находок просто называет овальную пряжку «с отверстием посередине и дырочкой у края» [Добровольский, 1986, с. 45], на её первичном рисунке светотенью отображён выступающий бортик вокруг центрального отверстия [Добровольский, 1957, с. 42, рис. 2, 4].

В последующей публикации пряжка была неудачно скопирована – её поверхность стала плоской, а изображение бортика сnivelировано [Березанская, 1960, с. 29, рис. 4]. В ещё более искажённом виде овальная пряжка с бортиком и боковым отверстием из Бабинского поселения предстаёт в публикации 1985 года [Братченко, 1985, с. 456, рис. 123, 10], а в монографии С.Н. Братченко 2006 года по Ливенцовской крепости вообще стала круглой и плоской [Братченко, 2006, с. 223, рис. 110, 16]. Из овальной формы в круглую с чётким бортиком вокруг центрального проёма и небольшим боковым отверстием пряжка из поселения Бабино III «преобразовалась» в одной из последних обобщающих статей С.С. Березанской [Березанская, 1986, с. 31, рис. 10, 15] и публикации О.Г. Вангородской [Вангородская, 1987, с. 43, рис. 3, 5].

Круглые и овальные пряжки с двумя отверстиями Э.С. Шарафутдинова относит к позднемоговаликовым древностям и отмечает их находки среди многоваликово-абашевских и абашевских памятников Среднего Дона [Шарафутдинова, 1987, с. 43]. На среднем и позднем этапах культуры многоваликовой керамики, по наблюдениям Р.А. Литвиненко, круглые и овальные пряжки с бортиками и без них с одним и двумя отверстиями (типы 2о и 3о) перестают группироваться в Доно-Днепровском регионе, включая Северский Донец, и их концентрация смещается к Днепру и его Правобережью [Литвиненко, 2009, с. 51, рис. 2].

Таким образом, культурный облик посткатакомбных памятников лишён катакомбного наследия и иллюстрирует самостоятельное археологическое образование. Временные рамки этой группировки древностей определяются окончанием финальнокатакомбного периода и приходятся на 19 век до н.э. [Санжаров, 2010, с. 431].

Уточнить специфику позднеабашевских и финальноабашевских погребальных памятников Северского Донца помогли раскопки Второго Пришибского кургана под Славяносербском. Здесь выявлены комплексы с керамикой позднеабашевского

облика, характеризующиеся захоронениями в ямах с внутримогильными деревянными конструкциями, слабоскорченным размещением умерших на левом боку с кистями рук у подбородка, ориентированными на север с отклонениями [Гершкович, 1982, с. 54-58]. О финальноабашевском времени пришибских погребений свидетельствует их промежуточное положение между посткатакомбными (поздними многоваликовыми) захоронениями и срубными, в то время как керамический комплекс проявляет позднеабашевские признаки.

В 1987 г. С.С. Березанская, основываясь как на поселенческих, так и погребальных источниках Северного Причерноморья, дала комплексную характеристику местным абашевским древностям и отметила известную условность их атрибуции абашевской культурой ввиду смешанного облика [Березанская, 1987, с. 32]. Вскоре О.В. Кузьмина установила поздний характер донецких абашевских материалов и сопоставила их с памятниками Покровского могильника в Нижнем Поволжье [Кузьмина, 1989, с. 119]. Уже в 1995 г. Р.А. Литвиненко в русле абашевско-срубных древностей представил эти материалы в виде памятников покровского типа [Литвиненко, 1995, с. 73-81]. Употребление словосочетания «памятники покровского типа» А.Д. Пряхин считает уместным только для понимания перехода от абашевской к срубной культуре [Пряхин, 2003, с. 62].

По своему содержанию абашевско-срубные древности следует рассматривать в качестве финальноабашевских, маркируемых керамикой позднеабашевского типа, а в погребальном обряде – чертами Покровского могильника Нижнего Поволжья. Территориально донецкие финальноабашевские погребальные памятники (памятники покровского типа в представлении Р.А. Литвиненко) сконцентрированы на большей части левобережья и в узкой 30 км зоне правобережья среднего течения Северского Донца с выходом на Донецкий кряж, т. е. непосредственно «накладываются» на основную зону предшествующих финальнокатакомбных (ранних многоваликовых) древностей [Литвиненко, 1995, с. 73, рис. 1, с. 80]. Граница этой зоны чётко определяется доминирующим ареалом распространения ранних типов пряжек – круглых кольцеобразных и фигурных (дисковидно-планочных) [Литвиненко, 2009, с. 51, рис. 2, А, Б]. Более 90 % финальноабашевских захоронений Подонцовья произведено исключительно в курганные насыпи, содержащие предшествующие финальнокатакомбные погребения, по своему культурному содержанию являющиеся синкретическими позднекатакомбно-абашевскими. Данное обстоятельство подтверждает, что мигрирующее финальноабашевское население воспринимало донецкие курганы с финальнокатакомбными захоронениями не в виде инокультурных, а в качестве кладбищ с могилами своих предков, представителей своего или родственного этноса [Санжаров, 2010, с. 356].

В пределах Привольнянской излучины исследовано шесть финальноабашевских погребений – пять в курганах у ЛЖЗ: кург. 3, погр. 4 (рис. 11, 7, 8), кург. 5, погр. 2 (рис. 16, 3, 4), кург. 6, погр. 2, 5, 8 (рис. 20, 5, 6, 11-13; рис. 21, 3-5) и одно в кургане близ Шипиловки (кург. 1, погр. 2) (рис. 53, 4, 5). В предшествующие годы в кургане 11 у При-

воля выявлено ещё два захоронения (погр. 6, 15) со слабоскорченными левобочными костяками, ориентированными на северо-северо-восток и северо-восток. Руки направлены к лицу. Погребённых сопровождали сосуды банковидных и горшковидных форм. Впущены захоронения в курган с двумя основными финальнокатакомбными могилами (погр. 2 и 3) [Литвиненко, 2000, с. 78, рис. 2].

В могильнике у ЛЖЗ отсутствовали финальнокатакомбные погребения и впуск финальноабашевских осуществлён в катакомбные насыпи (кург. 3 и 6). Над основным финальноабашевским захоронением (кург. 5, погр. 2) возведена собственная насыпь. В кургане у Шипиловки впуску финальноабашевского погребения предшествовало производство сразу нескольких финальнокатакомбных могил.

Погребения совершены в грунте курганных насыпей. Отмечены прямоугольные ямы с остатками деревянных перекрытий и ящичные конструкции из камней. Могильные устройства ориентированы по линии север-юг (рис. 20, 11; рис. 21, 4, 5). Для умерших характерны идентичные позы – слабоскорченная укладка на левом боку с кистями рук у подбородка или лица. В ориентации доминирующим является северное направление с отклонениями к западу или востоку.

Керамика представлена несколькими формами. Выделяются стройные горшки с прямыми слабораструбными шейками, очень низкими, покатыми плечиками и слегка приотрётными боковинами. Поверхность покрыта грубыми вертикальными расчёсами орнаментального характера и поясками косых оттисков зубчатого штампа (рис. 16, 4; рис. 53, 5). Отмечены горшки приземистых форм с раздутыми боковинами, приходящимися на верхнюю треть высоты корпуса, покатыми плечиками и короткими, слегка отогнутыми наружу, венчиками (рис. 20, 12, 13; рис. 21, 3). Эта разновидность близка срубным острорёберным горшкам и представляет их исходную форму. Лимитированный декор включает редкие вертикальные прочерки и оттиски гусеничного штампа на плечиках.

Прочий инвентарь ограничен и состоит из небольшого костяного колечка (рис. 11, 7, 8).

Финальноабашевский керамический погребальный комплекс тождествен финальноабашевской керамической коллекции из поселений Северского Донца [Санжаров, 2010, с. 291, рис. 199]. Он соответствует посуде из некоторых донецких покровских погребений в интерпретации Р.А. Литвиненко [Санжаров, 2010, с. 414, рис. 228].

Донецкие курганные захоронения наиболее позднего финальноабашевского типа проявляют признаки развитой срубной культуры. Эту группу погребальных памятников В.В. Отрощенко включает в состав покровской срубной культуры [Отрощенко, 1997, с. 72], т.е. уже постабашевского культурного образования, с которого и начинается поздний бронзовый век – 19-18 века до н. э. [Санжаров, 2010, с. 431].

3.5. Срубные развитые и поздние древности

Погребения срубной общности на территории Привольнянской излучины наиболее многочисленны. Экспедициями Далевого университета раскопано 31 такое захоронение. Они характеризуют различные этапы срубных древностей.

Выразительными являются погребения в простых ямах, ямах с деревянными срубными конструкциями и в каменных сооружениях. Умершие размещены в скорченном положении на левом боку с кистями рук у лица и ориентированы на северо-восток, восток. Среди прочих срубных погребений они занимают более раннюю стратиграфическую позицию и соответствуют представлениям о классической срубной культуре, выделенной на материалах Северского Донца В.А. Городцовым **[Городцов, 1905, с. 174-205]**.

В интерпретации Р.А. Литвиненко погребения развитой срубной культуры совершены в ямах, срубках и ориентированы в восточный сектор. Находки включают банки, горшковидные и острорёберные сосуды с пышным орнаментом, бронзовые ножи с перекрестиями развитых и поздних типов. Весь развитой срубный этап автор подразделяет на раннюю и позднюю ступени. Позднесрубные древности отличаются курганами, сложенными с применением камней, каменными погребальными конструкциями, впускным характером захоронений, ориентированных на восток и юго-восток. В составе посуды – банки и острорёберные сосуды **[Литвиненко, 1994, с. 7-8]**.

Основные срубные погребения с внутренними деревянными конструкциями встречены в курганном могильнике у ЛЖЗ. Прямоугольная яма, ориентированная по линии юго-запад–северо-восток, совершена с уровня погребенной почвы и окружена материковым выкидом (кург. 4, погр. 5) (рис. 14). Основу деревянной конструкции составляли две плахи, размещённые под короткими стенками ямы. Сверху с упором на них уложены продольные плахи перекрытия (рис. 15, 10). Скорченный левобочный умерший ориентирован на северо-восток. Позже в западную полу кургана впущено срубное погребение 4. Оно имело идентичное с погребением 5 устройство и ориентацию. У левобочного умершего кисти рук расположены у лица. Здесь же находился небольшой деревянный поднос, а в ногах – кости жертвенного животного (рис. 15, 8).

Стенки ям впускных погребений в этом же кургане (погр. 1, 2, 3) сложены из рядов каменных плит и их обломков. Плитами оформлены перекрытия могил (рис. 15, 1, 3, 7). Ориентированы данные погребальные сооружения как по линии юго-запад–северо-восток, так и с запада на восток.

Впускное срубное захоронение 1 кургана 5 могильника у ЛЖЗ совершено в прямоугольной яме с перекрытием из поперечных и продольных плах. Умерший уложен в скорченном положении на левом боку и ориентирован на восток (рис. 16, 5).

Прямоугольную деревянную конструкцию впускного погребения 1 кургана 6 у ЛЖЗ, совершенного в насыпи, формировали 4 плахи. Из них поперечные уложены сверху на края продольных (рис. 20, 1). Умерший находился в скорченном положении на левом

боку и ориентирован на северо-восток. Кисти рук направлены к лицу. В погребении найдены миниатюрный баночный сосудик, бронзовый нож с намечающимся перекрестьем, костяной цилиндр и кости жертвенных животных (рис. 20, 2-4). Впуск захоронения сопровождался значительной досыпкой насыпи первичного кургана.

Для впуска срубного погребения 3 в курган 1 у Шкляра в его северо-западном секторе была расчищена большая прямоугольная площадка (6,2х5,2 м) до уровня материка, ориентированная с юго-запада на северо-восток. В её пределах зафиксирован и материковый выкид из ямы погребения (рис. 33). На дне могилы имелась деревянная рамочная конструкция из 4 плах, уложенных под стенками. Перекрытие состояло из продольных плах. Рамочная конструкция под южной частью восточной стенки и северной частью западной стенки снабжена подпоркой из каменных плит (рис. 35, 5). Левобочный умерший находился в скорченном положении и ориентирован на северо-восток. Кисти рук направлены к лицу. В могильной яме найдены сосуд и кости жертвенного животного.

Интерес вызывает составное курганное сооружение в виде удлинённой овальной насыпи по линии север-юг, исследованное при раскопках кургана 7 у ЛЖЗ. Его основу формировали насыпи двух небольших первичных курганов, возведённых над основными срубными погребениями 8 и 9. Основные захоронения совершены в прямоугольных ямах, ориентированных с юго-запада на северо-восток и с юго-запада-запада на северо-восток-восток, и имели внутримогильные деревянные конструкции (рис. 23, 1). В пределах насыпей этих двух курганов впускные срубные захоронения концентрировались вокруг основных. Соединение насыпей в общий удлинённый курган произошло после совершения в их межкурганное пространство срубного погребения 2, досыпка над которым перекрыла два первичных кургана. Устроено захоронение 2 в большой квадратной яме. Под её стенками плахи образовывали внутримогильную рамочную конструкцию и продольно-поперечное перекрытие (рис. 24, 1). В центре обугленного деревянного перекрытия вверх дном оставлен высокий горшковидный сосуд (поставленный вверх дном сосуд находился и в погребении 8 этого кургана – рис. 26, 3). По мнению С.Н. Ляшко, переворачивание сосудов вверх дном в погребальном обряде имеет внутреннее смысловое содержание и выразительным образом фиксирует процесс перехода покойника в другой мир [Ляшко, 1996, с. 18]. Скорченный левобочный умерший с кистями рук у лица ориентирован на восток. В могиле найдены горшковидный сосуд и миниатюрная баночка. В юго-восточном и юго-западном углах ямы на уровне деревянного перекрытия выявлены кости конечностей барана, а под восточной стенкой – череп лошади (фото 14; рис. 24, 2-4).

В западный сектор уже новой насыпи удлинённого кургана произведено погребение 1 в каменной ящичной конструкции, направленной с юго-запада на северо-восток (рис. 23, 1, 3). Аналогичное впускное сооружение из каменных плит выявлено в насыпи кургана у Шипиловки (кург. 1, погр. 4) (рис. 54). Умершие находились в скорченном положении на левом боку и ориентированы на северо-восток.

Устройство внутримогильных конструкций из двух базовых и двух поперечных плах на дне прямоугольных ям, перекрытых сверху накатником, демонстрирует пространственный обрядовый тип погребений развитой срубной культуры Подонцовья.

Одну из специфических форм срубной курганной архитектуры представляет традиция формирования не круглых, а удлинённых курганных насыпей, возникающих или вследствие производства захоронения у подножия первичного кургана и их совместного перекрытия удлинённой массивной досыпкой, или же перекрытия досыпкой насыпей двух курганов после устройства могилы между ними, т.е. в межкурганном пространстве. Например, срубный курган у Новониколаевки (кург. гр. 1, кург. 1) приобрёл длинную форму после совершения около его подножия погребения с последующей общекурганной досыпкой **[Санжаров, 1996, с. 188, рис. 1]**. Выразительным примером формирования удлинённых курганов в результате объединения двух и более ранних насыпей в одну является рассмотренный случай с образованием кургана 7 у ЛЖЗ (рис. 23, 1). Если в раннекатакомбное и финальнокатакомбное время выпуск погребения у подножия древнего кургана с поверхности древнего горизонта (ЛИСПИ, кург. 1, Шипиловка, кург. 1) сопровождался досыпкой места впуска нового захоронения и поверхности древней насыпи без изменения её округлой формы, то в срубный период подобная практика привела к появлению длинных курганов.

Возникновение длинных курганов Донетчины срубной эпохи вследствие совершения между древними насыпями нового захоронения с последующей общей удлинённой досыпкой изучалось В.В. Цимидановым. Исследователь пришёл к выводу, что подобная практика в срубном обществе являлась специфическим курганным знаком высшего ранга погребённых из числа служителей культа – жрецов **[Цимиданов, 2000, с. 19-21]**.

Выразительная керамика из срубных захоронений иллюстрируется горшками удлинённых пропорций, острорёберными сосудами и банками с прямыми или слегка расширяющимися стенками. Особо пышно орнаментированы острорёберные сосуды. Обычно на их плечиках размещён круговой пояс, сверху и снизу ограниченный рядами вдавлений верёвочки, оттисками мелких штампов и наколов. Основным элементом декора – зигзаг (рис. 16, 6; рис. 37, 4). Один сосуд из ЛЖЗ (кург. 7, погр. 4) украшен зигзагом из гусеничного штампа даже на внутренней поверхности венчика, а пояс на плечиках включает ряды из полуспиралей, выполненных перевитым шнуром (рис. 25, 4).

Пространство под венчиком высокого горшковидного сосуда (ЛЖЗ, кург. 7, погр. 2) орнаментировано пояском из вдавлений гребенчатого штампа в виде чередующихся ромбиков (рис. 24, 3). Формы подобных высоких горшковидных сосудов с коротким отогнутым венчиком хорошо представлены в керамическом комплексе Мосоловского поселения на р. Битюг **[Пряхин, Беседин, 1985, с. 119, рис. 7, 2, 6]**. Мотивы из чередующихся треугольников на плечиках и боковинах сосудов Подонцовья прослежены на срубной посуде из Красной Гусаровки «А» (кург. 1, погр. 8) **[Берестнев, 2001, с. 228, рис. 69, 1]** и грунтового могильника Крейдянки **[Клименко, Литвиненко, 2001, с. 50, рис. 3, 3]**.

Интересен подострорёберный сосуд из ЛЖЗ (кург. 7, погр. 2) (рис. 24, 4, 5). На его плечиках оттисками перевитого шнура нанесена череда фигур-символов из крестов, овалов, полуovalов и дуг. Горшок аналогичной формы со знаковой композицией на плечиках и зигзагами на внутренней поверхности венчика выявлен у Крутогорья (кург. 1, погр. 1) на правом берегу р. Воронеж [Чивилев, 2002, с. 110, рис. 1]. Автор публикации сопоставляет мотив зигзага на внутренней поверхности венчика с изображениями знака змеи как хранителя содержимого сосуда, а орнаментальный пояс на плечиках – с изображением символики срединного мира и жизненного круга [Чивилев, 2002, с. 111]. Фигуры на плечиках срубных сосудов в виде череды крестообразных и прочих символов Е.Ю. Захарова относит к особой примитивной системе информационного значения, а в их циклическом повторении усматривает фиксацию календарной системы [Захарова, 1997, с. 126].

Бронзовый нож из ЛЖЗ (кург. 6, погр. 1) отличается максимальной шириной лезвия в основании, неглубокими боковыми выемками у черешка, формирующими слабовыраженное перекрестие, и массивным треугольным черешком без расковки на конце (рис. 64, 8). В результате проковки лезвийных сторон в центре сформировано ребро. Подобные бронзовые ножи иллюстрируют ранние типы изделий с ромбическим перекрестием срубной культуры Северского Донца. Аналогичный клинок выявлен в основном срубном захоронении у Краматорска (кург. 1, погр. 5) на Казённом Торце [Санжаров, 1993, с. 61, рис. 2, 8].

Назначение костяного цилиндрика с заполированной поверхностью из погребения 1 курганов у ЛЖЗ (рис. 20, 3) определить затруднительно из-за единичного характера находки. Формой цилиндрок похож на миниатюрную пробочку для закрытия совсем незначительных отверстий.

Около шейных позвонков костяка в срубном впускном погребении у Шипиловки (кург. 1, погр. 1) обнаружен костяной небольшой диск с резным декором на лицевой стороне в виде трёхлопастной спиральной свастики с циркульной точкой в центре (рис. 64, 5). Погребенного сопровождал сосуд горшковидной формы с узкими уплощёнными плечиками и широким горлом (рис. 64, 4).

Костяные диски могли выполнять функцию игральных фишек и входят в весьма ограниченную знаковую группу предметов Северного Причерноморья с резным карпато-микенским орнаментом, сопоставимую с изделиями из шахтовых гробниц Микен и купольной гробницы А Каковатоса. Изображением элементов трёхлопастной свастики диск из Шипиловки аналогичен декору мраморного диска из могильника Сурчин [Литвиненко, Санжаров, Усачук, 2013, с. 185-195].

Погребения срубной культуры Привольнянской излуины демонстрируют главные признаки развитых донецких срубных древностей и выделяются такими яркими элементами, как использование прямоугольных ям с внутримогильными деревянными конструкциями, традиционной укладкой тел на левом боку в скорченном положении

с северо-восточной ориентацией, размещением кистей рук у лица и возведением удлиненных курганов. Инвентарь традиционен и состоит из керамической посуды, включающей горшковидные формы, острорёберные сосуды и простые банки, и бронзового ножа с намечающимся перекрестием. Уникальной является находка костяного диска с карпато-микенским орнаментом.

Развитый этап срубной культуры следует за временем бытования покровско-срубных древностей – 19-18 века до н. э. [**Санжаров, 2010, с. 431**] и охватывает период с 17 до 16 веков до н. э. [**Литвиненко, Санжаров, Усачук, 2013, с. 195**].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследования курганных могильников в пределах Привольнянской излучины Северского Донца, осуществленные экспедициями Далековского университета в период с 2006 по 2013 годов, привели к открытию новых погребений бронзового века, относящихся к раннему, позднему и финальному периодам катакомбной культурно-исторической общности, посткатакомбным, финальноабашевским и срубным древностям. Представительная группа сопоставимых погребальных памятников, включая позднеямные, на территории излучины была открыта еще в конце прошлого столетия, что в итоге значительно расширило источниковую базу региона по памятникам эпохи бронзы.

Наиболее выразительными являются курганы и курганные захоронения раннекатакомбного периода, по основным элементам погребальной обрядности и особенностям сопровождаемого инвентаря демонстрирующие культурную общность и даже однородность с группировками позднеямных и раннекатакомбных древностей бассейна Северского Донца, Нижнего Подонья, Северного Приазовья и Нижнего Поднепровья. В рамках природно-географического региона Северского Донца – территории Привольнянской излучины – установлена значительная концентрация отдельных курганов и курганных групп, нередко во главе с доминирующими над местностью пятиметровыми насыпями. Как показали полевые исследования, многие курганы возведены в эпоху ранней бронзы местными позднеямными и раннекатакомбными скотоводческими племенами в период сезонной летней эксплуатации степных пастбищ и представляют целый спектр специфических элементов погребальной обрядности.

При исследовании раннекатакомбных курганов Привольнянской излучины зафиксирована традиция возведения на поверхности погребённой почвы вокруг входных шахт валообразных кольцевых сооружений из материкового грунта и камней. Отмечены значительные для всего Подонцовья глубины и размеры катакомбных погребальных конструкций, избирательная практика целенаправленного заполнения входных шахт либо рыхлым черноземом, либо же их забутовка многотонным объёмом камней или же особым образом утрамбованным смешанным грунтом, декорирование стенок шахт врезными орнаментальными сюжетами с преобладанием изображений «древа жизни», значительный процент расчленённых погребений. Ярким признаком нововведений в погребальной обрядности представляется фиксация моделировки лицевого покрова

умершего специальным составом глины и находки во входной шахте миниатюрных каменных антропоморфных стел. Сопровождающий инвентарь обилен и разнообразен по составу. Уникальным является обнаружение на склоне первичного раннекатакомбного кургана антропоморфной каменной стелы-идола с развитыми детализировками сложных символов на всей поверхности. Как в курганной архитектуре, так в погребальной обрядности и инвентаре наблюдается четкое доминирование предшествующих позднеямных традиций.

До момента проведения исследований курганов экспедициями Далеvского университета в регионе Привольнянской излучины единственным районом Подонцовья, для которого отмечена повышенная концентрация раннекатакомбных древностей, был бассейн Лугани с её притоком Белой. Здесь, по наблюдениям С.Н. Братченко, в раскопанных 23 курганах выявлено 33 ранних катакомбных захоронения, составляющих одну треть их общего количества, известных на тот момент. В этом плане бассейн Лугани предстаёт локальным центром донецкого очага раннекатакомбного культурогенеза в общих территориальных границах первичного раннекатакомбного очага культурогенеза от Кубани до Днепра на юге и до Донецко-Среднеднепровского порубежья на севере.

После новейших исследований курганов и получения качественно новых раннекатакомбных памятников вторым локальным центром донецкого очага культурогенеза стал Привольнянско-Лисичанский центр, охватывающий сравнительно небольшую по площади территорию Привольнянской излучины русла Северского Донца.

С учётом возрастания общей источниковой базы по раннекатакомбным погребениям Подонцовья со 100 до 116 захоронений, на бассейн Лугани и Белой приходится уже не 33 %, а 28 % ранних донецких катакомб. Четверть их общего количества (25 %) распределяется в границах Привольнянско-Лисичанского центра. Общая картина локализации всех раннекатакомбных донецких погребений оказалась следующей – более половины (53 %) раннекатакомбного донецкого массива погребальных источников сконцентрирована в границах двух локальных центров: Луганского и Привольнянско-Лисичанского. Из 27 основных раннекатакомбных захоронений Северского Донца, производство которых сопровождалось возведением курганных насыпей, 13 катакомб (48 %) выявлены исключительно в пределах Привольнянско-Лисичанского центра, что свидетельствует об особой значимости данного региона в формировании и распространении собственной раннекатакомбной традиции курганного строительства, а обнаружение каменного идола на поверхности одного из раннекатакомбных курганов устанавливает наличие в пределах Привольнянско-Лисичанского центра и собственно родо-племенного святилища.

Позднекатакомбные захоронения Привольнянской излучины характеризуются смешанным культурным типом. При наличии выразительных позднедонецких, бахмутских и маньчских культурных традиций доминируют признаки харьковско-воронежской катакомбной культуры. Погребения, как основные, так и впускные, отличаются

использованием традиционных катакомб, а также подбоев и ям с заплечиками. В подбоях с узкими входными шахтами умершие уложены в сильноскорченном положении на правом боку с кистями рук у лица. Встречаются и левобочные костяки. Разнообразие форм погребальных сооружений, поз умерших и позиций рук, степеней скорченности и неустойчивость в ориентации указывают на начало трансформации позднекатакомбной погребальной обрядности и переход к финальнокатакомбному периоду. В одном из погребений найдена костяная пряжка кольцевидного типа, ставшая в финальнокатакомбное время одним из важных атрибутов погребального инвентаря.

Захоронения заключительного, финального периода катакомбной общности характеризуются ямами с деревянным перекрытием и внутримогильными конструкциями на дне в виде рам из плах при лимитировании погребального приданого. Одна часть умерших размещена в скорченном положении на левом боку и ориентирована на запад, другая – правобочная с восточной ориентацией. Погребения как основные, так и впускные. Фиксируется практика устройства захоронений у подножья кургана с уровня древнего горизонта с последующей досыпкой всей насыпи. В погребениях встречены костяные кольцевидные и дисковидно-планочные (фигурные) пряжки.

Посткатакомбные захоронения немногочисленны и появились после исчезновения катакомбной погребальной обрядности и традиционного инвентаря. Они отличаются неустойчивыми позами умерших, наличием толстостенных небольших баночных сосудов на поддонах и находками костяных пряжек с двумя отверстиями.

Финальноабашевские погребения совершены преимущественно в курганных насыпях, содержащих финальнокатакомбные могилы. Умершие уложены в слабоскорченном положении на левом боку и ориентированы на север с отклонениями к востоку или западу. Кисти рук размещены у подбородка. В керамике преобладают горшковидные и баночные формы с выразительными грубыми расчёсами.

Наиболее многочисленны захоронения срубной культуры развитого этапа. Отмечено появление длинных курганов. Погребения иллюстрируются основными и впускными могилами в виде прямоугольных ям с перекрытием из плах, деревянными рамочными конструкциями на дне, гробницами из камней и плит. Сильноскорченные левобочные умершие с кистями рук у лица ориентированы на северо-восток и восток. Посуда состоит из горшковидных форм, острорёберных сосудов и банок. Примечательна находка костяного диска с резным орнаментом в виде трёхлопастной свастики.

Представленные курганы и погребения бронзового века Привольнянской излучины русла Северского Донца репрезентируют разнокультурные группировки древностей с яркими самобытными признаками в обрядности и инвентаре. Специфика местных раннекатакомбных памятников столь очевидна, что позволяет рассматривать их в рамках локального Привольнянско-Лисичанского центра раннекатакомбного культурогенеза. Как катакомбные, так и более поздние погребальные древности находят широкие аналогии в составе археологических источников сопредельных регионов.

CONCLUSION

In 2006-2013 researches of the burial barrows within boundary of the Privolnaya meandr of Seversky Donets river were carrying by the Dahl University expeditions. As a result, new burials of the Bronze Age were discovered, which belonging to the Early, Late and Final periods of the Catacomb Cultural - Historical community, Post-Catacomb, Final-Abashevo and Srubnaya Culture antiquities. A representative group of comparable burial materials, including the Late Pit Culture ones, were discovered on this territory at the end of the last century and these ultimately significantly expanded the general source base of the region based on the sites of the Bronze Age.

The most expressive are the burial barrows and burial graves of the Early Catacomb period, which according to the main elements of burial ritual and the peculiarities of the accompanying implements demonstrate a cultural commonality and even homogeneity with groups of the Late Yamnaya and Early Catacomb antiquities of the Seversky Donets basin, Lower Don, Northern Azov and Lower Dnieper regions. Within the framework of the Seversky Donets natural-geographical region - the territory of the Privolnaya meandr - a significant concentration of individual kurgans and kurgan groups was established, often with five-meter barrows dominating the area. As field studies have shown, many barrows were erected in the Early Bronze Age by native cattle breeding tribes of the Late Yamnaya and Early Catacomb Cultures during the period of seasonal summer exploitation of steppe pastures and represent a whole range of specific elements of burial rituals.

During the study of the Early Catacomb mounds of the Privolnaya meandr, a tradition of erecting of rampart-shaped ring structures from bedrock soil and stones on the surface of the buried soil near the entrance shafts into catacomb was recorded. Significant for the all over Seversky Donets region the depths and sizes of catacomb burial structures, the selective practice of deliberately filling the entrance shafts with either loose chernozem, or filling them with a multi-ton volume of stones or in a special way tamped mixed soil, decorating the walls of the entrance shafts with cut-in ornamental subjects with a predominance of images of "trees of live », a significant percentage of dismembered burials were noted here. A striking feature of innovations in funeral rituals is the fixation of the modeling of the facial cover of the deceased with a special composition of clay and the discovery of miniature anthropomorphic stone steles in the entrance shaft.

The accompanying inventory is plentiful and varied in composition. The discovery on the slope of the primary early Catacomb Culture mound of an anthropomorphic stone stele-idol with developed detailing of complex symbols on the entire surface is unique. Both in the burial architecture and in the burial rituals and implements, there is a clear dominance of the previous Late Yamnaya Culture traditions.

Until the exploration of the burial mounds by the Dahl University expeditions in the Privolnaya meandr just the Lugan basin with its Belaya tributary was region of the Siversky Donets basin where an increased concentration of the Early Catacomb antiquities was noted. Here, according to the observations of S.N. Bratchenko, in the 23 excavated mounds, 33 early catacomb burials were revealed, accounting for one third of the total number known at that time. In this regard, the Lugan basin appears to be the local center of the Donetsk focus of The Early Catacomb cultural genesis within the general territorial boundaries of the primary Early Catacomb focus of cultural genesis from the Kuban to the Dnieper in the south and to the Donetsk-Middle Dnieper borderlands in the north.

After the latest studies of the mounds and the obtaining of qualitatively new early Catacomb sites, the Privolnaya-Lisichansk center became the second local center of the Donetsk center of cultural genesis, covering a relatively small area of the Privolnaya meandr of the Seversky Donets.

Considering the increase in the total source base for the Early Catacomb burials of the Seversky Donets region from 100 to 116 burials, there were not 33%, but 28% of the Early Donetsk catacombs in the Lugan and Belaya basin. A quarter of their total number (25%) is distributed within the boundaries of the Privolnaya-Lisichansk center. The general picture of the localization of all Early Catacomb Donetsk burials as it proved to be as follows - more than half (53%) of the Early Catacomb Donetsk massif of burial are concentrated within the boundaries of two local centers: Lugansk and Privolnaya-Lisichansk ones. Of the 27 basic the Early Catacomb burials of the Seversky Donets which was accompanied by the construction of barrow embankments, 13 catacombs (48%) were found exclusively within the Privolnaya-Lisichansk center, which indicates the particular importance of this region in the formation and spread of its own early catacomb tradition of barrow construction, and the discovery of an anthropomorphic the stele-idol on the surface of one of the early Catacomb mounds establishes the presence within the Privolnaya-Lisichansk center and its own tribal sanctuary.

The Late Catacomb burials of the Privolnaya meandr are characterized by a mixed cultural type. In the presence of expressive the Late Donetsk, Bakhmut and Manych cultural traditions, the features of the Kharkov-Voronezh Catacomb culture dominate. The burials, both main and inlet, are distinguished by the use of traditional catacombs, as well as kerving and pits with ledges. There were the deceased are laid in a strongly flexed position on the right side with their hands at their faces in lining with narrow entrance shafts. There are also deceased which laid on the left side. The variety of forms of burial

structures, postures of the dead and positions of hands, degrees of flexing and instability in orientation indicate the beginning of the transformation of the Late Catacomb burial ritual and the transition to the Final Catacomb period. In one of the burials a ring-shaped bone buckle was found, which in the Final Catacomb period became one of the important attributes of the funerary inventory.

The burials of the concluding, final period of the Catacomb community are characterized by pits with wooden floors and intra-grave structures at the bottom in the form of frames made of blocks with limited funeral inventory. One part of the dead is placed in a flexed position on the left side and is oriented to the West, the other is right-sided with orientation to the East. The burials are both main and inlet. The practice of arranging burials at the foot of the mound from the level of the ancient horizon, followed by filling with a common embankment, is recorded. In the burials, ring-shaped bone buckles and disc-shaped-bar (figured) buckles were found.

The Post-catacomb burials are few in number and appeared after the disappearance of the catacomb burial rituals and traditional inventory. They are distinguished by the unstable postures of the deceased, the presence of thick-walled small jars on pallets, and the finds of bone buckles with two holes.

The Final Abashevo burials were made mainly in barrows with the Final Catacomb graves. The deceased are laid in a weakly flexed position on the left side and are oriented to the North with declining to the East or West. The hands are placed at the chin. Pot-shaped and jar forms with expressive rough combs prevail in ceramics.

The most numerous are the burials of the Srubnaya Culture of its developed stage. The appearance of long barrows was noted. The burials are illustrated by the main and inlet graves in the form of rectangular pits with overlapping blocks of wood, wooden frame structures at the bottom, tombs made of stones and slabs. Strongly flexed left-sided deceased with hands near the face are oriented to the North-East and East. The pottery consists of pot-shaped, sharp-ribbed vessels and jars. The discovery of a bone disk with a carved ornament in the form of a three-bladed swastika is noteworthy.

The presented burial mounds and burials of the Bronze Age of the Privolnaya meandr of the Seversky Donets basin represent diverse groups of antiquities with bright distinctive features in rituals and implements. The specificity of local the Early Catacomb sites is so obvious that it makes it possible to consider them within the framework of the local Privolnya-Lisichansk center of the Early Catacomb cultural genesis. Both the catacomb and later burial antiquities find broad analogies in the composition of archaeological sources in adjacent regions.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Авдусин Д.А.* Полевая археология СССР. – Москва: Высшая школа, 1980. – 335 с.
2. *Алейников В.В.* Археологические работы на территории могильника Салок-1 в 2004 - 2005 гг. // Труды Археологического научно-исследовательского бюро. – Том 3. – Ростов-на-Дону: Археологическое научно-исследовательское бюро, 2008. – С. 5-103.
3. *Алекшин В.А.* Происхождение и развитие погребального обряда в традиционных обществах (по данным археологии) // Археология древних обществ Евразии: хронология, культурогенез, религиозные воззрения. – Труды института Истории материальной культуры РАН. – 2014. – Том XLII. – С. 9 -46.
4. *Алекшин В.А.* Социальная структура и погребальный обряд древнеземледельческих обществ. – Ленинград: Наука, 1986. – 192 с.
5. *Алекшин В.А.* Традиции и инновации в погребальных обрядах (эпоха первобытнообщинного строя) // Преемственность и инновации в развитии древних культур. – Ленинград: Наука, 1981. – С. 18-22.
6. *Алешина Т.А., Балонов Ф.Р., Крайсветный М.И., Раев Б.А.* Каталог археологических коллекций (Соколовский курганный могильник). – Новочеркасск, 1985. – 84 с.
7. *Андреева М.В.* Курганы у Чограйского водохранилища (материалы раскопок экспедиции 1979 г.) // Древности Ставрополя. - Москва: Наука, 1989. – С. 24-124.
8. *Антонова Е.В.* Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. – Москва: Наука, 1984. – 197 с.
9. *Артамонов М.И.* К вопросу о происхождении скифов // Вестник древней истории. – 1950. – № 2. – С. 37-47.
10. *Артёмова О.Ю.* Индивидуальная специализация в обществе аборигенов Австралии // Советская этнография. – 1984. – № 3. – С. 40-50.
11. *Батчаев В.М.* Погребальные памятники у селений Лечинкай и Былым // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. – Нальчик: Эльбрус, 1984. - С. 112-163.
12. *Березанская С.С.* Абашевская культура на территории Украины (миграции или контакты) // Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины. – Киев: Наукова думка, 1987. – С. 26-37.

13. *Березанская С.С.* КМК – культура или керамический стиль // ТДНК «Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности и культурно-исторической общности многоваликовой керамики». – Запорожье: ЗГУ, 1998. – С. 60-65.
14. *Березанская С.С.* Культура многоваликовой керамики // Культуры эпохи бронзы на территории Украины. – Киев: Наукова думка, 1986. – С. 5-43.
15. *Березанская С.С.* Об одной из групп памятников средней бронзы на Украине // Советская археология. – 1960. – № 4. – С. 26-41.
16. *Березанская С.С.* Первые мастера-металлурги на территории Украины // Первобытная археология – поиски и находки. – Киев: Наукова думка, 1980. – С. 243-256.
17. *Березанская С.С., Шапошникова О.Г.* Рецензия на книгу Т.Б. Поповой «Племена катакомбной культуры» // Советская археология. – 1957. – № 2. – С. 270-275.
18. *Березанська С.С., Отрощенко В.В.* Духовна культура. Бронзовий вік // Давня історія України. – Том 1. – Київ: Наукова думка, 1997. – С. 496-259.
19. *Березуцкая Т.Ю.* Среднедонская катакомбная культура и её локальные варианты. – Воронеж: ВГПУ, 2003. – 216 с.
20. *Берестнев С.И.* Восточноукраинская лесостепь в эпоху средней и поздней бронзы (II тыс. до н.э.). – Харьков: ПФ Амет, 2001. – 264 с.
21. *Берестнев С.И.* Новолатоновский катакомбный курганный могильник на р. Оскол // Древности. – Харьков: Бизнес Информ, 1995. – С. 134-155.
22. *Беспалый Е.И.* Раскопки Новочеркасской экспедиции в 1990-91 гг. // Аксайские древности. – Ростов-на-Дону, 2002. – С. 111-188.
23. *Беспалый Е.И., Беспалый Г.Е.* Курганный могильник Мухин // Аксайские древности. – Ростов-на-Дону: АНИБ, 2002. – С. 19-110.
24. *Бетрозов Р.Ж.* Курган эпохи бронзы у селения Старый Черек // Археолого-этнографический сборник. - Вып. 1. - Нальчик: Эльбрус, 1974. - С. 3-13.
25. *Бетрозов Р.Ж., Нагоев А.Х.* Курганы эпохи бронзы у селений Чегем I, Чегем II и Кишпек // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. – Нальчик: Эльбрус, 1984. - С. 7-87.
26. *Болтрик Ю.В., Левченко В.Н., Фиалко Е.Е.* О позднейных чертах в катакомбном погребальном обряде низовья реки Молочная // Катакомбные культуры Северного Причерноморья. – Киев: РАМУС, 1991. – С. 57-84.
27. *Бочкарев В.С.* Гипотезы Л.С. Клейна и С.Н. Братченко о происхождении донецкой катакомбной культуры: pro et contra // Внешние и внутренние связи степных (скотоводческих) культур Восточной Европы в энеолите и бронзовом веке (V-II тыс. до н. э.). – Санкт-Петербург: РАН, 2016. – С. 18-24.
28. *Бочкарев В.С., Бестужев Г.Н., Бианки А.М., Трифионов В.А.* Раскопки курганов у станции Брюховецкой Краснодарского края в 1978 г. // Древние культуры Прикубанья. – Ленинград: Наука, 1991. – С. 3-59.
29. *Братченко С.Н.* Багатошарове поселення Лівенцівка I на Дону // Археологія. –

1969. – Том XXII. – С. 210-231.

30. *Братченко С.Н.* Донецька катакомбна культура раннього етапу. – Луганськ: Шлях, 2001. – 196 с.
31. *Братченко С.Н.* К вопросу о сложении бабинской культуры (многоваликовой керамики) // Вильнянские курганы в Днепровском Надпорожье. – Киев: Наукова думка, 1977. – С. 21-42.
32. *Братченко С.Н.* Катакомбные культуры Северского Донца и Северо-Восточного Приазовья // ТДНК «Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе». – Донецк, 1989. – С. 27-29.
33. *Братченко С.Н.* Культура многоваликовой керамики // Археология Украинской ССР. – Том 1. – Киев: Наукова думка, 1985. – С. 451-458.
34. *Братченко С.Н.* Левенцовская крепость. Памятник культуры бронзового века // Матеріали та дослідження з археології Східної України. – Вип. 6. – Луганськ: СЛУ, 2006. – С. 32-310.
35. *Братченко С.Н.* Лук і стріли доби енеоліту - бронзи півдня Східної Європи // Археологія. – 1989. – № 4. – С. 70-81.
36. *Братченко С.Н.* Миколаївські могили-кургани в пониззі р. Луганка // Матеріали та дослідження з археології Східної України. – Вип. 9. – Луганськ: СЛУ, 2009. – С. 137-197.
37. *Братченко С.Н.* Могили бронзової доби в басейні р. Деркул // Материалы и исследования по археологии Восточной Украины. – Вып. 1. – Луганск: ВЛУ, 2003. – С. 162-225.
38. *Братченко С.Н.* Некоторые итоги и проблемы исследования курганов // ТДНК «Археологические исследования в зонах мелиорации: итоги и перспективы их интенсификации». – Ленинград: Наука, 1985. – С. 74-75.
39. *Братченко С.Н.* Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. – Киев: Наукова думка, 1976. – 252 с.
40. *Братченко С.Н.* Олександрівські могили-кургани в долині Лугані // Матеріали та дослідження з археології Східної України. – Вип. 8. – Луганськ: СЛУ, 2008. – С. 134-228.
41. *Братченко С.Н.* Орнаментация керамики у генезі катакомбних культур // ТДНК «Доба бронзи Доно-Донецького регіону». – Київ – Воронеж, 1998. – С. 7-12.
42. *Братченко С.Н.* Пряжки эпохи поздней бронзы и их северокавказские формы // ТДНК «Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита-бронзы Средней и Восточной Европы». – Часть 2. – Санкт-Петербург: РАН, 1995. – С. 8-26.
43. *Братченко С.Н.* Санжаров С.М. Рідкісні бронзові знаряддя з катакомб Сіверсько-донеччини та Донщини (III тис. до н.э.). – Луганськ: СЛУ, 2001. – 108 с.
44. *Братченко С.Н., Константиnescу Л.Ф.* Александровский энеолитический могильник // Древнейшие скотоводы степей юга Украины. – Киев: Наукова думка, 1987. – С. 17-31.
45. *Братченко С.Н., Швецов М.Л.* Северскодонецкие катакомбные погребения на реке Красной // Катакомбные культуры Северного Причерноморья. – Киев: РАМУС, 1991. – С. 165-186.

46. *Бритюк А.А.* Три поселения энеолита в Подонцовье // Древности Северского Донца. – Вып. 3. – Луганск: Шлях, 1999. – С. 51-59.
47. *Бритюк А.А., Черных Е.А.* Об одной группе ямных погребений Подонцовья // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий. – Донецк: Східний видавничий дім, 2000. – С. 65-67.
48. *Бровендер Ю.М., Милица Г.Я., Потёмкина Т.М.* Исследование кургана 7 у с. Октябрьское // Древности Северского Донца. Каталог археологических коллекций. – Вып. 2. – Луганск: ВУГУ, 1992. – С. 66-69.
49. *Бунятян К.П.* Напрямки господарської діяльності населення Причорноморських степів доби бронзи // Древности Северского Донца. – Вып. 5. – Луганск: Шлях, 2001. – С. 76-84.
50. *Бурков С.Б.* Захоронения черепов в погребальных памятниках Кавказа и Закавказья в эпоху поздней бронзы и раннего железного века: историко-культурный аспект // Из истории культуры народов Северного Кавказа. – Вып. 10. – Ставрополь: Печатный Двор, 2018. – С. 7-13.
51. *Вангородская О.Г.* О связях культуры многоваликовой керамики по материалам украшений // Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины. – Киев: Наукова думка, 1987. – С. 38-48.
52. *Вангородская О.Г., Санжаров С.Н.* Погребения донецкой катакомбной культуры Николаевского могильника с украшениями // Катакомбные культуры Северного Причерноморья. – Киев: РАМУС, 1991. – С. 214-234.
53. *Василенко А.И.* Об одном закрытом комплексе катакомбной культуры из поселка Тельмана в г. Луганске // Актуальні проблеми вітчизняної і всесвітньої історії. – Луганськ: СНУ, 2001. – С. 310-312.
54. *Васильченко С.А.* К вопросу о взаимоотношении ямной и катакомбной культур в Поорелье // Некоторые вопросы археологии Украины. – Киев: КГУ, 1977. – С. 3-14.
55. *Власкин М.В.* Исследование курганного могильника Мухин 1 в 1995, 1998 годах // Аксайские древности. – Ростов-на-Дону: Археологическое научно-исследовательское бюро, 2002. – С. 189-206.
56. *Выборный В.Ю.* Некоторые итоги исследования кургана у пос. Тельмана // ТДНК «Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе». – Донецк, 1989. – С. 98-100.
57. *Выборный В.Ю.* Об одном из нетрадиционных изделий погребального обряда // ТДНК «Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца». – Луганск, 1990. – С. 51-53.
58. *Вязьмитіна М.І., Іллінська В.А., Покровська Є.Ф., Тереножкін О.І., Ковпаненко Г.Т.* Кургани біля с. Ново-Пилипівка і радгоспу «Аккермень» // Археологічні пам'ятки України. – Вип. VIII. – Київ: АН УРСР, 1960. – С. 22-135.

59. *Гаджиев М.Г., Корневский С.Н.* Металл Великентской катакомбы // Древние промыслы, ремесло и торговля в Дагестане. – Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР, 1984. – С. 7-27.
60. *Гаджиев М.Г., Магомедов Р.Г.* Великентские катакомбы // ТДНК «Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности». – Запорожье, 1990. – С. 14-16.
61. *Гак Е.А.* О металлообрабатывающем производстве катакомбных племен бассейна Северского Донца // Сезонный экономический цикл населения Северо-Западного Прикаспия в бронзовом веке. – Труды ГИМ. – Вып. 120. – Москва, 2000. – С. 72-90.
62. *Гей А.Н.* О коллективных погребениях бронзового века в Причерноморье и Предкавказье // ТДНК «Чтения, посвященные 100-летию деятельности В. А. Городцова в Государственном Историческом музее». – Часть 1. – Москва: ГИМ, 2003. – С. 82-84.
63. *Гершкович Я.П.* Культурно-хронологические группы погребений эпохи средней-поздней бронзы кургана у с. Пришиб // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. – Киев: Наукова думка, 1982. – С. 46-61.
64. *Гершкович Я.П.* Курганы в междуречье р. Лозовой и р. Ольховой на Донецком кряже // Древние культуры Восточной Украины. – Луганск: ВГУ, 1996. – С. 133-167.
65. *Гершкович Я.П.* Фигурные поясные пряжки культуры многоваликовой керамики // Советская археология. – 1986. – № 2. – С. 132-145.
66. *Гладких М.И., Писларий И.А., Кротова А.А.* Отчет Северскодонецкой экспедиции за 1973 год // Научный архив ИА АН УССР, ф.э. 1973/9.
67. *Гладких М.Л.* Духовна культура. Населення в епоху енеоліту // Давня історія України. – Том 1. – Київ: Наукова думка, 1997. – С. 347-374.
68. *Гогадзе Э.М.* Периодизация и генезис курганной культуры Триалети. – Тбилиси: Мецниереба, 1972. – 148 с.
69. *Городцов В.А.* Бытовая археология. – Москва, 1910. – 270 с.
70. *Городцов В.А.* Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии 1903 года // Труды XIII Археологического съезда. – Москва, 1907. – С. 211-355.
71. *Городцов В.А.* Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии, 1901 года // Труды XII Археологического съезда. – Том 1. – Москва, 1905. – С. 174-341.
72. *Даниленко В.М.* До кіммерійської проблеми // Археологія. – 1951. – Т. V. – С. 218-225.
73. *Даниленко В.Н.* Энеолит Украины. Этноисторическое исследование. – Киев: Наукова думка, 1974. – 176 с.
74. *Дворянинов С.А.* Энеолитические календари на юге Европейской части СССР // Северо-Западное Причерноморье в эпоху первобытно-общинного строя. – Киев: Наукова думка, 1980. – С. 42-52.
75. *Деген Б.Е.* Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика // Материалы и исследования по археологии СССР. – 1941. – Вып. 3. – С. 213-316.

76. *Державин В.Л.* Погребения эпохи бронзы у хут. Веселая Роща (по материалам экспедиции 1980 г.) // Древности Ставрополя. - Москва: Наука, 1989. - С. 125-194.
77. *Динков А.Б.* Катакомбное погребение из Тимашевского кургана в Прикубанье // Советская археология. - 1988. - № 1. - С. 237-241.
78. *Добровольский А.В.* Поселение бронзового века Бабино III // Краткие сообщения Института археологии АН УССР. - 1957. - Вып. 7. - С. 40-45.
79. *Довженко Н.Д.* Кам'яні статуї в поховальному обряді катакомбних племен Північного Причорномор'я // Поховальний обряд давнього населення України. - Київ: КДУ, 1991. - С. 122-133.
80. *Довженко Н.Д.* Каменные изваяния в погребальном обряде племен ямной культуры // Ямная культурно-историческая область (южнобугский вариант). - САИ. - В 1-3. - Киев: Наукова думка, 1986. - 160 с.
81. *Довженко Н.Д., Солтыс О.Б.* О традициях изображения «стоп» в погребальном обряде катакомбных культур Северного Причерноморья // Катакомбные культуры Северного Причерноморья. - Киев: РАМУС, 1991. - С. 117-127.
82. *Дубовская О.Р.* Погребения культуры многоваликовой керамики Донетчины и Северо-Восточного Приазовья // ТДНК «Археология и краеведение – школе». - Донецк, 1985. - С. 19-21.
83. *Евдокимов Г.Л.* Курганы эпохи бронзы Верхнетарасовского могильника // Курганы юга Днепропетровщины. - Киев: Наукова думка, 1977. - С. 5-55.
84. *Евдокимов Г.Л.* О раннем этапе катакомбной культуры в Северном Причерноморье // ТДНК «Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы». - Донецк, 1979. - С. 45-56.
85. *Евдокимов Г.Л.* Погребения эпохи ранней и средней бронзы Астаховского могильника // Катакомбные культуры Северного Причерноморья. - Киев: РАМУС, 1991. - С. 187-213.
86. *Ефименко П.П., Третьяков П.И.* Абашевская культура в Поволжье // Материалы и исследования по археологии СССР. - 1961. - № 97. - С. 43-110.
87. *Захарова Е.Ю.* Сосуды со знаками с территории Лесостепного Подонья (по материалам работ археологической экспедиции Воронежского университета) // Пятьдесят полевых сезонов археологов Воронежского университета. - Воронеж: ВГУ, 1997. - С. 120-128.
88. *Иванова С.В.* «Серебряный век» Северо-Западного Причерноморья // Матеріали та дослідження з археології Східної України. - Вип. 7. - Луганськ: СНУ, 2007. - С. 85-91.
89. *Ильюков Л.С., Ларенок П.А.* Сухо-Чалтырский курган бронзового века // Советская археология. - 1982. - № 4. - С. 157-165.
90. *Ильюков Л.С., Яценко В.В.* Курганы раннего этапа эпохи средней бронзы из Нижнего Подонья // Археологические записки. - Вып. 8. - Ростов-на-Дону: ДАО, 2013. - С. 248-264.

91. *Каверзнева Е.Д.* Погребения с костяными поясными пряжками из Шагарского могильника // ТДНК «Чтения, посвященные 100-летию деятельности В.А. Городцова в ГИМ». – Часть 1. – Москва, 2003. – С. 144-147.
92. *Каленюк С.П., Ломако М.М.* Давня історія Сєвєродонецька. – Лисичанськ: Прінтекспресс, 2009. – 98 с.
93. *Кароматов И.Д.* Прополис: использование в медицине // Молодой ученый. – 2014. – № 3. – С. 183-199.
94. *Кириков Ю.В.* Человек и природа восточно-европейской Лесостепи в X-начале XX века. – Москва: Наука, 1979. – 175 с.
95. *Кирчо Л.Б.* Древнейшие печати и их оттиски из Алтын-депе // Советская археология. – 1990. - № 3.- С. – 176-183.
96. *Кияшко А.В.* Культурогенез на востоке катакомбного мира. – Волгоград: ВГПУ, 2002. – 268 с.
97. *Кияшко А.В.* Новые данные о формировании курганного обряда в эпоху энеолита - ранней бронзы на Нижнем Дону // Феномены культур раннего бронзового века степной и лесостепной полосы Евразии: пути культурного взаимодействия в V - III тыс. до н. э.. – Оренбург: ОГПУ, 2019. – С. 13-27.
98. *Кияшко А.В.* О восточных культурных элементах в катакомбное время на Нижнем Дону // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2001 г. – Вып. 18. – Азов, 2002. – С. 242-260.
99. *Кияшко А.В.* О восточных пределах распространения раннекатакомбного обряда на территории Волго-Донского междуречья // Материалы по археологии Волго-Донских степей. – Вып. 1. – Волгоград: ВГУ, 2001. – С. 93-109.
100. *Кияшко А.В.* Происхождение катакомбной культуры Нижнего Дона. – Волгоград: ВГУ, 1999. – 182 с.
101. *Кияшко А.В.* Ранний этап катакомбной культуры на Нижнем Дону: Автореф. дис. канд. ист. наук. – Ленинград, 1990. – 20 с.
102. *Кияшко В.Я.* К вопросу о молоточковидных булавах // Донские древности. – Вып. 1. – Азов, 1992. – С. 4-57.
103. *Кияшко В.Я.* Нижнее Подонье в эпоху энеолита и ранней бронзы. – Автореф. канд. дис. – Москва, 1974. – 20 с.
104. *Клейн Л.С.* К проверке оснований гипотезы о генетической связи ямной и катакомбной культур // Советская археология. – 1970. – № 1. – С. 49-57.
105. *Клейн Л.С.* Катакомбная культура или катакомбные культуры? // Статистико-комбинаторные методы в археологии. – Москва: Наука, 1970. – С. 165-179.
106. *Клейн Л.С.* Краткое обоснование миграционной гипотезы о происхождении катакомбной культуры // Вестник Ленинградского университета. – 1962. – № 2. – С. 74-87.
107. *Клейн Л.С.* Кургани біля с. Троїцьке // Археологічні пам'ятки України. – Вип. VIII. – Київ: АН УРСР, 1960. – С. 141-163.

108. *Клейн Л.С.* О так называемых ямных погребениях катакомбного типа // Советская археология. – 1961. – № 2. – С. 49-65.
109. *Клейн Л.С.* Черепа, покрытые смолой, в погребениях эпохи бронзы // Советская этнография. – 1961. – № 2. – С. 105-109.
110. *Клименко В.Ф., Литвиненко Р.А.* Грунтовый могильник эпохи бронзы у с. Крейдянка на Северском Донце // Проблемы археологии и архитектуры. – Том 1. – Донецк – Макеевка: Донбасс, 2001. – С. 46-52.
111. *Ковалева И.Ф.* Катакомбные погребения Орельско-Самарского междуречья // Древности Степного Поднепровья (III – I тыс. до н. э.). – Днепропетровск: ДГУ, 1982. – С. 35-45.
112. *Кожедуб А.А.* О проявлениях дольменного обряда в катакомбных погребениях 11 кургана курганной группы «Чалтырский XI» // XIV Международная конференция студентов и аспирантов «Проблемы археологии Восточной Европы». – Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2019. – С. 19-23.
113. *Кожин П.М.* Показатели кочевого быта культур причерноморско-прикаспийских степей эпохи бронзы // Степь и Кавказ (культурные традиции). – Труды Государственного Исторического музея. – Вып. 97. – Москва: ГИМ, 1997. – С. 47-61.
114. *Комороци Г.К.* К символике дерева в искусстве древнего Двуречья // Древний Восток и мировая культура. – Москва: Наука, 1981. – С. 47-52.
115. *Копьева Т.А.* Ранний этап катакомбной культуры в Крыму: хронологический аспект // Археологический альманах. – № 20. – Донецк: «Донбасс», 2009. – С. 309-326.
116. *Корневский С.Н.* О ранних и поздних датах майкопско-новосвободненской общности, а также дискуссиях вокруг них // Феномены культур раннего бронзового века степной и лесостепной полосы Евразии: пути культурного взаимодействия в V - III тыс. до н. э.. – Оренбург: ОГПУ, 2019. – С. 69-75.
117. *Корневский С.Н.* О металлических ножах ямной, полтавкинской и катакомбной культуры // Советская археология. – 1978. – № 2. – С. 33-48.
118. *Корневский С.Н.* Памятники населения бронзового века Центрального Предкавказья. – Москва: ИА АН СССР, 1990. – 174 с.
119. *Корневский С.Н., Калмыков А.А.* Древнейшие подбои и катакомбы Предкавказья // ТДНК «Древний Кавказ: ретроспекция культуры». – Москва: ИА РАН, 2004. – С. 101-106.
120. *Корпусова В.Н., Ляшко С.Н.* Катакомбное погребение с пшеницей в Крыму // Советская археология. – 1990. – № 3. – С. – 166-175.
121. *Косвен М.О.* Очерки истории первобытной культуры. – Москва: АН СССР, 1957. – 240 с.
122. *Кравец Д.П., Посредников В.А.* Методические указания к организации самостоятельной работы на археологической практике: «Раскопки курганов в зонах новостроек Донбасса». – Донецк: ДГУ, 1990. – 95 с.
123. *Кравец Д.П., Посредников В.А., Литвиненко Р.А.* Курганы эпохи раннего металла Ивано-Дарьевского микрорайона в Донбассе. – Донецк: ДГУ, 1991. – 100 с.

124. *Красильников К.И.* О семантике антропоморфных стел из степного Подонцовья // Матеріали Міжнародної наукової конференції «Історична наука: проблеми розвитку». – Луганськ: СНУ, 2002. – С. 88-98.
125. *Красильников К.И.* Слово о Владимире Александровиче // Индоевропейская история в свете новых исследований (сборник трудов конференции памяти профессора В.А. Сафронова). – Москва: МГОУ, 2010. – С. 25-26.
126. *Красильников К.И., Литвиненко Р.А.* Новые материалы к изучению культуры многоваликовой керамики Северского Донца // Вісник Луганського державного педагогічного університету. – № 12 (32). – Луганськ: ЛДПУ, 2000. – С. 160-179.
127. *Красильников К.И., Тельнова Л.И.* Исследование кургана у с. Преображенное на реке Красной // Древние культуры Подонцовья. – Луганск: ВУГУ, 1993. – С. 91-125.
128. *Кривцова-Гракова О.А.* Генетическая связь ямной и катакомбной культур // Труды Государственного Исторического музея. – Вып. 8. – Москва: ГИМ, 1938. – С. 33-38.
129. *Круглов А.П., Подгаецкий Г.В.* Родовое общество степей Восточной Европы // Известия государственной академии истории материальной культуры имени Н.Я. Марра. – Вып. 119. – Москва-Ленинград: ОГИЗ, 1935. – 176 с.
130. *Крылова Л.П.* Керносовский идол (стела) // Энеолит и бронзовый век Украины. – Киев: Наукова думка, 1976. – С. 36-46.
131. *Кузьмин В.Н.* Исследования кургана 1 могильника Степнянский // Археологические записки. – Вып. 4. – Ростов-на-Дону: ДАО, 2005. – С. 165-177.
132. *Кузьмина О.В.* Относительная хронология культур абашевской культурно-исторической общности // ТДНК «Проблеми історії та археології давнього населення Української РСР». – Київ: Наукова думка, 1989. – С. 118-119.
133. *Кульбака В., Качур В.* Давні індоєвропейці України в світлі новітніх археологічних досліджень. – Маріуполь: МГІ, 2002. – 96 с.
134. *Кульбака В., Качур В.* Соматичні культури бронзового віку півдня Східної Європи. – Маріуполь: МГІ, 1998. – 60 с.
135. *Кушнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н.* Древние культуры Южного Кавказа. – Ленинград: Наука, 1970. – 192 с.
136. *Лагодовська О.Ф., Шапошникова О.Г., Макаревич М.Л.* Михайлівське поселення. – Київ: АН УРСР, 1962. – 248 с.
137. *Латынин Б.А.* Молоточковидные булавки, их культурная атрибуция и датировка // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. – 1967. – № 9. – С. 5-96.
138. *Литвиненко Р.А.* «Пряжки» и колесничество: проблема соотношения // Матеріали та дослідження з археології Східної України. – Вип. 2. – Луганськ: СНУ, 2004. – С. 257-290.
139. *Литвиненко Р.А.* Бабинская культура (многоваликовой керамики): «плод массовой фантазии» или археологическое явление // Доно-Донецкий регион в эпоху бронзы. – Воронеж: ВГУ, 2003. – С. 142-147.

140. *Литвиненко Р.А.* Днепро-Донская бабинская культура (источники, ареал, погребальный обряд) // Матеріали та дослідження з археології Східної України. – Вип. 5. – Луганськ: СНУ, 2006. – С. 157-187.
141. *Литвиненко Р.А.* К относительной хронологии культур конца средней-начала поздней бронзы бассейна Северского Донца // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий. – Донецк: Східний видавничий дім, 2000. – С. 76-79.
142. *Литвиненко Р.А.* Каменная курганная архитектура культуры многоваликовой керамики // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий. – Донецк: Східний видавничий дім, 2000. – С. 12-19.
143. *Литвиненко Р.А.* Костяные пряжки как хронологический индикатор для культур бронзового века юга Восточной Европы // ТДНК «Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы Восточноевропейской степи и лесостепи». – Вып. 2. – Воронеж: ВГУ, 1996. – С. 46-50.
144. *Литвиненко Р.А.* О рубеже катакомбной культуры и КМК (Бабино) в бассейне Северского Донца // Донецкий археологический сборник. – № 9. – Донецк: ДНУ, 2001. – С. 165-181.
145. *Литвиненко Р.А.* Памятники покровского типа на Северском Донце // Археологические вести. – № 4. – Санкт-Петербург, 1995. – С. 73-81.
146. *Литвиненко Р.А.* Погребения КМК с производственным инвентарем // ТДНК «Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности (ККИО) и культурно-исторической общности многоваликовой керамики (КИОМК)». – Запорожье: ЗГУ, 1998. – С. 97-105.
147. *Литвиненко Р.О.* Генеза, розвиток та історична доля культурного кола Бабине // Матеріали та дослідження з археології Східної України. – Вип. 9. – Луганськ: СНУ, 2009. – С. 44-90.
148. *Литвиненко Р.О.* Зрубна культура басейну Сіверського Дінця (за матеріалами поховальних пам'яток). – Автореф. канд. дис. – Київ, 1994. – 21 с.
149. *Литвиненко Р.О.* Пізній етап Дніпро-Донської Бабинської культури // Донецький археологічний збірник. – № 20. – Вінниця: ДНУ, 2016. – С. 7-43.
150. *Литвиненко Р.О., Санжаров С.М., Усачук А.М.* Кістяний диск з карпато-мікенським декором з Середнього Подонців'я та деякі питання хронології зрубної культури // Донецький археологічний збірник. – № 17. – Донецьк: ДНУ, 2013. – С. 180-198.
151. *Ляшко С.Н.* О «перевернутых» сосудах в погребениях энеолита - эпохи бронзы // ТДНК «Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы Восточноевропейской степи и лесостепи». – Вып. 2. – Воронеж: ВГУ, 1996. – С. 17-18.
152. *Магомедов Р.Г.* Материалы к изучению культур эпохи бронзы в Приморском Дагестане. – Махачкала, 2000. – 120 с.
153. *Марина З.П.* Изделия из кремня и камня в ямных погребениях Левобережного Предстепья // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смеж-

- ных территорий. – Донецк: Східний видавничий дім, 2000. – С. 67.
154. *Марина З.П.* Погребения ямной культуры Днепровского Левобережного Предстепья с изделиями из металла // Проблемы археологии Поднiпровья. – Вип. 1. – Дніпропетровськ: ДДУ, 1998. – С. 47-57.
155. *Марина З.П., Ромашко В.А., Фещенко Е.Л., Войтюк П.В.* Курганный могильник у с. Вербки // Исследования по археологии Поднепровья. – Днепропетровск: ДГУ, 1990. – С. 22-38.
156. *Марковин В.И.* Дольмены Западного Кавказа. – Москва: Наука, 1978. – 328 с.
157. *Марковин В.И.* Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н. э.) // Материалы и исследования по археологии СССР. – 1960 – Вып. 93. – 152 с.
158. *Матвеев Ю.П.* Костяные пряжки и относительная хронология культур эпохи бронзы Донецко-Волжского региона // ТДНК «Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы Восточноевропейской степи и лесостепи». – Вип. 1. – Воронеж: ВГУ, 1996. – С. 27-33.
159. *Мельник В.И.* Особые виды погребений катакомбной общности. – Москва: Наука, 1991. – 136 с.
160. *Мерперт Н.Я., Смирнов А.П.* Археология и некоторые вопросы почвоведения // Советская археология. – 1960. – № 4. – С. 3-13.
161. *Мимоход Р.А.* Блок посткатакомбных культурных образований (постановка проблемы) // ТДНК «Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України». – Луганськ, 2005. – С. 70-73.
162. *Михайлов Б.Д.* Курган эпохи бронзы вблизи Каменной Могилы // Советская археология. – 1982. – № 4. – С. 150-156.
163. *Мошкова М.Г., Фёдорова-Давыдова Э.А.* Работы Цимлянской экспедиции 1970 года // Археологические памятники Нижнего Подонья. – Вип. 1. – Москва: Наука, 1974. – С. 21-122.
164. *Мунчаев Р.М.* Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа // Материалы и исследования по археологии СССР. – 1961. – Вып. 100. – 192 с.
165. *Мунчаев Р.М.* Кавказ на заре бронзового века. – Москва: Наука, 1975. – 416 с.
166. *Небрат С.Г.* Вторичные погребения ингульской катакомбной культуры // Донецкий археологический сборник. – № 17. – Донецьк: ДНУ, 2013. – С. 7-23.
167. *Нечитайло А.Л.* Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. – Киев: Наукова думка, 1978. – 152 с.
168. *Нечитайло А.Л.* Суворовский курганный могильник. – Киев: Наукова думка, 1979. – 89 с.
169. *Никитин В.Н.* Матвеевка 1 – поселение катакомбной культуры на Южном Буге // Советская археология. – 1989. – № 2. – С. 136-150.
170. *Николаева Н.А.* Древнеевропейцы II тыс. до н. э. в Восточной Европе (механизм формирования раннекатакомбного горизонта) // Вестник Московского государственного областного университета. – № 1. – 2009. – С. 153-161.

171. Николаева Н.А., Сафронов В.А. Горские барельефы и проблема выделения раннекатакомбного горизонта на юге Восточной Европы // Археологические памятники Оренбуржья. – Вып. 11. – Оренбург, 2014. – С. 96-111.
172. Николаева Н.А., Сафронов В.А. Древнейшая катакомбная культура Северного Кавказа и проблема появления катакомбного обряда в Восточной Европе // Катакомбные культуры Северного Кавказа. – Орджоникидзе: СОГУ, 1981. – С. 4-26.
173. Николова А.В. Черных Л.А., Евдокимов Г.Л. Курганы эпохи бронзы в низовьях Днепра и Ингульца (по материалам Краснознаменной экспедиции) // Матеріали та дослідження з археології Східної України. – Вип. 12. – Луганськ: СНУ, 2013. – С. 96-163.
174. Николова А.В., Бунятян Е.П. Погребение «мастера» из Никопольщины // Катакомбные культуры Северного Причерноморья. – Киев: РАМУС, 1991. – С. 128-136.
175. Оппенгейм А. Лео. Древняя Месопотамия. – Москва: Наука, 1980. – 407 с.
176. Отрощенко В.В. Дніпро-Донецький осередок культурогенези (постановка проблеми) // ТДНК «Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України». – Луганськ, 2005. – С. 36-38.
177. Отрощенко В.В. З приводу незабутої містифікації // Донецький археологічний збірник. – № 15. – Донецьк: ДНУ, 2011. – С. 184-187.
178. Отрощенко В.В. К вопросу о покровской срубной культуре // ТДНК «Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей». – Саратов, 1997. – С. 70-72.
179. Отрощенко В.В. Катакомбная общность – срубная общность: возможность контакта // ТДНК «Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности». – Запорожье, 1990. – С. 76-78.
180. Отрощенко В.В. О ранней обрядовой группе погребений культуры многоваликовой керамики в Левобережной Украине // ТДНК «История и археология Слободской Украины». – Харьков, 1992. – С. 163-165.
181. Отрощенко В.В. Проблеми періодизації культур середньої та пізньої бронзи півдня Східної Європи (культурно-стратиграфічні зіставлення). – Київ: НАН України, 2001. – 288 с.
182. Отрощенко В.В. Специфіка антропоморфної скульптури культур катакомбної спільноти // Донецький археологічний збірник. – № 19. – Вінниця: ДНУ, 2015. – С. 7-23.
183. Отрощенко В.В., Пустовалов С.Ж. Обряд моделировки лица по черепу у племен катакомбной общности // Духовная культура древних обществ на территории Украины. – Киев: Наукова думка, 1991. – С. 59-84.
184. Панасюк Н.В. Курильницы катакомбных культур Предкавказья. – Автореф. дис. канд. ист. наук. – Москва: ИА РАН, 2015. – 25 с.
185. Парусимов И.В. Раскопки курганов могильника Крутенький 1 // Аксайские древности. – Ростов-на-Дону: Археологическое научно-исследовательское бюро, 2002. – С. 250-270.

186. *Парусимов И.Н.* Материалы кургана 1 могильника Холодный // Труды Археологического научно-исследовательского бюро. – Том 1. – Ростов-на-Дону: Археологическое научно-исследовательское бюро, 2004. – С. 35-56.
187. *Парусимов И.Н.* Труды Новочеркасской археологической экспедиции. – Выпуск 2. – Новочеркасск, 1997. – 67 с.
188. *Парусимов И.Н.* Труды Новочеркасской археологической экспедиции. – Выпуск 4. – Азов, 1999. – 85 с.
189. *Парусимов И.Н.* Труды Новочеркасской археологической экспедиции. – Выпуск 5. – Азов, 2000. – 44 с.
190. *Пиотровский Ю.Ю.* Моздокские курганы эпохи бронзы (по материалам раскопок 1936 года) // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. – 1977. – № 18. – С. 15-22.
191. *Писларий И.А.* Культура многоваликовой керамики Восточной Украины. – Автореф. канд. дис. – Москва, 1983. – 22 с.
192. *Писларий И.А., Братченко С.Н., Зельдина В.Я., Смирнов А.М.* Отчет Северскодонецкой экспедиции за 1975 год // Научный архив ИА АН УССР, ф.э. 1975/1.
193. *Писларий И.А., Дубовская О.Р., Смирнов А.М.* Отчет Северскодонецкой экспедиции за 1980 год // Научный архив ИА АН УССР, ф.э. 1980/14.
194. *Піоро В.І.* До питання про систему вікових груп у населення степової України в пізньому енеоліті та ранньому бронзовому віці // Матеріали міжнародної археологічної конференції «Етнічна історія та культура населення степу та лісостепу Євразії (від кам'яного віку по раннє середньовіччя)». – Дніпропетровськ: ДДУ, 1999. – С. 64-66.
195. *Післарій І.А.* Олександрівські могила 10 та групи поховань 11 і 12 // Матеріали та дослідження з археології Східної України. – Вип. 8. – Луганськ: СЛУ, 2008. – С. 218-228.
196. *Полидович Ю.Б.* Новые погребальные памятники эпохи бронзы с территории Донецкой области // Археологический альманах. – Вып. 2. – Донецк, 1993. – С. 35-98.
197. *Попова Т.Б.* Дольмены станицы Новосвободная // Труды Государственного Исторического музея. – Вып. 34. – Москва: ГИМ, 1963. – 95 с.
198. *Попова Т.Б.* К вопросу о многоваликовой керамике // Советская археология. – 1960. – № 4. – С. 42-50.
199. *Попова Т.Б.* Племена катакомбной культуры. – Труды Государственного Исторического музея. – Вып. 24. – Москва: Госкультпросветиздат, 1955. – 178 с.
200. *Посредников В.А., Зарайская Н.П.* Материалы курганов у с. Огородное (Северное Приазовье) // Донецкий археологический сборник. – № 4. – Донецк: ДонГУ, 1993. – С. 82-178.
201. *Посредников В.А., Привалов А.И., Зарайская Н.П.* Материалы курганов у пос. Степной и с. Шнурки (Среднее Подонцовье, эпоха бронзы и средневековья) // Донецкий археологический сборник. – Вып. 6. – Донецк: ДонГУ, 1996. – С. 109-152.

202. *Потапов В.В.* Раскопки курганов в зонах реконструкции и строительства магистральных газопроводов // Аксайские древности. – Ростов-на-Дону: Археологическое научно-исследовательское бюро, 2002. – С. 271-305.
203. *Потапов В.В.* Раскопки курганов на правом берегу р. Миус // Труды Археологического научно-исследовательского бюро. – Том 2. – Ростов-на-Дону: Археологическое научно-исследовательское бюро, 2005. – С. 78-95.
204. *Привалов А.И.* Типы погребений культуры многоваликовой керамики в Приазовье // ТДНК «Археологические исследования на Украине в 1978-1979 гг.». – Днепропетровск, 1980. – С. 72-73.
205. *Прищеп А.А., Кирман В.Г.* Реконструкция рельефа на фронте погребальной камеры в кургане Чатал-Оба // Донские археологические чтения «Донская археология в XX веке: становление, развитие, достижения». – Ростов-на-Дону, 2000. – С. 35-38.
206. *Пряхин А.Д.* Основные вехи в изучении абашевских древностей // ТДНК «Абашевская культурно-историческая общность». – Чебоксары, 2003. – С. 61-64.
207. *Пряхин А.Д.* Погребальные абашевские памятники. – Воронеж: ВГУ, 1977. – 168 с.
208. *Пряхин А.Д., Беседин В.И.* Типология керамики из Мосоловского поселения // Поселения срубной культуры. – Воронеж: ВГУ, 1989. – С. 106-124.
209. *Пряхин А.Д., Беседин В.И., Левых Г.А., Матвеев Ю.П.* Кондрашкинский курган. – Воронеж: ВГУ, 1989. – 20 с.
210. *Пустовалов С.Ж.* Багатокамерні поховання та деякі питання соціальної структури катакомбної спільності // Археологія. – 1990. – № 3. – С. 56-67.
211. *Пустовалов С.Ж.* Розкопки кургану «Бобушка» (к. 3 Чкаловська курганна група) // Культурологічні студії. – Вип. 2. – Київ, 1999. – С. 141-164.
212. *Пустовалов С.Ж.* Соціальний лад катакомбного суспільства Північного Причорномор'я. – Луганськ: Шлях, 2005. – 412 с.
213. *Раев Б.А.* Каталог археологических коллекций. – Новочеркасск, 1979. – 162 с.
214. *Разумов С.М.* Крем'яні вироби населення Надчорномор'я доби ранньої та середньої бронзи. – Автореф. канд. дис. – Київ, 2010. – 19 с.
215. *Разумов С.Н.* К изучению кремнеобработки КМК Подонцовья // ТДНК «Проблемы истории и археологии Украины». – Харьков, 1999. – С. 14-15.
216. *Рассамакин Ю.Я.* Уникальная находка модели носа из погребения ямной культуры в кургане на реке Молочной (Украина) // Tyragetia. – Vol. XI (XXVI). – № 1. – 2017. – P. 67-74.
217. *Рассамакин Ю.Я., Евдокимов Г.Л.* Курган у с. Томарино с погребением в расписном каменном ящике // Матеріали до дослідження з археології Східної України. – Вип. 10. – Луганськ: СЛУ, 2010. – С. 100-122.
218. *Ребедаило Г.П.* К относительной хронологии катакомбной культуры в Днепровском Правобережье // Древнейшие скотоводы степей юга Украины. – Киев: Наукова думка, 1987. – С. 74-82.

-
-
219. *Резепкин А.Д.* Курган 31 Могильника Клады. Проблемы генезиса и хронологии майкопской культуры // Древние культуры Прикубанья. – Ленинград: Наука, 1991. – С. 167-197.
220. *Ричков М.А.* Про зображення «ступнів ніг» на антропоморфних стелах доби раннього металу // Археологія. – 1982. – № 38. – С. 64-70.
221. *Рогудеев В.В.* Могильник Рясный в системе связей посткатакомбного времени // Труды Археологического научно-исследовательского бюро. – Том 1. – Ростов-на-Дону: Археологическое научно-исследовательское бюро, 2004. – С. – 187-198.
222. *Рогудеев В.В.* Новые находки костяных медальонов (пряжек) // Тезисы докладов XV Уральского археологического совещания. – Оренбург, 2001. – С. 107-109.
223. *Рогудеев В.В.* Элитарные погребения катакомбной культуры и проблема катакомбного наследия в срубной культуре // Археологические записки. – Вып. 1. – Ростов-на-Дону: ДАО, 2000. – С. 74-89.
224. *Рудинський М.Я.* Кам'яна могила. – Київ: АН УРСР, 1961. – 140 с.
225. *Рыбаков Б.А.* Язычество древних славян. – Москва: Наука, 1981. – 503 с.
226. *Рычков Н.А.* К вопросу об антропоморфных стелах рубежа энеолита и эпохи бронзы // Памятники древних культур Северного Причерноморья. – Киев: Наукова думка, 1979. – С. 14-20.
227. *Самойленко Л.Г.* Курганні поховання бронзового віку поблизу селища Голубовський Луганської області // Поховальний обряд давнього населення України. – Київ: КДУ, 1991. – С. 134-150.
228. *Самойленко Л.Г.* Курганы ямной культуры в бассейне р. Базавлук в Днепровском степном Правобережье. – Киев: Наукова думка, 1988. – С. 64-79.
229. *Санжаров С.Н.* Восточная Украина на рубеже эпох средней-поздней бронзы. – Луганск: ВНУ, 2010. – 488 с.
230. *Санжаров С.Н.* К вопросу о генезисе круглых пряжек эпохи бронзы // Материалы и исследования по археологии Восточной Украины. – Вып. 1. – Луганск: ВНУ, 2004. – С. 238-246.
231. *Санжаров С.Н.* Катакомбное погребение близ г. Северска // Советская археология. – 1983. – № 3. – С. 202-207.
232. *Санжаров С.Н.* Катакомбные культуры Северо-Восточного Приазовья. – Луганск: ВНУ, 2001. – 172 с.
233. *Санжаров С.Н.* Курганы у г. Краматорска на Казённом Торце // Древние культуры Подонцовья. – Луганск: ВУГУ, 1993. – С. 58-89.
234. *Санжаров С.Н.* Некоторые аспекты исследования катакомбных комплексов с моделировкой лица из Донецкого Приазовья // Научно-практический семинар «Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе». – Донецк, 1986. – С. 20-22.

235. *Санжаров С.Н.* Некоторые аспекты средневековой истории Донбасса и ставка хана Золотой Орды на Луганщине // Вестник Луганского национального университета им. В. Даля. – № 9 (15). – Луганск: ЛНУ, 2018. – С. 126-145.
236. *Санжаров С.Н.* О позднекатакомбных погребениях в ямах региона Северского Донца // Донские древности. – Вып. 3-4. – Ростов-на-Дону: РГУ, 2002. – С. 17-30.
237. *Санжаров С.Н.* О социальной структуре катакомбного общества Восточной Украины (эпоха средней бронзы) // Историчні записки. – Вип. 16. – Луганськ: СЛУ, 2007. – С. 149-160.
238. *Санжаров С.Н.* Об одной категории металлических изделий эпохи бронзы юга Восточной Европы // ТДНК «Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы». – Донецк, 1979. – С. 56-57.
239. *Санжаров С.Н.* Охра в изобразительной деятельности племен эпохи средней бронзы Донетчины // Советская археология. – 1989. – № 2. – С. 97-107.
240. *Санжаров С.Н.* Погребения донецкой катакомбной культуры с игральными костями // Советская археология. – 1988. – № 1. – С. 140-158.
241. *Санжаров С.Н.* Позднекатакомбный курган с финальными признаками погребального обряда в урочище Высокий Лес на реке Айдар // Матеріали та дослідження з археології Східної України. – Вип. 12. – Луганськ: СЛУ, 2013. – С. 138-152.
242. *Санжаров С.Н.* Проблемы финала катакомбного культурогенеза и керамический комплекс поселения Бабино III // Матеріали та дослідження з археології Східної України. – Вип. 12. – Луганськ: СЛУ, 2013. – С. 53-81.
243. *Санжаров С.Н.* Раннесрубные погребения Новониколаевского могильника на Северском Донце // Древние культуры Восточной Украины. – Луганск: ВУГУ, 1996. – С. 187-197.
244. *Санжаров С.Н.* Северскодонецкие раннекатакомбные погребения с орнаментированными бляхами. Каталог археологических коллекций. – Вып. 1. – Луганск: ВУГУ, 1992. – 55 с.
245. *Санжаров С.Н.* Стрелочные наборы инструментов и сырья из катакомбных погребений Украины. – Луганск: ВЛУ, 2008. – 88 с.
246. *Санжаров С.Н., Братченко С.Н.* Отчет о полевых исследованиях лаборатории «Спадщина» в 1998 году // НА ИА НАНУ, ф. э. 1998/28.
247. *Санжаров С.Н., Бритюк А.А.* Краснозоринский курганный могильник в бассейне Лугани // Древние культуры Восточной Украины. – Луганск: ВГУ, 1996. – С. 58-132.
248. *Санжаров С.Н., Бритюк А.А., Котова Н.С., Черных Е.А.* Поселения неолита-ранней бронзы Северского Донца. – Луганск: ВЛУ, 2000. – 128 с.
249. *Санжаров С.Н., Бровендер Ю.М., Евглевский А.В.* Курганный могильник у с. Октябрьское и результаты исследования кургана 1 // Древности Северского Донца. Каталог археологических коллекций. – Вып. 2. – Луганск: ВУГУ, 1992. – С. 20-26.
250. *Санжаров С.Н., Бровендер Ю.М., Прокопенко Е.А.* Исследование курганов 4 и 5

- у с. Октябрьское // Древности Северского Донца. Каталог археологических коллекций. – Вып. 2. – Луганск: ВУГУ, 1992. – С. 44-58.
251. Санжаров С.Н., Дубровский П.С., Рындыч А.С., Стадник А.И., Стадник О.В., Черных Е.А. Отчет об исследованиях кургана 1 из состава могильника у с. Шипиловка Попаснянского района Луганской области в 2013 г. // Научный архив Института археологии НАН Украины, ф.э. 2013/94.
252. Санжаров С.Н., Литвиненко Р.А., Черных Е.А., Прынь А.В. Неординарные курганы и погребения Шахтерского могильника и их место в системе древностей юга Восточной Европы // Материалы и исследования по археологии Восточной Украины. – Вып. 1. – Луганск: ВГУ, 2003. – С. 122-161.
253. Санжаров С.Н., Подобед В.А. Исследование кургана 3 у с. Октябрьское // Древности Северского Донца. Каталог археологических коллекций. – Вып. 2. – Луганск: ВУГУ, 1992. – С. 33-43.
254. Санжаров С.Н., Привалов А.И. О некоторых промежуточных формах погребальных сооружений финальнокатакомбного времени Восточной Украины // Материалы та дослідження з археології Східної України. – Вып. 5. – Луганськ: СГУ, 2006. – С. 188-192.
255. Санжаров С.Н., Черных Е.А. Курганы в верховьях реки Жеребец у с. Райгородка // Донецкий археологический сборник. – № 15. – Донецк: ДГУ, 2011. – С. 117-132.
256. Санжаров С.Н., Черных Е.А., Леоненко Ю.А. Исследование Лисичанского курганного могильника // ТДНК «Археологические открытия на востоке Украины в 2007 г.». – Луганськ: СГУ, 2007. – С. 18-21.
257. Сафронов В.А. Классификация и датировка памятников бронзового века Северного Кавказа // Вопросы охраны, классификации и использования археологических памятников. – Вып. 5. – Москва, 1974. – С. 23-173.
258. Синюк А.Т. Бронзовый век бассейна Дона. – Воронеж: ВГПУ, 1996. – 350 с.
259. Смирнов А.М. Еще раз о происхождении раннекатакомбных памятников // ТДНК «Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР». – Киев, 1981. – С. 35-36.
260. Смирнов А.М. Изображения посохов на антропоморфных изваяниях эпохи энеолита в Северном Причерноморье и Средиземноморье. Аналогии, интерпретации // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. – Москва: Институт археологии РАН, 2004. – С. 65-92.
261. Смирнов А.М. Катакомбные культуры в бассейне Северского Донца. – Автореф. канд. дис. – Ленинград, 1987. – 24 с.
262. Смирнов А.М. Погребения катакомбной культуры бассейна Северского Донца // ТДНК «Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы». – Донецк, 1979. – С. 51-52.
263. Смирнов А.М. Сюжет «Загон для скота и животные» на энеолитических стелах Причерноморья // Stratum plus. – 2000. – № 2. – С. 571-583.

264. *Стеганцев М.А.* Модель образования кургана и некоторые ее применения // Матеріали та дослідження з археології Східної України. – Вип. 12. – Луганськ: СНУ, 2013. – С. 4-52.
265. *Стеганцева В.Я.* Еще раз о сходстве погребальных обрядов эпохи ранней бронзы в Восточном Приазовье и на Западном Кавказе // Записки Института истории материальной культуры Российской академии наук. – № 5. – Санкт-Петербург: РАН, 2010. – С. 123-135.
266. *Стеганцева В.Я.* Изображения на стенах погребальных сооружений раннекаменного времени // Материалы Международной конференции «Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве». – Санкт-Петербург: РАН, 2019. – С. 151-152.
267. *Степанов М.В.* Лисичанский идол: бог сиятельного неба или хтоническое чудовище? // Матеріали та дослідження з археології Східної України. – Вип. 12. – Луганськ: СНУ, 2013. – С. 82-127.
268. *Супрун А.В.* Случайные находки из коллекции Беловодского краеведческого музея // Древности Северского Донца. – Луганск: Шлях, 1999. – С. 76-78.
269. *Супруненко Б.А.* Антропоморфная стела эпохи раннего металла из Полтавской области // Советская археология. – 1991. – № 3. – С. 153-160.
270. *Тавадзе Ф.Н., Барская В.Ф.* Из истории обработки металлов давлением по археологическим материалам Грузии // Советская археология. – 1954. - № XX. – С. 357-381.
271. *Телегін Д.Я.* Енеолітичні стели і пам'ятки нижнього михайлівського типу // Археологія. – 1971. – № 4. – С. 3-17.
272. *Титова Е.Н.* Об интерпретации и хронологии композиций со ступнями из Каменной Могилы // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. – Киев: Наукова думка, 1982. – С. 5-15.
273. *Тощев Г.Н.* Крым в эпоху бронзы. – Запорожье: ЗНУ, 2007. – 304 с.
274. *Трифонов В.А.* Степное Прикубанье в эпоху энеолита-средней бронзы (периодизация) // Древние культуры Прикубанья. – Ленинград: Наука, 1991. – С. 92-166.
275. *Усачук А.Н., Полидович Ю.Б., Колесник А.В.* Курганы Донбасса в народном восприятии и научной практике (до начала XX века): мифы и реальность // Археологический альманах. – № 14. – Донецк: Лебедь, 2004. – С. 13-55.
276. *Файферт А.В.* Изменения позднеямной обрядности на Нижнем Дону // Феномены культур раннего бронзового века степной и лесостепной полосы Евразии: пути культурного взаимодействия в V-III тыс. до н.э.. – Оренбург: ОГПУ, 2019. – С. 150-154.
277. *Фёдорова-Давыдова Э.А., Горбенко А.А.* Раскопки Шахаевской курганной группы в 1971 году // Археологические памятники Нижнего Подонья. – Вип. 2. – Москва: Наука, 1974. – С. 81-136.
278. *Фещенко Е.Л.* Захоронения во входных шахтах как элемент погребальной обряд-

- ности катакомбной культуры // Проблемы археологии Поднiпров'я. – Днiпропетровськ: ДНУ, 2012. – С. 32-40.
- 279.** *Фещенко Є.Л.* Антропоморфні стели в похованнях катакомбної культури України // Вісник Днiпропетровського університету. – Вип. 22. – Днiпропетровськ: ДНУ, 2014. – С. 196-202.
- 280.** *Фисенко В.А.* Погребения ямно-катакомбного типа Калмыкии и их место среди памятников бронзовой эпохи Северо-Западного Прикаспия // Советская археология. – 1970. – № 1. – С. 58-66.
- 281.** *Фисенко В.А.* Учебное пособие по курсу истории СССР. – Саратов: СГУ, 1966. – 42 с.
- 282.** *Фисуненко О.П., Жадан В.И.* Природа Луганской области. – Луганск: ЛГПИ, 1994. – 234 с.
- 283.** *Формозов А.А.* О древнейших антропоморфных стелах Северного Причерноморья // Советская этнография. – 1965. – № 6. – С. 177-181.
- 284.** *Формозов А.А.* Памятники первобытного искусства на территории СССР. – Москва: Наука, 1966. – 127 с.
- 285.** *Хачатрян Т.С.* Материальная культура древнего Арктика. – Ереван: АН АССР, 1963. – 220 с.
- 286.** *Цимиданов В.В.* Длинные курганы Донетчины // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий. – Донецк: Східний видавничий дім, 2000. – С. 19-21.
- 287.** *Цыбрий А.В., Кияшко В.Я.* Новое антропоморфное изваяние эпохи ранней бронзы // Археологические записки. – Вып. 7. – Ростов-на-Дону: ДАО, 2011. – С. 77-80.
- 288.** *Чекменев Ю.А.* Об использовании огня в погребальном ритуале населения Среднего Дона в катакомбное время // ТДНК «Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы Восточноевропейской степи и лесостепи». – Вып. 2. – Воронеж: ВГУ, 1996. – С. 18-19.
- 289.** *Черних Є.О., Теліженко С.А.* Матеріали пізнього мезоліту-ранньої бронзи поселення Заозерне 1 на Сiверському Дiнці // Матеріали та дослідження з археології Східної України. – Вип. 11. – Луганськ: СНУ, 2011. – С. 18-79.
- 290.** *Черных Е.А.* Керамика из нижних горизонтов поселения Круглое в Подонцовье // Материалы и исследования по археологии Восточной Украины. – Вып. 1. – Луганск: ВНУ им. В. Даля, 2003. – С. 98-112.
- 291.** *Черных Е.А.* Позднеямные погребения стратифицированного кургана у г. Зимогорье на р. Лугани // Матеріали та дослідження з археології Східної України. – Вип. 2. – Луганськ: СНУ, 2004. – С. 222-235.
- 292.** *Черных Е.А., Санжаров С.Н.* Исследование раннекатакомбного кургана в п. Березово (г. Лисичанск) // ТДНК «Археологічні відкриття на сході України в 2008 р.». – Луганськ: СНУ, 2008. – С. 13-16.
- 293.** *Черных Е.А., Санжаров С.Н.* Раннекатакомбный курган из п. Березово (г. Лисичанск) на Северском Донце // Матеріали та дослідження з археології Східної України. – Вип. 10. – Луганськ: СНУ, 2010. – С. 123-141.

294. Черных Е.А., Санжаров С.Н., Рындыч А.С., Дубровский П.С. Исследование курганов у пос. Шкляр на Северском Донце // Матеріали та дослідження з археології Східної України. – Вип. 12. – Луганськ: СНУ, 2013. – С. 153-177.
295. Черных Е.А., Санжаров С.Н., Стадник О.В., Прынть А.В., Бритюк А.А. Итоги исследования курганов близ г. Лисичанска в 2010 г. // ТДНК «Археологічні відкриття на сході України в 2010 р.». – Луганськ: СНУ, 2010. – С. 15-21.
296. Черных Л.А. Бронзовые ножи из памятников катакомбной КИО Украины (классификация по выборке предметов – предварительные итоги) // Матеріали VIII-го міжнародного Картамиського польового археологічного семінару «Проблеми гірничої археології». – Алчевськ: ДДУ, 2011. – С. 23-79.
297. Черных Л.А. Бронзовые ножи из памятников ямной КИО Украины (классификация по выборке предметов – предварительные итоги) // Матеріали VII-го міжнародного Картамиського польового археологічного семінару «Проблеми гірничої археології». – Алчевськ: ДДУ, 2009. – С. 43-77.
298. Черных Л.А. К вопросу о происхождении кованых слабовыпуклых блях в комплексах ранней бронзы Украины // ТДНК «Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы Восточноевропейской степи и лесостепи». – Вип. 2. – Воронеж: ВГУ, 1996. – С. 31-36.
299. Черняков И.Т., Никитин В.И. Металлические украшения с пуансонным орнаментом ямной и катакомбной культур // Советская археология. – 1988. – № 4. – С. – 26-36.
300. Чеченов И.М. Богатые захоронения в кургане раннебронзового века у сел Кишпек в Кабардино-Балкарии // Северный Кавказ в древности и в средние века. – Москва: Наука, 1980. – С. 15-33.
301. Чеченов И.М. Вторые курганные группы у селений Кишпек и Чегем II // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. – Нальчик: Эльбрус, 1984. – С. 164-253.
302. Чеченов И.М. Нальчикская подкурганная гробница (III тыс. до н. э.). – Нальчик: Эльбрус, 1973. – 68 с.
303. Чивилев В.А. Сосуд из кургана донской лесостепной срубной культуры у с. Крутогорье Липецкой области // Археологические памятники Восточной Европы. – Воронеж: ВГПУ, 2002. – С. 109-112.
304. Чмыхов Н.А. О времени появления катакомбного погребального обряда на Украине // ТДНК «Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности». – Запорожье, 1990. – С. 101-103.
305. Шапошникова О.Г. Катакомбная культурно-историческая область // Origini. – V.III. – Roma, 1969. – P. 85-118.
306. Шапошникова О.Г., Бочкарев В.С., Корпусова В.Н. Курганные группы у с. Привольное // Археологические памятники Поингуля. – Киев: Наукова думка, 1980. – С. 17-70.
307. Шапошникова О.Г., Фоменко В.Н., Балушкин А.М. Курганные группы близ с. Старого-

- рожена // Древности Поингуля. – Киев: Наукова думка, 1977. – С. 99-145.
- 308.** Шапошникова О.Г., Фоменко В.Н., Довженко Н.Д. Ямная культурно-историческая область (Южнобугский вариант) // Свод археологических источников. – Выпуск В1- 3. – Киев: Наукова думка, 1986. – 160 с.
- 309.** Шарафутдинова Э.С. Новые материалы по эпохе энеолита и бронзы в степном Прикубанье // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. – 1983. – № 176. – С. 15-23.
- 310.** Шарафутдинова Э.С. Погребения культуры многоваликовой керамики на Нижнем Дону (вопросы генезиса и периодизации) // Памятники бронзового и раннего железного веков Поднепровья. – Днепропетровск: ДГУ, 1987. – С. 27-47.
- 311.** Шаталин Ю.А. К вопросу классификации погребений катакомбной культуры Нижнего Поднепровья // ТДНК «Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы». – Донецк, 1979. – С. 46-47.
- 312.** Шаталин Ю.А. Отчет о раскопках курганов в регионе леса «Высокого» г. Лисичанска в 1973 г. // Архив Лисичанского краеведческого музея.
- 313.** Шевченко А.В. Антропология населения южно-русских степей в эпоху бронзы // Антропология современного и древнего населения Европейской части СССР. – Ленинград: Наука, 1986. – С. 121-215.
- 314.** Шепель Е.А. Население бассейна Северского Донца в эпоху энеолита-бронзы по антропологическим данным. – Автореф. канд. дис. – Киев, 1985. – 18 с.
- 315.** Шилов В.П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. – Ленинград: Наука, 1975. – 219 с.
- 316.** Шишлина Н.И. Заметки о характере скотоводческого хозяйства в современной республике Калмыкия // Степь и Кавказ. – Труды Государственного Исторического музея. – Вып. 97. – Москва: ГИМ, 1997. – С. 106-109.
- 317.** Шишлина Н.И. Погребение эпохи бронзы с глиняной маской из Калмыкии // Советская археология. – 1989. – № 3. – С. 231-236.
- 318.** Шишлина Н.И. Погребения ямной культуры с каменными кольцевыми обкладками в Подонье // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – Том 16. – Самара, 2014. – С. 285-290.
- 319.** Шишлина Н.И. Потенциальный сезонно-хозяйственный цикл носителей катакомбной культуры Северо-Западного Прикаспия: проблема реконструкции // Сезонный экономический цикл населения Северо-Западного Прикаспия в бронзовом веке. – Труды ГИМ. – Вып. 120. – Москва: ГИМ, 2000. – С. 54-71.
- 320.** Шишлина Н.И. Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V-III тысячелетие до н.э.). – Труды Государственного Исторического музея. – Вып. 165. – Москва: ГИМ, 2007. – 400 с.
- 321.** Шишлина Н.И. Чограйский ямно-катакомбный могильник // ТДНК «Организация археологических экспедиций с участием школьников». – Донецк, 1988. – С. 26-27.

-
-
- 322.** *Шишлина Н.И., Пахомов М.М.* Определение сезона погребений могильников Му-Шарет в Калмыкии (по результатам палинологического анализа) // Могильники Му-Шарет в Калмыкии: комплексное исследование. – Москва-Элиста: ГИМ, 2001. – С. 116-119.
- 323.** *Щепинский А.А.* Соляные изображения эпохи бронзы из Крыма // Советская археология. – 1961. – № 2. – С. 227-231.
- 324.** *Яровой Е.В.* Древнейшие монументальные изображения Днестровско-Прутского междуречья // Памятники древнего искусства на территории Молдавии. – Кишинев: «Штиинца», 1989. – С. 47-62.
- 325.** *Яценко В.В.* Раскопки кургана 9 могильника Бессергеновский III // Труды Археологического научно-исследовательского бюро. – Том 2. – Ростов-на-Дону: Археологическое научно-исследовательское бюро, 2005. – С. 108-128.

ПЕРЕЧЕНЬ УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- АН – Академия наук
ВГУ – Воронежский государственный университет
ВНУ – Восточноукраинский национальный университет
ВУГУ – Восточноукраинский государственный университет
ГИМ – Государственный Исторический музей, Москва
ДАО – Донское археологическое общество
ДГУ – Днепропетровский государственный университет
ДДУ – Донбаський державний університет
ДНУ – Донецкий национальный университет
ДНУ – Днепропетровский национальный университет
ЗГУ – Запорожский государственный университет
ЗНУ – Запорожский национальный университет
КГУ – Киевский государственный университет
ЛГПИ – Луганский государственный педагогический институт
ЛГУ – Ленинградский государственный университет
МГІ – Маріупольській гуманітарний інститут
МГОУ – Московский государственный областной университет
НАИА – Научный архив Института археологии, Киев
НАН – Национальная академия наук, Киев
РАМУС – Республиканская ассоциация молодых учёных и сотрудников, Киев
РГУ – Ростовский государственный университет
СОГУ – Северо-Осетинский государственный университет
СГУ – Саратовский государственный университет
СНУ – Східноукраїнський національний університет
ТДНК – Тезисы докладов научной конференции
ХГУ – Харьковский государственный университет
ЮФУ – Южный Федеральный университет

Научное издание

САНЖАРОВ Сергей Николаевич
ЧЕРНЫХ Евгений Александрович

**КУРГАННЫЕ ДРЕВНОСТИ ЭПОХИ БРОНЗЫ
ПРИВОЛЬНЯНСКОЙ ИЗЛУЧИНЫ
СЕВЕРСКОГО ДОНЦА**

Редактор	Л.В. Бугокова
Компьютерная верстка	Ю.А. Гаврюшенко
Дизайн обложки	Ю.А. Гаврюшенко

Подписано в печать 11.01.2021.
Формат 60x84/8. Бумага мелованная. Гарнитура PT Sans.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 32,08. Уч.-изд. л. 25,5.
Тираж 80 экз. Изд. №01163. Заказ Л44.

Издательство Луганского государственного университета имени Владимира Даля
Свидетельство о регистрации серия МИ-СГР ИД 00003 от 20.11.2015 г.
Адрес издательства: 91034, м. Луганск, кв. Молодежный, 20а
Телефон: +38 (072) 138-34-80 E-mail: izdat.lguv.dal@gmail.com http: www. dahluniver.ru

Издатель Е.А. Черных: E-mail: che14061977@yandex.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «Пресс-экспресс», 91034, г. Луганск, ул. Ватутина, 89а. Тел.: (0642) 50-08-43.

ISBN 978-5-600-02873-9

